

к 83.39(4ч8)6-8
Р60
к-56780

Виталий
РОДИОНОВ

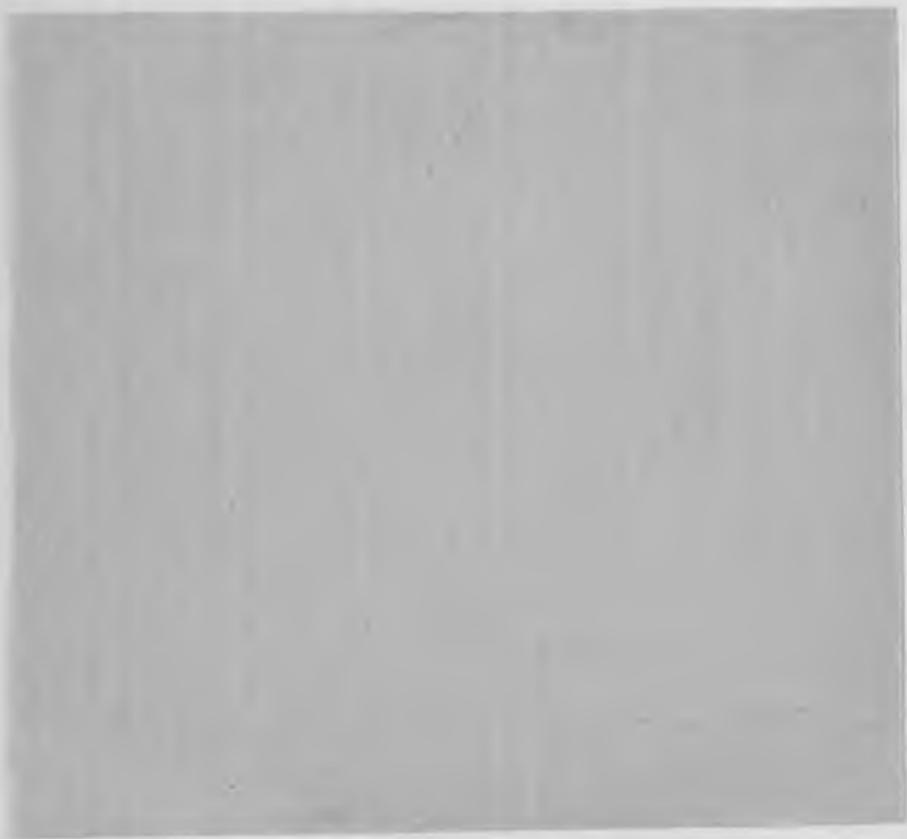
СЕСПЕЛЬ – ЦВЕТOK ЗЕМЛИ И НЕБА

Национальная библиотека ЧР

к-056780

К 83.89(Чув)6-8
Р 60

Виталий РОДИОНОВ

СЕСПЕЛЬ – ЦВЕТОК ЗЕМЛИ И НЕБА

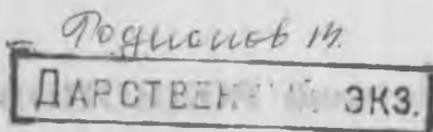
**(О жизни и творчестве великого чувашского
поэта Михаила Сеспеля)**

КР

Чебоксары
“Новое Время”
2009

83.3(2Рос Чув)Б-8 Сеспель М.
83.39(Чув)Б-8 Сеспель М.

УДК 821.512.111.0
ББК 83.3(2Рос=Чув)
Р 60

Р 60 **Родионов Виталий. Сеспель — цветок Земли и Неба:**
Монографическое издание. — Чебоксары: «Новое Время»,
2009. — 384 с.

Данная книга — о трагической судьбе человека «с могучим сердцем» из рода мага-исцелителя, впоследствии ставшим выдающимся поэтом, Пророком и Страдальцем чувашского народа — Михаила Кузьмича Сеспеля (1899—1922).

В книге использованы воспоминания о поэте, а также архивные документы различного характера. Анализированы как отдельные произведения М.Сеспеля, так и всё его творчество в целом. Своеобразие поэта выявляется в контексте традиционных устоев быта и культуры чувашского народа, творчества его предшественников и современников.

Проверено 17 мая 2017

к-56780

© Родионов В.Г. 2009.

О КНИГЕ

В культурно-радужном пространстве народов нашей планеты существует своеобразный духовный мир, называемый СЕС-ПЕЛИАДОЙ. Как ёмко и удачно определила значение данного слова Наталья Рубис, «Сеспелиада – это сказание о Сеспеле и стране Сеспеля. И преданность Ему. И Он САМ – ЕГО ЖИЗНЬ в веках».

Данную книгу образно можно сравнивать с тропой, ведущей в эту до сих пор ещё неразгаданную страну. Книга не состоялась бы, не будь воспоминаний брата поэта Гурия Кузьмича Кузьмина и друзей поэта юности тетюшского периода Павла Иосифовича Бекшанского, Зинаиды Петровны Сусмет, Якова Андреевича Андреева и др.

Эта книга была бы неполной без воспоминаний украинских друзей М.Сеспеля: Фёдора Николаевича Пакрышня и Наталии Николаевны Рубис, без чудом сохранившихся писем Кирилла Ионовича Тургана.

Страну Сеспеля для народа открывали истинные его подвижники, которые по крупичкам собирали разбросанные по всему СССР рукописи стихотворений и писем, свято хранили их до наступления лучших времён – это прежде всего Евдокия Фёдоровна Пенская, хозяйка квартиры Ф.Пакрышня; Василий Михайлович Усли, Семён Васильевич Эльгер, Андрей Григорьевич Григорьев, А.И.Емельянова и др.

В Сеспелиаду ведут нас, многоязычных читателей, чувашские переводчики П.Хузангай, А.Дмитриев, А.Смолин; украинские поэты П.Тычина, М.Рыльский, М.Бажан, О.Гончар, О.Новицкий, Б.Стеланюк; татарские поэты К.Латыпов, З.Нури, М.Аглям, Н.Арсланов; марийские поэты М.Майн и В.Колумб; башкиры С.Алибаев и А.Ахметкужин и др.

Следует почитать памятью издателей произведений и составителей книг М.Сеспеля: Никифора Тарасовича Вазянка, Николая Фёдоровича Данилова, Якова Гавриловича Ухсяя, в знак восхищения поклониться ныне здравствующему Геннадию Фёдоровичу Юмарту, верному сеспелеведу-текстологу.

Огромный вклад в сеспелеведение внесли исследователи М.Сироткин и П.Чичканов, В.Долгов, Г.Хлебников и др. Органической частью Сеспелиады стали романы о М.Сеспеле Ю.Збанацкого, П.Чичканова, К.Петрова, сотни стихотворений и поэм, посвящённых великому поэту, художественные полотна А.Миттова, Р.Фёдорова, П.Кипарисова, Праски Витти, творения других деятелей чувашской культуры и искусства.

Сеспелиада стала родной для многих любителей поэзии и организаторов-участников всяческих мероприятий, посвящённых великому поэту. Неутомимая литературно-поисковая деятельность членов университетского литобъединения «Сил сунат» (Ветрокрылый), особенно в бытность его руководителем В.П.Станьялом, дружбы студентов с верными друзьями юности нашего поэта – всё это обогащало и продолжает обогащать удивительную страну Сеспеля.

О великом поэте писать сухим научным языком не только не позволительно, но и невозможно. Но при этом должна оставаться историческая достоверность, строгая выверенность фактов и наименьшая субъективность в выводах. Но, как показывают исследования великого учёного Л.Н.Гумилёва, не следует особо привязываться к отдельным фактам, за которыми совершенно ничего не видно. В мире творчества обычно к частному приходят от общего, а не наоборот. Учитывая данную особенность страны Сеспеля, автор книги отказался от постоянных ссылок на источники и документы. В части библиографии поэта преобладает художественно-публицистическое повествование, а в части творчества – научный анализ произведений с выводом на культурно-пространственный и художественно-временной контексты.

Итак, в добрый путь, друзья!

ГЛАВА I. ПРЕДКИ ПОЭТА. ШИХАЗАНСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

За любым именем кроется судьба и философия жизни его хозяина. Осознанно принятый псевдоним в большинстве случаев определяет сущность и цели его принимаемого. Поэтому для нас весьма интересно рассмотрение псевдонима главного героя нашей книги — Михаила Кузьмича Кузьмина, а по вымышленной фамилии — Сеспеля (Ҫеҫпӗл Мишши).

Начну с того, что перевод данного псевдонима на русский язык (подснежник) никем и никогда не подвергался сомнению. Однако весь материал, сохранившийся в архивах и старых словарях, противоречит такому объяснению. Например, в томе XII «Словаря чувашского языка» Н.И.Ашмарина слово *Ҫеҫпӗл* объясняется так: «Название растения, медуница. *Ст. Чек. ҫеҫпӗл*, синий цвет [ок]; расцветает рано весною, иногда ещё не сходит снег. *Чув. пр. о пог. 432*. Вӑрманта ҫеҫпӗл пит нумай пулсан, вӑл кӑвак-хӗрлӗллӗ ҫитӗнсен, ҫав ҫул хура тулӑ аван пулать. Если весною в лесу очень много травы «подлесника» и цвет её дойдёт до голубо-красного (в это время она бывает в полном цвету), в этот год греча бывает хорошая» (с. 93).

По тексту можно понять, что речь здесь идёт только о медунице: она меняет свой первоначальный розово-фиолетовый цвет (кӑвак-хӗрлӗ) на синий (кӑвак) после опыления. Там же имеется следующее объяснение: «*Ҫеҫпӗл* появляется после колокольчика, цветы с голубыми мелкими лепестками».

В д. Ср. Юмаши Урмарского р-на ЧР *ҫеҫпӗл* это верхняя часть травы с красно-розовыми цветами, а её корнеплоды съедобны и они называются *уй паранки* (полевая картошка). В с. Орауши Вурнарского р-на ЧР данным словом обозначают сныть и из этой травы варят суп. Как известно, листья медуницы, как и его корнеплоды, весьма съедобны. На родине народного поэта Чувашии С.Эльгера, по его записям, *ҫеҫпӗл* имеет цветы красно-синего цвета (хӗрлӗ-кӑвак сӑнлӑскер), т.е. это несомненно медуница.

На родине И.Юркина медуница называется *ҫеҫпӗл*, а в горномарийском языке — *цайштыль*. География распространения данного слова в значении «медуница» охватывает всю Чувашию и сопредельные ей территории. Поэтому без сомнения можно утверждать, что чувашское слово *ҫеҫпӗл* является названием растения медуница, а не подснежника, как обычно переводили его в советское время. А медуница выделяется из мира растений не своей раннестью и трудностью роста (именно на трудность появления подснежника обращали своё внимание литературоведы-марксисты,

это позволяло им сравнивать дореволюционный период холодной и снежной зимой, а советский — весной), но полезностью людям и пчёлам, а также своей способностью изменять окраску лепестков от розово-фиолетового до сине-голубого. Ведь и этимологию слова *сешпёл* объясняют как словосочетание *сешке* (цветок) и *пыл* (мёд): *сешке пылэ > сешкешпёл > сешпёл*. В такой окончательной форме и содержании оно проникло в язык горных марийцев.

Данное многосодержательное слово вобрало в себя ряд национальных символов, некоторые из которых осмелюсь изложить ниже.

Сеспель — это растение, которое пробуждается прежде всего в чреве Матери-Земли (Сёр Ама). Согретая солнцем земля питает его корни своим живительным соком и начинается вечное движение в сторону Отца-Неба.

Сеспель — это цветок, который появляется в период сильнейшего влияния Космоса на Землю, во время пробуждения Природы от зимней спячки. Энергия солнца через его лучи переходит в листья, а последние в результате такого соединения (фотосинтеза) зазеленеют.

Сеспель — растение, прежде всего обитатель широколиственных и смешанных лесов, которые во времена светопреставлений (суй) спасали степных предков-земледельцев чувашей от стрел и мечей их более сильных врагов.

Сеспель — символ чувашской выносливости и выживаемости, ибо и медуница, и сныть (серте) являлись весенней витаминной едой лесных чувашей, без которых они непременно вымерли бы. Эти травы веками спасали народ от голода и многих болезней (цинги, чахотки, воспаления лёгких и др.) Клубнями медуницы чуваша питались в годы великих голодов и, благодаря им, спасались от неминуемой смерти.

Цветок Сеспель — символ динамичной и изменяющейся красоты, развивающееся творение Земли и Неба, вобравшее в себя лучшие качества обоих родителей, в том числе и их традиционные окраски (цвет лепестков медуницы, напоминая, последовательно меняется от розово-красного до бледно-фиолетового и синего). Изменение окраски лепестков медуницы после её опыления чем-то напоминает восход солнца, где красоту творит движение (не в этом ли заключается наличие у поэта тяги к обозрению восходящего солнца?).

Сеспель — это и символ любви: листья медуницы так похожи на сердца влюблённых пар, а первоначальный розовый цвет его лепестков вызывает самые глубокие интимные чувства.

Сеспель — имя младшего сына Ухилле, главного героя сказа М.Сеспеля «Върман ачисем» (Дети леса, 1918). Он — певец-

импровизатор, исполнитель эпической песни о великом предке Адыл-батыре (Атӑл паттӑр), о его легендарных боевых походах, славной смерти и пышных похоронах («В золотом гробу // Да на дне морском»). Сеспель — символ неиссякаемого музыкально-поэтического творчества народа и его героического прошлого.

Сеспель — псевдоним, а потом (в киевский период) и официальная фамилия великого чувашского поэта, воспевавшего космически-духовную и телесно-земную жизни как символов мужского и женского начал; гордившегося богатой историей близких и дальних предков, вплоть до предводителя великих гуннов Атиллы; глубоко переживавшего за настоящее и будущее родного ему народа, его огнеподобного языка; умевшего безответно любить, безжалостно страдать и самоотречься; тонко изображать увиденное и творить динамичную красоту. Это и есть наш Сеспель — Великий Патриот, Великий Творец и Великий Страдалец. Он, как и его любимый цветок, является творением чувашской Матери-Землицы и Вселенского Космоса-Отца.

ДЕТИ ПОЛЕЙ И ЛЕСОВ

В чувашском миропонимании концепт *вӑрман* «лес» имеет двоякое объяснение. С одной стороны, это чужая, некультурная людьми территория, в которой обитают духи, появившиеся из несчастно умерших душ (*арсури*). С другой стороны, лес — это кормилица чувашского крестьянина: он и кормит, и обувает, и согревает, и любовь ко многим ремеслам по дереву прививает... А в устном поэтическом творчестве лес выступает как прообраз народа. Свою одну легенду К. Иванов назвал «Думой старого леса», в которой он намеревался рассказать о жизни чувашского царя.

В чувашской традиционной жизни священное дерево (обычно старый дуб) управлял людским миром: наказывал за несоблюдение обычаев предков, помиловал щедрых умиловителей и т.д. Вспомним, кстати, начало рассказа М.Сеспеля «Вӑрман ачисем» (Дети леса, 1918): «Кругом дремучий лес. Ревет и воет ветер. На холме у опушки леса зловеще скрипит старый дуб; у подножия холма, вдоль речки, рассыпаны жалкие лачуги. Жилье деда Ухилле обнесено высоким тыном; посреди двора стоит изба по-чёрному с маленькими оконцами.

Когда старый, седой Ухилле выходит из дому, он всегда с тревогой поглядывает на дуб и думает вслух: «Эх и времена пошли! Забывают люди обычаи дедов. А бывало, каждое новолуние толпой собирались у старого дуба, теперь же за год — всего раз-

два, да и то кое-как. Да, забыли тебя, великий Киреметь, забыли!» Так ходит и бормочет себе в бороду старый Ухилле...» (Перевод Н.Данилова).

Детьми леса чуваша-земледельцы стали не по своей воле. «Издревле жил чуваш в угнетении, — напоминает М.Сеспель в статье «Чăваш сăмахĕ» (Чувашское слово, 1920). — Каких страданий, каких мук он не вынес, защищая свой язык. Склонив голову, нахлобучив шапку, среди других народов он сидел безмолвно. Боясь глумлений, он говорил шепотом. Прижимали, давили и разогнали народ по земле. Разбрелись чуваша и скрылись в лесах дремучих» (Перевод Н.Данилова).

Дети леса из одноимённого рассказа поэта родились и выросли в этом родном лесу. Знают они его на пятьдесят верст в окрест, как свой двор. Но лесные обитатели боязливы, они замкнуты в своем пространстве и не приспособлены к выживанию в других этнотерриториях.

Свой рассказ «Дети леса» молодой писатель-семинарист написал под сильным впечатлением исторического очерка Эндри Турхана «Чăваш историйĕ» (История чувашского народа, 1917). В этом историко-публицистическом произведении после описания завоевания Волжской Булгарии монголами (в очерке, как и в народе, они названы татарами) имеется следующее лирическое отступление автора: «Многие дремучие леса болгарской земли служили укрытием от врагов. Эти дремучие леса, особенно сурские, расположенные от Волги к западу, укрывали густыми ветвями деревьев несчастных и бедных чувашей. При появлении татар они эхом извещали о приближении беды. Хлопая листьями и своим тихим лепетом они убаюкивали татар и обманывали их, что нет здесь чувашей. Только после ухода татар соловьи дремучих лесов успокаивали чувашей с мышинным сердцем своей трелью и призывали их братья за труд без опаски.

Спасибо тебе, дремучий мой лес!

Если бы на белом свете не было тебя, если бы ты не спасал моих прадедов от врагов, укрывая их своими ветвями, то и я, современный чуваш, не смог бы увидеть благоухающих дней светлого мира, не смог бы ходить гордо, называться именем чуваша... Спасибо тебе!» (Перевод здесь и далее, без особо оговоренных, мой. — В.Р.)

М.Сеспель прекрасно знал и о героическом прошлом своего народа. Так, в рассказе «Дети леса» описан эпизод исполнения чувашами героической песни об Адыл-батыре: «Неожиданно лес зазвенел. Сылдар запел громкую песню:

Э-э-эй! Встарь, говорят,
Адыл-батыр жил... Э-э-эй!

И тут же дружно подхватили песню остальные:

Адыл-батыр был	Лик его — луна,
Славным молодцом.	Звезды глаз горят.
Добрый Киреметь	Волосы его —
Был ему отцом.	Молнии каскад.

Лес отозвался эхом. Всадники пели о боевых походах Адыл-батыра, о том, как выпалывал он на своем пути огромные дубы словно полынь.

Умер он в бою,
В схватке пал с врагом,
Похоронен он
В золотом гробу,
Да на дне морском.

Так заключили всадники песню, и эхо грустно откликнулось: «Да на дне морском...» (Перевод Н.Данилова).

О чувашских батырах, защитниках своего народа от чужеземцев, сохранились разнообразные предания. Вполне возможно, что сюжет об Адыл-батыре М.Сеспель услышал от своей матери. Она же родилась и выросла в одной из деревень с названием *Чуракасси* (Шивбось-Чурино), среди жителей которых бытовало аналогичное предание о Чура-батыре. В ней повествуется о том, как предводитель чувашей Чура-батыр погиб в бою с захватчиками и был похоронен всем народом. В рассказе автор изменил имя героя, тем самым на основе локального сюжета сложил общенародную героическую песню.

Итак, наш поэт знал как лесной этап жизни чувашей, так и степной, богатый героическими поступками смелых предков.

Далее хотелось бы выделить узловые моменты истории сложения этнотерритории средненизовых чувашей бассейна р. Малый Цивиль, к которой относится родная деревня М.Сеспеля. Следует заметить, что многие притоки данной реки имеют старомарийские названия. Очевидно, предки горных марийцев здесь обитали примерно до XIII — XIV вв., вернее, лесные массивы Присурья являлись их охотничьими угодьями. За р. Кубня простирались степные просторы, которые обрабатывались булгаро-чувашами. На границе сплошной лесополосы они имели укрепленное поселение, в науке известное как Тигашевское городище.

Настал 1236 г. Войска Батыя жестоко расправились с непокорными булгарами: до основания разрушили их столицу *Майн Пулер* (Великий Биляр), почти полностью истребили феодальную знать и воинское сословие. Оставшееся население вынужденно было спасаться в дремучих лесах, недоступных для кочевых захватчиков. В последующем мирная жизнь в закамской части и в степных районах правобережья Волги постепенно восстанавли-

ливаются. Землями булгаро-чувашей стали управлять монгольские наместники-баскаки и даруги, имевшие в своем распоряжении вооруженные силы.

Во второй половине XIV – начале XV вв., в результате разорительных экспедиций Аксак-Тимура (Тамерлана) и эмиров Орды, всё Среднее Поволжье ниже Камы пришло в запустение, превратилось в «дикое поле». Предки чувашей вынуждены были, оставив обжитые места, двинуться на север (в Приказанье и Заказанье), а также на северо-запад (в центральные и северные части современной Чувашской Республики). Население с территории современных Комсомольского, Батыревского, Шемуршинского районов Чувашской Республики ушло на бассейн р. Малый Цивиль по известной дороге *Хир сулё* «Дорога в дикое поле, степь». Запустела и территория *Хир нуçё* «Начало степи», «Предстепье» (она была расположена от с. Орауши и Норусово Вурнарского р-на до д. Шугурово (Сеспель) и Сугайкасы Канашского р-на Чувашской Республики). Наплыв беженцев как с юга (по бассейнам рек М. Цивиль и Б. Цивиль), так и с юга-востока (на территории современных Урмарского, Козловского, а частично и Марпосадского районов Чувашской Республики) заставил местное марийское население уйти в таёжное Заволжье. Там они имели большую возможность заниматься своими традиционными занятиями – бортничеством, охотничеством и рыболовством.

В межевой книге Свяжского уезда за 1565–1567 гг. *Хир нуçё* называлось землей «до перелог у дикого поля». Дорога из *Хир нуçё* в Дикое поле, называемая *Хир сулё*, пролегла через Кошлаушские и Янгличевские леса от современной д. Янгличи (Канашского р-на) в сторону д. Новое Чурашево, Вудоялы и Айбечи (Ибресинского р-на), далее мимо д. Асаново узкой полосой выходила на земли бывшей Кошелевской волости (ныне входят в Комсомольский р-н ЧР). Между *Хир нуçё* и *Хир* находились большие поляны, называемые *уй*: *Кушлавйш уйё* «Кошлаушское поле», *Камай уйё* «Камаево поле», *Мамай уйё* «Мамаево поле» (оно примерно охватывало Кошелевскую волость Цивильского уезда). В наиболее дальней от Дикого поля поляне, расположенной между речками М.Цивиль и Кошлаушка, в период Казанского ханства занимались земледелием полоняники из мордвы. На то, что территория *Хир нуçё* и все пространство в сторону *Хир* в те времена были небезопасными для проживания, указывает тот факт, то после падения Казани полоняники с радостью кинули весьма удобную для земледелия поляну.

Итак, дорога из *Хир* в *Хир нуçё*, а потом на север в сторону Цивильска и Богатырево (вокруг этих центров сплотились средненизовые чувашы бассейна р. Цивиль) была удобной для грабительских набегов ногайских нукеров. Первый удар принимало на

себя цивильское население. Южнее чувашского укрепленного поселения *Сёрну* (чувашское название г. Цивильска, дословно: «сотный князь»), по исследованиям Л.И. Иванова, на рубеже XIV–XV вв. почти не было населенных пунктов. Со временем на границах заселения начали строить укрепленные пункты, в результате чего средненизовые чуваша постепенно стали осваивать более южные районы, в том числе *Хир нуçё* и Кошлаушское поле. В этом плане весьма интересным является тот факт, что самая первая засечная черта, построенная в 50–60-е гг. XVI в. по р. Кубня, первоначально называлась Цивильской. Позднее территория данной засечной черты вошла в Цивильский уезд Казанской губернии.

Следует заметить, что любой чуваш предпочитал жить не в самом лесу, но рядом с ним (в лесостепи). Будучи земледельцем и скотоводом, лесные чащобы он превращал в окультуренные поля и нивы, овраги и балки – в полноводные пруды с рыбами. Лес для наших предков был спасителем народа и его вечным символом. Мы когда-то были детьми степей, но уже более семи веков являемся любимыми детьми смешанных лесов и священных дубрав. Наши взоры нежной любовью простираются по холмистым просторам правобережья Волги, где давным-давно жил легендарный Адыл-батыр и в нашей памяти остался как защитник всего народа.

Мы, как и М.Сеспель, – дети полей и лесов!

РОД УГИЛЯ ИЗ КАЗАККАСОВ

Хир нуçё дословно переводится, как уже было отмечено, «Начало степи», «Предстепье». Учитывая то обстоятельство, что ряд деревень этой этнотерритории называется со словом «Напольное», «Напольные», исследователь данного края и биографии М.Сеспеля Л.И.Иванов предлагает перевести данное словосочетание «Наполье». Если учесть, что русский вариант запечатлён в названии д. Напольное Сюрбеево, что расположена у начала *Хир*, то территория *Хир нуçё* значительно расширяется. Именно на Кубне начиналась граница Предстепья и она доходила до северных границ нынешнего Канашицкого и Вурнарского районов.

По преданию, вблизи современной деревни Малдыкасы в начале XVI в. существовала д. Кивсюрт (*Кивсурт*). К середине века она распалась: часть населения переселилась в Дикое поле и там основала одноимённое поселение, часть подселилась под гору в д. Оженары (Подгорные Сидели), а другая часть основала д. Шугурово. Деревни Ойбоси Шугурово (*Уйнуç Шёкёр*) и Казаккасы (*Касаккаси Шёкёр*), согласно списку 1859 г., являются околотками д. Большое Сиделево. По данным генерального меже-

вания 1796 г. материнской деревней Шугурова является Ойбоси. По записанным Л.И. Ивановым преданиям, последнее поселение основано служилым человеком Шугур (*Шёкёр*) и сыном брата Сиделя Лявани.

Художественно оформленным преданием возникновения деревень под названием *Шёкёр* сохранилось в воспоминаниях младшего брата М. Сеспеля Гурия Кузьмича. Вот какую историю рассказал им в детстве дед со стороны отца — *Хухлав Хёветёрё* — Федор Исаков (Исаев).

Когда-то лет 200 тому назад, скрываясь от татарского преследования, на современной территории деревни среди дремучих лесов поселился род, состоящий из 18 семейств. Главил ими старшина *Шёкёр*, поселился на просторной поляне, носившее название «Крапивная поляна», а 18 семей поселились на запад от усадьбы *Шёкёр* на расстоянии примерно километр и назвали свое поселение *Малти кас*, что значит «передняя полоса или гряда». Почему такое название дали деревне (это тоже интересовало Мишу), дед Хведер не мог объяснить. По представлениям нашего времени, постольку деревня расположена на западе от усадьбы, должны были назвать *Кайри кас* — «задняя полоса». Или язычники запад считали ведущим пространством, по принципу правой руки? Для такого предположения у детей были основания. В деревне Казаккасы одна семья через двор от них придерживалась многих языческих обрядов в проведении религиозных ритуалов. В дни поминовения усопших в этой семье поминальный стол, расставленный блинами, медом ставился под окошко (большое отверстие, вырезанное на западной стороне избы). Это окошко, обычно закрытое, открывалось, и вся семья, встав вокруг стола, просила покойников придти и попробовать угощение. Окошко это до конца дня оставалось открытым. Возникновение названия деревни так и осталось для Миши и Гурия невыясненным. С северной стороны деревни *Уйнуç* (Ойбоси) протекал лесной ручеек. Он вытекал из леса с восточной стороны деревни, направляясь на запад, а в двух километрах от деревни резко поворачивал на юг. Этот ручеек под названием *Вёрескер* был границей земли *Шёкёр*. С юга тоже из леса к этому ручью спускался другой, более мощный ручей.

Сын *Шёкёр* военную службу проходил, как полагает Г.Кузьмин, на территории немцев, где этот человек познакомился с девушкой немецкого происхождения, и они стали часто встречаться. Первоначальное знакомство перешло в дружбу, и служивый стал посещать дом немца. В последний год службы он сделал немке предложение; невеста, затем родители предложение приняли. Сын написал Шугуру письмо о своем намерении жениться на немке и просил благословения. Отец дал согласие на брак. Свадьба

состоялась. Невеста, очевидно, была богатой, так как когда кончился срок службы, и надо было возвращаться домой, для погрузки имущества невесты потребовалось нанять баржу: кроме живого и мёртвого инвентаря немка брала с собой 12 человек прислуги — все немцы. В то время водить баржи с богатством было опасно, так как они часто подвергались грабежу. Поэтому было нанято 30 казаков в качестве охраны сопровождения. *Шёкёр* встречал своего сына и гостей в Чебоксарах. После разгрузки баржи он пригласил казаков в гости. Те согласились. После трёхдневного гулянья хозяин предложил гостям поохотиться и обозреть его земли. У Шугура за эти три дня пребывания казаков появилось намерение пригласить эту ватагу к себе для охраны своих земель. Дело было в том, что по ту сторону ручья *Вёрескер* была расположена ничейная земля. В двух километрах от ручья на опушке вековой дубравы стояли войска, и возникло небольшое военное поселение. Теперь это село называется Чарпусь (от *Çар пуç* «голова войска»). Вот эти войска часто тревожили западные участки земли чувашей: то вырубали строевой лес в сосновом бору, то косили траву на лугу — необходимо было иметь охрану.

На предложение хозяина казаки ответили согласием. На другой день во главе с сыном хозяина была организована охота и вместе с тем обзор земель и их границ. Мероприятие прошло удачно: много побили зверя и птиц. Западная часть территории земли Шугура казакам очень понравилась.

За угощением после охоты *Шёкёр* спросил предводителя казаков:

— Ну как, места понравились вам?

— Места замечательные, — заявил казак. — Особенно западная часть. У основания луга, где ключ — вот с этого места вся ничейная земля как на ладони: весь запад просматривается.

— Вот как раз мне на этой границе нужна охрана. Там у меня сосновый бор требует особого надзора. Травят военные. Вы бы не согласились остаться своей дружиной и охранять мою западную границу?

— Мне-то очень нравится местность, — и согласия не дал, и не отказался казак. — Надо поговорить с командой.

На другой день один казак пришёл и сообщил *Шёкёр*, что соглашаются остаться только пять казаков, а остальные не хотят.

— Этого пожалуй маловато, — усомнился *Шёкёр*.

— Вначале мы вполне обеспечим впятером надёжную охрану, а потом видно будет. Если появится нужда в дополнительной охране, я смогу пригласить требуемое количество людей, желающих казаков с родины.

Шёкёр с этим якобы согласился, и пять казаков остались на жительство у них.

Такая трактовка событий у Миши вызвала сомнение, и он всё же пошёл к дяде Назарке и рассказал ему о том, что он услышал от деда. — «Это сообщение вызывает сомнение, — сообщил Миша. — Почему-то не верится, что согласились остаться только пять казаков». Правда, существует и другая версия предания: как будто бы сначала согласились остаться все тридцать, но года не прошло, как остальные двадцать пять человек покинули эту местность.

Старшина казаков и его брат поселились на месте деревни Казаккасы: старший обосновался в метрах 100 выше ключа, а младший левее ключа у основания оврага. Остальные три казака поселились в Малдыкасах среди шугуровцев. Здесь казаки оставили многочисленное племя. По данным дяди Назарки, к 1920 г. Малдыкасах было дворов 100 казацкого происхождения, а остальные 60-80 дворов — шугуровцы.

По сведениям деда Хведера, появились у казака два внука или правнука. Старшего звали *Ухил*, младшего *Эршуна*. Когда они обзавелись своими семьями, в составе семейства было 48 человек. Пора было разделиться. По обычаю в патриархальной семье старший сын оставался в родном доме, младший Эршуна и выделился. Поскольку скот был в общем пользовании, и поделили его поровну — по девять лошадей и восемнадцать голов рогатого скота и прочей живности на каждую семью. Угиль являлся родоначальником рода рассказчика предания и его любопытных внуков Михаила и Гурия. Эршуна считался родоначальником другого рода казацкого племени. В 1912 году в составе этого рода было 6 дворов, а в роде Угиль — 8 дворов.

У Угиля был один единственный сын Степан. Зато у Степана было два сына: Михаил и Ягур. У Михаила тоже было двое: Метри и Исак. У обоих последних было по три сына. Зато дед Миши и Гурия Хведер, старший сын Исака, вырастил пятерых сыновей, в том числе их отца Кузьму.

Постольку в порядке перечисления поколения рода промелькнуло имя Ягура и больше о нём ничего не было упомянуто, а Мишу, по-видимому, такие пустоты крепко интриговали, поэтому он спросил у деда:

— А с Ягуром что случилось, помер что ли?

Дедушка помедлил с ответом, как-то странно пожевал губами. Как будто они засалились у него, потом попросил пива. Когда Гурий ему подал налитый стакан пива, тот снова начал:

— Я вообще промахнулся, напомнив имя Ягура. Забыл советы деда и отца своего, среди своих никогда не упоминать имя Ягура. Поэтому ничего не хотел рассказывать вам так же, как никогда не рассказывал своим детям.

— Почему? — последовал вопрос.

— Потому, что тяжело вспоминать это жуткое происшествие — его повесили.

О-о-о! протяжно охнули дети и их лица вытянулись. Они оба стали приставать к деду, чтобы он рассказал им эту историю. — «Ну, ладно, хватит, я завтра, с утра приду и расскажу», — пообещал дед.

На другой день дед пришёл к ним рано утром, его внуки с постели только встали. Мать готовила завтрак. С приходом деда она полезла подпол и поцедила полведра пива, а Гурий стал угощать деда пивом, пока готовился завтрак. После завтрака дед начал рассказывать о недолгой, но богатой событиями жизни Ягура. События эти произошли в самом начале XIX в., в 1800—1801 гг.

В то время обычаи языческих времен были в силе. В православную церковь люди за всю свою жизнь заходили три раза: креститься, венчаться и после смерти для отпевания. Все остальные обряды как жертвоприношение верховному богу проводились по-язычески. Вместо святых православной церкви почитались всевозможные языческие божества, в обычаях тоже крепко придерживались строгих языческих канонов: замужняя женщина не имела права появляться в обществе без специального, украшающего голову убора и босиком, девушка — с открытой головой и босиком. За нарушение этих правил созывали сход и виновную вызывали на сход, в присутствии народа её обливали колодезной водой, всего сорок вёдер. Ягуру в этот год исполнилось 18 лет. Обладал он огромной силой и поэтому был предводителем молодёжи. В те времена на свадьбах, даже на молодёжных игрищах часто возникали драки, благодаря Ягуру в этих драках молодежь деревни Казаккасов не трогали, наоборот, стоило появиться этому человеку, и драка сразу прекращалась.

Соседом Степана был некто Лява, торговец всего, что продается и покупается: начиная с льняных семян и вплоть до купли-продажи леса. Из детей у него кроме взрослой дочери Анук никого не было. Как-то в языческий праздник *симек* Лява с женой поехали в гости к родным жены. Анук на эти два дня отсутствия родителей осталась одна хозяйствовать по дому. На праздник *симек* на пустыре между двумя деревнями устраивалось молодежное гулянье. На это праздничное гулянье собиралась молодёжь всех трёх деревень. Вечером, когда пригнали стадо в деревню, Анук загнала всю скотину в загородку, подоила корову, затем, нарядившись по-праздничному, пошла на гулянье. Праздничный вечер был интересен: хороводы сменялись различными играми, и не заметили, как светлая полоса осветила восточный

небосклон, возвещая о наступлении нового дня. Пора было расхотиться по домам, но вечер был так привлекательно душист, млечный путь серебристым полумесяцем с юга на север охватил небосвод; в глубине далёких просторов вселенной, то ярким сиянием трепетали отдельные звёзды, то, загораясь тусклым светом, тихо дремали целые созвездия. Кругом стояла такая тишина, что в ушах звенело. Не хотелось расставаться с этой прелестью, но надо было лечь и отдохнуть, чтобы свежими силами встретить грядущий жаркий трудовой день. Анук вернулась домой, нехотя сняла с себя праздничный наряд, разделась, без особого желания легла спать в постель и погрузилась в глубокий сон. Белесая пелена туманного горизонта на востоке растворилась, и кругом мгновенно посветлело, затем на самом дне горизонта появилась тонкая розовая полоса и, постепенно расширяясь, розовея всё сильнее, восток превратился в полыхающий рубиновый костёр, вскоре над костром появилось лучистое пламя, и весь восток озолотился торжественным сиянием восходящего солнца. Это безмолвное появление нашего светила, несмотря на свою торжественность, внешне никого и ничего не встревожило, наоборот, первое прикосновение теплых лучей глубже погружало в глубокий сон все живое на земле, кроме людей. Все кругом было погружено в глубокое безмолвие. Деревья, опустив тяжёлые покрытые зелёными листьями ветки, как бы склонив свои курчавые головы, спали глубоким сном, цветы и травы тоже спали, склонив головы к земле. Одна только болтливая и сварливая осина, стоящая в саду Лявы, временами приходила в смятение и, шелестя своими толстыми листьями, шумела и чем-то возмущалась. Только людей, тружеников земли, не могли усыпить чары рождающегося дня. Только они пробуждались с появлением солнца и принимались за обычные дела: женщины доили коров, начинали готовить завтрак, мужики выводили коней из конюшни и собирались вести их в табун. На северном конце деревни раздался пронзительный свист щёлкающего кнута пастуха, и домохозяйки начали гнать свою скотину к околице. Только Анук спала глубоким сном. Бедная Анук, проснись скорей, беда повисла над твоей головой.

Деревенское стадо было согнано на околице. Многие хозяйки в ожидании пастуха собрались в одну кучу и обсуждали события вчерашнего дня. Только Анук спала глубоким сном. Однако скотина, почуяв на улице запах прогоняющих сородичей, подняла такое блеяние и мычание, что до сонных ушей Анук донеслось мычание коровы. Она порывисто соскочила. Ничего не соображая, только нутром чувствуя, что прозевала выгнать скотину в стадо, кинулась к корове, по пути подхватила деревянное ведёрко, выпустив остальной скот во двор, начала доить корову. А

потом, непокрытой головой, босиком погнала скотину на улицу. Деревенское стадо было уже за околицей, по улице неслись как угорелые овцы, телята и коровы, выгнанные Анук, а за ними бежала сама с распущенными волосами, босая. При виде такой картины мужчины и женщины, возвращавшиеся от стада, остолбенеv, останавливались, а некоторые женщины хлопали ладонями по ляжкам, приговаривая: «*Тур ғырлах* (Боже, прости), что творится на свете: дочь Лявы Анук по улице бегает босая с открытой головой». Когда она подогнала свою скотину к стаду, один из пастухов, поражённый видом Анук, вскрикнул: — «Анук, ты с ума сошла, в таком виде и бежала по улице?» Она посмотрела на свои босые ноги, подняла правую руку к голове и в таком положении осталась, странно качаясь всем корпусом, затем плашмя упала на землю. Подбежал ближайший пастух к ней: видит, Анук без сознания, подозвал другого пастуха, и они отнесли её в ближайший дом к одной старухе.

Одной из очевидцев, которые увидели Анук на улице с распущенными волосами и босиком, была старостиха. Вернувшись домой, она рассказала мужу о том, что только видела на улице. Тот всполошился, послал своего сына к десятскому, наказав, чтобы тот объявил сбор схода. Десятский тут же стал обходить дворы, вызывая на сход. Десятский долго стучал в ворота Угилей, но безуспешно: Ягур спал благодатным сном, а остальные члены семьи разбрелись по хозяйственным делам. Наконец он проснулся под истовый брех цепной собаки и спросил, не вставая с постели:

— Кто там?

— На сход выходите, — услышал Ягур. Когда он подошел к караулке, все мужики деревни были налицо. Из молодёжи кроме Ягура никого не было. Староста спросил его:

— А где старшие?

— Отец на пасеке, а Михаля табун пасёт, — отвечал Ягур. Он о причине сбора схода ничего не знал и поэтому рядом стоящего мужика спросил:

— По поводу чего сход?

— Разве ты ничего не слыхал? — последовал встречный вопрос. — Сейчас узнаешь, вот староста поднялся, будет объявлять.

Тот сообщил, по какому делу собран сход. И, обращаясь к народу, спросил:

— Что будем делать, как поступим?

— У нас одна мера против нарушения обычая — мочить 40 вёдрами воды, — выступил исполнитель обрядового ритуала. Нарушать предписание обычая никому не положено, поэтому без возражения согласились с предложением служителя киремети. У Ягура при упоминании 40 вёдер колодезной воды мурашки по-

бежали по спине. Он вспомнил, что поливать будут не шквалом, а струей холодной воды из ведра, и задал вопрос самому себе: — Выдержит ли такое истязание девушка?

За Анук послали двух человек, но её дома не оказалось. Кто-то сообщил, что она от стыда домой не возвращалась. Возникло предположение: не убежала ли она в лес? Послали тех же двух мужиков к пастухам узнать, где Анук. Прошло немного времени, на конце улицы показались силуэты трёх человек. Кто-то крикнул: «Ведут». И народ двинулся к колодцу, сооруженному на улице недалеко от караулки. Двое мужчин повели Анук к колодцу. Она была бледна как серое полотно, всё тело её сотрясало дрожью, глаза лихорадочно блестели, но слёз не было. По указанию ритуальщика она обречённо встала на указанное место. Исполнитель воли богов зачерпнул воды из колодца и стал поливать струю ледяной воды на голову Анук. Та глухо молчала, собранно съежилась и семь вёдер выдержала в глубоком безмолвии. Только на восьмом ведре уже застучали зубы, и в груди завибрировал и вырвался вибрирующий стон ых-ых-ых! А на девятом ведре всё тело затрясло. У чувствительного Ягура, наблюдавшего эту картину дикого истязания, к горлу подкатил тяжелый ком и глаза его произвольно закрылись. И когда к десятому ведру Анук медленно стала оседать, два человека, схватив её за руки, вновь попытались её поднять на ноги. Ягур не сдержал своего порыва: могучими плечами растолкал сгрудившихся в кучу людей, отпихнув двух человек от Анук, подхватил падающую девушку, поднял бесчувственное тело на руки и понес домой. Заложил ворота на запор, занес Анук в сени, положил прямо в мокром белье на постель, накинул на нее тулуп и остался до приезда родителей караулить Анук. Старики вернулись из гостей только поздно вечером. Застав ворота закрытыми, Лява удивился, но когда им открыл ворота Ягур, хозяин и хозяйка встревожились. «Ты, тетя, иди сейчас же к Анук и приведи её в порядок». Оставшись с Лява наедине, Ягур, помогая распрячь лошадь, рассказал соседу о событиях дня. Тот горячо поблагодарил Ягура за спасение дочери. Вся семья Ягура весь день находилась на работе вне деревни и, поздно вернувшись домой, поужинав без Ягура, легла спать. О деревенских событиях они ничего не знали. Ягур, вернувшись домой, утомленный событиями дня, лёг спать без ужина. Какие события разыгрались на сходе, он ничего не знал. Утром, когда они сидели за завтраком, в ворота постучали. Когда Ягур открыл ворота, перед ним стояли десятки два вооруженных стражника. «Одевайся, Ягур, за тобой пришли», — сказали десятники. Ягур чутьём догадался, что произошло на сходе после него, но не хотел верить. Один из стражников хорошо говорил по-чувашски; через него он пригласил обоих полицейских в избу.

Те охотно согласились и пошли за Ягуром в избу. Попросив мать служилых людей угостить пивом, Ягур рассказал брату о вчерашнем происшествии и о своём поступке. Брат сказал, что не иначе, как сход за сопротивление народу и нарушение обычая решил тебя отдать в солдаты. Один из полицейских подтвердил, что это именно так, что они присланы за Ягуром забрать его для передачи в солдаты. Тогда Михаил попросил полицейских подождать, пока из пасеки привезут отца. За отцом была послана лошадь, а женщины стали готовить Ягуру еду на дорогу. Приезд старика с пасеки не выяснило ничего, никто в семье не думал, в том числе сам Ягур, как выручить его из беды: все понимали, что им совершен непрощаемый грех. И отца привезли только проститься с сыном.

Всё было готово, Ягур простился со всей семьёй, женщины заплакали, Ягур тоже почувствовал, что слёзы застилают глаза, но он силой воли подавил наплывшие чувства, взяв мешок с продуктами, накинул за плечи, помолился и вышел из избы в сопровождении стражников.

После долгих мытарств и скитаний по стране Ягур прибывает на место службы. По словам деда Хведера, он служил где-то на западе. В каком городе или местечке, дед не помнил. Со дня прибытия на службу прошло только шесть месяцев, но Ягур остро стал ощущать непомерную тяжесть военной службы, её унижительность частыми мордобоями и иными жестокими наказаниями.

Ягур часто стал думать о том, как приспособиться к этому жестокому порядку жизни, особо одолевало его чувствительную натуру незнание языка: плохо давался ему русский язык. Его спасало от наказаний хорошие и умелые действия на строевых занятиях. Потому по словесности к нему придинок не было. Когда он видел, как в строю и вне бьют людей, у него невольно возникал вопрос: — «Неужели и я, когда меня будут избивать, буду стоять вытянувшись и позволю долбить моё лицо до крови?» Но случай подтвердил, что Ягур, до которого ещё не коснулась ни чума, ни родительская рука, драки деревенских парней прекращались при его грозном окрике, человек не робкого десятка, не считаюсь ни с чем, не дает себя в обиду.

Однажды на строевых занятиях Ягур или глубоко задумался, или не понял поданную команду и сделал не то, что следовало по команде. Тогда командир подбежал к Ягуру и с размаху ударил по губам. Неожиданный удар как молния встряхнул Ягура. Под влиянием мгновенного порыва, не соображая, где он, что делает, своими цепкими руками схватил командира за грудки, потряс его два-три раза и оттолкнул его от себя. Тот отлетел метра на три и растянулся, вышибленной памятью. Подбежали к

месту происшествия другие командиры и офицеры взвода. Ягура тут же вывели из строя и повели в полковой каземат. За такие дела в те времена был строгий суд. Поэтому прежде чем попасть в руки правосудия солдат решает дезертировать, убежать из каземата, чем дожидаться тюрьмы. Ночью, когда его сопровождали в уборную, он сзади идущему солдату подставил ногу, переднего подтянул за ремень назад ударом ноги. Оглушил обоих, у одного из солдат выхватил наган, побежал к забору, перескочил его и скрылся в лесу.

О дезертирстве Ягура из армии извещают в волость. Из волости к Степану явились чины волости: старшина с помощником, урядник с казаками. Произведенный обыск в доме Степана ничего не дал, опрос домашних и соседей ничего не прояснил: те ничего не знали о Ягуре. Писем, кроме одного длительной давности, тоже не было. Поэтому власти решили учинить надзор за домом Степана. Два дежурных, назначенных из односельчан, должны были следить за домом днем и ночью: в случае появления преступника или тут же схватить его и сопроводить в волость, или через нарочного сообщить в волость о его прибытии. Каждую неделю приезжали чины и проверяли состоянияз охраны. После полтора года мытарства, из-за того, что о Ягуре не было ни слуха, ни духа, никто его не видел, наблюдение за домом прекратили. А о Ягуре распространился слух, что он погиб. Однако он не погиб, а постепенно шаг за шагом продвигался к родным местам и поселился в просторных заволжских лесах среди марийцев. Затем перебрался на правый берег Волги. Здесь он встретился с 2-3 такими же беглыми людьми и обосновался в глубоком овраге, в дубовой роще вблизи своей деревни. В одну из буранных зимних ночей, будучи не в состоянии перебороть странного желания повидать своих родителей, он, не предупредив своих товарищей, вышел из землянки, пробрался по оврагу в лес и направился в свою деревню. Дойдя до своего двора, он по крыше заднего двора пробрался во внутрь. Поднявшись на крыльцо, постучал в дверь. В сени вышел брат Ягура Михаля.

— Кто там и чего тебе надо? — спрашивает брат.

— Это я, Ягур, открой дверь, Михаля, — просит Ягур.

— Какой Ягур? — спрашивает испуганным голосом Михаля.

— Открой, пожалуйста, дверь, там увидишь, что я за Ягур, — просит брат. В это время к братьям вышел отец.

— Кто это? — пристально посмотрев на младшего сына, спрашивает Степан. Ягур сразу кидается на грудь отца. — Неужели ты, Ягур, из мертвых воскресший? — спрашивает старик, обнимая сына. При появлении трёх мужчин вся семья поднимается на ноги. Ягур каждого обнимает, целует. Когда тревога с появлением Ягура улеглась, началось угощение и расспросы Ягура и его

длинный рассказ до рассвета: как он жил и что делал за эти четыре с лишним года. Из рассказов родителей он узнал, что Анук со дня её наказания, не вставая с постели, проболела всё лето и осенью умерла от скоротечной чахотки. Ягур решил остаться дома и скрываться тут, нигде и никому не показываясь. Скрываться тут было легко. По стене от двери до переднего угла проложена широкая доска высотой 40 см, на них насланы обрезки липовых досок, образующие сплошной настил. В случае появления постороннего человека быстро можно спрятаться в этот ящик. Так, в полном спокойствии Ягур прожил до жатвы.

Первый день жатвы, в доме Степана произошло печальное, ничем не поправимое, повлекшее за собой много бед и переживаний происшествие. После ухода семьи на поле, Ягур, чтобы не сидеть сложа руки, решил изготовить из дуплистой липы деревянное ведро. Принес он из сарая заготовку, специальными инструментами соскоблил гнилую внутренность сосуда, что заняло время до обеда. Для более тщательной обработки понадобился специальный настрой. В поисках этого инструмента Ягур полез на полку в сенах. Или деревянная скоба, поддерживавшая доску была прибита плохо, или по другой какой причине, он только успел ухватиться за доску, как полка целиком сорвалась с места и Ягур со всей тяжестью могущего тела загремел на пол. На грех в это время жена соседа Лявы, вернувшаяся с поля за обедом, поливала пахту в посуду. Услыхав грохот в соседнем доме, она прокралась к сенам дома со стороны сада, заглянула в маленькое отверстие в дощатой переборке и увидела тяжело поднимающегося с пола Ягура, чуть не вскрикнула, вовремя зажала рот и по-кошачьи тихо удалилась. Вернувшись домой, она рассказала мужу о только что увиденном, выслушав жену, Лява раздумчиво проговорил: «Стало быть Ягур не умер, а всё ещё в бегах находится». После обеда он направился к полосе старосты, где те сидели за обедом. Отозвав старосту в сторону, Лява сообщил ему, что Ягур живой, по-видимому, находится в бегах. «Он сейчас дома. Только что видела его моя жена». Староста подозвал к себе сына и послал его куда-то. Тот через некоторое время вернулся к отцу с десятским. Поговорив со старостой, он прямо от старосты направился к небольшой лужайке, где была привязана его лошадь. Отвязав лошадь от привязи, десятский забрался на лошадь и куда-то поехал. Наблюдавший за этим необычным движением друг Степана подумал: «Что-то произошло в деревне. Надо узнать у десятского, что именно». Тот вернулся только вечером. Привязав лошадь на старое место, он пошел к своей полосе, как раз мимо односельчанина, желающего узнать, куда он ездил. Когда десятский сравнился с мужиком, тот пригласил

его покурить. Когда они стали набивать трубки, мужик спрашивает десятского:

— Куда это гоняли тебя на коне?

— Говорят, Ягур, появился, вот и послали меня в волость доносить.

— Не может быть! Что-нибудь пугают. Ягур, говорят, умер.

— Не знаю, пугают или нет, но, по словам старосты, его видела жена Лявы.

— Ну что, начальство приехало?

— Нет. В волости только сторож и переписчик, урядника тоже нет — все выехали в волость по делам. Я тоже ждал-ждал, потом махнул рукой и уехал.

Мужик спешно сложил снопы в копна, сходил за лошадь, быстро запряг лошадь и, посадив остальных членов семьи на телегу, поспешил домой. На счастье, у околицы он нагнал семью Степана. Подозвал к себе Михаила, который слез с воза открывать ворота, взволнованно сообщил:

— Вашего Ягура сегодня видела жена вашего соседа Лявы, и донесли уже в волость. Быстро скачи, скажи Ягуру, чтобы скрылся, пока не нагрянули сторожа. Наш десятский был в волости, но там никого не было. Может сегодня и приедут.

Когда подъехали к воротам, Михаил, прежде чем открыть ворота и пропустить лошадь во двор, побежал к Ягуру и потребовал:

— Быстро соберись и беги из дома, тебя обнаружили.

Встретив жену, он велел ей приготовить Ягуру еду. Когда Степан узнал в чем дело, он посоветовал не спешить, а дело делать всё скрытно.

— Ягуру надо уходить, когда стемнеет, чтобы никто не видел, тогда можно будет смело отрицать появление Ягура в доме, — посоветовал Степан. — Если чинов в волости не было, они так скоро не воротятся.

С ним все согласились. Пока готовили скорый ужин, уже стемнело. Как раз надо бы сейчас задами пробраться в поле, а там лес рукой подать. Но люди не всегда правильно связывают свои поступки с обстоятельствами: желание поужинать на дорожку подвело Ягура.

Семья только села за стол, не успели почерпнуть из миски и по три ложки, как в ворота застучали. Ягур выскочил из-за стола и сказал: «Видно пришли за мной, прощайте все, не взыщите!» — выскочил в сени. Здесь он накинул мешок с продуктами, взял небольшой столярный топор в руки, хотел заткнуть за пояс, но передумал; спустился с крыльца и призадумался: куда идти? Может быть, надо пробиться тут. С этим решением он подошел к

воротам, в которую барабанили во всю силу. Снимая запор с ворот, спросил:

— Кто там, что вам надо?

— Открой, Ягур, это мы, — слышится приглушенный голос односельчанина. Когда Ягур открыл калитку перед ним стоял урядник, держа пистолет перед собой, и скомандовал: «Ни с места! Руки вверх!» Ягур поднял обе руки, но в его правой руке мелькнул топор, занесенный над головой урядника, и от сильного удара треснул череп, и он без звука повалился у ног Ягура. Людей, стоявших у ворот, как ветром сдуло, и дорога перед Ягуром была свободна. Он перешагнул через безжизненный труп урядника и спокойно прошел по деревне и направился в дальние леса за Малый Цивиль. Здесь он в дремучих лесах скрывался до зимы. Повидимому, к этому времени он потерял всякую осторожность, да неуютность землянки заставило его искать более уютное и теплое убежище. Однажды он пришел на пасеку к не очень знакомому пасечнику, чтобы пригреться и поживиться у него едой. На пасеке никого не было, дверь не была заперта на замок. Ягур зашел в избу, затопил печь. В ящике обнаружил полкаравая зачерствелого хлеба и под печкой десяток еще мороженой картошки. В горячей печке испек картошку и, прихлебывая черствым хлебом с горячей картошкой и ключевой водой, впервые за несколько последних дней наелся досыта, лег и уснул. Здесь три дня блаженствовал. Уходить от этого тепла не хотелось, а хозяин пасеки тоже не появлялся. На четвертые сутки, на рассвете, когда Ягур крепко спал, около пасеки появился хозяин. Обнаружив около избушки следы, да и убыли дров, он догадался, что на пасеке кто-то был, а может и сейчас есть. Зайти в избушку не решился и посмотрел в окошечко. Обнаружив на лавке, против печки, фигуру спящего человека, он или испугался, или по другим более серьезным мотивам, пасечник не зашел в избу, а прямо помчался на лыжах в деревню к старосте. По получении известия о пребывании на пасеке незнакомого человека, староста, знавший от волостного начальства сколько в округе беглых людей, могущих скрываться в лесах, послал за урядником. Те через час прикатили с тремя стражниками и, взяв в деревне понятых, поехали на пасеку. Ничего не подозревающего Ягура взяли, отвезли в Цивильск. Через месяц скорый суд приговорил Ягура к смертной казни через повешение. И он был повешен.

Рассказ был окончен, дед замолчал. Слушать о последних событиях было особенно тягостно. Все сидящие погрузились в тяжёлое размышление, у всех к горлу подступил горький ком, а у двухлетнего братишки Кирюшки по обеим щекам текли слёзы.

— Ты что, Кирюшь, никак плачешь? — неестественно дрожащим голосом спрашивает Миша.

— Звери они, судьи, не пожалели человека, повесили как собаку, — выпаливает по-взрослому маленький Кирюша.

— Ну, дальше что, на этом и кончилось? — спрашивает Миша, как будто ожидая, что должно быть продолжение этому событию.

— Нет, не всё, — начинает дед. За Ягуром осталась его семья, совершившая не меньшее преступление, чем сам Ягур, скрывая его в своем доме в течение полугода. За такие преступления в те времена полагалась обязательная высылка. У Михаля к тому времени были малолетние сын и дочь, да и добра было жалко, попадет в чужие руки и прахом пойдет. Чем это, лучше использовать его во спасение, решил старик.

— Ну как, Михаля, по этапам пойдем и сложим свои головы на просторах чужих земель или не пожалеем имущества и спасем свои головы, — обратился однажды отец.

— Воля твоя, отец, ты хозяин, ты и решай. Мне больше всех жалко малых детей, они-то погибнут обязательно, — отвечал сын.

У богатых людей, несмотря на то, что они чуваша, среди русских чиновников водилось знакомство, переходящее в дружбу. Такой близкой рукой у Степана был становой пристав. Этому становому приставу Степан доставлял по двухведерной кадке меда, баранины и масла, иногда он и сам приезжал просто — пить медовку. Однажды Степан запряг самую лучшую выездную лошадь рысистых кровей, вороной масти и поехал к становому. Красоте стати и рыси этого жеребца многие богачи в округе завидовали. Становой о том деле, о котором ему Степан рассказал, знал, но не подозревал, что дело касается именно Степана.

— Да, друг, дело плачевное и гибельное, — предупредил становой.

— Да, я знаю о гибельности дела, собираются нас выслать из деревни и вот приехал к тебе искать выхода. Есть возможность не выселяться?

— Как не быть выходу? Выход есть, но это дорого будет стоить. Выдержишь ли?

На вопрос Степана сколько же потребуется денег, пристав назвал баснословную сумму по тому времени — 1000 рублей. Степан долго прикидывал в уме, сколько он может собрать. Подсчитав, пришел к заключению, что после покрытия требуемой суммы еще останется на бедность. Тогда он обратился к приставу:

— Согласен на ваше предложение с одним условием, чтобы дело было выиграно. Хорошо знаю, что тебе предстоит большие хлопоты, и, чтобы эти хлопоты были успешными, дарю тебе своего выездного жеребца, пока будешь ездить на нем, всегда будешь благодарить меня. Пойдем, прими коня.

— Да, конь, по-видимому, действительно красавец и ход, наверное, хорош, — порадовался пристав.

— За подарок спасибо. Не ожидал такой щедрости, но зато обещаю тебе, что твое дело с успехом будет выиграно.

Степан вернулся домой пешком.

Ссылка семьи Степана стала тянуться. Сначала затянулось составлением приговора, потом этот приговор затерялся что ли, почему-то Степана перестали тревожить. В конце лета, во время медосбора, приехал на подаренном жеребце сам пристав с известием, что высылка отменяется, и Степан может жить спокойно в деревне.

Темные тучи над головой Степана постепенно вроде бы рассеялись, но ему грозило полное разорение: из 10 лошадей осталась 1 старая кобыла, из целого стада овец 15 голов, из 18 коров три и подтелок. Земли были 20 десятин. Хозяйство Михаила испытало второй кратковременный подъем после женитьбы Исака, который женился на единственной дочери богатой скотом старушки. Поэтому вторая сноха в семье Михаила стала занимать почетное место. Старший брат Метри против воли родителей женился на очень вздорной, чрезмерной сплетнице, на язык невожатанной и на руку нечистой, но очень красивой девушке из бедной семьи. Поэтому родня Метри по жене не могла быть в почете в семье Михаила. Пока он жил в родительском доме, ему не разрешали приглашать в гости родственников жены. Поэтому семья Михаила жила в постоянном напряжении. После появления второй снохи это напряжение еще больше возросло: жена Метри постоянно затевала споры с младшей снохой. Сперва она сама начала таскать из сундука вещи младшей снохи, на этом её изобличили. Тогда она стала подстрекать мужа на более крупные хищения имущества отца. Так им тайно отправлено тестю два воза ржи, на третьем возе он попался поличным и был выделен (выгнан) из дома без всяких вознаграждений. Поделки Метри не только не прекратились, наоборот, стали изощреннее. При его пособничестве из конюшни увели полукровку кобылу и её жеребенка, жеребца-трёхлетку, ещё двух рабочих лошадей увели из лесу с пастбища, весною в лесу тоже во время пастьбы прямо из-под руки Угахви угнали сразу трех коров. Одним словом, Метри разорил хозяйство отца до нитки. От прежнего изобилия остались только строения...

Как писал Гурий Кузьмич в своих воспоминаниях на чувашском языке, на основе сюжета вышеизложенного предания М.Сеспель написал роман «Таркӑн салтак» (Беглый солдат), который он прочитал 20 февраля 1921 г. тайно от автора. «Я так зачитался, что забыл, где я сижу. Оторвался от романа только тогда, когда появился Миша», — пишет Г.Кузьмин. Вспомнив

рассказ бабушки, он хотел было поспорить с братом о несоответствии в романе ряда событий действительности, например, любви между Ягуром и Анук. Но автор дискуссии не поддержал, ибо он хорошо знал, что логика художественного произведения очень часто заставляет изменить ход событий истинных происшествий и образы героев. Мотивируя поступки Ягура крепкой любовью к Анук, М.Сеспель создал яркий образ молодого человека, ставящего любовь выше своей жизни. Позже мы убедимся, что прототипом Ягура из романа стал не столько брат прапрадеда М.Сеспеля, сколько сам художник слова.

Семья Федора Исакова, правнука Угиля, некогда обладавшая несметным богатством, выгонявшая на пастбище собственное стадо коров, овец и свиней, к последней четверти XIX в. разорилась основательно. Она осталась с парой лошадей и одной единственной коровой, да десятком овец. Поэтому при разделе старшего сына Хведера глава семьи поделить имущество уже не мог, на постройку дома он дал только хлебный амбар. Поэтому первые десять лет дед будущего поэта бедствовал сильно. Положение семьи ухудшилось тем, что жена Хведера Люкерия была с людьми не общительна, до злости вспыльчивой и очень гордой. Глава семьи, сам глуховатый, стеснялся перед однодеревенцами из-за нерадивой жены и не общался с ними. В семье было семеро детей. Но как они были воспитаны? По воспоминаниям Гурия Кузьмича, их глухой дед не смог свободно общаться со своими детьми, а бабушка Люкерия, сумасбродная, вспыльчивая и нетерпеливая, с детьми вела себя только через нервы. Поэтому их дети выросли нелюдимыми и необщительными, а взрослея — вспыльчивыми и задиристыми. Четверо из пяти сыновей после солдатской службы несколько были перекованы, но и у них себялюбие сохранилось до конца жизни. А вот отец Миши и его младших братьев Кузьма не был отдан в солдаты и остался он с таким же характером, какой получил от своей матери и от её воспитания. Думается, именно результаты такого нетрадиционного воспитания способствовали возникновению непримиримой вражды между однокровными братьями, о чем чуть далее будет особый разговор.

ЯЗЫЧНИК ВАРЛАН, ИСЦЕЛИТЕЛЬ МИГУЛАЙ И ЕГО ДОЧЬ УГАХВИ

Деревня *Шывпуç Чуракасси* (Шывбоси Чурино), в которой родилась мать М.Сеспеля, как повествуют предания, переселилась из бывшей д. Чурино Аринской волости. Она была располо-

жена в устье р. Свияги, из которой потом образовались д. Шигали (ныне Урмарского р-на ЧР), д. Новое Чурино (ныне Яльчикского р-на ЧР), ряд деревень Красноармейского района с названием «Чурино». Очевидно, деревня являлась вотчиной самого хана Шах-Али. Массовая татаризация в Присвияжье, начавшаяся после выдворения из Казани феодальной и военной знати ханства, заставила чувашских крестьян уходить в другую этнотерриторию, в центральные районы формирования нового — чувашского — этноса. В те годы пространство от территории верховых чувашей до средненизовых являлось сплошным лесным массивом с отдельными вкраплениями полян и опушек, вполне годными для земледелия. Поэтому чуринцы-шигалеевцы освоили земли примерно от с. Шигали Канашского района до деревень с названием «Чурино» Красноармейского района.

Теперь нам известно, что будущий поэт воспитывался на традициях и впитывал культуру средненизовых чувашей, строго придерживающихся тюркских традиций, в том числе в отношении возрастных и половых различий. Например, такого случая, что произошло с Анук в период жизни прапрадеда М.Сеспеля, не могло быть среди верховых чувашей: там отсутствовало табу на показ голых ног и волос женщин. Даже один единственный факт различий убеждает нас в том, что полностью понять творца и его творения невозможно, если исследователь не будет учитывать те традиции культуры, которые веками сложились на территории его малой родины. А они, иногда, отличаются друг от друга даже в пределах одного района. Свои традиции имеют, как известно, отдельные роды и семьи, в том числе и предки М.Сеспеля.

Прадед матери будущего поэта — Никифор — занимался не только земледелием, но и торговлей. Само купчее земледелие было невыгодным: надо было вести рожь за 25 километров в уездный город и продавать пуд за 20 копеек. А промышленляющих землевладельцев интересовала возможность продажи зерна и возможность хранить его долгие годы в ожидании благоприятной цены. У Никифора в хозяйстве постоянно работало четыре батрака, да и сын и дочь, начиная с 12 лет, работали наравне с батраками. Хозяйство вела жена Никифора, но строго под контролем мужа. Характерно, что кормили не только батраков по жесткой форме, но и членов своей семьи, каждому отрезалось по тонкому куску хлеба; съел кусок с похлебкой и выходил из-за стола. По словам деда, они с сестрой часто ходили голодными. После еды хлеб убирался в амбар под замок. Сама пища была очень скудной. Несмотря на то, что в течение лета резали десятки баранов, а зимой пищу мясную варили только в праздничные дни, все остальное превращалось в деньги.

Мигулая, отца матери будущего поэта, природа наградила твердым, волевым, но мягким и чувствительным характером, зато невероятной физической силой. В противовес своему отцу, Мигулай поразительно безразлично относился к богатству и материальному благополучию. Вот он, когда ему не было еще 17 лет, решил взять бразды правления хозяйством в свои руки, изменить образ жизни работающих в хозяйстве и избавить их от позора полуголодной жизни.

Однажды перед завтраком Мигулай подошел к матери:

— Мать, не знаю, как ты смотришь, надоело мне такое скряжничество. Люди работают не покладая рук с утра до вечера, а садятся за стол и выходят оттуда полуголодными. Стыдно людям в глаза смотреть.

— А что ты хочешь делать, каким образом можно изменить этот порядок? — спрашивает мать.

— За столом сам буду распоряжаться, сам буду резать хлеб.

— Если думаешь осилить строптивного отца, делай, как хочешь, — разрешает мать. Когда все собрались на завтрак и сели за стол, пока старик, не спеша, располагался за стол, Мигулай схватил каравай хлеба, взял нож и стал его резать на ломти. А самый большой ломоть кладет отцу, только тут обратил внимание отец, что караваем завладел сын и начинает кромсать его на такие куски, что впору двух человек насытить, тут хозяин стукнул кулаком по столу и заорал:

— Давай каравай сюда, разоритель, что, по миру хочешь пустить, чертово отродье.

Николай молча продолжает резать хлеб на большие ломти и, кладя себе последний ломоть, обращается к отцу:

— За все пять лет каторжной работы в поте лица хоть один раз самому наестся бы досыта и людей накормить, а завтра в Петров день зарежь барана, чтобы на сенокос была сытная пища, иначе ни одна душа не выйдет на луга.

Возвращая каравай на стол, добавил: «Хлеб в амбар не запирайте, пусть лежит в ящике стола». Вечером, вернувшись с делового похода, позвал к себе пожилого батрака Силантия и велел на завтра зарезать барана. На Петров день вся семья с работниками ели жирную шурпу из бараньих потрохов. С тех пор питание семьи стало улучшаться, но ненадолго. Осенью того же года заболела тифом мать Мигулая и через полтора месяца умерла. После этого в жизни Мигулая начались перемены к худшему. Участились его столкновения с отцом, так как стал заступаться за работников. Потеря матери тяжелым камнем легла на сердце Мигулая, так как он горячо любил свою безответную мать: она была намного душевнее и добрее отца. После кончины матери вся забота по ведению домашнего хозяйства легла на плечи 15-

летней сестры Прасков (Прасковья) и Мигулая, у которого после смерти матери интерес к домашнему хозяйству стал падать. Кроме того, он со дня на день ждал, что отец рано или поздно женится и приведет в дом чужого им человека, и у них начнется вторая жизнь. Однако Никифор не торопился. Первую жену он не любил за её сердобольность и слабый характер, поэтому первый брак считал ошибкой родителей и на этот раз постарался избежать этой ошибки. Как-то летом на Цивильской ярмарке, покупая, познакомился с богатым барышником, торговавшим конями, стал ездить к нему в гости. У этого барышника была дочь, оставшаяся в девках из-за своего крутого нрава и скандального характера и, конечно, была она некрасива. Никифор рассудил так: с лица воду не пить, главное характер, она в семье всех будет держать в руках, и приданое подходящее. Через год после смерти жены в доме Никифора появился новый человек, и в доме началась «суровая жизнь». Между отцом и Мигулаем часто возникали ссоры и скандалы. Сын совсем охладил к хозяйству отца, и тогда он стал требовать, чтобы сын женился и отделился. Отделиться Мигулай согласился. Выпросил у общества место для усадьбы, перевёз крупорушку, которую отец обещал ему на выдел, в соседней деревне купил амбар и привёз усадьбу. Первые скелеты дома, усадьбы готовы, оставалось только срубить избу и кое-что по мелочам. Отец следил за деятельностью сына и поражался тому, что он строится, собирается отделиться, а о женитьбе молчит.

Однажды, когда многочисленная семья собралась за столом, Никифор обратился к сыну:

— Ты что, Николай, в одиночку, без супружеской пары, холостым хочешь отделиться?

— Да, придется так пожалуй и поступить, ты ведь не пойдешь сватать Матвея Наталью, дочь твоего извечного соперника по торгам, да и едва ли разрешишь ввести её в дом и породниться с Матвеем, — отвечает сын. Известием старик, это было видно по его лицу, был озадачен, но ничего не ответил, молча покушал, молча вышел из-за стола и отправился по своим делам.

На другой день, после разговора за столом, отец встретил сына на дворе и сам начал разговор:

— Возражать не стану твоему намерению, не мне жить с ней, а тебе, завтра же пойду на сговоры. Если согласится Матвей, сосватаем и справим свадьбу. Но думаю, что Матвей едва ли примет меня.

На другой день, пригласив жену ближайшей родни Никифора (так положено по обычаю — на сговор и сватовство идут мужчина и женщина из разных родственных семей) направились в соседнюю деревню на сговоры.

Ненависть Матвея к Никифору была так велика, что как только он услышал по какому делу люди пришли, не приглашая их садиться, зло крякнул и молвил:

— Не бывает тому, благодетель мой Никифор Маркович, чтобы моя дочь была за твоим сыном и стала украшением твоего рода, не дожидаться тебе, чтоб я породнился с тобой, извергом, и принимал хлеб-соль, сидя за одним столом.

Указав на дверь словами: «Вот вам дверь, вот порог, убирайтесь восвояси», повернулся и ушел в другую, переднюю избу. Сваты молча вышли из избы и двора Матвея и, не в состоянии начать какой либо разговор, молча направились в свою деревню. Никифора в жизни еще никто не оскорблял, не унижал до такой степени, как на этот раз. От обиды и гнева его трясло, как в лихорадке. Вернувшись домой, зайдя в избу, первым делом на Мигулая бросил такой злобный взгляд, его ещё сильнее затрясло, и он свалился на широкую лавку. Мигулай понял, что стряслась неминуемая беда. Не обращая внимания на состояние отца, он бросился со своего двора и помчался в соседнюю деревню к Матвею, как будто его присутствие здесь могло поправить дело. Но его не только в избу, но и во двор не пустили: кругом было заперто во дворе, на свободе гуляли две злые собаки.

Наталию на другой же день сосватали в соседнюю деревню в богатую семью, но за такого парня, у которого верхняя губа была двойная, кончик носа черный, покрытый родимым пятном. При одной мысли, что с таким уродом придется провести совместную жизнь, у Натальи зашевелились на голове волосы и встали дыбом. Как она ни рвалась к Мигулаю, повидаться с ним и вместе придумать выход из создавшегося страшного положения, ничего не получилось. Её заперли в чулан и до дня венчания и свадьбы никуда не пускали. У Мигулая тоже доступа к ней не было, ничего толкового не мог придумать. Со свадьбой тоже поторопились: через неделю после сватовства сыграли свадьбу, и Наталия стала женой нелюбимого человека. Правда, ей не пришлось долгие годы страдать и мучиться: с год небольшим прожила она после свадьбы и во время родов от кровоизлияния умерла.

Потеря дорогого сердцу человека Мигулай переживал тяжело. Самого себя упрекал за то, что не смог своевременно придумать действенные меры, выручить из беды любимую. Правда, была попытка похитить невесту во время прощания с родственниками у околицы, но из этого ничего не вышло, так как в самый решительный момент товарищи его струсили, и согласованного взаимодействия между ними не было. Самого Мигулая родственники невесты задержали, изрядно поколотили, но благодаря своей силе, не дал изувечить себя. За несколько дней переживаний он весь почернел, исхудал, глаза ввалились, он стал

походить на скелет. Теперь молодым человеком овладело одно беспредельное чувство — мстить. Но как привести в исполнение свое намерение? Способов много: можно убить самого Матвея; наконец, поджечь его двор, или еще много чего, но на все это Мигулай не был способен.

В один из мучительно тоскливых дней в памяти Мигулая возник образ старика из далекой деревни, который часто бывал у его отца по разным причинам. Последний раз отец пригласил его во время болезни матери лечить её наговором (колдовством). По приезду старик посмотрел на больную, поговорил с ней, а лечить отказался, заявив: «Мое искусство ей не поможет, так как у неё не такая болезнь, чтобы можно было лечить наговорами». Молодой человек тут же решил отправиться к старику и попросить научить своему искусству. Он был убежден, что, овладев искусством колдовства, он сможет что угодно делать. На другой день рано утром уложил лыковый кошель, полкаравая хлеба и целый сырник, не сообщая домашним, собрался, оделся и скрылся на целых полгода. Где он был, что делал, чем занимался эти долгие шесть месяцев, никто в точности не знает. О том, какому искусству учился Мигулай у старика, мы косвенно можем узнать из воспоминаний Гурия Кузьмича. Однажды их отец рассказал следующее повествование о своем тесте.

Базар, который посетил Кузьма, уже давно опустел. Ехали только отдельные запоздалые, задержавшиеся в пивной пьяные базарники. На большаке Кузьма оказался почти одиноким ездоком. Одиночество тянет к раздумьям. И он погрузился радостным размышлениям. Отец думал о сыне Мише. Откуда у него такие способности? Его дяди Тимахви и Сергей по 7 лет служили. Правда, из них Сергей совершил кругосветное путешествие на торговом корабле и до сих пор знает русский язык, но плохо. А вот Тимофей, будучи неграмотным мужиком, за 7 лет царской службы научился грамоте и хорошо владел русским языком и имел недоступный для чуваша чин младшего унтер офицера. А вот в их семье из 5 сыновей четверо служили в армии. Правда, старший давно уже забыл русский язык. Второй брат Гаврил со службы не вернулся, от холеры помер, но, судя по тому, что письма ему писали почти все три года чужие люди, можно полагать, успеха тоже не имел. Кузьма сам ходил в земскую школу, способности были средние, но учиться ленился и с половины второго класса учиться бросил. Ефрем служил только полтора года, упал с лошади и вернулся домой искалеченным. Армия мало чего ему дала, а вот последний, Павел, с чем нынче вернется из армии, неизвестно. По письмам тоже чужие пишут. Так что у Миши в умственном отношении ничего отцовского нет. Неужели мать Кузьмы была права, когда говорила, что мальчик как дед колдун будет

знаменит. У них вон Матвей как хорошо учился, не будь его отец так скуп, он мог бы дальше учиться, а на гармони как играл — прямо заслушаешься. А сам старик — при неграмотности запоминать столько наговорных слов немало требуется ума. А его способности галлюцинировать людей, откуда эта сила? Напрасно мы колдовство связываем с дьявольской силой. Тут Кузьме вспомнился один случай, происшедший совсем недавно.

На зимнюю Николу он поехал в Ишаки на богомолье Николае угоднику. На обратном пути домой заехал к тестю, дать лошади передохнуть. Тесть встретил его приветливо. На приветствие отца *Ман килес* (я пришел) ответил:

— *Килех, килех* (заходи, заходи) — проходи вперед. Чем же угостить тебя, пиво ты не пьешь, с радостью угостил бы тебя медовкой, — хлопочет тесть.

— Ничего мне не надо, спасибо, — отвечает Кузьма. В избе находился какой-то посторонний молодой человек, неподвижно сидящий на лавке у самой двери.

— Это что за гость? — спрашивает зять.

— Да вот, приехал на лечение, его *ийё* пожевал. Думаю, с этим легко справлюсь, он поврежден несильно.

— А мне кажется, никакая другая сила, кроме божественной, не способна избавить человека от болезней, здесь просто магия, сила слова, — убеждал Кузьма.

— Может быть, может быть, — сомневался тесть. После ужина Кузьма собрался ехать.

— Куда на ночь глядя едешь? Остался бы переночевать, — просит тесть.

— Что за ночь, да до дома рукой подать: семь километров, часа не пройдет, как домчу, — говорит Кузьма.

— Как сказать, — сомневается тесть.

Выехав, Кузьма быстро проехал два километра, проехал мост через глубокий овраг — с правой стороны одна деревня, впереди другая в двух километрах. Лошадь спешит, бойко трусит, приметные места меняются одно за другим: а Атыково все там же, приближения не чувствуется. Кузьма начинает подстегивать кобылу, она прибавляет рыси. Проходит ещё отрезок времени, седок начинает мерзнуть, подстегивает лошадь, она пытается прибавить шаг. Кузьма испугался сильно. Остановил кобылу, она устало опустила голову, тяжело ведёт боками, как будто пробежала километров 20, а деревня всё на месте. Он трусливо подумал: замёрзнешь ещё в ясную погоду, надо повернуть коня обратно и ехать к тестю. Повернув коня, по той же дороге поехал обратно. Так же быстро доехал до моста, переехав его, успешно преодолел длинный подъем, но на его вершине опять повторилось, что перед Атыково. Вот она, мельни-

ца, рукой подать, за ней крыши домов деревни темнеют, а не доберешься. Кузьма опять остановил лошадь. В это время в деревне сонливо закукарекал один петух, затем другой, третий и потом все петухи разом заголосили, и стало тихо. Кузьма поднимает голову и видит настоящее чудо: они стоят с лошадью не на дороге, а прямо в снегу под мельницей. Он вывел лошадь на дорогу, сел в сани и вскоре постучался в окошко тестя. Открыть ворота вышел тесть.

— Что, не поехал или по дороге что случилось? — спрашивает старик.

— И не говори! Наваждение какое-то. В ясную погоду не заметил, как лошадь свернула на другую сторону, и поехал на базарные Яньши, — солгал зять.

— Бывает, бывает. Чего только на свете не случается, — соглашается тесть. Кузьма распрягает лошадь, задает корму и идет спать.

На другое утро проснулись поздно, хозяйка успела сварить картошку. После завтрака вся семья разбрелась кто куда, вчерашнего больного еще не было. Кузьма с зятем остались одни.

— Больной разве не у вас ночует? — спрашивает Кузьма.

— Нет, он остановился у родственников, — отвечает тесть.

— А что, сегодня процедуры лечения не будет? — не отстают зять.

— А что? — удивляется старик.

— Если допустимо присутствие во время лечения, я бы хотел посмотреть на этот процесс, — отвечает гость.

— Присутствие постороннего человека во время процедуры не допускается, это отвлекает и меня, и больного, и нарушается необходимый контакт между мною и больным. Поэтому во время процедуры и членов семьи никого не оставляю в избе, — отвечал тесть. — Если хочешь убедиться в моих способностях, я могу тебе показать другое, не менее интересное, чем лечение.

— Пожалуйста, — соглашается Кузьма.

— Я покажу тебе несколько незначительных явлений, на большее уже нет сил, стар стал, — предупреждает тесть. Затем берет табуретку, ставит в угол и говорит:

— Садись вот сюда, по моей команде закроешь глаза, когда велю, откроешь глаза. Всякий раз, открывая глаза, пристально смотри в противоположный левый угол восточной стороны избы. Если будет тебе страшно — скажи «хватит».

Кузьма сел на табуретку. Мигулай отошел к иконе и велел ему закрыть глаза. Через некоторое время следует вторая команда, зять открывает глаза и смотрит в указанный угол, видит: вылезает порядочного размера седой расцветки мышь, садится на задние лапы и перед ними трет мордочку, за ней вылезают

друг за другом бесконечное число мышей и заполняют больше половины избы. По команде Кузьма снова закрывает глаза, а после открытия видит: пол чист, нет ни одной мыши.

— Ну как? — спрашивает Мигулай.

— Ну, тут нет удивительного, ты, наверное, развел столько мышей, а когда я закрыл глаза, ты мог снять затычку с дыры, вот они, голодные, полезли в избу, — отвечает зять.

— Закрой глаза, — опять приказывает тесть. После второй команды открывает глаза и видит Кузьма, из той же самой дыры вылезает большая гривистая крыса, за ней след за следом вылезают бесчисленное множество черных, Кузьмой невиданных крыс. Когда крысы заполнили такое же пространство, что и мыши, Кузьма получил приказание закрыть глаза. Когда он третий раз открыл глаза, крыс в комнате не было, но к его ужасу (очень боялся змей) из той же щели вылезла алая, с необыкновенно большой головой змея. Когда она высунулась на половину своего размера, пронзительно зашипела. Когда она полностью вылезла из дыры и заскользила к табуретке, в дыре появилась голова второй змеи. Кузьма в панике вскочил на табуретку, закричал: «Хватит!». В одно мгновение все переменялось: пол был чист. Кузьма тяжело опустился на лавку, на лбу его блестели бисеринки пота, как будто он только совершил тяжелую физическую работу. Он долго сидел, потрясенный только что увиденным. Наконец, постепенно придя в себя, он обратился к тестю:

— Объясни мне, дорогой тесть, что это такое, что я сейчас видел, и какие силы тут действуют? Я теперь вполне понимаю, что в подполе не могли жить столько мышей и крыс в сообществе кровными их врагами — со змеями. Тогда что же я видел?

— Видел ты призраки тех существ, которые появились перед тобой, можно сказать больше — на самом деле перед тобой ничего не было, а ты воображаешь, что видишь мышей, крыс и змей. Это другой вид моего умения, вроде бы не связано с лечением, но оно вкрапливается в лечение в ином виде. Я это искусство в чистом виде до сих пор никому не показывал, но на старости лет мне захотелось разубедить тебя, что в моем ремесле ничего нет дьявольского, против божественного, — разъяснил старик.

— Ну, допустим так, но что тут происходит, кто заставляет мои глаза видеть несуществующее, как это происходит? — допытывается Кузьма.

— Будь я грамотен, я, может быть, сумел бы объяснить тебе, какая сила заставляет людей видеть то, чего перед ним и на самом деле нет, а сейчас могу сказать только одно — все дело в моем желании и убеждении. Вчера, например, я сильно захотел, чтобы ты простоял до петухов под мельницей и убежден был, что простоишь, в то время когда тебе казалось, что ты едешь

домой. То, что ты увидел, тоже только по моему желанию и убеждению, никаких посторонних сил тут не было, — пояснил Мигулай своему зятю.

На другой год после окончания изучения сверхъестественных наук в 1872 г., как все молодые люди, он без любви, без сердечной близости к сосватанной девушке из соседней деревни, женился. Достроив избу, он осенью отделился из имущества отца, на выдел он ничего не просил, но отец при всех обстоятельствах не мог не оценить, что его благополучие в хозяйстве во многом зависело от старшего сына, и неожиданно для Мигулая выложил кисет с 300 руб. денег. Так Мигулай стал самостоятельным хозяином. У них родились три дочери и сын: Хведур, Натали, Угахви (будущая мать М.Сеспеля) и Матвей. Старшие дочери вышли замуж, после смерти жены Мигулай женился второй раз. Злая мачеха невзлюбила Угахви, обвиняла ее в воровстве, выгоняла из дома. Все это она выдержала достойно и не запятнала свое имя честной девушки...

Скоро симек — чувашский языческий праздник. У чувашей исстари заведено: у кого есть сын холостой, а у другого дочь на выданье, после симек первый ищет для сына невесту и засылает свата в дом, где есть подходящая невеста; второй ждет к себе сватов от подходящих женихов.

В один из погожих дней, за три дня до праздника, Акулина, мачеха Угахви, задумала варить пиво. Утром с восходом солнца встала; зять, муж падчерицы Хведуры сидел за швейной машиной и шил ей халат, Угахви погнала скотину в стадо, вернувшись с улицы, не заходя в избу, направилась в сарай к своему ткацкому станку. Хозяйка, как только управилась с уборкой избы, начала готовить завтрак. Каша ещё не разварилась, пришел из сада хозяин после осмотра ульев.

— Хорошо ли ночевал? — приветствовал он зятя.

— Хорошо, тестюшка, спасибо за внимание, — поблагодарил тот. — Как дела на посадке, все ли улья целы? — осведомился зять.

— Вроде все в порядке, пчелы усердно начали таскать цветы. Уже фунтов пять меду в каждом улье. Если вся весна и лето будут благоприятными, хороший будет медосбор, — радостно сообщил хозяин.

Обед был готов. Позвали Угахви. Все сели за стол, кроме малышей, которые еще спали. Молча позавтракали, каждый отправился по своим делам. Акулина, налив в котёл, висевший над очагом, воды, захватив два ведра, направилась за водой к колодцу на улицу. Когда Акулина, подняв два ведра, разогнула корпус, её взору предстали два силуэта. Они появились на перекрестке и направилась на большую улицу. «Надо подождать узнать, что за люди, — решила любопытная женщина и снова поставила

ведра на место. Люди подходили к колодцу. При ближайшем осмотре оказалось одна из них женщина лет 30, знакомая Вера с этой улицы, десять лет назад вышедшая замуж в Шугурово, в верстах 7 отсюда, другой мужчина — молодой человек. Акулина решила заговорить с ним. Когда люди сравнялись с колодцем, она первая заговорила:

— Куда путь держите, добрые люди, далеко ли идёте?

Когда люди те остановились, Акулина залепетала, как будто только узнала путницу и очень рада встрече:

— Ты ли это, Вера, родная? Сколько уже лет прошло, как мы не виделись? Целая вечность.

Между разговором с женщиной она не оставляла без внимания и молодого человека. Первым делом обратила внимание на одежду. Одет бедно: скудные штаны, рубашка, правда, пестрого домашнего тканья, но все же не фабричные. «Парень должен быть из бедной семьи», — подумала она: второе, почему-то интуитивно обрадовалась она, подметив бельмо на правом глазу парня. «Вот жених нашей Угахви», — подумала. Тем временем разговор с путницей продолжался.

— Спрашиваешь, куда путь держим, далеко ли идём? Путь наш не далек, идем мы к своим. Вот парню приспичило жениться, а он знает, что моя сестра Лиза на выданье, и пристал: познакомь да познакомь со своей сестрой. Так вот идем мы к нашим на смотрины.

При известии, что перед ней стоит жених, сердце Акулины радостно затрепетало. «Этого случая упустить никак нельзя. Спешивую Угахви обязательно надо сплавить за этого косоного парня. Лучшей мести за все понесенные оскорбления не придумать», — зло решила она.

— Смотрины — вещь хорошая. Их можно провести по всей деревне. Чем больше невест, тем больше выбора. У нас тоже есть невеста, наш двор тоже не обойдите смотриной, — пригласила Акулина гостей в свой дом. — Молодые люди пусть посмотрятся, а мы с тобой побеседуем, — обратилась она к Вере, поднимая ведро, и направилась к дому.

— Хорошо, — согласилась та, следуя за хозяйкой. Акулина, поставив ведро на землю, открыла дверь и пропустила пришедших вперёд, а сама с ведрами зашла в избу последней. Заступив за порог, оба пришедших в один голос известили хозяев обычным приветствием:

— Мы пришли (Пирён килес).

— Пожалуйста, пожалуйста, проходите вперед, — пригласил людей хозяин дома. Посмотрев на женщину, он обратился к ней:

— Никак это Вера, каким ветром занесло тебя к нам?

Та не успела ответить, в разговор вступила Акулина:

— Вот парня родители вздумали женить. А Вера знает, что наша Угахви на выданье и привела на смотрины, и, если будет согласие родителей, будет сватать, — без тени смущения нагло соврала мужу. Закончив диалог, она незаметно для других мигнула Вере глазами и направилась к двери, а та, поднявшись со скамьи, пошла за ней. В сенях хозяйка обняла Веру и с горячей мольбой зашептала:

— Вера, дорогая моя, будь Богом, выручи меня, помоги избавиться от Угахви, осточертела она мне — хоть вешайся. Что пожелаешь, сделаю, не откажу, если с едой плохо, дам муки и крупы.

— А что я должна делать, — пораженная горячностью собеседницы, спросила Вера.

— Ты к своей Лизук не води парня. Остановитесь на нашей Угахви, и при твоей помощи устроим сватовство сегодня же. Я тебе сейчас приготовлю пуд муки, если не удастся захватить с собой, то вечером понесу к вашим.

— Ладно, — согласилась она, — я ночевать останусь у них.

Между тем в избе происходил разговор между Мигулаем и парнем такого содержания:

— Ты парень из одной деревни с Верой?

— Нет, я из соседней деревни Казаккасы.

— Казаккасы? — удивленно спросил Мигулай, — чей же ты сын в Казаккасах? Я кое-кого там знаю, так как там моя сестра за Метри Гаврилчем.

— На людях моего отца зовут Уксах Семень, я его старший сын Никита, — смущенно отвечал парень, пораженный тем, в какой дом он попал. В их Казаккасах и Метри, и его жена тетя Пасук всегда славились своими богатыми родителями.

— Да. Семена хорошо знаю, ваш дом недалеко от моего зятя. Старик вспльчивый, злой. Бедновато живете, конечно, знаю. У вас при наличии три надела земли своего хлеба частенько не хватает до нового урожая. При такой нужде добрым и мирным быть трудно, конечно, — рассуждал Мигулай.

— Что поделаешь. Жизнь нашей семьи так неудачно сложилась. Я кривить душой не умею и поэтому, не скрывая истину, скажу: дед мой Иван трудиться не любил. Ни ремеслу, ни мастерству не научился, а приучился, как барин, к охоте. И лето, и зиму шастал по полям. И сыновей приучил к этому делу. Жестокий недостаток и меня погнал в люди. С 12 лет хожу в пастухах, — скорбно пожаловался Никита, — но года три тому назад перестал зарабатывать мною деньги отдавать отцу, решил скопить денег, купить дом, жениться и отделиться от отца. Сейчас у меня 75 пудов ржи, 40 рублей деньгами имею, — хвастливо заявил Никита.

Выслушав исповедь парня, хозяин подумал: хвастунишка, видать, парень. Как легко разложил своих родичей по косточкам и лихо осудил их безделье. Хвастливо заявил о своём решении с перечислением накопленного. Однако речь парня пришлась по душе хозяину. Только зять Хведер, почему-то ухмыляясь, сидел за швейной машиной, дошивая свой халат.

— Ты почему так широко улыбаешься? — обратился тесть к зятю.

— Да так, слушая складную речь этого парня, вспомнил Сухви Петри — есть такой мужик у нас. Начнет разговор с простого и под конец так заврётся, что и уши вянут.

Подобный оборот разговора смутил и хозяина, и пуще всего парня. Наступило неловкое молчание. Из этого неловкого положения вывел приход женщин.

— Где так долго пропадали? — обратился к женщинам Мигулай.

— Да мы ходили в огород, любовались овощами, картошкой, были на пасеке. Вере хотелось побеседовать с Угахви, но её не было на месте, — ответила Акулина на вопрос мужа. Затем обратилась к Никите: — Уже, наверное, девушка на месте. Иди, познакомься.

Угахви после минутной отлучки только вернулась и села за ткацкий станок. Тут появился незнакомый парень. Она на мгновение разинула глаза и, не успев разглядеть его, стыдливо опустила их на холст и усердно заработала сновальником.

— Будь легкой твоя рука, девушка, а холст плотный, как барское полотно и белый, как первый снег, — приветствовал он девушку.

Та ничего не ответила, только усердно занялась своим делом. Никиту это не смутило. Желая завязать разговор, он наклонился над холстом, пощупал его и, желая пошутить, заявил:

— Косо ткёшь, девушка.

— От косоого слышу, — плеснул на Никиту злой шепот девушки. — Уходи, не мешай работать мне, а то вот вытащу запор и нахлестаю, — пригрозила девушка.

Никите, ошарашенному словами девушки, ничего не оставалось делать, как отступить. Он молча повернулся и ушел. Но девица ему понравилась. «Хороша девочка, но злая. Как бы обратиться её. Она не то, что Лиза», — рассуждал сам с собой парень.

В это время в избе между присутствующими произошел следующий диалог:

— Ну, как, Николай, познакомился с парнем? — спросила у мужа Акулина. — Отдадим Угахви за парня или нет?

— Во-первых, надо спросить Угахви, пойдет она замуж за

такого парня, который ходит в пастухах и на один глаз кривой, да и очень бедно живут они, — отвечал хозяин.

Напоминание о бедности всегда больно задевало самолюбивую Акулину, и поэтому она зло возразила:

— Бедность, как говорится в народе, не порок, а вот богатство ваше на весах зла висит и злом завершается. Богатство твоего отца, нажитое обманным путем, даже его самого не пережило. А тебе-то научиться особенно нечем — это, во-первых. Во-вторых, слыханное ли дело, чтобы, выдавая девушку замуж, спрашивали ее согласия.

— А что? Тебя что ли без твоего согласия, насильно замуж выдали, — возразил Мигулай.

— Ты меня в пример не бери. Ты сам пришел ко мне согласия просить. Я, молодая девушка, выходила за вдовца на 20 лет старше себя, — отреагировала жена на удар мужа.

— То, что мы собираемся с тобой сейчас сделать, во стократ хуже, чем выходить за вдовца. По-моему, любая девушка скорее согласится выйти замуж за 60-летнего старика, чем за кривого парня, да вечного пастуха, — не сдавался Мигулай.

Тут решила заступиться за Акулину Вера и выручить ее:

— Отсутствие одного глаза не такой порок. Сколько у нас в чувашах кривых людей, живущих состоятельно. Пастушество у парня было временно, нынче он не нанимался никуда. Парень он решительный: за эти годы он скопил и денег, и хлеба. Сейчас после женитьбы собирается строиться.

После речи женщины Хведер, до сих пор сидевший молча, не выдержал и решительно вмешался в разговор:

— Знаем ваших кривых, живущих состоятельно. Сколько я знаю, ни у одного из них нет такой жены, как Угахви. Знаем мы и вашу рассчитанность. Тут парень сидел и хвастался наличием стольких денег. Хотите заливать людям глаза, не понимая того, что запасенного ему едва хватит на постройку дома, а на лошадь, на корову и прочую живость где деньги? Добывать деньги — опять идти в пастухи, коль скоро нет другой специальности. Деньги, добытые таким путем, пойдут на содержание семьи, а скотины опять не будет. Я по себе знаю, как достается достаток. Моя работа далеко не родня пастушьему делу: всю зиму таскаюсь по деревням со своей машинкой, по 18 часов работаю в день. Правда, вроде бы и не малые деньги приношу, но избытка не чувствую — все заработанное хватает только на покрытие хозяйственных нужд. Я знаю, этот парень трудиться не меньше меня, но его заработки — гроши. Каких-нибудь 40 рублей за целое лето. На них и двух человек не прокормишь в зиму. Разговора о приобретении скотины и не может быть, а без скотины крестьянский двор — не двор, а в разо-

ренную усадьбу толкать Угахви, ни в чем неповинную девочку, в этот омут нищеты, не стыдно ли будет толкать, — закончил свою речь Хведер, обращаясь к Мигулаю.

Сказанные зятем слова своей разумностью не только понравились старику, но крепко поколебали его убеждение, что трудолюбивый человек своим неустанным трудом может победить любую нужду. Да и не встречал он ни одного пастуха, чтобы его семья жила сытно. Поэтому в стоворе парню надо отказать, решил он. То, что сказал Хведер, для Веры не было откровением, а чистой правдой. Её муж каждый год нанимался в пастухи, а полученные 25 пудов хлеба, 30 рублей денег едва хватало на зиму, и ей нечем было возразить Хведеру. Только Акулину ножом кольнули слова зятя, и она, не на шутку рассердившись, зло бросила:

— Ты, зять, не вмешивайся в наши семейные дела, тебя пригласили сюда не для решения наших семейных дел, а халат шить — скатертью дорога. Ты не член семьи. Не мешай нам решать наши дела по-своему.

— Ах, нет, — ехидно отвечал Хведер. — Мне тут, кроме тебя, прибудной, все родные: тещь, родной отец моей жены, и мне отец. Угахви — родная сестра моей жены, стало быть, мне сестра, только ты с боку прицепилась. Поэтому человеку, кровно заинтересованному в судьбах близких мне людей, мне не хотелось бы отдавать мной уважаемых людей на оплевание мне чужой женщине. Затем, разрешите получить с вас 1 рубль за работу и до свидания.

Акулине, рассчитывающей, что зять по-родственному сошьет ей халат бесплатно, пришлось раскошелиться. Получив деньги, Хведер простился и ушёл. После ухода зятя Акулина, почувствовав колебание, решила действовать угрозой:

— Или Угахви будет сегодня сосватана за этого парня и выйдет замуж, или я заберу ребёнка и уйду к матери, — пригрозила она, — больше ни одного дня не потерплю мельтешение тени Угахви перед моими глазами.

— Ой, какая решительная, — невольно улыбнулся Мигулай, — который раз эдак грозишься, а на том же месте стоишь.

— На этот раз этого не дождешься, надоел мне этот маскарад. И что? Я не проживу что ли без вашего постылого дома, где бедность считается пороком, а богатство возводится в добродетели, где над куском хлеба так благоволят, что семь раз его в руках поворачивают, прежде чем откусить. Все вы, Варлановы — отродие людей, потерявших стыд, — зло кидала она оскорбительные слова и направилась к зыбке, где детской безмятежностью спала её дочь, — пойдем, дочка, из этого прокаженного дома к бедной бабушке и проживем не хуже их.

С этими словами она решительно подняла спящую девочку и стала пеленать. Решительная угроза жены мгновенно подействовала на Мигулая отрезвляюще. От его минутного колебания и следа не осталось.

— Ну, будет тебе дурить. Я только пошутить хотел, а она, ишь, как на дыбы взвилась. Немного помолчав, добавил, — ладно, будь по-твоему — все равно ей выходить замуж. За кого выходить, Богом писано.

В конце этого скандального диалога появился Никита:

— Ну, как? Повидался с невестой, поговорили по душам, понравилась ли девушка? — спросила Вера, обращаясь к парню.

— Видаться виделись, девица хоть куда, а вот поговорить... Как сказать... Злая она. Чуть меня палкой не поколотила, — стыдливо заявил жених.

— Ты знаешь, в народе говорят: «На сердитых воду возят», — поучала Акулина. — Это она не знает кто ты, зачем у нас появился. Узнает, совсем другая будет. Да ты мужчина. Неужели тебя строгости женщины пугают, — шутила Акулина, — вот женишься на ней, и она совсем другой будет.

При этих словах у Никиты забилось от радости сердце. Он понял, что сватовство — дело решенное.

— Так слушай, парень, — обратился Мигулай к Никите. — Наш семейный совет решил выдать за тебя Угахви замуж. Теперь остается договориться о подготовке к венчанию и о дне свадьбы.

— Спасибо вам, дорогие будущие родители, за ласковые, хорошие слова. Будущие, подчеркиваю, потому что до венчания я буду числиться только официальным женихом. Что касается назначения дня венчания, по обычаю решаете вы. Касательно свадьбы, мое мнение такое: обычай чувашской свадьбы с приглашением всей деревни я выдержать не смогу. Поэтому мое предложение такое: на венчание с нашей стороны придет человек 5, и прямо с венца заедем сюда. Вы устройте небольшое угощение. На этом свадьбе конец, — решительно заявил Никита.

Это предложение расчелливому Мигулаю очень понравилось, и оно с радостью было принято. Но Вера, будучи свидетельницей семейной свари вокруг выдачи Угахви замуж, решила убыстрить события, ибо затягивание с подготовкой к венчанию могли вызвать осложнения.

— Мне думается, — вмешалась в разговор она, — затягивать дни до венчания на долгие времена не следует. Через три дня симек — можно пропустить, а следующее воскресенье молодых можно вести к венцу.

— Не рано ли, — засомневался Мигулай. — Успеет ли приготовиться невеста?

— Что за рано? И что готовиться Угахви? — поспешила ускорить события обрадованная Акулина.

Хозяин не стал возражать. Предложение свахи было принято. Теперь оставалось только пригласить Угахви и благословить обрученных. За ней послали откуда-то внезапно появившегося в избе Матвея. Он побежал за сестрой в сарай, не обнаружив ее на месте, кинулся на улицу, постояв в раздумье минутку, побежал по улице по направлению к дому Люкляна. Угахви оказалась там.

— Угахви, тебя сосватали. Зовут домой, — обратился Матвей к сестре.

— Я не пойду домой, — заплакала Угахви.

— Нет. Тебе, детка, придется пока идти. Сватовство — не венчание. А до венца что-либо придумаем, — успокоил девушку Люклян. Когда Угахви пришла домой, их поставили рядом, объявили, что они сегодня обручены. После окончания обряда Угахви удалилась к себе в сарай, кинулась в постель и горько заплакала. А Никита тем временем вытащил из кармана кисет, достал деньги и вручил в руки Мигулаю 10 рублей на свадебные расходы и, простившись с ним, вышел из избы и направился на улицу, где его ждали сваха с Акулиной. Та вручила в его руки темный сверток с каким-то мягким содержимым внутри. Никита молча принял сверток и, простившись с Акулиной, отправился домой.

Между тем Хведер с котомкой швейной машины за плечами, выйдя со двора тестя, зашагал по направлению к своей деревне. Он был оскорблен поведением Акулины и был зол на неё, он и собой был недоволен — не защитил Угахви. Бросив оскорбленные упреки в лицо Акулине, вроде бы испугался своей выходки и поспешил смыться. Ему было нестерпимо жаль Угахви. Ему хотелось вернуться обратно, учинить настоящий бой в доме тестя, выгнать этого косоного жениха со свахой и спасти Угахви от этого позорного замужества. Хведер пришел домой незадолго до заката солнца. Жена была в огороде, а двухлетняя дочка Ирина спала на подушке. К жене не хотелось ему идти сразу с дурной вестью. Пускай вернется в избу сама, и разговор начнется сам с собой. Солнце закатилось, пригнали скотину, и вскоре появилась Хведура. Видя Хведера, сидящего в избе с ребенком в руках, она сильно обрадовалась, кинулась к нему с распростертыми объятьями, но, заметив его хмурое лицо, встревожилась. Тем не менее, обнимая его и лаская, спросила:

— Ты вернулся, Хведер? Но ты что-то встревожен. Случилось у тебя что-то или у наших что стряслось? — поинтересовалась она.

— Не до радости тут, когда у ваших такое столпотворение, что временами готов волком выть.

— А что там происходит? — сразу встревожилась Хведура.

— Продают Угахви, продают без торга. Сегодня утром Акулина привела с улицы какого-то косоного парня, и начали сговариваться в откровении о сватовстве Угахви за парня.

— Откуда парень? — в тревожном предчувствии беды обратилась Хведура к мужу.

— Говорят из Казаккасов какого-то хромого Семена, зовут парня Никита.

— Господи, отдавать Угахви в эту семью, — заплакала Хведура. — неужели отец не знает, что этот лодырь хромой Семен ни в поле, ни дома палец о палец не ударит. Нишее его во всем Шугуре никого другого нет. Нет. Не бывать этому. Завтра же отправлюсь туда, хоть разорвусь, но расторгну помолвку. Не дам Акулине торжествовать.

Вечером Угахви немного успокоилась от дневных тревог, решила выйти к подругам на игрище. Только она успела приблизиться к хороводу молодёжи, вдруг неизвестно откуда взялась ватага босоногой детворы, окружила девушку, возглашая улицу:

— У Угахви жених косой, жених косой, жених косой!

Угахви, как укушенная змеей, вскрикнула: «Ой!» и стремглав побежала домой. Добравшись до постели, она залилась горячими слезами и, всю ночь проплавав, только под утро погрузилась в тревожный сон. Поздно ночью и в дом Люкляна его дочь Настусь принесла тревожную весть. Зайдя в избу, она, обращаясь к отцу, лежащему на постели, спросила:

— Ты спишь, папа?

— Пока нет, а что?

— Беда с нашей Угахви. Говорят ее жених кривой. Правый глаз, как свинцовый, залит бельмом, и вдобавок ещё он пастух.

— Да, неужели правда? Беда ведь непоправимая. А что Угахви, не позволила себе заглядеться на жениха?

— Как бы не так. Она мне рассказывала, что глаза на него не подняла и не знает каков он, — отвечала дочь.

— Вот оно что, — удивился Люклян. — Беда-то какая. Смолоду одноглазый, лет через 10-15 — слепой на оба глаза. Тогда ни пахарь, ни жнец, даже пастухом не будет, только камнем повиснет на шее семьи. Каково будет Угахви? Век будет нищенствовать, — рассуждал Люклян вслух. — Надо во что бы то ни стало расстроить этот брак, выручить Угахви, — решил Люклян.

На другой день после разговора с мужем Хведура с зарей поднялась с постели, подоила корову, поставила молоко в погреб, наказала соседке выгнать их скотину в стадо, не будя спящего мужа, отправилась в свою бывшую деревню, где она вы-

росла. Семь километров, можно сказать, она пробежала в один мах. Солнце только оторвалось от алого горизонта, когда она приближалась к дому. Угахви, как погруженная в тяжелые думы, прислонившись к столбу, стояла с опущенной головой. Охваченная грустными мыслями, она и не заметила, как подошла сестра.

— Что пригорбилась, горемычная, продали тебя, ироды?

Угахви уткнулась в грудь сестры, и плечи её затряслись в судорожном рыдании.

— Не плачь, девочка. Слезами горю не поможешь. Действовать надо. Думаю, мне удастся расстроить это дело. Не дадим совершиться злу. Пойдем в избу. Там поговорим, — обратилась Хведура к сестре.

— Не пойду я туда, сестра. Видеть я не могу этих черных воронов, — сквозь слёзы проговорила Угахви.

— Ну, как хочешь. Оставайся, я пойду, поговорю. Только успокойся. Слезам воли не давай, — обратилась к сестре старшая и направилась в избу.

Переступив порог без обычного приветствия «Ман килес», — злой ноткой в голосе обратилась к присутствующим:

— Что тут происходит? Что твориться в этом злом окутанном доме?

Все молчали, напуганные этим неожиданным допросом. Только Матвей, сидящий за столом, жуя картошку, неожиданно для всех выпалил:

— Вечером все ребята окружили Угахви и, прыгая вокруг нее, кричали: «У Угахви жених кривой, у Угахви жених кривой».

Не выдержав неожиданного вмешательства мальчика своей болтовней, Акулина зло хлестнула Матвея в затылок:

— Замолкни, дурак.

Этого невольного движения было достаточно, чтобы развернулась сцена. Хведура, возмущенная действием мачехи, подскочила к ней, схватила её за плечи, сильно тряхнула и швырнула на кучу одежды.

— Не смей касаться своими погаными руками чужого ребенка, вон, своего бей сколько хочешь. Ишь, какую волю взяла она над всеми! Зимой сама сплавляла муку и обвиняла Угахви в краже и уговорила этого старого козла (кивнув на отца головой) выгнать девочку из дома. Сейчас приволокла какого-то кривого проходимца, пастушьего подонка, и в один присест заставила своего старого дурака согласиться на сватовство Угахви, нарушая уставки обычая. Кто и когда видел, чтобы жених сам является сватом. Видать тебе, паскудная тварь, поперек горла встала девочка и не чаешь, как от нее избавиться, — возмущалась Хведура. — А ты? — обращаясь к отцу, продолжала она. — Твое старое сердце рас-

таяло под палящим ласковым взором молодой жены. Трусливо показываешь и поддерживаешь зловещие проступки её, а на правдивый вопрос ответить нечем. Скажи, почему ты следуешь за своей женой, усердно стараешься избавиться от дочери, да так, без рассуждений, без дум о том, во что обойдется ей, девочке, ваше решение — лишь бы избавиться от неё. Ведь ей едва исполнилось 19 лет. Куда ты спешишь, отец, или ты боишься, что она съест вас, или она мешает вам ворковать между собой?

— Ни то, ни другое, — решил, наконец, нарушить молчание Мигулай. — «Всякому овощу свое время» — гласит молва. Все вы по двадцатому году выходили замуж. И на этот раз подвернулся жених, ну и решил, не всё ли равно: годом раньше, годом позже, и сосватали.

— Боже мой, — взмолилась Хведура. — Разве можно поступать так с собственным чадо. Ты же знал, чей сын сватает твою дочь. Ты хорошо знаешь, что хромой Сергей на всё Шугуры славится лежебокой. Надел имеет три души, а на дворе никакой скотины. При таком физическом недостатке как у Семена, у таких же, как он, работа горит в руках. Надел земли на три души целое богатство, при трудолюбии он мог бы быть состоятельным крестьянином, а его семья каждый год голодает, а жена по весне ходит по деревням и милостыню собирает. Сын, за которого сосватали Угахви, с двенадцати лет ходит в пастухах. К тому же на один глаз кривой. Чем же Угахви заслужила такого наказания, — заплакала Хведура от обиды.

— Послушав разговоры парня, я подумал, что парень трудолюбивый, а об Угахви говорить нечего, но при обоюдном труде сносное гнездо совьют и проживут не хуже других людей.

— Какой ты чудной, отец! Где ты видел, чтобы на чистом поле от усердного труда двух людей вырос каменный дом. Всякому понятно, чьим трудом можно приумножить. Только приложив его крепкому основанию, а где у Никиты основание? Ему век оставаться пастухом.

Во время этого разговора на дворе появился Люклян. Матвей, сидящий у окна объявил:

— Дядя Люклян пришел.

— Его только тут не хватало, — недовольно пробормотала Акулина из своего угла.

— Ты молчи уж там. Сиди в своем углу, — осадил её муж. — Люклян с плохим не явится.

С приходом Люкляна на самом деле ускорила развязка затеянного неразумного дела. Тот очень убедительно изложил Мигулаю свои вчерашние домашние выводы в отношении этого. Угахви может постигнуть тяжелая участь, если пойдет она за Никиту. Да и кроме всего прочего, правде в глаза надо смотреть.

Она окажется обездоленной, отвергнутой всеми. Сестры её из состоятельных домов отвернутся от неё, кому захочется знаться с нищей сестрой, — убеждал он слушателей.

— Да, твоя правда, Люклян. Ошибку надо исправлять, — с этими словами он вытащил из кармана 10 рублей, оставленные женихом, вручил их Хведуре, — вот, бери эти деньги и беги в *Касаккасси* к сестре Прасков. Сходите вместе с сестрой. Семену верните деньги и скажите, что свадьбы не будет.

Появление Хведуры в доме Метри Гавриловича для всей семьи было неожиданностью. Хведура после замужества за 5 лет только один раз была здесь в гостях. Поэтому после первых приветствий встревоженная хозяйка спросила:

— Что так неожиданно, аль случилось что?

— Не только случилось, а приключилось. Прямо беда. Вчера нашу Угахви сосватали за сына Семена хромого из вашей деревни.

— Батюшки, — оба слушателя в один голос вскрикнули и, удивленно вытаращив глаза, одновременно плеснули кистями рук по ляжкам.

— Вот оно что, — первый пришел в себя Митрий, — то-то Никита ходит по деревне с задранной головой и хвастается, что сегодня в Шывбосях сосватал такую девушку — во! — показывает, поднимая палец, — а чью девушку сосватал, не говорит.

— Да, чудеса в решете, — удивилась и тетя Прасков. — Что? Никита скрыл что ли откуда, да и чей он сын?

— Тут все дело в майре. Она встретила их на улице, притащила в дом и принудила отца согласиться на сватовство Угахви, — пояснила Хведура.

— Что же теперь делать? — спросила Прасков, обращаясь к Хведуре.

— Я принесла отказ отца жениху, и вот надо вернуть деньги, оставленные на свадьбу. Помогите мне, тетя. Я боюсь идти одна.

— Ты и не пойдешь. Я сама схожу и передам отказ Никите, — успокоила тетка племянницу. — Давай деньги.

Прасков долго не задержалась, вскоре вернулась и радостно сообщила:

— Все улажено с одним концом дела, да не вся веревка довита, — озабоченно заявила она.

— А что еще? — встревожилась племянница.

— Все старые обычаи начинаете забывать вы, молодёжь. В народе держится правило: раз сосватали девушку, то её в этом же году обязательно надо выдать замуж, иначе семью будут преследовать неудачи. Этим обстоятельством не замедлит воспользоваться майра и подсунет собаку еще хуже, чем Никита, если мы не поможем Угахви.

— Но беда в том, что Угахви не хочет замуж, она все бредит монастырем, — возразила Хведура.

— Бредит, потому что не знает монастырскую жизнь. Монастырь хуже каторги. Да взнос туда надо делать большой. Где она возьмет денег, — убеждала тетка племянницу.

— А что теперь делать? — спросила Хведура.

— Вот и думаю, что нам самим надо подыскать подходящего, ни в чем не порочного жениха. Есть у нас тут другой парень старше Никиты на два года. Отца его глухого Хведера знаешь, но с самим тебе встречаться не доводилось. Лет пять в услужении у лесничего был. Зовут его Кузьмой. Парень трудолюбивый, скромный, не хвастливый, как Никита.

— Да у него, говорят, мать злющая, как ведьма. Тоже не сладко будет Угахви, — хотела возразить тете Хведура.

— Да, эта небольшая заноза есть, ничего не скажешь. Но Кузьма её любимый сын. Может, его жену встретит иначе, чем старшую сноху. Но Кузьма не собирается долго задерживаться в этом доме после женитьбы. У него все готово к выделению. Вот сейчас пошлем Евлень за ним, поговорим с ним.

Посланная девочка вскоре вернулась, ведя за собой высокого, худощавого, вихляющего походкой сутулого парня. После обычного приветствия и приглашения скромно уселся на свободное место и, улыбаясь, обратился к хозяину.

— По вашей просьбе явился. Чем могу порадовать?

— Как начать разговор. Издалека как-то не умею плести кружева. В лоб шарахнуть — неудобно, дело шекотливое, — засмушалась Прасков.

— Валяйте прямиком, я выдержу, не упаду и не обижусь, — успокоил Кузьма.

— О вчерашних новостях в деревне что-нибудь слышал? — спросила Прасков.

— Слышал как-то: Никита в Чуракасах сосватал невесту. Хвастался, что красавица, что пальчики оближешь, что из богатого дома, — ответил Кузьма. — Везет людям, аж, зависть берёт. Я вон ноги отбил, и никак невесту не подберу: то меня бракуют, то мне не нравится.

— Наверное, очень отбираешь, поэтому не подберёшь, — решила вмешаться в разговор Хведура.

— Стало быть, не сосватал ещё невесту? — спросила Прасков.

— Нет ещё, далеко нет, — ответил Кузьма.

— Если так, мы предлагаем тебе невесту. Девушке в феврале исполнилось только 19 лет. Мы не думали, что её собираются выдавать замуж и неожиданно сегодня только узнали, что она сосватана в нашу деревню за Никиту. Эту зловещую весть принесла

вот она, — кивнула хозяйка головой на Хведура. — Она моя племянница, а девушка ей сестра, — и, не тая ничего, рассказала парню историю сватовства Угахви.

— Сегодня ходила к Семену и передала от моего брата весть о расторжении сватовства. Теперь девушка свободна. Но свобода эта не по сердцу мне. Если её оставить в доме лицом к лицу с мачехой, не миновать ей худшей беды. Поэтому, решив самим устроить ее свадьбу, послали за тобой. Если ты ещё не подыскал невесту, то может, посмотришь на неё, познакомишься с ней. Если она понравится тебе, и сосватать можно. Тебе теперь, думаю, без лишних слов понятно, что дело особое, требующее спешки. И не осуди меня за это предупреждение. Не мы виновны в этом, а обстоятельства. Ты сегодня подумай тщательно, взвесь всё, поговори с родителями и, если будет общее согласие, завтра запряги лошадь, посади своего старшего брата Прака и сюда. Я и Прака, в случае вашего взаимного согласия, будем участвовать в качестве сватов и, не откладывая в дальний ящик, сосватаем завтра же, — закончила разговор хозяйка.

— Я со всеми вашими предложениями согласен, много раздумывать тут нечего, я только поговорю с братом и поступлю так, как он посоветует, — отвечал Кузьма и стал прощаться.

После ухода Кузьмы тетка, обращаясь к племяннице, спросила:

— Как парень? Не сравнить же с Никитой?

— Что ты, как можно сравнить! Я их двор знаю, все постройки основательны, только изба по черному топится. Да он чего-то очень худой, не болеет ли? — тревожилась Хведура.

— Дом они поставили прошлым летом, новый, просторный, как вагон с русской печкой. А здоров он вполне. Похудел на зиму потому, что во время парения на его ногу упал большой раскаленный камень и прожег кожу на ноге. Он мучился всю зиму. Сейчас немного прихрамывает, — успокоила тётка племянницу.

— Ну, мне пора, — заторопилась Хведура. — Мне ещё надо успеть вернуться к себе домой.

— Ну что же, с Богом. Подготовь там всех к завтрашнему дню, особенно Угахви, — напутствовала Прасков племянницу.

Хведура, вернувшись домой к отцу, рассказала ему о выполненном поручении и о том, что по совету тети подыскали Угахви другого жениха, так как, по словам той же тети, девушка, один раз сосватанная, не может оставаться в девушках на следующий год.

— Да, обычай таков, — согласился отец.

— А жених из той же деревни? — спросил он у дочери.

– Из той же. Глухого Хведера знаешь? Его сын Кузьма.

– Да, хрен редьки не слаще. Не значит ли это, утопленника из одного омута поднять, а в другой бачок кинуть? Правда, они не бедны, как Семен и у парня все глаза целы.

– Я не хочу замуж, я пойду в монастырь, – запротестовала Угахви.

– Заладила, как сорока, одну песню, – не на шутку рассердилась сестра. – Такая плакса, ты выдержишь разве монастырскую жизнь. Там чем свет надо вставать, весь день надо работать, вечером опять на молитву. А взносов кто за тебя будет платить?

Последний довод, что без крупного взноса мечта о монастыре не осуществима, заставила Угахви примириться с неизбежностью выйти замуж. Прощаясь, сестра наставила:

– Смотри, Угахви. Мы с тетей Прасков, выбирая жениха, все взвесили, и ты, не приняв его, ещё на долгое время останешься с майрой. Она тебе устроит такое, что тебе и во сне не снилось.

– Хорошо, сестра, – ответила Угахви, прощаясь с сестрой.

На другой день Угахви ранней зарей встала с постели. Убрав её, спустилась к ручью за огородами, умылась прозрачной ключевой водой. Вернувшись к себе в сарай, раскрыла двери и села за ткацкий станок. Она долго работала сосредоточенно, погруженная в горестные думы, пока не наступило время распустить третий узел нитки. Только встала из-за станка, как за воротами слышалось фыркание лошади. «Наверное, они приехали, – подумала Угахви, наблюдая через створку двери сарая. Вскоре открылась калитка и во двор вступила тетка Прасков и направилась к сениям. Вслед за ней мужчина лет 30 с маленькой, острой, темно-русой бородкой, а третий – молодой, длинный, как жердь, болезненно худощавого вида человек. – Жених как гончая собака», – подумала девушка в предчувствии беды. Решение быстро созрело: бежать без оглядки. Будь что будет. Главное, не показываться ему на глаза. С этим решением она кинулась из сарая в огород, но остановилась в раздумье. Куда деваться, чтобы её не нашли. Вдруг осенила счастливая мысль – к матери на могилу. Там меня никто не обнаружит, а я, кстати, помолюсь богу на её могиле. С этим решением она вышла с огорода и направилась садами к мосту через речку «Глинистая слань». Кругом стояла такая глухая тишина и безмолвие, от которого в ушах зазвенело. Не было видно и людей. Только около моста девушка встретила одну пожилую женщину, спускавшуюся к ручью со стиранным бельём.

Тем временем в доме между приезжими завязалась деловая беседа. Начала сестра Мигулая Прасков:

— Ты что это, братец, так необычно поспешил избавиться от Угахви? Мы даже не думали, что она созрела до замужества. Когда Никита принёс весть, что сосватал невесту в этой деревне, мы и не могли думать, что это наша Угахви. Ну, что же, воля родителей, конечно. Но так без оглядки поступать бездумно, первому попавшему молодому человеку спихивать свое кровное дитя, как вы сделали, не к лицу тебе. Ты ведь хорошо знал, кто такой Семён.

— Знать-то знал, конечно. Но подумал, что если оба дружно и трудолюбиво будут работать, то от бедности могут избавиться, — возразил Мигулай сестре.

— Дело, скажем, прошлое. Мы уже отказали. Но есть обычай: один раз сосватанную девушку нынче обязательно надо выдать замуж. Поэтому мы приехали сватать её за другого жениха. Вот жених, — кивнула головой в сторону жениха, она продолжала: — Ты, Кузьма, иди к девушке, познакомься, поговори. Она в сарае холст ткёт. Это брат жениха Прака, старший сын Хведера из рода Угиля.

— Знаю эту семью и их род. Когда-то родители Хведера крепко жили, одни строения чего стоят. Но сам Хведер средне живет, не голодает, особой нужды не терпит.

— Ну, что говорить... Отец, несмотря на то, что есть 7 десятин земли, держит лошадей и корову, да 10-12 овец. По сравнению с дедом, конечно, бедняки. Дед наш в молодости до 40 десятин земли, 9 лошадей, 12 коров, целое стадо овец и свиней держал, — похвастался Прака.

— Семья большая у твоего отца, я её точно не знаю? — спросил Мигулай свата.

— Шесть человек живут. Кроме Кузьмы ещё два сына и дочь-невеста. Ещё один сын был младше меня, но тот с военной службы не вернулся — заболел и в больнице помер, — ответил Прака.

— Да, семья большая. Семерым не разместиться, если изба не большая, — засомневался хозяин.

— Кузьма после пятилетней работы у лесника в прошлом году вернулся с деньгами, сруб себе перевез. На дом и на амбар бревна имеет, построили для отца новый дом, печку по-белому поставили. Дом такой, что три семьи поместится, — успокаивал хозяина гость.

— Сколько же встал им этот дом? — поинтересовался Николай.

— Да, Кузьме лесничий отпустил лес для выборочной рубки. Для избы он и отобрал 17 сажений. За все заплатили 40 рублей, да сруб срубишь за 2 сруба 25 рублей, да за столярные работы по облагораживанию отцова дома 18 рублей, да печка 10-12 рублей. Так что отцу дом обошелся рублей на 65, а если готовый сруб

покупать, дом такой, как у отца, меньше 85-90 рублей не обойдется, — опять похвастался Прака.

— Так, стало быть, брат и себе дом собирается строить, — обратился хозяин к собеседнику.

— Да. Нынче хотел жениться, а после за лето хотел срубить амбар, возвести двор, провести столярные работы, поставить печку и осенью отделиться, — пояснил Прака.

— Молодец, парень деловой, по-настоящему хозяйственный, — похвалил Мигулай.

Весь этот разговор только Акулине не понравился. В ней кипело злое негодование на Хведуру, которая своим вмешательством не дала ей подsunуть Угахви ядовитую змею в постель. Ну, погодите, злорадствовала она в душе. Дайте мне встретиться с матерью жениха. Я такое устрою, что у Угахви из глаз искры посыпятся.

Кузьма, по указанию Прасков, тотчас же вышел на двор и направился к сараю в надежде встретить девушку и поговорить с ней, но когда он заглянул в сарай, там не было никого, только стоял пустой ткацкий станок со свертком вытканного холста на скамейке. Любопытство толкнуло его обратить внимание на холст:

— Надо посмотреть на ее рукоделие. Как она прядет, ткёт. Ведь характер рукоделия определяет всего человека — трудолюбива она или лентяйка, — рассуждал сам с собой Кузьма. Посмотрел на пряжу, пощупал холст: пряжа нитки тонкая, холст — плотное полотно. — Хорошо все сделано, молодец девка, старательная, — похвалил в думе. — Но куда же она девалась? — недоумевал Кузьма.

В избу ему не хотелось возвращаться, и он решил осмотреть хозяйство. Первым делом хозяйственный парень обратил внимание на дом: он был без капитальных сеней. Вместо них вход в избу прикрывал косяк, сколоченный из старых досок шалашик. Хозяин крупорушка, а дом без сеней. «Наверное, такое жизненное радение у человека», — подумал парень.

В просторном сарае, кроме станка и тарантаса, у задней стены ничего не было. Конюшня была пустая, но на стене на деревянных гвоздях висели два хомута. Тоже требовали ремонта, что говорило о том, что нерадивые руки не доходят. Все-таки двух лошадей держит, подумал Кузьма. Затем, решив заглянуть на огород, через узкую калитку вышел за дом и очутился в картофельном поле. Поле было черное, тщательно вспаханное. В прямых бороздах недавно посаженный картофель ещё не взошёл. За картофельным полем начался овраг, а там сад из 5-6 яблонь. Подойдя к оврагу, парень обнаружил 12 пчелиных ульев и понял, чем занят хозяин и почему у него до других хозяйственных

дел не доходят руки. Вернувшись в избу, он объявил, что в сарае никакой девушки нет. Все встревожились, а больше всех тетя Прасков. Она сама побежала в сарай и, не обнаружив на месте племянницу, побежала на улицу искать племянника Матвея. Застав его у соседского двора, наказала ему немедленно найти Угахви и привести домой.

— Скажи ей, что тебя сосватали и надо идти под благословение.

И Матвей, как исполнительный ребенок, тут же кинулся искать сестру: к знакомым, родственникам побежал — нет сестры. Как в воду канула. Только вышел Матвей из одного двора знакомых односельчан, его тут пересекает женщина с бельем.

— Ты кого ищешь, Матвей? — спрашивает она.

— Угахви. Кого же ещё? — недовольно отвечал усталый мальчик.

— Да она недавно через мост прошла и пошла в направлении Туши, — разъяснила Матвею женщина.

Матвей детским чутьем догадался, что сестра пошла на могилу матери. Бросился Матвей к мосту, пересёк его и побежал, карабкаясь по глинистому валу по направлению к кладбищу. Запыхавшийся Матвей прибежал к небольшому кладбищу, отыскал там могилу матери и здесь застал сестру. Угахви растянулась на холмике насыпи могилы, вздрагивая плечами, судорожно рыдала. При виде этой печальной картины Матвей остановился как вкопанный, чуть сам не расплакался, но, сдержавшись, тронул за плечо:

— Угахви, не плачь, пойдем домой. Тебя сосватали сегодня ещё раз и просят под благословение.

Угахви расплакалась ещё сильнее, приговаривая сквозь слёзы:

— Матвей, мой дорогой. Не хочу я туда. Не хочу за этого страшного человека выходить замуж.

— Ничего страшного нет в нем. Я видел его около нашей пасеки. Человек как человек, — возразил Матвей.

Эти детские уверения были так смешны, что Угахви сквозь слёзы рассмеялась и сразу, успокоившись, вытерла глаза, взяла Матвея за руки и сказала:

— Пошли, Матвей, в сторону наших бед. Что будет, то будет.

А тем временем в доме Мигулая происходило следующее. Между договаривающимися сторонами все было обговорено: когда на венчание поехать в Шихазаны, когда и какую свадьбу устроить. Мигулай настаивал на небольшой свадьбе в 5-6 пар. Прака требовал настоящую чувашскую свадьбу с приглашением всей деревни.

— Такую обузу взять не могу. Если хотите, расходы берите на себя, — возразил Мигулай.

— Сколько же ты хочешь? — спросил Прака.

— 48 ведер пива на свадьбу выставляю, 10-15 за гостевым столом, 1 ведро медовой браги, если выложите 35 рублей.

— Нет, — возразил Кузьма. — Мне это не по карману. За то, что напоишь деревню, выкинуть 35 рублей неразумно, мне строгиться надо.

С обоюдного согласия было принято предложение Мигулая. Венчаться не в это, а в следующее воскресенье, а свадьба через неделю. Все подготовлено, осталось только благословить обрученных. А невесты и след простыл. Поиски Угахви затянулись. Кузьма внешне был спокоен, но в нем всё кипело внутри. Силой воли зажатый, как в паровом котле, Прака выходил из себя. Собираясь поговорить с Кузьмой, он, кивнув ему головой, пошел к двери. Брат последовал за ним. Выйдя на крыльцо, Прака набил махоркой трубку и закурил, громко возмущаясь:

— Что за колдовской дом, сватали девушку, а её и след простыл.

— Тише ты, — предупредил Кузьма, — дом-то действительно принадлежит колдуну. Услышат, не хорошо.

— А черт с ним. Пусть слышат, — злился выведенный из себя Прака. — А хорошо им томить людей ожиданием.

— Кто говорит, что хорошо? — возразил Кузьма. — У меня у самого всё кипит внутри. Всё не по-человечески получается: выдают дочь, на которую посмотреть нельзя. А вы тут договорились тоже без меня. Ну что, если она вскоре появится и мне понравится, свадьбы не миновать. Когда будет моей женой, за всё ответит, — мстительно потряс кулак Кузьма.

Не успел закончить свой гневный разговор Кузьма, отворилась калитка во двор, вступил мальчик лет 12 и девушка среднего роста и складно сложенной фигурой. На округло овальном лице слегка раскосые азиатские глаза со смородино-черными бусинками зрачков пронзительно смотрели на окружающих.

«Всё прекрасно в девушке — и лицо, и фигура, но вот откуда взялся этот плоский седловидный нос с небольшим возвышенным в лобной части и кончающееся острой пуговкой, образующей кончик носа. Всю прелесть лица портит нос», — подумал Кузьма в мгновении ока, опытным взглядом знатока женской красоты, строго оценив фигуру девушки. При виде девушки Прака удалился в избу и Кузьма, оказавшийся один, решив задержать девушку, схватил её за руку.

— Подожди, девушка, не спеши, поговорить надо.

— Я не спешу.

— Как же получается. Вчера нам говорила твоя сестра, что она подготовит тебя к сегодняшнему нашему приезду. Стало быть, ты знала, что сваты приедут, что должна быть встреча и разговоры. Зная это, ты из дома ушла, заставила людей ждать и волноваться, как же это понять? Нежелание выйти замуж или что-то другое? — спрашивал парень, — а между тем сговор состоялся. Теперь нам остается вернуться в избу и дать свое согласие на брак. Сначала ты ответь мне, согласна идти за меня замуж или нет?

— На всё отвечу по порядку, — отвечала Угахви. — Знала, что сваты приедут. Видела, как вы приехали. Вчера вам сестра рассказала, как состоялось мое сватовство. Отсюда каждый может сделать вывод, что меня выдают замуж против моей воли. После неудачного сватовства моё замужество, по обычаю, стало неизбежным. Поэтому, когда вы приехали, мною овладело неодолимое желание побыть на могиле матери, помолиться Богу на её прахе и просить у неё совета, как мне поступить и в случае жизненных невзгод просить её заступничества — всё это заставило меня за 3 версты побежать на могилу матери, а не из дома бежать. Вот теперь, избавленная от всех волнений и сомнений, вернулась и на все согласно заранее.

Оправдание девушки религиозной Кузьме пришлось по душе и от его возмущения не осталось ни следа. И они, как бы осчастливленные возможностью соединиться браком, взявшись за руки, вошли в избу и встали перед отцом. Отец встал на ноги и, обращаясь к дочери, спросил:

— Ну, Угахви, мы тебя сосватали в твое отсутствие. Согласна ли ты выйти за этого парня замуж?

— Согласна, — коротко ответила Угахви.

— Тогда все садитесь за стол, ты, Кулине, налей всем браги. Праскав, ты садись за стол рядом со мной. Будешь за мать.

Этот жест добродетельности был сделан, чтобы не вызвать протеста со стороны Угахви. Не сделай отец этого жеста, скандал обязательно возник бы.

— Что ты, Мигулай, это не положено. Я за сваху ей и должна оставаться, — возразила она брату.

— Мало ли что не положено. У чувашей не положено в присутствии жениха благословлять невесту, а нам придётся.

Хозяева и гости расселись за стол. Перед каждым стоял стакан, наполненный брагой. Для жениха и невесты два стакана рядом стояли отдельно. Только Акулина осталась в стороне. Мигулай и Прасков встали на ноги, взяли в руки свои стаканы. За ним встал Прокопий. Люклян с женой подняли стаканы. Мигулай благословил молодых следующими словами:

— Ну, дети мои, поднимите стаканы, глотните этой крепкой влаги и пусть будет крепка ваша семейная жизнь, пусть пья-

нящей будет радость совместной жизни. Семья всегда у всех состоит из главы и подчиненного. Семья тогда счастлива, когда глава, как поводырь ведет жизнь семьи, а ведомые послушно исполняют волю ведущего. Будьте счастливы.

Прасков тоже, подняв свой стакан, обратилась к молодым:

— Мне немного осталось добавить к сказанному Мигулаем. Всякая семья удачна и счастлива, когда детей полный дом. Всякий брак заключается для того, чтобы размножить свой род, поэтому желаю вам иметь много детей.

После этого благословения все подняли стаканы и маленькими глотками выпили браги. Сватовство этим закончилось. Через некоторое время сваты, простившись с хозяевами, уехали.

Через 10 дней после сватовства состоялось венчание. Старуха-мать Кузьмы встретила сноху приветливо, а новый просторный дом и надворные постройки Угахви понравились. После венчания тревога на сердце, в отношении злой свекрови, улеглась.

Через неделю после венчания, как было условлено, состоялась небольшая свадьба. За Угахви приехали жених с дружкой на тарантасе, запряженном парой лошадей и еще 4 подводы родственников жениха. Свадьба была такой скромной, что вся деревня Шивбоси дивилась и шептала, что для третьей дочери Мигулай, состоятельный хозяин, оказался такой скрягой, что свадьбу настоящую не устроил. Многие считали, что это козни мачехи Акулины.

Так окончилась не очень-то легкое и улыбочное, как у многих бывает, детство и скоропалительная, горькая, со многими слезами, тяжелая юность Угахви.

* * *

Вышеприведенная история жизни Мигулая и его дочери Угахви была рассказана последней своим сыновьям. Данное родовое повествование сохранилось в рукописных воспоминаниях брата М. Сеспеля. Гурий Кузьмич безусловно имел определенный художественный дар, перенявший его, как отмечал он сам не один раз, от своего деда-исцелителя Мигулая. Здесь уместно вспомнить об особом интересе братьев к гипнозу и магии слова. От своей матери, известной в Казаккасах как дочери колдуна, поэт унаследовал не только цвет глаз и очертание восточного лица, но и способность к богатому воображению, острый слух на тонкое восприятие звукописи произнесенных или записанных слов. Чувашской речью исцелитель Мигулай лечил души и тела многих своих сородичей, а его внук Михаил обратился родным словом к десяткам тысяч чувашей, заставил проснуться их от семисотлетней спячки. Не было бы среди чувашей, подобных Мигулаю, магов слов — не унаследовали бы мы текстов богатого

устно-поэтического творчества, которые на сегодняшний день имеем. Не было бы конкретного исцелителя и мага Мигулая из деревни Шивбось-Чурино — не родился бы и будущий поэт Михаил Сеспель. Могут меня упрекнуть в том, что я слишком преувеличиваю наследственные качества нашего поэта, мол, были значительно талантливее деда М.Сеспеля, например, Тили Михайли... Да, я согласен. Но, — а в этом убеждены многие, — без М.Сеспеля и богатого литературного наследия, в первую очередь без поэтических шедевров К.Иванова, не мог бы состояться П.Хузангай таким поэтом, каким мы его сегодня знаем. Каждый творец приходит на эту грешную землю со своей миссией. Старшему сыну дочери мага из Шивбось предписано было всевышним явиться в мир чувашский глашатаем национального единения, духовным лидером и, — не побоюсь этого слова — вождем зародившейся чувашской нации.

ПЕРВЫЕ ТРАГЕДИИ МИШИ

Начало 1911 г. Миша приехал домой нагруженный книгами и все время каникул, с утра до вечера, пока не ложились спать, проводил в чтении книг. Приходили соседские ребята, приглашали кататься, но он отказывался. Из своей книги для чтения прочитал Кузьме рассказ «Бог всё видит и не скоро скажет», а остальным, непонимающим языка, рассказал устно на чувашском языке. Познакомившись чтением Гурия по складам похвалил, но, посмотрев его тетрадь по письму с палочками и крючками, да немалыми кляксами на них, он сморщился и отбросил тетрадь. «Неужели чище, без клякс не можешь писать», — возмущался он. Кузьма, поглощенный успехами только Миши, а другого сына даже не спрашивал ни разу за это время, как он учится. На этот раз подошел к детям, посмотрел в тетрадь Гурия, кинул её на лавку, и, не говоря ни слова, дал ему подзатыльник и ограничился. Две недели каникул прошли быстро и незаметно. Мишу снова проводили на учебу, а Гурий стал ходить в деревенскую школу.

Прошло немало времени, как проводили Мишу на учебу. Приближалась масленица. Кузьма все это время был занят на вывозке леса и не мог посетить Мишу. Если продукты у него были на исходе, то Угахви сама носила их в базарный день или пересылала с попутчиком. Наконец, в пятницу, накануне масленицы, Миша сам приехал с Павлом помыться в бане. За все эти годы учебы Миша первый раз приезжает домой помыться в бане, обычно мылись в своей бане хозяина. На баню ему Кузьма и дрова давал. На этот раз топка печи в бане у Порфирия Петрови-

ча развалилась. Поэтому Мише пришлось ехать домой. По приезде домой Миша пожаловался Угахви:

— Что-то у меня временами пятка сильно ноет.

— Может быть, ты прыгнул с какого-нибудь высокого места и больно ударился пяткой или где отступился?

— Прыгать ниоткуда я не прыгал, а вот однажды на какой-то пенек наступил и ступню чуть не вывернул, но это давно было. А начала ныть недавно.

— Ну, ничего, пройдет, — успокоила сына. У тебя из-за прошлого вывиха стала ныть, боль иногда начинается не сразу, а намного спустя.

Мужу о жалобе Миши Угахви не говорила, но она сразу вспомнила один случай, происшедший несколько лет тому назад. Это было в начале июня. После бани Миша сам стал укорачивать свои волосы на висках. Вдруг прискакали соседские подростки и пригласили Мишу на кормежку лошади:

— Миша, пойдём на кормежку с ночёвкой!

— Подождите немного.

Кузьма, в это время отдохавший на нарах перед баней, вдруг вскочил и накричал на сына:

— Что ты возишься с волосами как баба городская! Сейчас же возьми пиджак и отправляйся с ребятами!

Скоро Миша ушёл, но босиком.

— Эх, Кузьма, — глубоко вздыхала Угахви, — после бани не нужно было сразу отправить Михаила на кормежку, разве нужно было так поступать? Он же ушёл босиком, не простудился бы.

Тогда её муж бросил краткую, но холодную реплику:

— Да не один же он там...

— Кузьма, ветер дует с севера, уже стало холодать, разве не видишь, на небе собираются *там пёльчём* (досл.: облака заморозок).

— Не удивляй меня, какие заморозки в июне месяце? — ухмылялся над женой хозяин дома.

— Помнишь, — напомнила Угахви мужу, — в позапрошлом году перед симек были заморозки? Миша ещё мал, ему лишь десять лет, организм его ещё не окреп.

Кузьма молчал. Очевидно, он понял свою ошибку. Тем временем его босоногий сын с остальными детьми находился на лугу. После захода солнца ветер несколько успокоился, а потом с удвоенной силой подул с севера. После полуночи погода резко изменилась, а под утро выпала роса, местами обратившаяся в белый иней. По этой траве Мише пришлось ходить долго и искать свою потерявшуюся лошадь. За ним оставался след от его босых ног. Еле-еле сев на лошадь, он в полумертвом состоянии

доехал до ворот своего дома и полностью потерял сознание. Его ноги горели от холода, который добрался до костей. Упавшего с лошади сына поднял отец, главный виновник случившейся трагедии, и понёс его в тёплый дом. Укутанный тёплым одеялом, Миша продолжал дрожать ещё несколько часов...

Данный случай постепенно забыли, да и Миша до этого никогда не жаловался. Об истинной причине болезни сына Угави знала, но, боясь новой вспышки неуровновешанного Кузьмы, промолчала. Тогда же она вспомнила о другом случае, который мог быть причиной болезни Миши.

В один из дней Миша пас свиней за околицей, на заросшем подорожником пустыре. Отец, проезжая за снопами, велел мальчику перегнать свиней на ржаное поле. Солнце, поднявшись высоко на небо, приближалось к зениту. Кругом припекало. Миша, пригнав свиней на новое место, где те усердно занялись подбором колосьев, сел в тень изгороди отдохнуть. Кругом была гнетущая тишина и одиноко. Мальчик, охваченный этой глухой тишиной, сперва задремал, потом, уронив голову на колени, крепко уснул. Свиньи, двигаясь по полю, шаг за шагом приблизились к густым скоплениям ржаных скирдов, почуяв пряный запах ржи, источаемый снопами, кинулись на ближайшую кучу и стали рвать и трепать снопы. Ещё не успели злодеи раскидать всю копну, появился хозяин, приехавший с сыном за снопами на двух подводах. Видят: свиньи расшвыряли почти всю копну и потрепали снопы. Снопы они не стали грузить, а поставили лошадей около копен и свиней погнали в свою деревню. Просыпается Миша, смотрит туда-сюда — свиней нет. Потом смотрит на солнце, которое порядочно отошло от зенита к западу и, понимает, что долго проспал. Тяжелая тревога всколыхнула душу ребёнка, комок подкатил к горлу, но не заплакал, а, пересилив тревогу, побежал по полю — туда-сюда нет свиней. Тогда слёзы непроизвольно полились из глаз. Он весь в слезах появился на току, где мать с отцом выгружали снопы, но слов выговорить не смог, рыдание душило его. Тогда отец, догадавшись, что со свиньями что-то случилось, спросил: «Свиньи что ли пропали?» Миша в ответ только кивнул головой. Отец, не закончив укладку снопов, слез со скирды, позвал сына, и они отправились искать свиней. На околице они встретили деревенского мужика с возом. «Вы, наверное, Кузьма, свиней ищете», — обратился он к отцу. — Их Иван Длинный с сыном погнали: говорят, копну потравили». Отец, оставив Мишу у околицы, пошёл в соседнюю деревню. Он был выведен из терпения случившимся со свиньями, что почти половина горячего рабочего времени было потеряно впустую. Зло клокотало в нем напротив мальчика, не сумевшего устеречь свиней, и это зло нашло выход на Мише. Кузьма, увидев Мишу, сидящего на траве, подошел к нему, выхватил

из его рук пастуший кнут и ударил кнутом по спине, аж рубашка лопнула на спине, а на коже вспучилась багровая полоса, затем он нагнал бегущего сына, пинком сбил с ног и стал исступленно хлестать кнутом. Миша перестал кричать, лежал только и мычал. Чем бы всё это кончилось, если бы не появилась одна женщина. Она возвращалась с мельницы домой. Увидав на улице такую дикую сцену истязания, она не побоялась взбесившегося человека, смело подошла к нему со словами: «Что ты делаешь, сатана?» — сильной рукой выхватила стегаящий кнут из рук, оттолкнув обезумевшего мужчину в сторону, легко подняла Мишу на руки и понесла домой. Там она без слов вручила избитого мальчика матери и, молча, глубоко возмущенная поведением взрослого мужчины, направилась на улицу. Миша лежал на постели весь в синяках и багровых подтеках, смазанный гусиным жиром.

В понедельник Мишу снова проводили в школу и на этом успокоились. А нога — та болела, стала ныть часто, особенно по ночам. Через месяц больно стало наступать на пятки, и Миша стал ходить с палкой. За неделю до пасхи нога распухла и наступать на нее не было возможно, и Миша перестал посещать школу. На пасхальную пятницу Кузьма поехал за Мишей, чтобы повезти его домой. Как всегда, он сначала зашел в школу навести справку об успехах сына. Когда он узнал, что Миша несколько дней ходил в школу с палкой, а последнюю неделю совсем перестал ходить, он кинулся к Мише на квартиру и застал его лежащим на печи. Что он серьезно болен, можно было судить по его ввалившимся глазам, исхудалому, бледному лицу. Когда он снял Мишу с печи и развязал его укутанную в вату ногу, его чуть удар не хватил: вся ступня ноги до сустава мотолыжки распухла как бревно и блестела как будто налитая стеклянной жидкостью. Решив показать врачу, он на себе понёс Мишу в больницу. Самого врача не было, принимал больных фельдшер, приятель отца. Он без всякой записи, дождавшись выхода из приемной очередного больного, занёс Мишу в приемную.

— Здравствуйте, Аркадий Михайлович! — поздоровался он с фельдшером. — Прости, что я без записи и без вызова врываюсь, а дело срочное.

— Ничего, Кузьма, дело обойдется. Что у тебя?

— Вон, сын заболел, нога у него распухла, посмотри. Что с ним.

— Ну-ка, развяжи, посмотрим.

Осмотрев больную ногу, Аркадий Михайлович покачал головой.

— Да, дело серьёзное. Я сейчас выпишу тебе болеутоляющее средство — будете давать пить по чайной ложке три раза в день и

мазь против опухоли: мажьте на ночь и тепло укутайте. Надо все силы приложить, чтобы опухоль не прорвалась.

Получив лекарство, отец с Мишей вернулись на квартиру.

— Ну, что сказал врач? — встретила их хозяйка.

— Самого врача нет, принял Аркадий Михайлович, вот выписал лекарство, — отвечал Кузьма.

— Плохо, что врача не было. Правда, фельдшер немало знает, но, мне кажется, у Миши особая, редко встречающаяся болезнь. Я помню, лет пять тому назад у покойного старого отца старший сын заболел точно такой же болезнью, с такими же внешними признаками и никакие лекарства не помогли, тогда они стали применять свои средства, какие — не знаю, но вылечили.

Привезли Мишу домой, и стали лечить рекомендациями фельдшера — ничего не помогало. Боль не утихала, и Миша криком кричал, особенно по ночам. Опухоль не спадала. Тогда Кузьма решил обратиться за советом к поповским дочерям. В воскресенье, после обедни, зашел к ним. Дома оказалась самая старшая из сестёр. Когда отец рассказал характер болезни и спросил, какие средства можно применять для лечения, она ответила:

— По внешним признакам болезнь точно такая же, как у нашего Кости. Поэтому первая забота должна быть о том, чтобы опухоль не прорвалась, а спала сама собой. Для этого в течении трех дней на полтора-два часа каждый раз сажайте в раствор круто посоленной воды с температурой 35-37 градусов. После этого принесите из леса муравейник, заварите крутым кипятком в кадке в закрытом виде. Когда раствор остынет так, что можно садиться, сажайте больного по шею в раствор, а кадку закройте одеялом. Тоже повторить три раза.

Кузьма вернулся домой и сразу приступил к лечению. Налили в кадку теплой воды по колено Мише, посолили и он залез в эту жидкость на 1,5 часа. После первого же купания резкость боли понизилась, а после третьей ванны Миша всю ночь спал сном праведника, а сама опухоль сморщилась и приобрела другой цвет. Родители, окрыленные первым успехом, оба обрадовались и отправились в лес на заготовку муравейника. По возвращению из леса мать вскипятила 3 ведра воды, заварила третью часть принесенного муравейника крутым кипятком. И когда остыла вода, Мишу посадили в кадку и накрыли чапаном. Через несколько минут Миша стал просить, чтобы открыли кадку, но просьбу не удовлетворили, и он стал плакать. Наконец, по прошествии установленного времени, Мишу вытащили из кадки полуживого. С такими мучениями Миша выдержал трехкратную процедуру. После третьей процедуры под утро опухоль прорвалась и Миша с криком: «Из ноги течет» соскочил с постели. Отец

с матерью тоже проснулись и Мишу своевременно, пока не напачкал постель, посадили на лавку. Отец осмотрел ногу Миши и хотел выдавить гной, но больной так отчаянно вскрикнул от боли, что отец оставил свое намерение. Так печально закончилось кустарное лечение больного. Нога у Миши начала выделять гной. Недели через две боль становилось тупой, неотступной. Как будто тяжелый камень висел на ноге. А потом рана открылась заново, и боль снова отступала.

На другой день после выпускных экзаменов в Шихазанской образцовой школе он уже без отца (Кузьма в то время сидел в Цивильской тюрьме) направился в больницу. Обычно больных принимал фельдшер Аркадий Михайлович. На этот раз на счастье Миши его принял сам доктор Казанкин. Когда Мишу вызвали в кабинет, он прежде всего подал доктору завернутое в бумагу неизвестные выпавшие из гноившейся ступни 2-3 обломка и спросил:

— Скажите доктор, что эти за вещи, я до сих пор не знаю?

Захватив пинцетом кусочек предмета, рассмотрев их внимательно, доктор спросил:

— Где ты нашел их? Эти косточки сустава, изъеденные какой-то болезнью.

— Я так полагал, что они выпали из моей ноги во время моей острой болезни, — отвечал Миша.

— Ну-ка, покажите, где болит твоя нога? — требует доктор.

Миша снимает сапоги, разматывая бинты, показывает свою больную ногу. — Да, эти обломки сгнивших костей отсюда, — заключает доктор. — Процесс дальнейшего гниения костей прекратился, после выпадения обломков больных костей началось зарастание поврежденных костей, но чтобы этот процесс прошел быстрее и успешней, надо выскоблить из-под шиколотки весь остаток гнилых костей — требуется операция, — заключил доктор. Предупреждаю о двух вещах: если сейчас же не сделать операцию, то болезнь ноги осложнится, может произойти заражение крови и тогда может кончиться отнятием ноги, второе — эту операцию очищения кости будем проводить без наркоза. Придется тебе терпеть около часа. Выдержишь?

Мишу последнее предупреждение не смутило, на свою волю он надеялся и ответил:

— Выдержу.

Мишу положили в больницу и начали лечить. Целых две недели освобождали рану от гноя. Когда она стала совершенно чистой, сделали операцию. Она продолжалась полтора часа. Этот болезненный процесс Миша, тринадцатилетний мальчик, как обещал, выдержал стойко, без лишнего душу раздражающего кри-

ка, лишь изредка тяжело кричал, что весь больничный персонал вместе с самим доктором были удивлены. Уже через месяц, в начале июня, Миша совершенно обновленный, со здоровой ногой приехал домой. Теперь мы знаем, что нога Миши тогда полностью не была излечена, болезнь временно приостановилась и в коварной позе ждала наступления удобного случая...

Следующей трагедией М.Сеспеля следует считать тот случай, когда его отец становится невольным убийцей своего же брата. Сыновнее чувство будущего поэта тогда вошло в противоречие с нравственностью и гуманизмом.

Родные братья Кузьмы — Прака и Ефрем — становятся его кровными врагами, а на свадьбе другого брата — Павла — сильно избивают первого. Муж Угахви в аффектном состоянии убивает своего старшего брата Прака, за что его первоначально сажают в Цивильскую тюрьму, а после суда отправляют этапом в ссылку. Известно, что до этого Миша встречался с арестованным отцом всего два раза, и о чём они разговаривали при встрече — остаётся вечной тайной ушедшего в небытие времени. Мы сейчас можем только предполагать, что отец настаивал сына достичь его главной цели — быть образованным человеком и занимать почётную должность в обществе. Его фантазии и мечты, естественно, были ограничены и они не выходили за рамки волости и уезда (врач, лесничий, волостной писарь и т.д.). Но он, будучи убежденным от рождения в таланте своего старшего сына, постоянно внушал ему идею богоизбранничества, говорил ему о его исключительности, особой судьбе. Будучи человеком глубоко верующим, даже сотворённые самим же две трагедии (физическое и духовное увечья) в жизни Миши Кузьма относил к предопределению Всевышнего. Фактически судьбу будущего М.Сеспеля предписал не Творец, а родной отец. Именно от отца получил Миша чувство подозрительного отношения к людям, в том числе и любимым женщинам; импульсивный характер, очень часто переходящий в ярость, обострённое чувство справедливости, сотканное из идей равенства, свободы и братства. Чисто эти качества с трагическим началом сделали бы из Михаила Кузьмина неудачного общественно-политического и государственно деятеля, не более. Но сверхъестественный дар озарения словом, умение владеть мастерством речетворения матери и её отца-исцелителя Мигулая соткали из Миши мастера слова, поэта. В сочетании всего этого сложился великий поэт с трагической судьбой!

Вернёмся в 1911 г. Все мытарства семьи Кузьмы начались после трагического случая на свадьбе его брата Павла. Миша по-прежнему мучился больной левой ногой. Какой-то злодей вырубил отцовский сад — всего было погублено 12 плодоносящих яблонь. По инициативе врагов Кузьмы сделана была попытка вы-

селения семьи каторжника, но идея провалилась из-за несогласия малдыкасинцев, самого большого околотка шугуровской сельской общины. За это время, полосу тяжёлых переживаний, на голове Угахви заблестело много серебряных волос. Миша пошёл в четвертый класс Шихазановской образцовой школы. С наступления зимы его нога опять опухла, и ему пришлось вернуться в родной дом. Теперь он стал ходить в местную школу, куда его на санях возил Гурий. Самостоятельно мог ходить он при помощи костылей или палки.

Сельский учитель был удивлен сообразительностью нового ученика. Приведём один пример. Каждому приходящему старшекласнику Герасим Арсентьевич задавал один и тот же вопрос:

— Какого цвета мороз?

Ошарашенные ребята молчали. Главное, никто не задумался над тем, может ли мороз иметь цвет. Ответить на вопрос никто не мог. Миша с Гурием пришли, как обычно, самыми последними. Когда водворили Мишу на место, ему был задан тот же вопрос.

— Красный, — без колебания следует ответ. — А что? — в свою очередь спрашивает Миша.

— А то, — отвечает учитель. — Никто из одиннадцати учеников не назвали никакого цвета морозу. Только ты, двенадцатый, дал морозу цвет и, пожалуй, правильный. Но теперь скажи, ты вычитал из какой-нибудь книги или сам выдумал, почему мороз красный?

— Зачем вычитывать из книги? Каждому даны глаза — наблюдай, примечай. Сегодня вон какой жаркий мороз, люди не успевают выйти на мороз, как их щеки краснеют.

Время шло. Мишу теперь Гурий не возил в школу на санках. Он самостоятельно ходил, но при помощи палки. Весна наступила без приключений. После пасхальных каникул у старшекласников началось повторение пройденного за 4 года в порядке подготовки к экзаменам. Было задано сочинение. Миша за сочинение получил отметку 4, якобы, три знака препинания поставлены ошибочно. Миша ничего не сказал учителю, но тетрадь обратно не сдал, а взял с собою домой. Дома Миша заявил матери, что он в здешнюю школу больше не пойдёт, а завтра же поедет в Шихазаны и там будет сдавать экзамены. На другой день Гурий вывел коня из конюшни, подводя его к крыльцу, Мишу посадили верхом, а следом его брат пошёл пешком. В Шихазанах он оставил Мишу у самых ворот. Тот вошёл в школу, а Гурий, кое-как взгромоздился на круп коню и поехал домой.

Учителя Миша застал в классе одного и изложил ему все горести, постигшие его в школе, где он проучился одну зиму и

показал свою работу со злостной четверкой. Алексей Нилыч прочитал сочинение Миши, покачал головой, ничего не сказал, но поправки Герасима Арсентьевича зачеркнул, и четверку исправил на пятерку, а рядом поставил плюс. Не возвращая работу, он спросил:

— Что теперь хочешь?

— Разрешите, Алексей Нилыч, держать мне экзамен здесь, учитывая, что я не по своей воле оторвался от своей школы — вынужден был.

— Дело не в том, как ты оставил школу, а в том, что программа той школы гораздо уже, чем наша.

— Да, Алексей Нилыч, я это знал и дополнительно при помощи учителя проходил и дроби, и начатки географии, — заверил Миша.

— Охо, какой предусмотрительный ты, Кузьмин, — удивился учитель. — Ну что, оставайся в классе, за оставшиеся дни проверим твои дополнительные знания.

Выпускные экзамены Миша выдержал блестяще. К свидетельству об окончании образцовой школы присовокупили похвальный лист в знак отличного знания пройденных предметов.

Первый барьер на подступах к огромному арсеналу знаний взят, неужели второй барьер останется навсегда недостижимым, размышлял Миша, направляясь в больницу, на другой день после экзаменов. — Эх, отец, что ты наделал. Себе и нам, — на минуту упрекнул он отца. Теперь перед семьей встал вопрос — как быть с дальнейшей учебой Миши? Мать, пройдя сквозь тяжелые испытания, научилась ценить знание и поэтому не возражала против поступления Миши в Шихазанскую второклассную школу, но где взять 43 рубля, требуемые для единовременного взноса? Запаса хлеба для продажи не было, лишнего скота тоже. Урожай предвещал быть хорошим, но мать по хозяйственной необходимости наняла батрака — ему надо было платить по 7 рублей в месяц. Тогда было принято необдуманное решение: от батрака отказаться, Гурия отправить в монастырь во исполнение обета, данного родителями Николе Угоднику, а его долю земельного надела продать (заложить) на 12 лет. Можно выручить 150 рублей. Сумма достаточная для учебы в течение 3 лет и приобретения одежды. Гурий стал протестовать против высылки из дома. Тогда мать ответила так:

— Когда ты был грудным ребенком, сильно хворал, почти умирал. Тогда отец поехал в Ишаки и Николаю Угоднику дал обет отдать тебя в монахи, если он поможет тебя выздороветь. Ты выздоровел, наступило время исполнить обет.

На другой день после такого разговора Миша пошел в Ши-

хазаны, а оттуда на лошади товарища поехал в монастырь. И оттуда привезли ошеломляющую весть: чтобы постричься в монахи, надо внести такой взнос, что все семейное имущество едва половину покроет. Так с монастырем ничего не вышло. В следующее посещение Шихазан Миша узнал, что детей от 10 до 14 лет набирают на военную службу в качестве вольноопределенных. Гурия тут же собрали в дорогу для отправки в солдаты и повезли в Цивильск. А там сказали, что для мальчика такого возраста требуется рекомендация о благонадежности семьи. А кто даст такую рекомендацию сыну каторжанина? И это дело провалилось. Деньги для внесения за учебу добыты не были, и Миша, оказавшись вне школы, осенью поступил переписчиком в волостное правление. Миша за это крепко обиделся на мать. На самом деле, если бы был отец и оказался он в таком безвыходном положении, как мать, по соображению Гурия, разве он пожалел бы тех 12 овец, которые у них были, разве он пожалел бы подтелка, которая росла взамен старой корове — конечно нет. А мать, по своей старой привычке, имея пристрастие к имуществу, трепетала над каждой вещью, и думать не хотела продавать или овец, или телку.

Миша работал 1,5 года и получил не жалование, а как бы приработок. По пятницам очень много оформляли расписки на продажу лошадей, за каждую расписку брали 1 рубль, а Мише за оформление платили по 5 или 10 копеек. Приходилось писать прошение и ходатайство. За это тоже брали деньги, а Мише за услуги платили копейки. Таким образом, вырученных денег в течение месяца у него набралось пять рублей; в обыденные дни он занимался перепиской бумаг бесплатно. Жил Миша на квартире по-прежнему у Порфирия Петровича. Все свободное от работы время тратил на чтение книг. К этому времени школьная библиотека была прочитана, и он стал искать возможности использовать любой другой библиотечный источник: выпрашивал он книги у попов, у учителей. В Шихранах он был знаком двумя-тремя купеческими домами, имеющими личные библиотеки, и у них брал книги. В этот же период он стихийно-произвольно заинтересовался искусством рисования. Иногда попадались к нему журналы с картинками, он начинает копировать наиболее интересные рисунки — получается, попадались книжки с карикатурными рисунками, начинает копировать — тоже выходит, иногда просто начинает карандашом чертить, выводить прямые и кривые линии — глядишь, на бумаге получается или кошка, или собака, а то и голова человека. Лучше всего ему удавались карикатуры.

Умение матери экономить и бережно расходовать деньги помогли скопить из заработка Миши 90 рублей наличными. Он

на неделю до начала весеннего сева уволился с работы и вернулся домой, чтобы подготовиться к поступлению осенью в Шихазанскую второклассную учительскую школу. Прежде чем приступить к занятиям, надо было завершить сев яровых, где требовалось и участие Миши, так как сев требовал наличия трех мужских рук. За сохой должен ходить Павел, Миша следил за чистотой деревянного лемеха сохи, к которой все время приставала земля, Гурий должен был править запряжкой лошадей и бороновать пашни после посева. Весна 1914 г. была сильными заморозками и затяжными дождями. Иногда, оставшись вдвоем с Гурием, Миша, бывало, тяжело вздохнет и скажет:

— Эх, закатить бы в Америку, где эти чертовы куклы — сохи, бороны, наверное, давно уже в лом отдали, а вместо них плуг на железном ходу. Кстати, говорят, ходят вербовщики и приглашают в Америку. Поедем? — просит Миша.

— Ну что ж, поедем, — соглашается Гурий.

На другой же день по окончании сева Миша пошел в Шихазаны и встретился со знакомыми ребятами. От них узнал, что здесь несколько человек и молодежь собираются в Америку. При встрече с ними выяснилось, что проезд и питание обойдутся по 40 рублей на человека. Деньги на это можно заработать на подносе камней, на строящемся шоссе от станции Шихран до Шихазаны. Работать надо месяца три. Продолжительность рабочего дня 10 часов. Миша вместе с шихазанскими ребятами нанялся на работу, Гурия тоже включили в список. В понедельник пошли на работу и, пережив величайшее мучение, работали до субботы. Работу принимали в субботу и за труд выдали расчет. При приеме работы выяснилось, что никто из них норму не выполнил. За это расценки снижаются на 3 копейки. Братьям за 30 кубометров перенесенного камня выплатили 3 рубля 60 копеек. После полочки они расположились на лужайке на отдых, начали рассуждать:

— Ребята, не знаю, как вам, а мне кажется, что на такой тяжелой работе, да при такой низкой расценке, пока на Америку нужных денег не соберем, по 12 горбов наживем, — кто-то пытается пошутить.

— Тогда на кой черт она, хваленая Америка! — хором подерживают ребята товарища.

Таким образом, решено было махнуть рукой на Америку, и разошлись по домам. По приезде домой Миша начал готовиться к поступлению в школу, а Гурий уехал в лес на заготовку дров.

Миша давно намеревался иметь свою библиотеку. С этой целью при малейшей возможности приобретал книги. Таких книг для личной библиотеки пока было приобретено 5–6 штук, на более солидное количество книг при отсутствии средств рассчи-

тывать не приходилось. Вот и сейчас Миша из заработанных денег 2 рубля посылает с односельчанином в Казань для приобретения книг и журналов. Выполняя заказ Миши, он за два рубля приобретает романы, рассказы и повести, и вместе с тем библиографический справочник. По этому справочнику распространяется подписка на произведения четырёх авторов, в том числе Горького, Надсона, Мамина-Сибиряка. В этом же справочнике имеется предложение выписывать никогда не слыханные, не виденные Мишей и Гурием книги «Что такое гипноз и как овладеть им». Выписка произведений четырёх авторов стоит 12 рублей, 24 выпуска «Гипноза» 6 рублей. Итого 18 рублей. Где же взять деньги?

Гурий только вернулся с лесозаготовки, выпряг лошадь и стал разгружать воз. Миша вышел из избы и стал помогать ему. Во время работы он брата посвятил в свое намерение выписать библиотеку четырёх авторов и журналы о гипнозе. Деньги на приобретение литературы можно заработать на вывозке камня.

— Завтра же пойдем на работу, — просит Миша.

— Нет, завтра не могу поехать, так как через три дня надо ехать на вывозку липовой коры, а потом из леса надо вывезить хворост. Поясни мне, Миша, что такое гипноз, чему он учит?

Гурий внимательно прочитал основное содержание этой книги и понял, что гипноз это внушение.

— Прежде всего гипноз учит, как вырабатывать силу воли. Когда человек научится владеть такой силой, он может заставить другого человека исполнить все, что ему захочется. Ты помнишь рассказ отца о том, как он провел одну ночь в поле, и как он отвечал на вопрос отца. — «Захотел я, чтобы ты по моему желанию до петухов простоял под мельницей». Я теперь больше чем убежден, что наш дед Мигулай вовсе не колдун в обычном понимании, а обладал гипнотической силой внушения.

Такое толкование вещей Гурию показалось смешным и он засмеялся, не соображая, что к чему.

— Ну вот, что не надо тебе где-то зарабатывать деньги, ты иди к Ивану Макаrchу и внуши ему, чтоб он выложил перед тобой рублей триста.

— Дурак, — обозлился Миша. — Нам деньги сейчас нужны.

— Тогда единственный источник добычи денег — мать. Ты ей скажи, что будешь учиться дедушкиному искусству и будем лечить людей, может разбогатеет. Она тебе верит и богатой быть любит. Обязательно даст тебе денег.

На другой день Миша обращается к матери:

— Мама, мы с Кури решили изучать искусство деда. Как ты думаешь, как по-твоему, можно на такое дело тратить деньги?

— Где и у кого будете учиться? Это дело трудное и долгое. По словам деда, это искусство не каждому поддается. Только отдельные, одаренные люди могут поучиться. Дед с двумя товарищами пошёл учиться. Двое были отосланы обратно, так как не выдержали испытания. Только ваш дед, как выдержавший испытание, был оставлен на учение. Отсылая двоих наставников, мастер напутствовал:

— Вы, ребята, слабые, без внутренней силы, колдуна из вас не получится, так что не тратьте зря время, — ответила мать на вопрос детей.

— Учиться мы будем по книгам, вот они покажут, кто силен, а кто слаб. А я на себя надеюсь и буду так же силен, как дед. Для приобретения этих книг сейчас нам нужно 18 рублей денег. Ты не сомневайся, мама, когда научимся этому искусству, мы вернем тебе не только 18 рублей, а по твоему желанию мы тебе можем сделать самостоятельной хозяйкой в округе, — сулит Миша матери, почитательнице богатства. — Другое условие, — продолжает Миша, — если у нас с учебой не получится, то мы с Кури наймёмся в пастухи — хлеб, собранный за пастьбу, отдадим тебе, а деньги — нам одеться.

Предложением Миши Угахви согласилась и на другой же день погрузили на подводу 23 пуда ржи и повезли Гурий с Мишей на станцию продавать. На вырученные деньги от продажи хлеба деньги Миша оформил подписку художественных произведений и журнала по гипнозу. Первый экземпляр журнала по гипнозу получили они через десять дней после высылки денег, а литературные произведения начали поступать с 1-го июня. Радости Миши не было предела. Потом Гурий вспоминал, как они с Мишей читали рассказ Горького «Челкаш»: Миша читал вслух, а он слушал. Миша, по ходу чтения, соглашаясь с содержанием, читал очень образно, и богатое содержание книги целиком пленило Гурия, который, полностью охваченный переживанием, иногда слезился и всхлипывал. Чтение прекращается, пока он не проглотит слёзы. Данная книга, как отмечал потом Гурий, в нем привила любовь к чтению. Теперь он готов был наброситься на любую книгу, но условия крестьянского труда не позволяли ему заняться чтением так, как хотелось бы: на почве чтения началась столкновения с матерью.

К изучению гипноза братья начали после получения первого экземпляра книги. Учеба начиналась с непонятной и не любимой Гурием физкультуры, от которой он вскоре наотрез отказался. Да и другие мероприятия по выработке силы воли, рекомендуемые книгой, оставались ему не понятными: какая тут выработка воли — бегать на расстояние полтора километра без

передышки? Однако, последующие опыты показали, что в этих действиях выявляется воля человека к достижению поставленной цели. Книга рекомендовала многочисленные способы и приемы для выработки воли, и они выбирали те из них, которые были им легко доступны в их условиях. Первый прием они начали с бега в два приема, оба легко преодолели. Но когда на другой день хотели преодолеть в один прием, ничего не вышло — оба сорвались. Ребята тогда не знали, что для выработки воли к достижению цели требуется постепенность. Поэтому в беге рысью это расстояние не только в один прием, но и в два приема трудно преодолеть. А Миша в конце второй недели тренировки это расстояние преодолевал в один прием, а еще через десять дней он это расстояние пробежал без передышки в быстром беге туда и обратно. В конце месяца первую стадию опыта они закончили. Отметив успех Миши, они приступили ко второй стадии опыта — таскание воды из пруда к домашнему колодцу на расстояние 90 саженей в двух тяжёлых вёдрах на подъём тоже без передышки. Ещё много других, никому не нужных операций надо было провести, но Гурия позвали хозяйственные обязанности: решено было, что на подъёме пара сохой будет править он. Гурий отправился пахать. Миша теперь один продолжал опыты. К этому времени обнаружилось, что Миша самостоятельно не может усвоить дробь, необходимо было нанять репетитора. Одно из посещений в Шихазаны он договорился с одним семинаристом, что он будет работать с ним за три рубля. Занимаясь через день по два часа, его к экзаменам можно было подготовить в течение трёх недель. Дополнительно к своему напряженному физическому труду по проведению опытов Мише приходилось ходить в Шихазаны по 7 километров туда и обратно.

В такой жестокой суете время незаметно приблизилось к страде: рожь уже наливалась. Миша, по-видимому, окончив основные курсы, приступил к опыту завершающему: усыплению другого человека под действием гипноза. Для этого он тренировал себя, не мигая несколько минут, пристально смотреть пациенту в глаз. Под воздействием этого магического взгляда пациент засыпал. Когда успех Миши был зримо налицо, случилась беда: у него рана на ноге стала отекать и краснеть с выделением сукровицы. Очевидно, непомерная физическая нагрузка потревожила только зарастающую молодую кость, и она дала знать о себе. Узнав об этом, мама напугалась. Испугалась особенно потому, что она проявление болезни связала с гипнозом. И кинулась туда, сюда — выяснить причину болезни. С этой целью она отправилась однажды за 7 вёрст к старшей сестре. Когда она рассказала сестре о своих проблемах, сестра советовала Угахви обратиться к мужчине Се-

мёну Яковлевичу, во всех таких вопросах разбирающемуся лучше всякого. Выслушав сообщение матери, чем занимаются её дети, чтоб теперь по какой неизвестной причине рана на ночь снова открылась, всеведущий Семён Яковлевич изрекает:

— Ваши дети принялись за богохульные дела, и совершают дела греховные, то, чем они занимаются, называется «чёрная магия», занятия этим делом более не угодно богу, чем занятие колдовством. Книги, которыми пользуются дети, немедленно надо сжечь, — грозно советует мужчина. Вместе с матерью из Шоркасов к ним в гости пришла племянница Угахви Ирина. Содержание разговора, состоявшегося между тетей и Семёном Яковлевичем в их доме, она передала Мише и Гурию. Получив эти грозные сведения, они тут же поспешили в избу и подоспели вовремя, мать уже собирала их книги без разбору, в том числе и выписываемые литературные произведения. Сложив в одну кучу на скамейку около печки, растапливала её.

— Для чего ты сложила эти книги здесь, — спрашивает Миша, как будто ничего не подозревая.

— Говорят, что ты взялся за учение сатанинского дела и эти богу негодные книги велели сжечь.

— Ладно, мама, я по ним больше заниматься не буду, времени уже нет для этого. А сжигать книги не надо, они денег стоят, мы их продадим.

Таким образом было предотвращено уничтожение ценных книг. Несостоявшиеся гипнотизеры сложили их в кучу на глазах матери, связали веревкой и отнесли в амбар, а осенью действительно продали одному студенту-медику. Так завершилось дело с изучением гипноза...

То ли плохое материальное положение, то ли обида на мать, а скорее всего ни то, и ни другое, а плохие вести с фронтов войны толкают Мишу идти добровольцем на фронт. За несколько дней до пасхи он наказал принести хлеба, мяса и масла по возможности и пять рублей денег. Дня через три заказанные продукты и деньги Гурий ему принёс, но его домой не отпустил. Привезённое мясо он отдал хозяйке тушить. На другой день все продукты уложили в котомку и двинулись на станцию. Только подошли к станции, смотрят, со стороны Алатыря идет военный эшелон. Поезд остановился. Из одного пассажирского вагона выходит щегольски одетый военный. Миша сразу к нему: о чем-то поговорили. Миша вернулся к брату и попросил его следовать за ним. Их посадили в товарный вагон с солдатами. Эшелон тронулся по направлению к Казани. Миша только в Казани сообщил брату, что они едут на фронт. Данное известие Гурий принял весьма спокойно. Их повели в город и привели к какому-

то двухэтажному дому, на крыльце которого висела вывеска: «Штаб маршевой бригады». Мишу первым повели во внутрь дома. Через несколько время он вернулся и говорит брату:

— Сейчас вызовут тебя, не бойся ничего, на вопросы отвечай смело.

Привели Гурия в одну большую комнату, обставленную, как показалось ему, шикарно, где сидели трое, шегольски одетые военные. Один из них, с висячими усами, каким-то презрительным холодным взглядом смерил мальчика с ног до головы, и у Гурия задрожали руки и ноги. Ему был задан один вопрос:

— Воевать хочешь?

— Не знаю.

— Увести, — сердито последовала команда, и Гурия вывели из штаба. На этом было покончено с ним. Мишу приняли писарем штаба полка. Они в этот же день вечером погрузились и уехали на фронт.

Первые же дни пребывания в штабе, ещё не в передовой части, а значительно в тылу, Миша столкнулся с такими фактами, которые противоречили его представлению об организации военных формирований. По его представлению, боеспособность воинской части в немалой степени зависит от спаянности командного состава. А здесь о такой спайке и речи быть не могло. Война потребовал в ряды командного состава, кроме дворян и разночинной интеллигенции, и грамотных крестьянских сыновей: в офицерском составе было много бывших учителей сельских школ. Дворяне всегда тянулись к штабным должностям или на передовой к высоким командным постам, а на передовых позициях вместе с солдатами в окопах были главным образом офицеры из разночинцев и выходцы из рабочих и крестьян. Первые свысока с презрением относились ко вторым и третьим; те, в свою очередь, ненавидели первых. При встречах благородные не отвечали на приветствие низких. Где же тут боевая организованность и дисциплина? Эта же язва армии, разъедавшая её с головы. И недаром войска терпят одно поражение за другим, — рассуждал Миша. Воровство продуктов и обмундирования шло открыто. Однажды в Барановичи прибыл маршевый полк. Заместитель командира полка выписал для полка полный комплект обмундирования. Через две недели Мише пришлось по личной надобности посетить этот склад. На складе ничего не было, кроме старого обмундирования и белья, а солдаты, как приехали с тыла в старых шинелях и потоптанных сапогах, так и ходили в них.

Наглядевшись на безобразия в штабах, Миша решил покинуть этот позолоченный вертеп воров и жуликов, но ему хотелось посмотреть и познакомиться условиями передовых фронтовых

частей. Самым подходящим местом для этой цели он счёл санитарный батальон, куда и устроился на работу. Здесь они ездили на санитарном поезде на передовую и вывозили раненных в тыловые госпитали. Здесь он в первую же поездку наталкивается теми же безобразиями, но в худшем виде, чем в тыловых штабах: солдаты, по несколько дней не имея горячую пищу, плохо одетые, а ещё хуже вооружённые, часто без артиллерийской подготовки выходили из окопов и шли в наступление. В результате сотни убитых, тысячи раненных на незначительном участке боевых действий. Обстоятельства, сами собой, без постоянного толчка приводили к размышлениям. Ему становится очевидным, что война для народа — настоящее бедствие, а для господствующих классов — источник наживы и обогащения. От недавних волнующих, горячих чувств патриотизма у Миши и следа не осталось.

Встреча в санитарном поезде с одним фельдшером-коммунистом и беседы с ним окончательно убедило Мишу, что война грабительская, антинародная. До сих пор в голове Миши господствовало проповедываемое школой и распространяемое господствующими классами ложное мнение, что война началась из-за нападения немцев на Россию с целью его захвата. А фельдшер убедительными поводами доказывал, что война возникла не просто из-за необходимости защищаться от нападения немцев, а возникла она из-за передела давно поделенного мира.

— Напрасно ты, по своей доброй воле, пожертвовал учебой, — закончил свою беседу фельдшер.

После этих бесед Мише стало ясно, что он, следуя за проповедью своей школы, патриотически настраивая себя, сделал серьёзный промах. Единственная возможность исправить ошибку — покинуть фронт и вернуться домой. Не откладывая дела, он пошёл к своему врачу. Тот направил его на гарнизонную комиссию. Осмотрев его ногу, комиссия его уволила из армии. В начале августа 1916 г. он вернулся домой. Единственная польза, которую мог извлечь Миша из этой поездки — книги. Любителя книг и здесь кроме книг ничего не интересовало. Во время организации госпиталей в покинутых барских домах можно было бы поживиться имуществом, но Миша кроме книг ничего не брал. Когда Миша рассказывал об этих возможностях и о своем отказе воспользоваться ими, его мать, возмущенная поступком Миши, только вздыхала. Зато Миша привёз очень много различных книг. На другой день по его приезду они с Гурием на лошади поехали на станцию и погрузили полный воз книг, пришлось даже увязать слишком переполненный воз верёвкой.

Будучи на фронте, Миша выдавил из себя патриотические чувства и стал революционно настроенным человеком, и за эти

четыре месяца перестал верить в бога. До фронта он был глубоко верующим. По мнению Миши, душе Гурия после смерти никак не избежать ада; более того, что за каждое озорство, проступок, учитывая тяжесть каждого поступка, будут жарить и варить в отдельных соответствующих преступлению котлах. И представить и верить Гурию трудно, после всего этого заявления Миши было, что самого бога, тем более того рая, где души святых людей пребывают в вечном блаженстве и ада, где душе Кури полагалось сгореть дотла, вовсе нет, человеческих душ тоже нет. Миша вручил брату какую-то книжку и велел почитать. Книга трактует о жизни нашей земли, каким образом она формировалась, сколько миллионов лет она существует, каким способом ученые узнали об этом. Как животный мир, выйдя из воды, расселился по суше, доказываются многочисленными и весьма интересными примерами.

Во взглядах Миши на окружающие явления, в их толковании произошли большие изменения, но он внутренне, характером оставался таким же. По-прежнему был горяч и вспыльчив, часто позволял рукоприкладство. Миша на фронте научился курить, но почему-то, или стесняясь матери, при ней не курил. Однажды Гурий работал на хмельнике, поправлял криво поставленные тычки. Миша подошёл к нему папироской в зубах, и на удивление брата, дым выпускал изо рта и из носа одновременно.

— Где ты научился такому мастерству курения? Научи-ка меня, — удивленно спрашивает Гурий.

— Научу, почему не научить, — смеётся Миша. — Чтобы дым одновременно выпускать изо рта и из носа, дым надо глотать вот так, — глотнув затяжку дыма, показывает куряк. Пойдём в овраг на траву, там будем упражняться, только условие, если от дыма папиросы поперхнёшься, я тебя буду бить по шее.

Гурий согласился. Поданную папиросу прикурил, набрав дыму в рот, втянув в себя и поперхнувшись дымом, закатился он кашлем и получил известный удар по шее. И каждый раз получал эти довольно чувствительные удары, пока он на пятой папиросе не научился без кашля, ухарски выпускать дым одновременно изо рта и из ноздрей. А получил Гурий за эту пачку не менее полусотен чувствительных подзатыльников.

Вспоминая вышеописанную игру с курением, Гурий рассуждал, что вместе с изменением его мировоззрения, в характере Миши не произошло никакого движения, морозные комки высокомерия в его душе остались такими же. Другой человек прямо запретил бы младшему брату курить. Он ни словом не обмолвился о том, что желание брата научиться курить ему не по душе, что ему нежелательно, чтобы он курил. А выдумал какой-то дикий способ, присущий только единичным людям: отпугнуть его

от курева с помощью подзатыльников. Такие поступки своего старшего брата Гурий считал его недостатками. Действительно, поведение политически и мировоззренчески созревшего человека не должно походить на детские шалости, к которым можно отнести и вышеописанную игру братьев. Побывавшие на фронтах и повидавшие ужасы войны, как правило, невольно становились если не жестокими, то непомерно серьезными и остепенёнными людьми. В данном случае Михаил оставался таким же романтиком, каким был до ухода на фронт. До фронта он глубоко верил в Бога, а потом загорелся идеей равноправия и братства людей, в том числе и народов. В школе он был пропитан монархо-патриотическими лозунгами, но после фронта воочию убедился, что презирают и грабят простых людей не только волостные власти, но и армейские офицеры из дворян.

Миша Кузьмин, сын каторжанина и в то же время любимец учителей, сбежавший на фронт в состоянии патриотической эйфории, к августу 1916 г. полностью был готов впитать в себя большевистскую идеологию в её идеально-романтическом варианте. Его антивоенные настроения запечатлены в стихотворении «Судьба солдата» (конец 1916 г.), в котором имеются следующие строки из народной песни:

Ах, мама, мать моя родная,
Зачем на свет ты родила,
Судьбой несчастной наградила,
Шинелью серой облекла?
Шинель меня переродила,
Шинель солдатом назвала,
Шинель мне плечи отдавила,
Винтовка силу отняла.

Меня на службу забирают,
И я три года прослужил,
Я потерял здоровье, силу,
И что за это получил?

А в стихотворении «Скоро...» (конец 1916 г.) молодой поэт предвещает и падение царизма:

По деревням плач и стон —
Дети голодают;
В Петрограде царский трон
Воры окружают.

Отнимают лошадей,
Вера в бога вянет.
И когда же на царей
С неба буря грянет?

Поднимается народ
Грозною волною,
Смоет грязный царский род
С черною бедою.

К концу шихазанского периода жизни Миша значительно повзрослел и стал Михаилом, а по-чувашки *Михала*. Он серьезно стал заниматься поэзией и сочинять свои первые стихотворения.

О ШИХАЗАНСКОМ ПЕРИОДЕ ТВОРЧЕСТВА ПОЭТА

На основе воспоминаний современников М.Сеспеля, главным образом его брата Гурия, сделана была попытка восстановления отдельных фрагментов из детства и отрочества поэта. Всё это приводит к определенным выводам и размышлениям о начальном этапе творчества поэта.

Отец будущего поэта по натуре был горячим и гордым, в то же время мнительным и недоверчивым. «Я помню далекие слова отца, — вспоминал М.Сеспель в одном из писем А.П. Червяковой. — Никому не открывай своей души, ни с кем не делись своими страданиями, все равно не поймут».

Сын каторжанина Кузьмы Федорова (он, как уже было сказано, в состоянии сильного возбуждения убил своего брата, за что в 1911 г. был сослан в Вологодскую губернию) Миша по темпераменту и характеру полностью сходился с отцом, за что заслужил большую любовь его. «Отец любил меня, — тепло вспоминал потом М.Сеспель, — но любовь его ко мне, родственная любовь, закончилась трагично... Я остался после отца один». В письме к А.П.Червяковой от 2 июля 1920 г. он вновь вспомнил отца: «Если бы Вы знали, как я любил отца, если бы Вы знали, какая горячая вера жила в моем сердце, что я когда-нибудь да встречу его: если бы знали всю прелесть далекой, светлой моей жизни с отцом, с которым мы вместе мечтали, строили планы будущей жизни, смотрели так радостно на лежащую перед нами жизненную даль, на свою, хотя и в бедности, жизнь, которая прервалась девять лет тому назад роковым образом».

В 1911 г. будущий поэт в своей жизни впервые столкнулся с человеческим страданием: его сыновнее чувство вошло в противоречие с нравственностью и гуманизмом. Быть может, именно эта трагедия сделала сердце поэта способным страдать, чувствительным к чужой боли, легкоранимым.

Естественно, человек не становится поэтом лишь чтением книг, но чтение может развить его склонности. В то время, когда товарищи по учебе увлекались приключенческой литературой

(произведениями Майна Рида, Жюля Верна, Конана Дойля, Рейгара Хагарта), Михаил захлебывался произведениями М.Лермонтова, Н.Некрасова, А.Кольцова, И.Тургенева и Л.Толстого. Его тетрадь со стихотворениями открывалась следующими строками Н.Некрасова:

Сейте разумное, доброе вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

...Придет ли времечко
(Приди, приди, желанное!)
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого,
Белинского и Гоголя
С базара понесет.

Его одноклассники пели широко распространенные в те годы песни типа «Хазбулат удалой», «Ах, зачем эта ночь», «Бывали дни веселые» и т.п. Михаил пел другие песни: «Жена ямщика», («Жгуч мороз трескучий...»), «На могиле матери» («Спишь ты, спишь, моя родная...»), «Гибель Варяга» («Блещут холодные волны...»). Он любил исполнять чувашские народные песни. По воспоминаниям матери поэта, она впервые услышала от сына, а затем навсегда запомнила две строфы причитания невесты на свадьбе:

Акăш вĕссе пынă чух	Когда пролетает лебедь,
Кам курать-ши урине?	Кто увидит его ноги?
Сич ют килне кайсассан	Когда уходят в чужой дом,
Кам курать-ши ырине?	Кто увидит доброе?

Икĕ витре шыв асрăм,	Два ведра воды начерпала,
Пусма вĕсне лартайрăм.	У входа в дом поставила.
Ахах ятăм – путмарĕ,	Опустила агах – не потонул,
Кĕмĕл ятăм – юхмарĕ.	Опустила серебро – не потекло.

В период учебы в Шихазанской второклассной школе будущий поэт начал пробовать свое перо. Под руководством учителя русского языка и литературы П.А.Ломоносова учащиеся выпускали литературный журнал «Звездочка». Редактором и основным автором его был М.Сеспель. В первый номер журнала он поместил следующее стихотворение:

Трелью золотою	Утренней порою
Маленький звонок	Погонит на урок...

По своей тональности и стиховой структуре данная строфа очень близка к известному стихотворению М.Ю.Лермонтова «Горные вершины». М.Сеспель любил поэзию этого поэта-романтика, особенно его «Мцыри». Еще в 1910 г. его отец, зная, что

Миша помнит весь текст этой поэмы наизусть, настаивал на повторном исполнении перед односельчанами.

По воспоминаниям брата поэта, однажды во время каникул М.Сеспель принёс домой книгу «Правила стихосложения», взяв, очевидно, из личной библиотеки П.А.Ломоносова. Тогда он десять дней подряд не допускал к себе никого, днём и ночью читал эту книгу. В следующий раз наставлял своего младшего брата так: «Хорошие писатели внимательно наблюдают за происходящими вокруг них событиями, изучают причины их возникновения, а также знают, чем они завершаются. Например, позавчера дядя Пакай, не дав нищему кусочка хлеба, выгнал из дома. Для нас этот случай как будто незначительный, а писатель, узнав об этом, может прийти к обобщающим выводам о дяде Пакае – к одному, о просящем нищем – к другому. С этой точки зрения поэт должен быть более умелым: в нескольких словах он должен заключить большое событие, глубокое содержание и длинную жизнь».

Тогда же он прочел младшему брату четырёхстрочное стихотворение, написанное, как признался сам Михаил, в подражание А.Кольцову. В другой раз начинающий поэт ознакомил брата с одним стихотворением на родном языке, а вслед добавил: «Стихотворение неплохое, вот только метрический размер не тот. На основе этого размера можно сочинить только унылые стихи, можно и чуть-чуть повеселее. Но нужен такой размер, который заставляет бы скрежетать зубы, сверкать молнию перед глазами, услышать гогот и топтание ног. У чувашей еще нет такого».

Сеспель в те ученические годы по интуиции чувствовал камерно-певучую, но интонационно монотонную природу чувашского силлабического стиха. А пафос революции и национального возрождения требовал шагового ритма, основанного на чередовании сильных и слабых слогов, интонационного разнообразия и трибунного стиля.

«Попытки писать стихи М.Кузьмин начал во втором классе, – вспоминал однокашник поэта А.Г.Григорьев. – Это были небольшие стихи на память товарищам в личные альбомы, которые обычно заполнялись текстами песен, стихотворений и т.д.». По его рассказу, к одной из широко распространенной в годы Первой мировой войны песне, М. Сеспель добавил от себя две строфы:

Горит свеча, в вагоне тихо,
Солдаты все спокойно спят.
А поезд наш несется лихо.
Лишь только слышно: тик-так-так.

Один солдатик, изнуренный,
Склонивши голову на грудь,
Грустит по родине далекой,
Не может, бедный, он заснуть.

Далее следуют слова общеизвестной песни, и в конце поэт опять повторяет первую строфу. Это позволяет говорить об умении семнадцатилетнего юноши делать произведение композиционно целостным и содержательно завершенным.

В 1954 г. А.Г.Григорьеву удалось по памяти восстановить стихотворение М.Сеспеля «Скоро...». Первая его строфа построена на психологическом параллелизме, очень широко распространенном приеме чувашских народных песен:

На ветру шумит, кача(я)сь,
Горькая осина;
Наступила для чуваш
Черная година.

В чувашском фольклоре осина является символом беды, местом обитания нечистого духа и т.д. Поэтому сравнение поэта в данной строфе полностью совпадает с народной эстетикой, его пониманием прекрасного и безобразного, трагического. Такое можно видеть и в других строфах произведения.

В шихазанский период М.Сеспель активно усваивает традиции русской поэзии XIX в., в то же время пишет свои стихи в нормах чувашской народной эстетики, а частично и поэтики. В стихотворении поэта «Скоро...» преобладает новый в те годы для чувашей тип мышления, проникший в народный быт и культуру в результате христианизации и развития технического прогресса, а в художественном мышлении – утверждения историзма, открытия в сфере поэтики национального своеобразия. В стихотворении поэта «Скоро...» категория «время» впервые разделено на два противоположных отрезка: настоящее и будущее, что отражает европейское представление о времени – линейное (прошлое + настоящее + будущее). В чувашской же народной культуре её структуру определяла, как известно, идея циклического времени (идея спиралевидного развития, т.е. круговорота времени по спирали). О подобных философско-логических категориях более подробно будет сказано в третьей главе.

ГЛАВА II. «КАК ХОРОШО ВСПОМНИТЬ ТЕТЮШСКУЮ ЖИЗНЬ...»

Тетюши — российский городок на правом берегу Волги, возникший в 70–80-е гг. XVI в. на развалинах булгарского поселения как одна из крепостей оборонительной линии Тетюши — Алатырь. С 1807 г. Тетюши стали уездным городом Казанской губернии, в котором к 1900 г. проживало около 5 тысяч человек: 76 дворян, 185 купцов, 3060 мешан, 927 крестьян и 320 военнослужащих. В городе в основном проживали русские (3804) и татары (844). Чувашей там на рубеже XIX–XX вв. проживало лишь 13 человек, а мордвы ещё меньше — 4 человека. Часть выходцев из мордвы-каратаев писались, очевидно, русскими, в том числе и семья родителей П.И. Бекшанского, «бесценного друга» М.Сеспеля в этом уютном уголке необъятной России. Мне всегда казалось и сейчас кажется, что в нижеприводимых двух строках поэт имел ввиду прежде всего город Тетюши с его уютными домами:

Жизнь моя, за какими холмами

Твой уютною кровлею дом?

Главным занятием тетюшан было рыболовство, работы на пристани и торговля хлебом. В Тетюшском уезде к началу XX в. проживало 56 тыс. русских, около 100 тыс. татар, более 32 тыс. православных чувашей и около 7 тыс. мордвы. Уезд был многонациональным, в котором на одного русского приходилось три человека нерусского происхождения. Всё это сказалось в будничном облике данного центра уезда, где часто можно было видеть толпы чувашских и татарских крестьян, приехавших решать свои неотложные вопросы. Некоторые из них оставались ночевать в постоянных домах. Чуваши уезда, в том числе и сам патриарх И.Я.Яковлев, всегда останавливались в доме Бекшанских, ибо они по наследству владели чувашским языком. И вообще тетюшане всегда были лояльными к многоязычию, их уши улавливали звуки, как в татарской, так и чувашской речи.

ТЕТЮШСКАЯ СЕМИНАРИЯ — ДЕТИЩЕ ЧУВАШСКОЙ ИДЕИ

Чувашская идея как национальная идеология зарождалась как соответствующая реакция на усиливающийся официальный национализм Российской империи. Как известно, после победы над Наполеоном (1812) Россия начинает восприниматься как великая европейская держава. Её идеология в роли имперского государства становилась в первой трети и утвердилась во второй половине XIX в.

После поражения от союзных войск Франции, Англии, Турции и Сардинии (1854–1856) Российское правительство весьма осторожно стало относиться к внутриимперским мусульманам, которых оно считало чуть ли не потенциальными врагами и ревностными сторонниками Турции. Уровень этой конфессиональной ненависти и самодостаточности Российской империи весьма наглядно проявляется в её военных действиях на Балканах (последняя треть XIX в.), которая объяснялась «освобождением «братьев славян» от турецкого ига». В плане внутренней политики это выражалось в усилении противомусульманской деятельности как православных миссионеров, так и всей структуры власти империи. Главной идеей государственного национализма являлась скорейшая унификация подданных в России как в плане конфессий, так и в плане культуры и языка. Исходя из этой цели, выработывалась образовательная политика, впоследствии названная «системой Ильминского».

Идея просвещения чувашей формировалась и получила своего развития не благодаря, а вопреки официальной политики российских властей. Крещенотатарская школа Н.И.Ильминского имела свою главную цель — укрепление кряшен в православии и отторжение их от татаро-мусульман. Школа И.Я.Яковлева, как известно, не ограничивалась противодействием мусульманству (для большей части народа подобной угрозы и не было), она была нацелена на выработку нового литературного языка и издание чувашской книги, на подготовку учительских кадров и открытие начальных и двухклассных школ. В стенах яковлевской школы творили будущие классики художественной литературы, философии и науки.

Итак, в XIX в. главной составляющей чувашской идеи являлось всеобщее просвещение, что означало приобщение народа к русско-европейской цивилизации.

Рамки данной идеологии значительно расширились в начале XX в. Очевидно, не без влияния российских революционеров и ряда татарских деятелей, в чувашском обществе утвердилась идея борьбы за национальную свободу и равноправие народов. Наглядным примером зрелости данной идеи служат итоги выборов в Учредительное собрание осенью 1917 г. Объединённые силы чувашского национального движения смогли добиться включения в бюллетень свой список под №1, условно названным «чувашскими национальным списком». В итоге в Учредительное собрание были избраны четверо чувашских кандидатов. В отличие от татарских националистов, чувашские политические деятели не ставили цели строительства федеративного государства (штатов), многие из них ограничивались созданием национально-культурных автономий в составе демократической республи-

ки. Н.В.Никольский и руководимое им «Общество мелких народностей Поволжья» изъявило желание работать в полном согласии с Временным правительством, которое на издание национальных книг обещало выделить из государственной казны денежные средства. Вскоре председатель общества был включен в состав Казанской земской управы в качестве заведующего отделом народного образования, а потом и председателя управы (до лета 1918 г.). Это было для чувашей невидимым чудом и большой победой. Продолжая ту просветительскую деятельность, которую в 60-е гг. XIX в. начал И.Я.Яковлев, Н.В.Никольский придал ей более светский характер и адаптировал к конкретным реалиям начала XX в. Благодаря его гибкой политике, в 1917 г. открылись ряд чувашских учительских семинарий, в том числе и Тетюшская. Целью данного образовательного учреждения являлась подготовка чувашских учителей. Основные предметы должны были преподаваться на чувашском языке. По проекту Н.В.Никольского, в ближайшее время в Чебоксарах планировалось открытие для чувашских детей национального Университета. Его заслугой является создание в 1918 г. Казанского северо-восточного археологического и этнографического института, в 1921–1922 гг. он занимал должность директора Восточной консерватории.

Тетюшская чувашская учительская семинария была образована на базе Тетюшского высшего начального училища. По распоряжению Казанского губернского земства, её директором в сентябре 1917 г. был назначен Осип Григорьевич Романов (1874–1967).

О.Г.Романов — сын чувашского крестьянина д. Бюрганы Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Буинского района Республики Татарстан). Будучи студентом Казанской духовной академии, он написал повесть «Хён-хур куракан сынна турь пӑрахмасть» (Страждущего человека Господь не оставляет, 1900). Произведение получилось посредственным на фоне повестей земляка автора — И.Н.Юркина. О.Г.Романов преуспел в другом: стал быстро подниматься по служебной лестнице. В тридцать лет он стал инспектором народных училищ Буинского уезда. Но через год его сняли с должности из-за чувашских учителей-революционеров. После данного случая он глубоко возненавидел возмутителей имперского покоя. Например, в своей рецензии на книги И.Н.Юркина О.Г.Романов писал следующее: «Издания эти... являются дополнением к освободительным листкам и рассчитаны на развращение нравственности мирных и трудолюбивых чуваш(ей)».

Интересен отклик И.Я.Яковлева на данную рецензию: «С этим мнением Г.Романова я совершенно не согласен. По моему мнению, Юркин вовсе не задавался какими-либо пропагандистскими целями, а просто неумело собрал и неумело издал неко-

торые чувашские произведения, примеров к ним, и тем обесценил их, частью кое-что переведенное, а частью, может быть, даже и своё собственное. На эти сказки, которые, повторяю, не сочинены Юркиным, а, по-видимому, записаны со слов народа, и указывает г. Романов, называя их «дикими описаниями братоубийства, матереубийства и прелестей двоежёнства!» Чего нет в русских сказках? Стоит только развернуть сборник сказок А.Н.Афанасьева, чтобы убедиться в этом. А главное то, что нигде нет выражения со стороны Юркина сочувствия всему этому, нигде не встречается даже его суждений по поводу этих сказок. Вообще ничего предосудительного в брошюрках Юркина я не найду и уж совершенно не усматриваю никакой связи с теми «освободительными листками», на которые указывает г. Романов».

Эти строки написал человек, которого в своей одноименной драме И.Н.Юркин назвал Иудой и всю жизнь клеветал на него. На фоне благородного поступка своего учителя О.Г. Романов выглядит совершенно по-иному.

Для создания портрета первого директора Тетюшской чувашской учительской семинарии можно привести один фрагмент из воспоминаний П.И.Бекшанского. «Весть об Октябрьской революции в семинарию пришла неожиданно, — вспоминал один из самых близких друзей М.Сеспеля. — Осип Григорьевич Григорьев (Романов) вёл урок. Он был директором учительской семинарии. Зашёл старый священник А.Рекеев (из Симбирска), человек правых реакционных взглядов, и сказал ему в ухо что-то. Григорьев воскликнул:

— Пропала Россия! Кучка большевиков с авантюристом Лениным захватила власть!

Уроки прекратились, нас распустили».

Теперь, подготовив читателя к объективному восприятию, предлагаю прочесть следующие строки из воспоминаний З.П.Сусмет: «Потом по инициативе Кузьмина острое борьба совета курсов было направлено против директора курсов Григорьева (О.Г. Романова. — *В.Р.*), мракобеса, реакционера-монархиста. Миша выступал с обвинением директора лицом к лицу, и совет добился снятия этого директора и назначения человека с новыми взглядами, образованнейшего профессора педагогики».

Дальнейшая судьба первого директора Тетюшской чувашской учительской семинарии сложилась весьма драматично: в годы гражданской войны он воевал на стороне белых, был в эмиграции в Китае, жил до глубокой старости и умер в 1967 г. в Москве.

Вернемся к потрясшему весь просвещенный мир 1917 г. После свержения царского режима в феврале национально-освободительное и культурно-просветительское движение среди чувашей

поднялось на новую ступень. Формировалось и стало серьёзной политической силой в Урало-Поволжье «Чувашское национальное общество» со всеми своими филиалами в крупных и уездных городах региона. Возобновилось издание общенациональной газеты «Хыпар» (Вести), появились другие периодические издания: «Чухӑнсен сасси» (Голос бедноты), «Сӗнӗ пурнӑс» (Новая жизнь), «Хёрлӗ салтак» (Красный солдат), «Чӑваш коммуни» (Чувашская коммуна) и др. В 1919 г. в Казани начал выходить первый общественно-политический, научный и литературный журнал «Шурӑмпус» (Заря). В Казани также выходили научно-популярные сельскохозяйственные журналы «Ана» (Нива) и «Сӗр ёҫченӗ» (Хлебороб). В Симбирске было издано несколько номеров литературного журнала «Атӑл юрри» (Волжская песня). Всё это явилось невиданным успехом в деле чувашского национального движения. В начале XX в. чувашская интеллигенция сумела сформировать идею национального объединения народа на основе этнического своеобразия. Данное явление произошло благодаря развитию к тому времени исторического и этнического сознания среди образованных представителей чувашского этноса. Концепцию национального объединения на основе всестороннего (не только христианского) просвещения и развития культуры выработал и настойчиво проводил в жизнь Н.В.Никольский, которого по праву можно назвать идейным вдохновителем и лидером данного движения. Ещё в 1906 г. он учреждает первую чувашскую газету «Хыпар», а в 1917 г., как уже отмечалось, организует и возглавляет «Общество мелких народностей Поволжья». Общество имело просветительские цели: заботу о развитии национальных культур и расширении функций родного языка. Чувашские учредилорцы (Г.Алюнов, М.Юман и др.) в это же время делали акцент на росте политического самосознания народа. Эти идейные противоречия вполне естественны и закономерны, как и антияковлевские настроения. «Птенцы яковлевского гнезда» (Симбирской чувашской учительской школы) уже не могли удовлетворяться теми целями и задачами, которые ставил перед ними учитель и патриарх чувашского народа. XX в. выдвинул новые вызовы и требовал иного целеполагания. Впрочем, это осознавали самые последовательные «яковлевцы», например, Д.Ф.Филимонов (1855–1938), который писал следующее: «Нам необходимо устроить всеобщий чувашский съезд для объединения всех чувашских интеллигентов. Наша первейшая задача — культурное развитие чуваш(ей), совокупно и политическое».

В течение 1917 г. чувашское национальное движение набирало силы. Редактор газеты А.П.Милли (1894–1942), — идейный вдохновитель многих молодых писателей и поэтов, в том числе

С.В.Эльгера и М.К.Сеспеля — в своих передовицах горячо призывал народ к единению и просвещению. «Чуваши! Путь вперёд открыт, — восклицал один из ревнивых сторонников новой национальной идеи. — Ведущие по этому пути у нас надежны. Это — чувашская дерзость, трудолюбие, чувашская отвага и ум. Учитесь, чувашки! И увидите, мы станем удивительным народом». «Мы образованные люди из чувашской среды, — писал он в очередной статье, — немало горевали во время царской империи. При том, глупом царе (ухмах патша) мы боялись высказать в слух сущую правду. Теперь царя нет, некому помешать нам довести до народа правду. Громогласно призываем: наступило время устройства чувашской жизни самими же чувашами! Чуваши! Твердо стойте за тех, кто заботится о вас».

Идея чувашского единства включала в себя язык, историю и словесность народа. Этнический дискурс (письменная и устная речевая деятельность народа) целенаправленно был ориентирован на выработку основных принципов национальной идеологии. Основу чувашской идеи составляли как яковлевские, так и новые положения (светское просвещение, политическая борьба, антимоноархизм). Но на практике часто происходило столкновение между данными идейными течениями. В масштабе Тетюшской семинарии, как мы видели, директор олицетворял яковлевское представление просветительского дела, а М.Сеспель и его сокурсники — новое, которое условно можно назвать «национально-освободительным».

Еще в 1906 г. Д.Ф. Филимонов предупреждал: «Кто знает, быть может, увеличение «Кружка» чувашской молодежи (здесь речь идет о союзе революционно настроенных чувашских учителей. — В.Р.) приведёт наших сородичей не к пути прогресса, а к гибели, что и происходит теперь». В начале 1918 г. чувашская интеллигенция, недавно сплотившаяся под лозунгом «Чуваши, объединяйтесь!», разбежалась по противоборствующим партиям, защищающим лишь отдельные социальные слои и классы, а не общенациональные интересы народа. Началась гражданская война, где чувашские депутаты Учредительного собрания стали белыми офицерами, а основная масса чувашских солдат воевала в составе Красной армии. После появления декрета большевиков «о красном терроре» начали арестовывать активистов «Чувашского национального общества», объявили розыск учредителей, ставших депутатами благодаря деятельности данного национального движения. В списке для ареста, составленном красными комиссарами, имелась фамилия и Г.И.Комиссарова, автора философского трактата «Смысл мировой истории» (1916) и публицистического исследования-очерка «Чăваш халăхĕ малалла кайĕ-ши, каймĕ-ши?» (Будет ли чувашский народ

развиваться, или не будет? 1917). Верный ученик национального лидера начала XX в. Н.В.Никольского открыто отрицал партийные междоусобицы и раздоры: «Нужно сохранить дело прошлого года (имеется ввиду выдвижение на выборах в Учредительное собрание общечувашского списка. — В.Р.) и упрочить новую жизнь общими дружными усилиями народа, не разделяя его на враждующие партии».

Тетюшская учительская семинария как чувашское средне-специальное учебное заведение было открыто, как уже отмечалось, благодаря активной деятельности сторонников И.Я.Яковлева. По его совету был назначен директор (О.Г.Романов) и направлены в семинарию несколько преподавателей Симбирской чувашской учительской семинарии: учитель естествознания и химии Осип Андреевич Андреев, учитель математики Яков Захарович Захаров. Со школой И.Я.Яковлева также связаны учитель пения, а потом и физики Роман Никифорович Идобаев и учитель русского языка и литературы Василий Алексеевич Никаноров. По заданию «Чувашского национального общества» в Тетюши был направлен священник Шихазановской церкви Иван Афанасьевич Афанасьев, духовный наставник Миши Кузьмина из Казаккассов. Он должен был активно участвовать в подборе чувашских детей для учебы в Тетюшской семинарии, а потом работать в ней в качестве законоучителя и учителя чувашского языка и литературы. Вот как вспоминает об этих днях 1917 г. младший брат поэта Г.К.Кузьмин: «Когда он (И.А.Афанасьев — В.Г.) приехал в Шихазаны, Миша обратился к нему с просьбой оказать ему содействие экстерном сдать экзамен и получить выпускное свидетельство. На просьбу Миши он ничего не ответил, повел в свой кабинет. Здесь он в течение двух часов экзаменовал Мишу по всей трехгодичной программе. По окончании заключил:

— Вполне прилично, двухмесячный пропуск занятий ничуть не повлияли на твое знание. Раз так, то тебе здесь хлопотать о выпускном экзамене и терять время нечего. Поедем с нами в Тетюши, там ныне открывается семинария. Никаких документов для поступления, кроме экзамена, не требуется. Я уже отобрал здесь из нынешних выпускников наиболее способных пять человек, ты будешь шестым».

В Тетюши, из окончивших двухклассную школу, поехали для сдачи вступительных экзаменов: из села Алманчи Васильев Антоний (впоследствии Хрусталёв, министр просвещения Чувашии), Миша (будущий основоположник чувашской поэзии и 1-й пред-ревтрибунала Чувашии), из села Шоркасси Семенов Степан, из деревни Сормово Ефремов Василий (впоследствии Сорминский, профессор языка и литературы), из села Норваши Иванов Васи-

лий (впоследствии Токсин, председатель СНК Чувашии), из села Янтиково Семенов Сергей. Все шестеро успешно выдержали экзамены и были зачислены в число студентов семинарии.

Итак, по воле судьбы и благодаря ряду обстоятельств Михаил оказался в мещанском г. Тютюши, где в 1917 г. был создан деятелями чувашского просвещения новый центр национально-образовательного образования – учительская семинария. Впоследствии многие студенты данного учебного заведения стали известными общественными деятелями национально-государственного строительства Чувашской Автономной области и Республики.

«ПРОМЧАВШАЯСЯ В ВЕЧНОСТЬ ЛАЗУРНОСТЬ ЮНЫХ ЛЕТ...»

(Фрагменты из воспоминаний П.И.Бекшанского)

Павел Иосифович Бекшанский родился 3 сентября 1902 г. в с. Мордовские Каратаи Тетюшского уезда Казанской губернии в семье учителя. Учился в высшем начальном училище, что в Тенюшах, а после его слияния с Чувашской учительской семинарией стал однокурсником и одним из близких друзей М.К.Сеспеля. Воспоминания о чувашском поэте он начал писать, к сожалению, через сорок или более лет после последней их встречи. Поэтому могут быть в них некоторые неточности, что, безусловно, не может исказить исторический протрет, созданный талантливым мордвином из Каратаев (они называют себя крещёными мордвинами, но в быту разговаривают по-татарски или по-русски). Вот как описывает будущий журналист свою первую встречу с семинаристом Михаилом Кузьминым:

«Сема Андреев все 4 года, когда учился в высшем начальном училище, бывал у меня дома. Он жил на квартире у Лукиничны, рядом с нами. Приехал Сема довольно активным человеком. На первом же собрании учащихся мы избрали его председателем учкома. М.Кузьмин очень скоро и близко сошелся с ним. У меня еще не было дружбы с Мишей, потому что он с опаской посматривал на русских. В них видел представителей русского царизма, который подверг гнету чувашский народ. Миша политически еще был малоподготовленным. Мы все тогда были достаточно малосознательны. Семен Андреев хотел разъяснить, что русские бывают разные, и что надо разбираться в них. Однажды С.Андреев пригласил М.Кузьмина к себе домой. По пути к ним в нашем дворе Миша встретил мою маму во время ее беседы с чувашками. Кузьмину понравилось, что мать моя не чурается чуваш. Отсюда началась наша дружба. Дружба развивалась.

Миша начал ходить к нам. На следующий день М. Кузьмин попросил Васю Дмитриева пересест за другую парту. С этого дня мы сидели рядом с Кузьминым. Это еще больше сблизило нас».

В другом месте П. И. Бекшанский описывает первую встречу с М. К. Сеспелем несколько иначе:

«Бабушка Даниловна, а после ее смерти моя мать — Надежда Яковлевна — содержали постоянный двор для крестьян чувашских сел Пролей-Каши, Богдашкино, Кошки-Тимбаево.

Тетюши. Сентябрь 1917 г. Понедельник — день базарный. Во дворе, под навесом, подводы. Во дворе — распряженные кони. На подводах чувашские женщины, ждут, когда мужья, отметив в казенке (так назывались казенные винные лавки) удачную продажу зерна, вернутся. Они тихо поют песни.

На одной из подвод — мой учитель из высшего начального училища Роман Никифорович Идобаев. Это по его просьбе и для него поют женщины старинные песни своего народа. Роман Никифорович слушает, просит повторить, потом берет свою скрипочку и наигрывает мелодию. Раз, другой. Женщины его поправляют, подпевают заново, чтобы его скрипка песню передавала верно. Наконец, песня укладывается на скрипку и обретает голос и мощь. И над садами плывет мелодия древнего народа.

Зачарованно слушаю, сидя на крыльце. Из соседнего дома, через колодец, перепрыгивают к нам во двор двое. Мой друг по ВНУ* Семка Андреев и с ним незнакомый парень. Среднего роста. Смуглый. Густые волосы зачесаны назад. Черные, смоляные брови вразлет. На нем новенький костюмчик. Они идут к крыльцу, но по пути незнакомый парень застывает на месте, вслушиваясь в песню. А потом, круто повернув, уходит к подводам. Приостановился рядом с Романом Никифоровичем. Достал из кармана школьную тетрадь. Молча слушает скрипку и пение женщин. Спят, он раскрывает тетрадь и быстро записывает. Он тоже просит пропеть песню еще и еще раз. И снова карандаш бежит по страницам.

Спрашиваю Семена:

— Кого ты привел?

— А это Миша Кузьмин из Шихазанской школы. Нынче поступает в семинарию. Встретились, когда сдавали документы на прием. Он еще не нашел квартиры и ночует у меня.

Из дома вышла мать с большим самоваром. Донесла его до подвод и что-то сказала женщинам по-чувашски. Песня оборвалась. У самовара засуетились. Одна принесла воды, другая чурок. Разожгли. Роман Никифорович ушел. Михаил подошел к нам с

* Высшее начальное училище

Семеном. Познакомились. Михаил спрашивает:

— Кто эта женщина?

— Моя мама.

— Русская?

— Русская.

— А говорит по-чувашки.

— Немного. Только самые необходимые слова. Постоялый двор для чуваш(ей). После смерти бабушки мама стала хозяйкой двора, вот и научилась.

— Хорошая, видать, женщина, с добрым сердцем.

Слово за слово, знакомство состоялось. Пока мы беседовали, Михаил взял комок глины, долго разминал его в руках. А когда ушел, на перилах крыльца осталась небольшая фигурка человека со скрипкой. Узнать в ней Романа Идобаева было легко. Михаил с этой первой встречи стал близким другом».

Самые хорошие воспоминания П.И.Бекшанского о В.Дмитриеве:

«Очень быстро Сеспель подружился и с В.Дмитриевым. В.Дмитриев — из под Яльчик, из бедной крестьянской семьи. Парень крупнее ростом и меня, и Сеспеля. Он одевался, как военный. Часто носил гимнастерку, брюки-галифе, фуражку. Однажды М.Кузьмин пришел к нам. У него тогда не было длинных волос, была короткая стрижка. Он с фронта приехал домой. Дома отдохнул, съездил в Казань. В Казани купил крепкий костюм, хлопчатобумажный. И в хлопчатобумажном сером костюме приехал к нам.

В.Дмитриев один среди нас ходил в военном костюме. У него была категоричность мышления (как у Токсина и у Сеспеля). А вот, например, Мишка Каштанов был мягкий, легко отводил от себя удары повседневной жизни.

Я хочу привести пример. Состоялся диспут по религиозному вопросу. На этом диспуте председательствовал В.Дмитриев. Выступили и я с Кузьминым, что нет бога. Взяли мы четыре евангелия и сравнивали друг с другом, вытаскивали оттуда различные противоречия и смеялись над ними. И вот священник Рекеев вдруг вскочил с места и бежит во время моего выступления, кричит:

— Как Николай Угодник задушил (дал пощечину) еретику Арию, так и я воздам тебе. — Подбежал ко мне и ударил по щеке.

Я не успел разобраться и даже не успел пошатнуться. Все вскочили с места и начали кричать на попа. Вася Дмитриев встал и говорит:

— Спокойно. Кто председатель собрания?

— Ты, — ответили ему из зала.

— Я и поведу собрание.

Взял священника за руки и вывел во двор, завел в уборную. На уборной было написано: «Для педагогов». Завел туда, накинул цепь, подобрал палку, подпер дверь и сказал:

— До конца собрания посидишь.

Так и посидел батюшка до конца диспута».

С В.Дмитриевым М.Сеспель продолжал дружбу до отъезда из Чебоксар. В своих письмах к А.Червяковой он писал, что «Вася Дмитриев — его самый близкий и надежный друг».

Интересны воспоминания П.И.Бекшанского о взаимоотношениях М.Сеспеля с И.А.Афанасьевым. С одной стороны, он был одним из первых наставников поэта, с другой, он являлся служителем церкви, которых поэт не только недолюбливал, но и презирал.

«В 1918 году в городе организовали филиал Чувашского национального общества. Одним из его деятелей был Иван Афанасьевич Афанасьев — очень грамотный священник. Он нам в семинарии преподавал географию. Михаил Кузьмин часто ходил к нему, хотя и был атеистом. Не разобравшись в политических программах и в национальном вопросе, он внимательно прислушивался к националистической программе ЧНО.

Однажды я у него спросил:

— Почему ходишь к попу? Ты же неверующий.

Михаил ответил:

— Ты этого не можешь понять. Ты русский, а я чуваш, и Афанасьев чуваш. Мы можем расходиться во взглядах на религию и на что-нибудь еще. Но оба принадлежим одному народу и думаем, как сделать ему лучше.

Это было в самом начале 1918 года. В газете «Хыпар» появилась статья Михаила Кузьмина-Сеспеля «Наша сила». Судя по всему, статья написана не целиком Сеспелем, так как там встречались термины, которых я от него никогда не слыхивал. Там не только его мысли».

Следует обратить особое внимание на данное место воспоминаний мемуариста-журналиста. В 50–70-е гг. XX в. в творчестве М.Сеспеля признавали лишь те произведения, в которых имелись противопоставления новой жизни со старой, идеализирование коммунистической перспективы и т.п. В то же время поэта упрекали за его «обшенациональные идеи», «неправильное понимание национального вопроса», «незрелые суждения». Вышеназванную статью «Пирён вйй» (Наша сила) составители не посмели включить в «Собрание сочинений» поэта, изданное в 1959 г. Статья от начала до конца написана самим поэтом. Ее можно назвать программой реализации чувашской национальной идеи

начала 1918 г. Несомненно и то, что восемнадцатилетний студент учительской семинарии, будучи активным членом «Чувашского национального общества», выражал общие идеи и задачи данной политической организации. Особый исторический интерес представляют следующие мысли автора статьи:

«В это бурное время, когда поднялся на дыбы весь русский народ, было бы очень хорошо образовать нам из достойных руководителей свое, чувашское, правительство. Тогда бы мы стали строить жизнь не по чьей-либо указке, а по нашему разумению. Поскольку от казны не дождешься наших собственных средств по мере надобности, желательно налоги от чувашского населения не передавать в чужие руки, а направлять их по своему усмотрению на полезные дела. Нам бы чувашский полк <...> Ныне всё упирается на деньги. Деньги есть – ты силён, денег нет – ты бессилён. Поэтому наши образованные соплеменники <...> учредили Центральный Чувашский Банк <...> Чтобы счет в банке постоянно увеличивался, не позволяя нам отставать от других народов, одних добровольных отчислений недостаточно – во что бы ни стало необходимо собирать подушные, хотя бы по рублю ежегодно – специально для Центрального Банка. <...> Появится возможность образовать свое правительство, свою армию. <...> И заживёт чуваш полнокровной жизнью, всюду будет звучать родная речь. Свободные жители чувашских городов, словно старательные муравьи, спокойно, без каких-либо понуканий, будут работать на свой лад <...>» (Перевод А.Дмитриева).

Итак, М.Сеспель, как и определенная часть национальной интеллигенции, в начале 1918 г. мечтал об автономии чувашей со своим правительством и армией (это уже идея конфедерации отдельных штатов).

Вернемся к воспоминаниям П.И.Бекшанского. По ним мы можем восстановить хронику событий 1918 г., так или иначе связанных с биографией М.Сеспеля.

«Грозный 1918 год был для нас очень суровой школой. Этот год показал всему народу, чего стоят многие партии, которые кричали о свободе, о равенстве, о братстве. А на деле при белочешском мятеже все партии, кроме большевиков, оказались в лагере буржуев и развязали гражданскую войну против советской власти.

В Тетюши чехословаки вошли без боя. Они приплыли на 4 пароходах, дали 4 залпа. Некому было оказать сопротивление. Были схвачены активные участники установления Советской власти Василий Иванович Рыжков, Дмитрий Дмитриевич Карасев, Дмитрий Флегентович Фуражков. Все трое были зверски убиты. 15 августа 1918 года в деревне Пролей-Каши, где белогвардей-

цы пытались провести мобилизацию в свою армию, произошло стихийное восстание крестьян против белогвардейцев. При этом было убито 5 белочехов, а остальные сумели убежать. Через сугки в Пролей-Каши ворвался сильный карательный отряд под командованием офицера-помещика Лопаева. Это у него пролейкашинские крестьяне насильно отобрали землю и поделили между собой. И теперь Лопаев жестоко мстил крестьянам. 15 активистов восстания были арестованы, приведены в Тетюши и зверски замучены.

Летом 1918 года все семинаристы находились дома на каникулах: Михаил Кузьмин, узнав, что белые захватили Волгу, Казань, Тетюши, вступил в Красную Армию. Он с освободителями вошел в Казань. В это время создавались маршевые роты. Красная Армия с самого начала была гуманной. В роту зачисляли солдат после прохождения медосмотра. Михаил Кузьмин был признан годным только к нестроевой службе. Поэтому его на фронт не отправили, а назначили помощником делопроизводителя военной комендатуры города Казани.

В октябре Михаил был демобилизован для окончания семинарии и вернулся в Тетюши. В Казани он тесно связался с Чувашским военным комитетом и с чувашскими большевиками. Оттуда вернулся твердо убежденным большевиком.

Здесь следует добавить, что в Казани он написал, как вспоминает его брат Гурий, следующие стихотворения: об изгнании чехов из Казани; «Доля Чувашии» и «Могильный холм». Когда Гурий высказал свое мнение, что больше всех понравилось последнее стихотворение, Михаил ответил так:

— Ты прав, в обоих стихотворениях отсутствует азарт и сила. В первом стихотворении вместо торжества и радости за избавление от чехов заметно сожаление. Во втором стихотворении наблюдается излишняя растроганность. Вместо правильной оценки событий, освобождения чувашского народа от угнетения, можно заметить, что от захлебнувшей радости не только слезы каплют, но и слюна из рта течёт.

Перейдем к воспоминаниям П.И.Бекшанского.

«Уездный партийный комитет в Тетюшах был создан в октябре 1918 года, и мы пошли туда с просьбой принять нас в партию. Нас было пятеро: Михаил Кузьмин, Павел Бекшанский, Петр Слесарев, Василий Сухарев, Василий Дмитриев. Нам поручили поработать в союзе молодежи, восстановить его, наладить работу.

— А мы посмотрим, на что вы способны, и тогда будем решать — принимать вас в партию или нет.

И мы увлеченно выполнили первое партийное поручение. 15 декабря 1918 года в воскресенье нас (Бекшанского, Сеспеля,

Слесарева, Дмитриева, Сухарева) вызвали на городское партийное собрание и там приняли в члены партии. 22 декабря нас пригласили на заседание укома, всем дали билеты, а мне — нет, т.к. мне было только 16 лет. После решения Казанского губернского комитета партии, утвердившего мой прием в члены партии, билет мне вручили лишь 21 января 1919 года.

22 декабря, в день вручения билетов, председатель укома Василий Федорович Блинников (1893–1946.) на заседании зачитал телеграмму председателя ВЦИК Я.М.Свердлова. Вот текст этой телеграммы:

«Телеграмма от 17 декабря 1918 г. № 1335

Установлены сроки приема и выпуска курсантов. 7 января заканчивается очередной курс и начинается шестинедельный ГЧК. Присылайте по пять человек от уезда и не раньше 5 января и не позже 18 января. Присылайте безусловно грамотных, способных стать инструкторами. Желательно коммунистов, сочувствующих. Обучение и содержание бесплатное. Необходимо захватить на пару дней провианта».

Василий Блинников на эти курсы инструкторов-пропагандистов решил послать только-что вступивших коммунистов, еще политически малограмотных, «неоперившихся птенцов» — Мих. Кузьмина, Пет. Слесарева, Вас. Сухарева.

В конце декабря 1918 года они выехали в Москву через Казань. И ехали 8 суток. На курсах занимались по программе, собственноручно составленной Я.М.Свердловым. Лекции на курсах читали ближайшие соратники В.И.Ленина и Я.М.Свердлова: Луначарский, Ярославский, Петровский, Цурюпа, Коллонтай и другие. Это была школа теории классовой борьбы. Сеспель ее прошел с большим успехом».

Ради справедливости следует заметить, что в творчестве М. Сеспеля отражение классовой борьбы никогда не было основной целью, как это наблюдалось во многих стихотворных агитках тех лет. «Да сплотит навек / Нас язык родной!» — пишет поэт в декабре 1918 г. «Наконец ты волен, наш язык родной!» — выражает он свою радость в ноябре 1920 г. В начале письма Н.Т.Вазянке от 22 марта 1921 г. поэт помещает следующий эпиграф: «Во имя языка чувашского да будем все едины!»

Этно- и языкоцентрические настроения М.Сеспеля отражены и в воспоминаниях П.И.Бекшанского. Для наглядности приведу строки, повествующие об организации школ пропагандистов: «Осенью 1919 года М.Кузьмин Тетюшской уездной конференцией союза молодежи избирается заместителем председателя укома, и он сразу же активно включается в эту ответственную работу. М.Кузьмин настоял на том, чтобы группа чу-

вашского комсомола организовала школу партийно-организационной работы и чтобы преподавали там на чувашском языке. В секции из 40 комсомольцев 30 — комсомольцы-чуваши.

И вот пошел разговор о том, что чувашская молодежь требует особых условий работы, места, обстановки. Трудно чувашскому парню учиться, т.к. политические книги написаны по-русски. Надо организовывать школы с преподаванием на родном языке. И они были организованы. Преподавателями в них стали В.Дмитриев, М.Кузьмин, А.Андреев и А.Ласточкин. И конспекты писались на чувашском языке. Многие слушатели этой школы впоследствии стали знатными людьми Чувашии (Петров — директор Чувашского пединститута; Марков — министр финансов; Сергеев — заведующий отделом Министерства сельского хозяйства и т.д.).

Когда возник вопрос о созыве Всероссийского съезда чувашских комсомольцев, Васю Дмитриева взяли в оргкомитет. Потом его избрали в бюро чувашской секции губкома комсомола. Он стал председателем этой секции. На Всероссийском съезде В.Дмитриев был избран председателем съезда, а М.Кузьмин вместе с В.Ивановым — секретарями съезда».

Из воспоминаний П.И.Бекшанского можно узнать и о старших друзьях нашего поэта, о его особой тяге к книгам.

«Среди друзей, ближайших друзей М.К.Сеспеля, я не могу не назвать Якова Андреевича Андреева. Яков Андреевич Андреев, учитель-чуваш, после империалистической войны 1914 года вернулся в Тетюши и здесь был назначен заведующим внешкольным подотделом уездного отдела народного образования. Он занимался организацией политико-просветительской работы среди населения. Ему принадлежат честь и заслуга создания народного дома в Тетюшах, где проводилась вся политическая работа партии среди населения. Здесь состоялось и первое знакомство Кузьмина и многих из нас с Я.А.Андреевым. Вся дружба Сеспеля с людьми нашего поколения, нашего времени была крепкой, потому что она основывалась на деловых отношениях, на деловой взаимозависимости. И эта взаимосвязь, это взаимосочастие в общей партийной борьбе за воспитание молодежи, населения и цементировали нашу дружбу, поэтому она и оказалась такой, я не побоюсь этого громкого слова, бессмертной. Первое взаимоотношение с Я.А.Андреевым началось с того, что мы собрали вокруг народного дома молодежь. Дальше дела развивались быстрее. Мы решили создать в Тетюшском уезде первую народную библиотеку. Помогали внешкольному отделу собирать книги для библиотеки. Здесь можно назвать один эпизод, связанный не с Михаилом Сеспелем, а с художником Михаилом Куприяновым

(с одним из Кукрыниксов). Было здесь в Тетюшах перед самой войной организовано дворянами уезда общество трезвости. В этом обществе господа дворяне выбрали председателем беспоместного дворянина, жившего в одном из оврагов города, не имевшего абсолютно никаких доходов, и работавшего у нотариуса делопроизводителем, Павлина Евлампьевича Соловьева. Соловьев был человеком интересным, очень любил русскую литературу. Он являлся инициатором создания и редактором первого литературно-художественного альманаха, издававшегося в Тетюшах. Альманах им подготовлен, отвезен в Казань и на собственные деньги отпечатан тиражом в 100 экземпляров. Как назывался альманах, я уже не помню. Там были едкие сатирические заметки о Тетюшах, о нравах тетюшских купцов, там были анекдоты из помещичьей жизни, стихи и рисунки местных авторов. Но этот Соловьев известен был и другим, был страшным пьяницей. Он пил запоями, и господа дворяне, подтрунивая над ним, выбрали его председателем общества трезвости. Задача общества трезвости была поставлена такая: пропагандировать вред алкоголя и отвлекать людей от пьянства чтением, пением, полезными делами. Дворяне отпустили деньги и решили организовать публичную библиотеку. Соловьев взял эти деньги, отправил в книжные магазины Москвы и Петербурга. Книги пришли, но он так запил, что забыл все дела. Библиотеку разместить было негде, и вот купили в селе Михайловском маленький амбарчик. Книги свезли сюда и крупным замком заперли. Но тут революция, тут не до библиотек, и книги лежали там.

Я знал, что в амбаре этом хранятся книги. И мы с М.Куприновым решили почитать эти книги. Попросили одного из знакомых кузнецов, и он нам сделал ключ от замка. И мы пользовались этой библиотекой. Почему я это говорю? Потому что, когда Я.А.Андреев поставил перед нами вопрос создания библиотеки, мы решили, что надо в основу положить вот этот дворянский фонд, который без дела лежит в амбаре. Мы для этого освободили в народном доме три комнаты и стали собирать книги. С помощью Я.А.Андреева же получили мандат у местных органов власти и отправились по помещичьим селам. Если помещичьи книги не растащили при разгроме имений, забирали их с собой. Вот так-то понемногу собиралась библиотека. Мы постарались взять книжки и у помещицы Елизаветы Владимировны Молоствовой. Она охотно пошла нам навстречу, мы привезли три воза книг от нее, но в это время получили телеграмму из Москвы: прекратить изъятие книг у помещицы Молоствовой. А.В.Луначарский дал прямое указание. Нас с М.Кузьминым это очень заинтересовало: почему Луначарский (а М.Кузьмин слушал его

лекции на курсах в Москве) вдруг заступает за помещицу? Решили спросить у самой Молостковой. Ну и приехали к ней. Елизавета Владимировна говорит:

— Извините, но я ведь не жаловалась, я только сообщила, боюсь я, что вы книги у меня возьмете, зачитаете и растеряете, но а тут есть книги очень ценные, редкие. Конфискуете все подряд, но я не могу вам ее отдать. Вот у меня лежит книжка «Воскресенье», она и подписана: «В Долгую Поляну, Елизавете Владимировне из Ясной Поляны, от Льва Толстого. С уважением Л.Толстой», — и показывает нам собственноручную подпись.

И вот разговорились с ней. Она оказалась интересной, культурной, интеллигентной. Политические взгляды свои она, конечно, не выдавала.

Вскоре мы получили документ, что библиотека объявляется государственной заповедной библиотекой и Молосткова назначается ее научным хранителем... Я вспоминаю историю с этой помещицей потому, что на Сеспеля и на нас всех влияли и в какой-то мере воздействовали не только друзья, но и наши «прямые» враги.

Среди интересных людей, с которыми встречался Кузьмин, был Александр Мантел. Это потомственный дворянин, предки которого из Швеции, обрусевшие при Петре I-ом. А.Мантел учился в академии художеств в Петербурге. Этот Мантел был прислан в Тетюши для охраны памятников древнебулгарского царства в селе Булгары А.В.Луначарским. Этот человек был политически грамотным, в партию вступил еще до революции. Он заинтересовал Кузьмина как художник. Потому что Кузьмин и сам любил рисовать, с детства лепил из глины, талантливым человеком в этом отношении был. Но первая встреча с Мантелом произошла не на этой почве. Она произошла тогда, когда мы организовали в Тетюшах драматический молодежный кружок. Встал вопрос о новых пьесах. Мантел объявил конкурс на сочинение пьес для нашего театра. На этот конкурс поступили около 5-ти пьес разных авторов: написал пьесу Ергуни — основатель Тетюшского краеведческого музея; написал пьесу председатель уездного комитета партии портной Василий Федорович Блинников (пьеса о рабочем парне, о его семье); написал пьесу и А.И. Мантел («В дни нашей жизни», о жизни студенческой молодежи). Пьеса очень интересная, грамотно сделана. В связи с этим и Сеспель приступил к работе над пьесой на чувашском языке и думал о создании чувашского драмкружка. Но пьесу он не дописал. Именно Мантел «виноват» и том, что Сеспель взялся за пьесу.

У М.Сеспеля, как известно, сохранилась единственная пьеса под условным названием «Упик» (Убик). Создается впечатле-

ние, что о влиянии А.Н.Мантеля на поэта П.И.Бекшанский написал после ознакомления с «Собранием сочинений» 1959 г., где в части комментариев есть следующее пояснение: «По содержанию пьесы можно полагать, что написана была она не ранее знакомства М.Сеспеля с жизнью Казани в 1917 г. и не позднее вступления в партию в конце 1918 г.»

Несостоятельность данных политических догадок очевидна и не требует особых доказательств. В результате текстологического и археографического исследования автором настоящей книги было установлено, что пьеса «Убик» написана весной 1921 г., когда Чебоксары стали столицей Чувашской Автономной области, а чувашский театр переехал туда из Казани (о данной пьесе подробнее будет сказано в следующей главе).

Страстная любовь к литературе и книге сблизила М.Сеспеля с учителем русского языка и литературы В.А. Никаноровым. По воспоминаниям Т.Пэдерки, бывшего воспитанника Тетюшской семинарии, Василий Алексеевич имел монголоидный тип лица, был брюнетом и черноглазым, свободно разговаривал по-татарски. О нем хорошо отзывается и П.И.Бекшанский:

«Нашим любимым учителем был Василий Алексеевич Никаноров, преподаватель литературы. Мы бывали у него и дома. Василий Алексеевич доверил мне и Михаилу составить каталог его библиотеки. Долгие вечера проводили мы в комнате, где книжные шкафы и стеллажи стояли и вдоль и поперек, словно перелуки: Пушкинский, со всей поэзией от Сумарокова до Блока; Белинский — со всем богатством мысли российских и зарубежных критиков... Первое время, когда пред нами открылась эта сокровищница, Михаил даже бледнел перед полками. Капельки пота появлялись на его крутом лбу. Он мог вцепиться в любую из книг, ничего не видя больше, не слыша.

В доме все заснуло. Татьяна Васильевна, жена Никанорова, подойдет ко мне тихонечко, скажет шепотом:

— Уходить будешь, Паня, дверь запри, а ключ сбрось в форточку. Михаила не тревожь. Он нам не мешает, и ему мешать не надо.

Я уходил. А утром Михаил появлялся в семинарии с красными воспаленными глазами.

— Фауст... Вот тебе и Фауст! Мы, брат, читать не умеем. Читаем — видим усики, бородку, действия, поступки. А мысли, а мозг? Тут же вся борьба человеческой мысли за познание мира, его тайн и законов. Ты обязательно прочти... — и он назвал книгу, что всю ночь открывала ему смысл бессмертного творения Гёте.

Раздался звонок. Пора в класс. И Михаил как рукой смыл с лица и бессонную ночь и устал, словно запер какой-то участок

мозга, взволнованного новым прочтением Фауста, и отпер другой, ведающий, скажем, алгеброй. И не было в классе слушателя, внимательнее Михаила.

... Мы снова в библиотеке Никанорова. Я пишу каталог, Михаил увлекся новой книгой. Входит Василий Алексеевич, взволнованный, с письмом в руках.

— Вот беда-то, профессор Сакулин голодает. Такой блестящий ум и ... есть нечего! Так и пишет. И Петр Семенович голодает, Коган, я вас знакомил с его работами. С ума сойти можно! Новая культура, социализм строить беремся и кусочек хлеба... Кто кого?

— Вася, успокойся, тебе вредно, — это Татьяна Васильевна с кусочком сахара и лекарством в руках.

Михаил подошел к Василию Алексеевичу. Смотрит на учителя и ласково и хитро:

— Василий Алексеевич, можно одну просьбу высказать?

— Какую еще просьбу? Не до ваших просьб мне сейчас, как вы не понимаете.

— Простите, и представьте себе, понимаем. Будьте любезны дать мне адреса Сакулина и Когана. Мы, ваши ученики, почти все крестьяне. Что-что, а сухарей подослать сможем.

— То есть... как? С чего это вдруг — вы? Ну я еще обязан, я все же у Сакулина учился. А вы тут причем? Не понимаю.

— Василий Алексеевич, может, скажу грубо, как думаю, но потом поймете. Время поможет. А адреса все же дайте.

Получив адреса, Михаил распрощался с хозяевами и увел меня с собой.

За вечер мы обошли всех сокурсников. У кого был каравай хлеба, половину отдали нам. У Семена Андреева оказалось пшено, отсыпал. Делились всем, мукой, маслом.

На утро Михаил не пошел в семинарию. Вдвоем с моей матерью Надеждой Яковлевной они топили печь, сушили сухари. Вечером мы сколачивали ящики, бережно укладывали сухарик к сухарику. Обшивали ящики холстом, писали адреса. Михаил сиял и заглядывал под руку, посмеивался:

— Смотри, ошибки не сделай, не кому-нибудь пишешь, а профессору литературы.

Посылки ушли. Прошел месяц, а может, и больше, когда к нам домой прибежал, буквально прибежал Никаноров. Пальто накинуто на плечи. Очки забыл, и лицо его как-то непривычным казалось — и добродушным и смущенным.

— Кузьмин не у вас? Что же это вы наделали, друзья мои? А ну-ка, я вас расцелую. Читайте-ка, что Сакулин пишет.

Читаем. Сакулин благодарит за посылки. «Только, — пишет он, — вы, милый мой, перестарались, себя обобрали, наверное.

Получил от вас такую аппетитную посылочку с сухарями, с пакетом пшена, с бутылочкой масла, хоть гостей зови, а на следующий день еще посылка, затем третья...»

Никаноров написал Сакулину, рассказал, кто и как организовал посылки. В ответ пришло письмо на весь класс и большой ящик с книгами для семинарской библиотеки. Так закончился один из наших вечеров у Василия Алексеевича. Было это осенью 1918 года».

Одним из интересных фактов из жизни М.Сеспеля является, на мой взгляд, воспоминание П.И.Бекшанского о случае, происшедшем в одной из декабрьских ночей 1919 г.

«Метель разыгралась такая, что — ни земли, ни неба. Снег густыми хлопьями то падал сверху, то налетал с порывами ветра и слева и справа, то, крутясь, поднимался с дороги и бил прямо в лицо. Лошаденка выбивалась из сил, утопая в снегу, с трудом вытаскивая ноги. Ехать дальше было нельзя, хотя Казань была уже рядом, мы решили заночевать в Михайловке, что под Нижним Услоном.

В сельском совете, где мы собирались провести ночь, сторож, закутанный в волчий тулуп и обмотанный старенькой шалью, заявил, что ночевать тут ну, никак, прямо-таки, невозможно, замерзнете товарищи-комиссары, и повел нас «на постой».

Мы с Михаилом долго стучались в двери и окна избушки, занесенной снегом до крыши, пока на крыльцо не вышел заспанный хозяин.

— На постой? Разве не Степана Кривого очередь?.

— У Степана нынче милицейский комиссар ночует.

Больше ни слова не сказав, хозяин пропустил нас в дом. Нет, мол, мне до вас никакого дела, но коли очередь — ночуйте, хаты не убудет. Молча зажег он светец. Тусклый огонек радугой заиграл в клубах холодного пара у порога, огромные тени забегали по стенам.

Мы раздевались молча, губы застыли. Да только ли губы? Оба в шинелях, Михаил хотя и в валенках, но с потертыми пятками, а я с форсом — в ботиночках и кожаной комиссарской фуражке.

Хозяин присмотрелся к нам и обмяк, пожалел, посочувствовал.

— Ну и застыли вы, парни, виноват, товарищ. Где подводито меняли?

— В Теньках. Перегон небольшой, но часов пять из сугроба в сугроб.

Дверь еще раз пахнула белым, стелющимся по полу туманом — вошел наш возчик, паренек лет четырнадцати. Он по-

хозяйски прибрал лошадь и как-будто не было на улице ни мороза, ни вьюги, вошел бодро, свежий, румяный.

— Затихает метель-то понемногу, — сказал он как-то не по возрасту степенно. — Эдак, отдохнем до зари, да и ехать можно. Вы уж, товарищи, подводу здесь не меняйте. Сам отвезу. Эх, давно я в Казани не был!

— Как давно, Петр Михайлович? — спросил я ему в тон, подчеркивая полное к нему уважение, как первому хозяину в семье. По дороге, пока еще не разыгралась пурга, Петруша рассказал о себе все, что мог. И то, что отец погиб еще в германскую, и что мать замуж не выходит, кому она нужна больная-то, вот и приходится ему самому хозяйство вести да братьев растить. («Хорошо еще, что девчонок не народила. Терпеть не могу девчонок...»)

На мой вопрос Петр Михайлович ответил не сразу. Помолчал, словно вспоминая, а когда же это он в Казани был последний раз, и, улыбаясь, поправился:

— А собственно говоря, и не помню. Кажись, с тех пор, как родился, не был еще я в этой Казани-то. Она нам вроде ни к чему, но поглядеть любопытно.

Во время разговора он также степенно разоблачался. Снял отцовский чапан, отряхнул его у порога и положил ближе к печке, на скамейку. Овчинную шубу повесил от печи подальше, чтобы не задубела. Валенки обил о порог и — на шесток, сушить. Рукавицы — в печурку. И чем дальше он раздевался, тем меньше оставалось в нем Петра Михайловича, а когда и отцовский пиджак переселился с худеньких плеч на гвоздь в стене, стал наш Михайлович белобрысым, веснушчатым мальчуганом, самым доподлинным Петькой.

Из бездонного кармана шубы достал он несколько моченых яблок. Подал по одному нам с Михаилом, остальные быстренько умял с куском хлеба, извлеченного из тех же карманов. Нашел глазами иконы, перекрестился раз-другой, не столь набожно, сколь снисходительно — вот, мол, и день кончен, и на сегодня я с тобой, господь-боже, в полном расчете.

— Где поспать укажешь, папаша? Что-то сморился я.

— Полезай к ребятам на полати. Наблюдая за Петей, отогреваясь возле дышашей жаром печки, мы не заметили, как из-за ситцевого полога вышла молодая хозяйка и, молча, зябко кутаясь в шаль, накинутую на плечи поверх длинной самотканной рубахи, разглядывала нас.

— Моя-то на погосте, — сказал хозяин, заметив, что мы тоже рассматриваем молодушку. — Оставила трех парней, младшой-то совсем сосунок был. Вырастил, а зачем? Двоих война с ерманцем сожрала, как и не было. Третий воюет, бес его знает,

на каких фронтах, то ли в красных ходит, то ли в белых, пятый год воюет. Вторую зиму — ни письма, ни весточки, может, тоже не живой уже... Это его молодуха-то. Поженил сына рано — какой дом без хозяйки. Стукнуло ему восемнадцать, и женили на сиротке. Ей в ту пору только-только 16 минуло. Мается бабочка: пожила с мужем не больше года. Родила двойню — растут. А она тоскует — мало ей!

Молодушка, словно и не о ней речь шла, не сводила глаз с Михаила. Тот, явно смущаясь пристального взгляда, встал:

— Будь здорова, хозяйюшка. Не сердись, что спать помешали. Пурга.

— На что сердиться-то? Заехали — гостями будьте, милости просим, — церемонно ответила она, поклонившись каждому из нас. Потом повернулась снова к Михаилу. — До чего же ты на моего Мишаньку похож. Прямо сердце захолонуло, как тебя увидела. Ты чуваш, да? У Михаила мать тоже чувашка, может, и сходство такое, ну как братья...

— Да, я чуваш. И тоже — Михаил. Как же это ты за чувашского сына замуж пошла? Подруги не дразнили?

— А почему им дразнить? Миша такой душевный был. Завидовали подруги-то. Вот и Митрич жену только добрым словом поминает.

— Разговорилась, — упрекнул сноху Митрич, — товарищи продрогли в дороге, проголодались, ты бы покормила, чем бог послал.

Хозяйка — к печке. Гремела посудой, ставила на стол немудреную крестьянскую еду. Ставила поближе к Михаилу и, понемногу смелая, задевала его словно ненароком то плечом, то высокой грудью. Михаил молча отстранялся, краснел.

— Замерз-то как, захолодел чернобровый... Митрич, ты бы погрел товаришей.

Митрич вышел в сенцы. Принес трехлитровую четверть, сразу же запотевшую в тепле. Налил по полному стакану. Хозяйка пододвинула к Михаилу миску с капустой и солеными огурцами, блюдечко с крупно нарезанным луком, солонку и поставила на стол чашку.

— Налей и мне, Митрич, выпью с молодыми товарищами, если не побрезгают.

Михаил отодвинул свой стакан:

— Не сердись, отец, не пью.

— А если я попрошу? — игриво заглядывая в глаза Михаилу, сказала хозяйка.

— И с тобой не могу, милая, не неволь. Не хочу тебя обидеть, не подумай плохо, но не могу. Зарок такой дал.

— А я думала... — заговорила она глухо, словно про себя, потом в глазах снова заиграл огонек, и звонко, выкриком закончила. — Потчевать можно, неволить — грех. А я выпью. Выпью и будь, что будет!

...Где-то вдаль хлопнул выстрел, потом, ближе — другой. Кто-то пробежал мимо окон, и в дверь ввалился милиционер с наганом в руке:

— Хозяин, запри дверь. Убьют. Народ гонится! Михаил вышел из-за стола. Спокойно подошел к милиционеру, неожиданно, рывком выхватил у него наган и опустил в свой карман.

— Ну-ну, товарищ начальник, отдай оружие...

— Сядь. Чего перепугался? Кто убьет, за что? Доложи по порядку.

Милиционер вытянул руки по швам.

— Самогонщики. Аппарат обнаружил в одной бане. Разбил. Баба крик подняла. С соседних гумен сбежались люди, да на меня. Баб больше, с коромыслами. Ну и старики есть, те за колья...

— А ты стрелять? В стариков, в баб? Смелый воин, однако.

— Так ведь для остратки, по верху. А народ теперь всего повидал, пуганый, перепуганный, а ничего не боится. Кабы по следу не сбил, было бы мне. Кончили бы, ей богу, кончили бы. Зверь... народ-то теперь, что мужики, что бабы.

С улицы, издали, доносился шум. Видимо, милиционера искали.

— Пойдем, Миша, наведем порядок, — сказал я.

— В ботиночках на гумна? Нет, я один пойду.

Михаил быстро оделся. Передал мне наган, потом, подумав, достал свой браунинг и тоже отдал:

— Побереги. Этому храбрецу с бабами воевать не отдавай.

Туго подтянул ремень, поправил шапку, на пороге оглянулся на милиционера:

— Что бы там ни было, за мной не ходить! Испортить дело можно. Тут нужно без горячки, по совести.

Вскоре с улицы донеслись гневные крики толпы и спокойный голос Михаила.

— Ой, беда, растерзать парня могут. Зачем вы его одного пустили! — закричала на нас молодая и, набросив шубенку прямо на посконную сорочку, на ходу повязывая шаль, выскочила за двери.

— Катерина! — закричал вдогонку Митрич. — Катька, вернись!

Ни Катерина, ни Михаил не возвращались. Долго. Милиционер уснул, вытянувшись на скамейке. В деревне было тихо. Но порой издали доносился гул толпы.

— На гумнах шумят, — сказал Митрич. — Кабы плохо не было. И молча стал одеваться.

— Не надо, отец. Михаил с людьми договорится. Не впервой.

— А кто он будет?

— Следователь.

— Ну? Такой молоденький... Большак, наверно?

— Да, коммунист.

— Ишь ты! И не боится. А у нас тут коммунистов-то не любят. Большаков еще туда-сюда, терпеть можно, да и своих много, которые солдаты. А коммунисты, говорят, латыши все, чуть что и нашего брата к стенке.

— Это, Митрич, зря плетут. Враги наговаривают, Чтобы нас с народом поссорить. Что большевик, что коммунист — партия одна, за народный интерес.

— Интерес-то ведь тоже, как понимать... Он, брат, у каждого свой. И народ-то не одинаков — один черный, другой — рыжий. У каждого человека свой интерес. Рабочему, скажем, одно надо, а крестьянину свое.

И потекла беседа... Сколько их, таких вот по душам, с глазу на глаз, митингов с одним слушателем, было в ту пору! Спорили и соглашались, снова спорили, ниточка за ниточкой плелся неторопливый разговор, пересыпался то шуточкой, а то и сольным словом, глядишь и начал таять ледок настороженности, а то и недоверия. Что-то западало в крестьянскую, осторожную, горем да нуждой забитую голову. Что-то оставалось от этих бесед такое, что вело потом того же осторожного, себе на уме, крестьянина и на фронт, если надо было, и на кулака-соседа, когда до него дело доходило.

За беседой мы и не заметили, что давным-давно стихла метель, а на окнах заиграли отблески далекого огня.

— Никак, горит где-то. Пожар, гром? — засуетился Митрич.

Но в это время в избу вошел Михаил и за ним Катя.

— Вот все и обошлось, — улыбаясь, сказал Михаил. — А этот стрелять... Спит он, милиционер-то? Ну, пусть спит. И нам пора, немного поспать да и ехать... Отдохнем, хозяин?

— Поужинать бы надо, — заговорила Катя. Еда-то так и стоит нетронутая. Вы и не выпили, Митрич?

— Не до того было. И за Михаила побаивались. И свой интерес нашелся.

Катерина подошла к столу, слила самогон обратно в четверть, потом широко раскрыв дверь, выкинула ее на улицу. За дверью, как выстрел, разлетелась бутылка.

— Ты сдурела? — вскочил Митрич.

— Нет, папаша. Товарищ сагитировал. Я его выпить не уговорила, где уж нам, а он вон как повернул... И чего только они,

партийные, с нами, бабочками, не делают, а? — снова зазвенели игривые нотки Катерины.

Митрич нахмурился:

— Ты брось хвостом вертеть. Лучше расскажи, чем там на гумнах дело кончилось?

— Да я и сама толком не пойму, как это хорошо все вышло. Потом наревелись все бабы. «Будь она проклята, эта самогонка, и тот, кто ее выдумал!» — кричат. Бросились в бани и давай аппараты рушить. Это вот товарищ все... Слово такое знает, как околдовал всех...

Удивительно, как быстро менялось выражение лица Катерины. Уже не озорная, не задорная бабенка сидела рядом, а совсем робкая девчонка. И смотрела она на Михаила и ласково и спокойно, и вся она, словно светилась. Михаил тоже посмотрел на Катю уже не настороженно, не ставя между собой и ею непреодолимой преграды, а как на сестренку, притихшую после шалости. Посмотрел и вышел из-за стола:

— Как хотите, а я спать.

— Мне и Митричу хотелось послушать, а что же было на гумне, — но Катерина, словно нас и не было, снова птицей летала по избе. Откинув мешающий ей полог, разделяющий комнату на две половины, распахнула постель, постлала чистую холщовую простынь, взбила подушки:

— Вот тут, товарищи, и отдохнете.

— Спасибо, Катя, мы бы и по лавкам, не беда... А так что получается: мы — на кровати, а ты на полати?

— Мне спать некогда, скоро корову поить да и доить. Светает ведь. А там дети поднимутся... Да и выпалась я, мы ведь рано ложимся.

— Ну, смотри, себя не обижай.

Михаил подошел к постели. Катя задернула за ним полог, молча, думая о чем-то своем, постояла возле него, тихо, словно обнимая кого, раскинула руки по пологу, и внезапно уронив их, безвольно повисших вдоль тела, глубоко вздохнула, и неслышно ступая, вернулась к нам. Поставила локти на стол, оперлась подбородком на крупные, красивые своей силой ладони и уставилась в окно.

На стекле еще горели блики то вспыхивающего, то погорающего огня. Свет падал на лицо Кати, отражаясь в ее глазах. И они оживали снова, губы улыбались чему-то далекому. Кажется, видела она заново все, что было на гумнах час тому назад.

— Выбежала это я за Михаилом, — тихо заговорила Катя, оглядываясь на занавеску, скрывающую постель, — догоняю. Люди выкрикивают свое, а Михаил, не знаю, как товарища по ба-тюшке... Кузьмич, говоришь? Хорошо. Люди, стало быть, вык-

рикивают кто что, а Мишенька... Михаил Кузьмич говорит им: «Зачем шуметь под окнами, ребяташек перебудите, пойдемте лучше на гумна. Интересуюсь, говорит, — хочу посмотреть на ваш «первачок». А Даниловна, она на продажу варит, любит свой товар похвалить и к Мише: «Первачок, — говорит, — у нас необыкновенной крепости, прозрачный, как слезка детская». Ну, как на гумна пришли, Михаил Кузьмич к Даниловне: «Зачерпни, — говорит, — да поднеси мне попробовать...» Вынесла. А неподалеку от бани, за тропой, сноп соломы лежал, на топливо. Михаил вылил с полковша на солому, зажег. Светло сразу стало. А он тихонько, тонкой струей льет самогон-то и: «Верно, — говорит, — как слеза, прозрачен. Возьми свой ковш, бабушка, не могу я на детские слезы глядеть, сердце заходится...» И как-будто сломал его кто — глазами кругом повел, и тихо так: «Моя, — говорит, — это слеза, понимаете, моя...» Так и застыли все, и такое же он, Миша-то, смертельно тяжелое рассказал...

Сгрудились мужики и бабы возле бани. Потрескивая, горит солома. Подберется огонь к месту, смоченному самогоном, взметнется, синевой отливая, пляшут на свету снежинки. Метель так же внезапно, как и налетела, затихла, но крупные, редкие снежинки неторопливо падали.

Михаил стоит на крылечке, всем его видно. Шинель распахнул, шапку снял, откинул назад длинные волосы. И, кажется, каждому в упор, в глаза смотрит. А губы у самого подергиваются. И видят все, что говорить человеку больно, а не говорить он не может, сердце слова просит. Притихли. И Михаил начинает свой рассказ: «Ночью это было. Не так далеко отсюда, верст за сто, в родном моем чувашском селе. В избе темно, а мы, ребяташки малые, не спим, с матери еды требуем. Ревем: «Мамка, дай есть. Мамка — хлеба!» Мать и ругалась и плакала: «Уймьтесь вы, горе мое, нет хлеба в доме ни кусочка». А мы свое — дай! А тут отец пришел от брата. Брат жил побогаче нас, в середняки пробивался. В тот день он «помочи мирскую» созвал. Сообща, ему конюшню новую достраивали. Ну, как водится: за помочи спасибо, выпейте по стаканчику, закусите. Выпили... Наверное, не по одному разу, пришел отец домой совсем пьяный. Мать ахнула, спрашивает: «Про водку, вижу, не забыл, а муки спросить у брата позабыл? Должен он, Каин, за работу. С лета еще». Промолчал отец. А мы снова кричать:

— Мамка, хлеба!

Отец молчал, молчал, да как закричит что-то не своим голосом, соскочил и выбежал на улицу. Вернулся не скоро. Вот появился, наконец, сбросил на пол что-то тяжелое: «Вздуй, мать, лучину, — говорит, — муки принес, напеки ребятам лепешки». Мать заахала:

— Ой, боюсь, где ты взял муку-то?

— Свое взял, у братца.

Не успела мать растопить печь, как в избу ввалились мужики. Впереди наш дядя, с фонарём. «Вот, он, вор! — закричал дядя. — По следу шли. Вот и мешок мой, с мукой. Бей, ребята, вора, не гляди, что брат, бей, забирай мешок». «Не тронь! — кричит отец. — У детей голодных изо рта вырывается... Свою муку я взял, горбом заработанную...»

А мужики лезут, и дядя насаждает на отца больше всех. Вырвался отец, схватил валец, взмахнул. Упал дядя, и фонарь покапался. Отца смяли, связали руки и увели. Дядю вынесли. И мешок с мукой. А мешок порвался, и за ним по полу след узкой полоской.

Утром, когда рассвело, мать ползала по полу, собирала муку с этой полоски. Горсть набрала, три блина испекла. «Ешьте, дети. Это хлеб последний, что отец добыл. Увели отца-то в волость, за убийство».

Отца я больше не видел. Сослали его в Сибирь, на каторгу. И где он сейчас, не знаю, может, кончилась его жизнь. За три блина — две жизни, в двух домах — дети сироты. Вот хлеб-то какой дорогой!»

Михаил взволновался, говорил тихо, медленно, подбирая слова, как бы боясь потерять контроль за речью. И слова ложились тяжелыми, глубоко западали в сердце: «А вы его на самогон! Что за беда, что у соседа детям есть нечего. Не у меня, у соседа! В городах ребята с голоду мрут, так это же в городах, а мы деревенские! Мужья и сыновья в сырых окопах по полуфунту хлеба в день получают, голодные воюют... Нет бы им послать хлебца, а вы его на самогон. Ну что ж — своему хлебу вы хозяева. Поговорили и хватит. Расходитесь по баням, гоните слезку. А будете выпивать — вспомните, чья это слезка. Детей. Мужей, сынов ваших. Выпейте за их здоровье, а может, за то, чтобы голодная смерть показалась не мучительной, а сладкой... Ну, чего стоите? По баням!»

А сам сошел с крыльца и, не оглядываясь, ни на кого не глядя, пошел, вобрав голову в плечи, словно горе людское спину согнуло, прихрамывая пошел к селу. Молча расступились перед ним старики. Кое-где всхлипывали бабы. Катерина глаз не сводила с Михаила, пока говорил он. Она бросилась было к нему, когда он замолчал, но вдруг, резко повернувшись, побежала к своей бане с криком: «Да будь она проклята, самогонка эта самая, горе наше бабье!». Ворвалась в баню, разнесла в дребезги змеевик чем-то холодным, тяжелым, подвернувшимся под руку. Тем же ломиком вывернула котел с закваской, выволокла его на снег, опрокинула: «Бабочки, ломай! Сноси все начисто к растакой матери!»

Михаил остановился, обернулся на крик Катерины. Видит: бабочки одна за другой тоже бегут к своим баням, гасят огни, где аппараты были в ходу, выволакивают на гумна немудрящую самогонную технику и бьют, бьют ее с каким-то остервенением. Кто-то бросил в снег кадку с бардой, кто-то вылил сюда же «первачок» из бадейки, кто-то зажег. Новый костер вспыхнул ярко, голубое пламя высоко взвилось вверх.

Михаил снова зашагал к селу. Но он, казалось, стал выше и уже не прихрамывал. А Катерина побежала за ним:

— Миша, это ты в самом деле про себя рассказывал? Правда это, про отца-то?

— Правда, Катя, горькая, но своя. Никогда никому не открывал я ее. А сегодня пришлось... А ты молодец, Катя, не ожидал... Как это ты, а первая из всех — ломай, сноси начисто!

Михаил звонко рассмеялся и одобрительно потрепал Катю по плечу. Та охнула и прильнула к нему. Рука, лежавшая на плече Кати, стала тяжелой, давила сильнее и сильнее. Ноги подкашивались, а Кате было и радостно и робко, необычно робко: «А ты сильный, Миша!» — «Еще бы. А ну-ка, поборемся». И не успела Катя слово сказать, как Михаил приподнял ее, легко, без напряжения, бросил на снег и побежал: «Догоняй!»

— А разве его догонишь? Вот только в самых дверях. Я его за руку и к себе тяну, а он руку освободил и смеется: «Катя, Катя, поиграли и хватит». Другой бы... А ведь не скажешь, что бесчувственный. Как он про отца говорил. Молодой, а сердце у него повидало горя.

Досказала Катя о том, что было на гумне и затихла.

— Не тревожь ее, — сказал Митрич, — пойдем-ка и мы с тобой поспим немного.

Тихо, чтобы не разбудить Михаила, я прилег рядом. А он и не спал.

— Ты думал когда-нибудь, Паня, над секретом пушкинского стиха: почему он звучит как музыка? — вдруг заговорил мой друг:

Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,

Как гений чистой красоты...

Здорово, а? А эти строки:

Я вас любил: любовь еще, быть может,

В душе моей угасла не совсем;

Но пусть она вас больше не тревожит;

Я не хочу печалить вас ничем...

— Слушай, а ты мог бы вот так сказать любимой? — не до-

жидаясь ответа, он встал, оделся бормоча. — Я не хочу печалить вас ничем... А может, хочу, черт меня возьми!

Я слышу его голос уже за пологом:

— Что же ты не спишь, Катериночка? Иди-ка, поспи. А мы — поехали. Спасибо за ночлег, за прием. И за то, что помогла мне на гумне — спасибо! Может, оно и не так бы обернулось, если не бросилась ты на змеевик, пока у людей сердце остыть не успело. Ведь сегодня жалеют люди, что побили все, а? Спасибо, Катя, и знаешь, что я скажу тебе: муж твой скоро вернется. Жди и береги себя для него. Понимаешь? Это я точно знаю. У меня сны вещие, ведь я как колдун-безбожник.

Утром мы ходили по улицам Казани. От Михаила, его шинели несло такой сивухой, что женщины плевали нам вдогонку, а мужчины кричали, хитро подмигивали. Долго преследовал нас этот запах, а ведь и попало-то на шинель всего ничего, когда Михаил расплескал на солому ковш самогонки.

Гарбер Ефим, секретарь губкома, подошел к Михаилу и, крутя его за пуговицу на шинели, ворчал:

— Ты же на пленум губкома ехал, дорогой товарищ, мог бы и воздержаться.

Но когда я рассказал ему, что было ночью в Михайловке, Гарбер с трибуны пленума поведал комсомольцам о том, как надо уметь находить дорогу к сердцу человеческому. Но не сказал он об одном: для этого прежде всего в своей груди иметь надо сердце. Живое, человеческое».

В конце своих воспоминаний П.И.Бекшанский приводит строки своего чувашского друга. С жгучей болью сердца они распрощались друг с другом. И не знали два друга — мордвин Павел и чуваш Михаил, — что данная встреча у них была последней...

Друг дорогой, бесценный Паня,
Когда лазурность юных лет
Промчится в вечность, сей портрет
Пусть служит для воспоминаний...
Посмотришь на него, друг Паня, —
И — в прошлой дали золотой
Бесцветный, серый образ мой
Восстанет пред тобой в тумане.
И бросить в даль ты укоризны
Мне, друг, за то, что не богат
Я был душой...

Не виноват

Я, Паня, что удары жизни,
Эх... были слишком тяжелы,
Души богатство унесли,
«Талант» мой поручили тризне.

Лишь ты родным мне, близким был,
Мой Паня!.. Лишь бывало туго
От жизни мне — всегда я находил
В тебе одном родного, друга.
Когда оставлю Тетюши,
Эх, Паня, светлый, друг кипучий,
С тобою часть своей души
Оставлю с болью...
с болью жгучей...

О ДРУГЕ ЮНОСТИ СЕСПЕЛЕ (Из воспоминаний Зинаиды Сусмет)

Зинаида Сусмет, девушка из деревни чувашского захолустья, летом 1917 г. пешком отправилась в г. Тетюши, в километрах восьмидесяти от своей деревни. Она услышала, что в уездном городе открывается учительская семинария для чувашских детей и ночью, без уведомления своих родителей покинула родимый дом. Только в городе она узнала, что открывается не смешанная, а мужская семинария и с большим трудом устроилась прислугой к секретарю земской управы. В Тетюшах в то время постоянно проходили митинги и собрания. Выступали эсеры, кадеты, анархисты, меньшевики и большевики. Ей тогда казалось, что все ораторы говорят правильно. Все это для девушки было интересно, и она тайно от хозяйки посещала эти митинги.

Через год семинария была преобразована в смешанные трехгодичные педагогические курсы, и Зину зачислили прямо на второй курс. Здесь она со своими подружками (Юлией Сергеевой, Екатериной Смирновой и Степанидой Андреевой) стали учиться вместе с Михаилом Кузьминым, Павлом Бекшанским и другими семинаристами 1917 г. поступления. З.Сусмет училась на педкурсах до весны 1920 г., и ее направили в Алькеевскую волость работать учительницей начальной школы. Все это время она часто общалась с М.Сеспелем и через полвека записала воспоминания, как она сама назвала, «о друге юности Сеспеле». В настоящее время рукопись воспоминаний хранится в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (отд. V, ед. хр. 182). Она начинается с таких сердечных строк автора: «Друг мой юности моей, приступая писать о тебе, я задумалась, почувствуя большую ответственность, хватит ли сил и слов у меня, чтобы правдиво рассказать о тебе, о природных богатствах твоей личности; сумею ли я передать незаурядную талантливую твою личность такой, какой она была, какой тебе природа подарила; ты прошел много тяжелых испытаний в мо-

лодой своей жизни, но талант твой блистал как алмаз-самородок, не потухая».

Далее З.Сусмет пишет о первой встрече с чувашским поэтом и о том, как они стали верными друзьями. Вот некоторые места из этих воспоминаний: «Миша вошел в нашу жизнь как-то незаметно, тихо и стал самым уважаемым человеком. Он был тихий, на первый взгляд незаметный, даже довольно хмурый и скрытный, молчаливый, задумчивый, не любил говорить лишнего. Все это было внешне. Но если же ему понравится кто или тема разговора, он преображался в обаятельного, открытого, доверчивого человека. Правда, его взгляд всегда был задумчивый, внимательный, будто бы он изучал товарища. В учебе он отличался серьезной подготовкой уроков и обстоятельным ответом их. Среди других товарищей он отличался меньшей подвижностью, зря к людям не подходил и не беспокоил людей, но в то же время он был острый на язык, «за словом в карман не лез», как говорит пословица. Приходил в класс раньше других, садился на место или стоял у окна задумчиво, внимательно гляделся в других. Помню такой случай: я однажды вечером не выполнила домашнее задание, не решила задачи, чтобы решить их до начала уроков, утром в школу пришла пораньше. Я зашла в класс. Кузьмин уже сидел в классе за партой и что-то делал. Я быстро поздоровалась и села на место. За мною влетела в класс близкая моя подруга Юлия Сергеева. Она со мною и с Кузьминым поздоровалась и села на место. Юлия мне шепнула: я не решила задачу, ты решила? Я сказала — нет, но сейчас решим.

Кузьмин оглянулся на нас.

— Что вы, девочки, делаете, задачи не решили, помочь вам?

— Мы сейчас решим, если не сумеем, тебе скажем.

Он все же подошел к нам, и мы втроем быстро решили задачи. Он нам помог. У него решены были эти задачи. Мы тогда поняли, зачем наш «нелюдим» приходит в школу почти каждый день так рано. Значит, помогает товарищам и молчок. Потом как-то, проходя около нашей парты, он, нагибаясь к нам, тихо сказал, что нашел хорошие стихи и пригласил нас в городской сад вместе прочитать, когда мы будем свободны, когда мы можем придти туда. Я вся встрепенулась. Это было очень интересно и заманчиво, но и ответила, что я, наверное, не смогу, хозяева не отпустят. Миша особенно внимательно посмотрел на меня и настойчиво сказал:

— Ты что, Зина, цепью привязана к ним, даже на несколько минут не можешь отлучаться. Стихи хорошие, приходи, Зина... Если нужна тебе помощь, поможем, только приходи.

Мне показалось даже странным, что этот замкнутый мальчик так разошелся. Я сказала: «хорошо» и в назначенное время

пришла в сад. К моему приходу в саду уже были Кузьмин и Юля, сидели на скамейке и тихо разговаривали, ждали меня и Васю. Бурными возгласами приветствовали мой приход: вот молодец, право молодец, сказали оба. Потом пришел Вася. Кузьмин вытащил из кармана пиджака заранее приготовленный сверток бумаги и сказал:

– Вот что, сначала прочту я, а потом все по очереди – потом он с большим воодушевлением, стоя перед нами, прочитал стихи Надсона и Никитина, читал выразительно, с душой и спросил:

– Ну как, правда хорошие? Теперь читайте вы.

Юлия отказалась, говоря, что не умеет хорошо читать, сказала: пусть читает Зина. Я взяла бумагу со стихами с рук Кузьмина, прочла сначала в себе, потом прочла громко. Кузьмин и Вася глядели на меня с расширенными глазами. Кузьмин с восхищением воскликнул:

– Вот молодец, Зина, хоть сейчас на сцену.

Нас в Казанской школе основательно обучали этому. За мною эти стихи прочитала Юля, но Вася не читал. Потом что-то молча сидели. Молчание прервал Кузьмин словами, что он прочтет стихи на чувашском языке, но что автор не известен, заглавие в переводе на русский язык: «О красивой, статной девушке». Стихи были очень хороши, я лично до сих пор и не читала стихи на чувашском языке, написанные так красиво, как песня. Мы спросили, кто же автор, умоляли открыть этот секрет. Миша сказал: не знаю кто и на этом кончим, больше не спрашивайте. Мы просили его, не найдет ли он еще такие хорошие стихи на чувашском языке. Миша обещал, может и найдет. Это было первое наше с ним близкое отношение. Потом мы ушли из сада вчетвером, взяв за руки друг друга, тепло и весело разговаривая, но Миша больше молчал».

Однажды, когда начался последний урок – урок психологии, любимый предмет Михаила, – девушки заметили, что его нет на уроке. Они забеспокоились, потому что такого с ним никогда не бывало он же никогда ни на уроки, ни на собрания, ни на товарищескую беседу, т.е. на сборы в летнем саду или в другом месте для читки книг и газет не опаздывал ни на минуту, и этого же требовал от других. Друзья – Вася, Юлия и Зина – решили после уроков пойти к нему на квартиру. Они в квартиру не стали заходить, а постучали в окно. Вышел Михаил, друзья сразу заметили, с ним что-то случилось. Он молчал, ждал, что ему скажут.

– Зачем, по какой причине не был на последнем уроке? Вот мы беспокоились и пришли к тебе, – тихо спросил Вася.

У Михаила одна рука была в кармане брюк, что никогда с

ним такого не было, он не любил, чтобы руки держать в кармане брюк.

— Да, друзья мои, большое несчастье у меня, получил письмо, больна моя мама, — и повторно добавил: — Да, моя мама больна. Вы знаете, что значит маму потерять, и так без отца пострадали. Вы, не знаю, думаю тоже, я очень люблю, обожаю маму свою, мне никто, никто ее в жизни не заменит. — Гости стали его уговаривать, успокаивать, что, дескать, не все болеющие умирают, убиваться не следует, надо себя успокаивать. Он прервал их:

— Лишних слов тратить не будем, я преодолею себя в этом вопросе.

Все решили, что он должен съездить домой и узнать положение матери. В этот же день друзья его проводили домой, уговаривали выехать утром, но он не согласился с ними и выехал вечером же. На другой день к вечеру прибыл обратно, — так что уроки пропустил только один день, на уроки прибыл в хорошем настроении, на вопросы друзей о состоянии матери сообщил, что маме лучше, была простуда, опасность прошла, письмо-то написано давно, когда она сильно болела, письмо где-то таскалось, и вот история такая вышла.

Да, он очень любил свою маму и считал себя в большом долгу перед ней, что не может ей оказать помощь и беречь ее.

Следующий случай. Тогда Зина с Юлией жили на одной квартире. Михаил пришел к ним посидеть на скамейке перед квартирой, небывало веселый, что это девушки сразу заметили.

— Девочки, я сегодня веселый даже очень, правда странно, даже очень, я сегодня получил первую посылку и большую ее часть выслал маме, родной семье.

Девушки поздравили его с этим событием. Он говорил, как будет рада его мать. Миша часто вспоминал в беседе маму, то сравнивал ее с красивыми цветами благоухающими, создающими красоту жизни для человека. По воспоминаниям З.Сусмет, Михаил очень любил цветы, а когда приходил к ним посидеть (что нравилось ему), то приносил цветы. У него были стихи о цветах, где он воспевал красоту их, нежность и аромат...

«У нас в школе была очень большая требовательность к посещению уроков. Ученики сами следили за этим. Как-то я однажды опоздала на первый урок на полчаса. Преподаватель математики Емельян Захарович, наш любимый учитель, не пустил меня на урок, говоря:

— Вольно же вам бегать, если так еще повторится, совсем на уроки математики не пушу, знайте это.

Я стояла за дверью. Кончился урок, учитель собирался уходить. Кузьмин соскочил с места и внушительно сказал:

— Вы не правы по отношению к Зине, Вы же не знаете как она живет, в каких тяжелых условиях. Она, наверное, была очень занята, пусть она зайдет, спросим ее в чем дело.

Учитель, по словам товарищей, весь покраснел, даже белки глаз задернулись красноватым оттенком. Он сказал:

— Это мое дело пустить ее на уроки или нет.

Вася быстро соскочил и вышел из-за парты, быстро подбежал к двери, открыл ее и позвал меня. Я зашла. Вася спросил:

— Почему ты опоздала на урок, скажи правду, смотри, скажи только правду.

— Я вчера после уроков и всю ночь почти стирала, а рано утром хозяйка послала меня полоскать белье на Волгу.

Раздались свистки со скамейки мальчиков, все ахнули: что, что!? Учитель с удивлением посмотрел на меня и сказал:

— Ребята, вы ведь сами виноваты, ей ведь надо помогать, как вы думаете, а?

Нашим ребятам было очень неудобно. Вася сказал учителю:

— Извините нас, эти вопросы сейчас мы сами решим, — он встал на место учителя:

— Ребята, проведем маленькое собрание класса.

— Тут нечего много разговаривать, Зина живет в тяжелых условиях, в то же время хорошая ученица, организуем систематическую помощь ей, хотя бы в полоскании белья, шутка ли дело: девочке спускаться с бельем и поднять мокрое белье, поднимать на такую высоту, — твердо ответил Михаил.

Решили — по очереди, по ранее составленному списку, помогать Зине таскать белье на Волгу для споласкивания и после споласкивания домой на квартиру, а девочки должны помогать споласкивать. Только Зина должна заранее сказать, когда стирка и споласкивание хозяйского белья. После этого случая я почувствовала крепкую опору товарищеского плеча, жизнь стала полнее, веселее и приятнее, и я впервые почувствовала, что Михаил меня понимает лучше, быстрее, чем другие и мне это чувство приносило большую радость и мне казалось, что Михаил чаще чем на других останавливает свой взгляд на мне. Может, казалось одинокой девчонке.

Вот так постепенно, в тоже время крепко врезался Кузьмин в жизнь нашего коллектива и в жизнь отдельных учащихся».

Из воспоминаний З.Сусмет мы узнаем и об общественных работах, выполняемых М.Сеспелем. В тот период при Тетюшском народном доме активно функционировала буржуазная молодежная организация, куда главным образом входили ученики мужской гимназии. Сначала они и близко не пускали семинаристов к народному дому, высмеивали и обзывали их. Все началось

с того, что по поручению уездного комитета партии в противовес организации буржуазной молодежи Михаил с товарищами организовали союз трудовой молодежи. Председателем союза трудовой молодежи очень хотели выбрать Михаила, но он категорически, наотрез отказался от этого. Он мог работать где угодно, сколько угодно, но абсолютно был чужд чувству карьеризма. Но душою этого союза был Михаил. Он учился хорошо и горел в общественной работе, и в школе, и в городских организациях и стал признанным вождем и в семинарии, и в среде городской молодежи, оставаясь в то же время очень скромным товарищем. Его одаренная природою личность не вмещалась в рамки школьной жизни, она нуждалась во всесторонней, живой деятельности на благо народа. По инициативе Михаила в семинарии появляется до сих пор небывалая организация, совсем новая под названием «совет курсов», который наравне с педагогическим советом пользовался большими правами: он распоряжался программами преподаваемых предметов, всеми распорядками в школе и учащихся. Председателем совета курсов был выбран Андреев Семен, юноша живого, веселого, деятельного характера, а в состав совета входили Михаил с Васей. Семен руководил также культпросветотделом совета курсов, и ему приходилось цепко бороться с буржуазной молодежной организацией, чтобы устраивать вечера в народном доме с постановкой пьес и концертов, лекций. Михаил был тоже душою совета курсов и всей жизни семинарии. Он тогда уже был убежденным атеистом, возглавил борьбу совета курсов и всех учащихся против преподавания церковно-религиозных предметов в школе и против преподавателя этих предметов священника И.Афанасьева. Устраивал антирелигиозные диспуты, выступал сам на них и готовил учащихся к выступлениям. Он выступал горячо, логично и учащиеся поддерживали Михаила в этом вопросе. К атеистическому убеждению привела его тяжелая жизнь, как он сам говорил, когда на его почти детские плечи легла ответственность содержания семьи, лишенной отца. В учебное время (в начале учебы) по инициативе активистов — Михаила Кузьмина, Василия Дмитриева и Павла Бекшанского был организован при семинарии союз революционной молодежи, куда вошли Зинаида Сусмет и Юлия Дмитриева. Потом этот союз влился в общегородской союз рабочей молодежи при городском народном доме. Тогда же в 1918 г. была при семинарии организована группа сочувствующих партии, куда вошли активисты Павел Бекшанский, Миша Каштанов, а Василий Дмитриев и Михаил Кузьмин уже были членами партии, вошли они до этого в городскую партийную организацию, потом перешли в школьную организацию и организовали первич-

ную партийную ячейку. Душою этих политических организаций был М.Сеспель. Он своим спокойным, логическим, принципиальным рассуждением направлял их на правильный путь и поднимал деятельность организации. Михаил всегда умел находить нужное слово и общий язык, и умел быстро заставить себя слушаться. Чувашская молодежь безудержно стремилась к учебе, к знаниям. Ученический круг был узок Михаилу, ему нужен был широкий простор работы и вот, в январе 1919 г., он едет в Москву по командировке укома на курсы по подготовке пропагандистов и руководителей советских учреждений. Вернулся весной 1919 г. веселый, повзрослевший, привез много литературы, главное — портреты Ленина и Надежды Константиновны, стихи и плакаты В.В.Маяковского про буржуев и словарь иностранных слов.

В день приезда из Москвы Михаил и Вася пришли на квартиру Зины с Юлей. Сначала вместе сидели вокруг стола, тепло беседовали. Потом, по воспоминаниям З.Сусмет, близко придвинулся к ней Михаил и поинтересовался, как Зина прожила за это время, что он слышал от Васи, что она болела. Взял ее руку и тихо, тепло сказал:

— Друг мой, что же не писала мне.

Они открыто и просто посмотрели друг на друга. Он сиял какой-то особой теплотой и радостным настроением. Зина делала ему замечание:

— Миша, ты сегодня какой-то особый, отличаешься от обычных дней.

— Я особый, потому что видел и слышал Ленина и... и после долгой разлуки вижу друга перед собою...

После курсов Михаил Кузьмин стал работать председателем уездной следственной комиссии, борьбу свою направил против воров, спекулянтов, дармоедов, взяточников, вообще против преступного мира. Он жестоко ненавидел нечестных людей. Когда узнал о злодеяниях уездного продкомиссара, Михаил добился исключения его из партии и отдал под суд. Когда ребята-комсомольцы участвовали в проведении экспроприации кулацкого имущества, Михаил заметил, как один парень перематывал черные нитки катушки на кусок бумаги. Михаил возмутился, нахмурился, подошел к нему, предложил бросить и катушку, и клочок бумаги с ниткой в общую кучу вещей. Парень стал отговариваться, что у него брюки худые, нечем чинить, нет черных ниток, продолжал свое дело. Михаил еще сильнее возмутился, но тихо, крепко сказал:

— Повторяю — брось.

Потом он поставил вопрос об этом факте на комсомольском собрании, требовал исключения его из комсомола, но парень отделался выговором. Он говорил:

— Разве не видел ты, что сидела невдалеке старая купчиха, обзывала нас антихристами, голодранцами, что мы даже ниток не имеем, чинить свою рвань? Стыд и честь где были у тебя?

Миша был кристально честным человеком. Работая председателем следственной комиссии, не оставлял и партийную работу в городском комитете партии и госкомитетах, выезжал в деревни, организовывал комсомольские ячейки, открывал библиотеки. Особенно он заботился о чувашской молодежи, он искренно сильно любил свой народ, он делил с ним и горе и радость. Приезжая из командировки, он Зине говорил:

— Когда же кончатся эти страдания народа — трахома, темнота, бедность, как все это на меня тяжело действует! Я живу с надеждой, что чувашский народ воспрянет теперь, Октябрь ведь открыл широкую дорогу к новой равноправной жизни.

В такие горестные минуты его лицо становилось хмурее, а глаза чернее...

11–20 июня 1920 г. в Казани проходил I Всероссийский съезд чувашских организаций и актива комсомола. В подготовке и проведении данного большого мероприятия М. Сеспель играл самую активную роль. Он был приглашен на съезд персонально, а в ходе его работы сидел в президиуме, составил и огласил текст телеграммы на имя вождя пролетарской революции. Вот его содержание: «Первый Всероссийский съезд Чувашских секций, ячеек и активных работников РКСМ приветствует Вас — вождя мирового пролетариата и выражает твердую уверенность в близкой кончине мировой контрреволюции. Чувашская коммунистическая молодежь, как один, готова встать на защиту идей коммунизма и положить все усилия к тому, чтобы раз навсегда покончить с мировыми хищниками и грабителями».

На данном съезде присутствовала делегатом и З.Сусмет. По ее воспоминаниям, во время чтения текста телеграммы у М.Сеспеля дрожал голос, на глазах выступили слезы. Телеграмму слушали стоя и долго аплодировали. После съезда Зина с Михаилом вернулись в Тетюши, первая уже имела назначение на место работы. Она направлена в Яльчики учительницей начальной школы и должна была одновременно выполнять комсомольскую работу. Чтобы добраться до места работы, надо было идти пешком 80–85 км. Тогда машин не было, а подводу никто не давал. Шла ожесточенная гражданская война, ни обуви, ни одежды надежной для дороги не было. Накануне отъезда к Зине пришли Михаил, Павел и еще кто-то. Михаил больше молчал, сидел, облокотясь на стол и опираясь головою на эту руку. В ходе беседы Зина поняла, что Михаил не в духе, он что-то хочет сказать, но по обыкновению молчит. Решили оборудовать Зину на дорогу, кто чем может, рас-

прощались до завтрашнего утра, вышли за калитку. Когда они отошли от дома, Зина позвала Михаила. Он что-то сказал товарищам, вернулся к ней. Зина предложила посидеть немного, поговорить, девушка хотела узнать, почему же он такой печальный, что причиной тому. Он повернулся. Как запомнила тот момент З.Сусмет, лицо его было открытое, светлое, глаза были очень выразительны. Он взял руку Зины в свои руки и сказал:

— Друг мой, мне тяжело с тобой расстаться, ты же знаешь, имею я хороших друзей, переписываюсь с ними. Все это не то, я ведь ни с кем больше так, как с тобою, со своими душевными мыслями не делюсь, я с ними говорю и переписываюсь об общих вопросах, боюсь, что осмеют, а этого я не вынесу. Видишь, какая у меня гордая личность.

Тогда же он просил Зине писать о своей работе, о трудностях:

— В тяжелых случаях дай мне знать, знай, никогда не откажусь тебе помочь, друг мой. Я привык к тебе, к беседе с тобой, они облегчают мою жизнь, казавшуюся раньше беспросветной. Теперь я чувствую, как светлеет моя жизнь, хочется жить и жить и много работать и хочется даже по временам кричать — черт возьми, жизнь, ты хороша во всяком положении. Твоя честность, доброта, стремление к новой жизни и любовь к родному народу заколдовали меня.

Он встал, торопился куда-то, сказал:

— Ты, Зина, знай, что ты самый близкий мне друг, дочь моего родного народа. Пиши обо всем, а я приеду к тебе.

При этом в левой руке держал руку девушки, а правой провел по ее волосам, сказал:

— До свидания, друг мой.

Она глядела ему вслед и сильно почувствовала одиночество. На другой день утром Михаил явился с товарищами со связкой в руках. В узле оказались клетчатая шаль, большие сапоги и ватная фуфайка, кусок черного хлеба и несколько картофелин, варенных в мундире. Михаил всю дорогу был задумчив, шел рядом с Зиной. Его товарищи весело разговаривали, потом сказали, что им пора вернуться, дальше идти не могут. Михаил посмотрел на товарищей, на Зину, улыбнулся и сказал:

— Я предвидел это, как хорошо получилось, что отпросился на сегодня, т.е. пришлось отложить заседание следственной комиссии на завтра. Зина, не волнуйся, я провожу тебя через лес. Разве можно отпустить девушку одну по такому темному густому лесу в 25 км.

Товарищи ушли домой, Михаил взял узелочек с пожитками и они пошагали по лесу. Шли по узкой столбовой дороге, а кру-

гом высокий лес, в нем и днем темно, сверху кроны деревьев совсем закрывали дневной свет. Лес звенел от разных птичьих голосов. Михаил восхищался красотой природы, говорил, как хорошо что отпросился и пошел Зину проводить, иначе не видел бы такой прелести. Шли, шли, беседам их не было конца, в лесу отдохнули, сидя на дереве, сваленном бурей (была сильная грязь после дождя), поели по кусочку черного хлеба и по картошке, сваренной в мундире, и не заметили, как прошли 25 километров, вышли из леса. Они распрощались и разошлись в противоположные стороны: он в Тетюши, а она в Яльчики. Сначала махали руками, потом Михаил постоял немного на окраине леса и скрылся в нем. Зину охватило сильное чувство одиночества, но надо было идти, пошла. После приезда в Яльчики через несколько дней, она получила от Михаила большое письмо, в нем он описывал свои переживания после ее проводов, описывалась его скука по другу Зине. Письмо начиналось со слов «друг мой», сообщалось, что он чувствует пустоту и скуку, что такое положение облегчается работой в следственной комиссии и в партийно-комсомольской, которые заполняют его жизнь, но в часы воспоминаний, бесед и свиданий так и тянут его к ее с Юлией квартире, к скамейке у ворот, и что он иногда проходит около этих ворот и пустующей скамейки. Так они разошлись...

В воспоминаниях друга юности М.Сеспеля есть описание каверзных событий, происшедших во время приезда поэта-агитатора в родные деревни Зины Сусмет и Васи Дмитриева, уроженцев нынешнего Яльчикского района Чувашской Республики. Вот что пишет она: «У Миши душа была добрая, широкая, он всегда бывал там, где нужна была помощь. В Яльчикском районе комсомольская работа была отсталая, взял этот район под свое шефство, несмотря на далекое расстояние и большую занятость, выезжал в этот район, вел там работу среди молодежи. При мне, когда я была послана в Яльчики учительницей начальной школы и для комсомольской работы, Миша приезжал в этот район 2 раза, мы с ним были в моей родной деревне, в родной деревне Васи и в других, проводили в них молодежные собрания. В деревне Васи произошел такой казус. Миша делал доклад о положении страны, призывал помогать фронту всеми способами и т.д. После доклада Миша сидел, облокотившись обоими локтями об стол и обхватив голову обеими руками (эта любимая его поза, когда он сосредоточенно думал о чем-нибудь). Вдруг быстро открылась дверь, вошла женщина, бегом подошла к Мише, схватила за его лоб. Мы соскочили с места, в том числе и Миша. Женщина сказала:

— Ничего нет, ну, иди-ка к окну.

Миша подошел к окну, — женщина внимательно смотрела на лоб Миши и еще раз повторила:

— Ничего нет, нас обманывают, нет на лбу ни рогов, ни печати.

Миша был молчалив, он подозвал Митю, брата Васи Дмитриева, сказал:

— Выйдем на минутку и ты, тетя.

Пока они были на дворе, девушки рассказывали, что очень трудно работать в деревне, некоторые родители запрещают записаться в комсомол, бьют, выгоняют из дома, что сектанты пугают антихристом. Немного погодя Миша, Митя и эта женщина зашли. Женщина извинилась перед собранием, сказала:

— Все это от нашей темноты, врут сектанты, говорят, что у коммунистов на лбу рога и антихристова печать. Она, уходя, пригласила их в гости. Миша сказал:

— Спасибо, будет время, зайдем.

Все присутствующие были удивлены, как удалось привести в порядок эту женщину, разнузданную, которая при встрече с комсомольцами обзывает их, плюется на них, проклинает. Миша быстро находил нужные слова и подход к людям. Мы знали Мишу и понимали его. Миша был бледен и хмур, он, по-видимому, с этой сектанткой серьезно поговорил. После ухода он еще выступил о том, как надо подходить к народу, особенно в такой тяжелый момент, когда весь народ жестоко бьется с врагами. Потом мы распрощались с молодежью и уехали. Молодежь просила Мишу приехать еще. Дорогой он долго молчал. Ехали на телеге, сидя рядом. Он спросил меня:

— Как переживаешь вот такие факты, а я очень тяжело, как много нам надо работать, чтобы вывести народ из темноты, а ведь будет время, да скоро оно наступит, Зина, и наш народ будет просвещенным, культурным, я крепко в это верю и ты ведь, Зина, веришь. — И при этом лицо его просветлело. Молчал, потом сказал:

— Я, по-видимому, тороплюсь жить, все мне хочется скорее, скорее, а ведь знаю, есть вещи, которых нельзя делать скоро...»

Воспоминания З.Сусмет о М.Сеспеле хотя и отрывочны, но они весьма содержательны и полезны для исследователя поэта как творческой личности. Перед читателем вырисовывается полный образ лирического героя стихотворений поэта: «У Миши все выражалось сильно, и гнев и радость, и расположение к людям, и борьба за новый мир, но выражалось некрикливо, нешумно, сдержанно, но чувствовалась неумная внутренняя сила. Рукопожатие-то у него было сильное, внушительное».

Воспоминания способствуют развеянию мифа о сложных и

натянутых отношениях Михаила со своей матерью. Впервые он был высказан Н.Вазянкой, а потом в какой-то степени поддержан и Гурием Кузьмичем. Но брат поэта вспоминал об этом без особого умысла, как этот факт выпячивают некоторые современные интерпретаторы. Описал данное событие конца ноября 1917 г. Г.Кузьмин следующим образом: «В жизни нашей семьи почти всегда и часто переплетались приятное с огорчительным. Этого мы и нынешний год не избежали. То что Миша поступил учиться в семинарию было для всех отрадным событием, и не хотелось бы привносить ни одного неприятного черного пятна на этот светлый фон, но не всегда события разворачиваются по нашему желанию. Как-то в конце ноября у нас кончалась мука, а погода установилась такая тихая, безветренная, все ветряные мельницы дремали в бездействии. Поневоле пришлось мне погрузить 4 мешка ржи на подводу и ехать за 12 км на водяную мельницу. Народу, ожидающего помола, было много, пришлось не только занимать очередь, но и переночевать на мельнице. Вернулся я с помола только к вечеру. Разгрузив муку, мы с Педер пошли в избу. В избе пусто, никого нет и изба не топлена, а на столе стоит неприбранное блюдо холодной картошки. Снимая с себя одежду, я только собирался спросить: «Педер, почему печка не топлена?» Вдруг слышу, на печке пищит ребенок. Кто принес ребенка и положил младенца, чей он, не подозревая ни о чем, спрашиваю Педер.

— Кто посторонний может положить своего ребенка на чужую печку, — отвечает Педер.

— Наш этот ребенок, мать наша родила вчера вечером.

Нельзя сказать, что это событие ударило меня по сердцу и поразило меня — нет, таким неожиданным событиям я привык относиться трезво и спокойно, а больше всего меня поразило не сам факт появления нового члена семьи, а его неожиданность. Ведь никто из нас не подозревал, что наша мать в таком щекотливом положении.

— Ну, черт с ним, пускай будет так: ребенок так ребенок. А что за ребенок, опять мальчик, — выпытываю я у Педер.

— Девочка, — зло отвечает Педер.

— Вот и хорошо, — пытаюсь шутить. — Нам как раз не хватало сестренки, теперь и сестра будет расти.

— Миша узнает, такую сестренку тебе задаст, что небо с овчину покажется, — пугает меня Педер.

— Какое дело Мише, не он родил ребёнка, а мать родила, — возражаю я, однако самого сомнения берет. Если бы сейчас Миша был дома, дело без скандала не обошлось бы, но сейчас до приезда Миши домой далеко — летом только придет, до лета сама

девочка подрастет, а обстоятельства могут измениться. К сожалению, мои надежды не оправдались, Миша неожиданно появился во время зимних каникул. В момент его появления открывается такая картина: в середине избы на шесте висит качалка, мать расположилась на лавке и грудью кормит ребенка. Миша как зашел в избу, ни с кем не поздоровавшись, показывая рукой на люльку, скомандовал:

— Пока я буду дома, чтобы этот предмет мои глаза не мозолил, уберите его сейчас же.

Мать ни слова не вымолвила, накормив ребенка, спеленала, оделась, закутав ребенка в шубу, сняла с крючка зыбку и вышла из избы. Вернулась она домой поздно вечером, постелила себе на пол чапан и легла с ребенком спать. Утром она набралась смелости, снова внесла зыбку в избу, положила спящего ребенка туда, а сама вышла на двор к скотине. Через какое-то время ребенок проснулся и стал плакать. Я быстро соскочил с места и стал качать, но ребенок не унимался. Миша кричит с постели:

— Выкинь ты этого черта на улицу, а не качай.

— Если рука поднимется, выкидывай сам, — кричу я сквозь слез. В это время Педер слезает с постели, подходит к люльке, снимает ее с крючка и выкидывает вместе с ребенком в холодные сени. Правда ребенок недолго лежал на морозе, но, видно, стал замерзать и заголосил во всю мощь детского горла, а мать, услышав неистовый вопль ребенка, поспешила в сени и, забрав ребенка, скрылась. Между тем между нами в избе началась потасовка, но, к счастью, во время подоспел дядя Павел и прекратил междоусобную войну. Дядя Павел крепко отчитал Мишу. После ухода дяди Миша оделся и, ни слова не вымолвив, ушел куда-то и пропал. Явился он ранним утром за 3 дня до окончания каникул и потребовал, чтобы его проводили в Тегюши».

Как видно из воспоминаний брата, М.Сеспель действительно был недоволен поведением матери и считал это супружеским предательством. Всякий ребенок и подросток хочет идеальной супружеской верности своих родителей, поэтому поведение сына, с нетерпением ждущего возвращения своего любимого отца, можно полностью понять. При его импульсивном характере он и не мог поступить иначе. Но данный факт не позволяет нам сделать вывод о сложных отношениях Угахви со своим старшим сыном. Ведь тот же биограф поэта далее вспоминает, как в начале ноября 1918 г. Михаил по болезни ноги был уволен из Красной армии и на три дня заехал в родную деревню. Тогда он брал свою годовалую сестру Юлию на руки и от всей души играл с ней. Он тогда понял, что жизнь значительно сложнее, чем наше идеализированное представление о ней. М.Сеспель всегда любил

своих родителей, в том числе и мудрую и терпеливую Угахви. Здесь невозможно не привести следующий фрагмент из воспоминаний З.Сусмет: «Мы стояли, держа за руки друг друга, до того были красивы его черные глаза, блестели каким-то всеохватывающим, ярким блеском. Они были обаятельны на редкость. Я не выдержала, сказала ему:

— Какие у тебя, Миша, хорошие глаза, прелесть, редко, наверное, такие глаза бывают, а я еще не видела таких.

Он тепло улыбнулся и сказал:

— Мамины, она мне их подарила.

Дальше он говорил о своей матери с восхищением: «О, мама моя, святая! Если уж имеется надобность возводить кого-то в святых, то, в первую очередь, мою маму. Она ведь умная, тихая, добрая, задушевная, красивая и терпеливая. В каком бы тяжелом, казалось бы в безвыходном положении мы не жили, она всегда ровная, слез не показывала, хотя, когда нас нет, она плакала. Она какая-то крепкая, твердая, требовательная была, но в то же время ласковая-ласковая. Она нас поддерживала. А вот папа был невыдержан, вспыльчив не в меру. Как бы, Зина, тебя познакомить с ней, она понравилась бы тебе, я уверен в этом. Мама, мама моя, я, пожалуй, без тебя и не мог бы жить; что есть во мне — я обязан тебе.

Так Миша постепенно внушал во мне уважение к своей матери. Он говорил, что он никогда не допускал бы никому про свою мать хоть маленький намек на нехорошее что-нибудь, даже плохого взгляда на нее. Вот когда он будет жениться в жизни, в первую очередь об этом скажет своей жене, что при малейшей незадушевности к его матери разведется с женой. Миша был крепко принципиальный человек, человек своего слова, никогда не врал, т.е. не говорил неправду, не обманывал».

Не обманывал поэт и в своей письме (оно датируется концом 1920 г.) матери, в котором имеются следующие искренние слова: «Ну, юратнӑ анне, сывӑ пул. Хӑвӑн ывӑлна ан ман. Сире юратса юлатӑп — Михала» (Ну, любимая мама, до свидания. Своего сына не забывай. Остаюсь с любовью к вам — Михала).

Да, совершенно верно писала Зинаида Сусмет, друг юности поэта: свою мать Михаил не только любил, но и восхищался ею... Но, будучи настоящим чувашом, поэт не выражал свои чувства открыто, как, например, русские; но он постоянно горел пламенем этих чувств, не выпуская ее наружу. Поэт знал: в чувашском обществе личные чувства всегда должны соизмеряться с традиционным этикетом и устоявшим поведением между младшими и старшими, детьми и родителями. В подобных случаях конкретные исполнительные поступки младших ценились выше

их любвеобильных речеизлияний. Настоящая любовь не в устах, а, как подтверждает чувашская мудрость, в конкретных поступках и делах.

Образ Матери в поэзии Сеспеля полностью сливается с образом Женщины (Хёрарём), но в ракурсе не абстрактном, а конкретном, этно-социальном. Думается, главная героиня стихотворения «Чăваш арăмне» (Чувашке, 1920) чем-то напоминает судьбу многострадальной матери поэта — УГАХВИ:

Кто со дня рождения в мире
Знал одни печали?
Скорбь, тоска кого на свете
Больше всех терзали?
Чья, упав на землю где-то,
Затерялась доля?
Кто веками был несчастней,
Чем батрак в неволе?
Кто в бездонной жил кручине?
Отвечайте, люди.
Если это не чувашка,
Кто же это будет?
На страданья и на муки
Рождалась чувашка,
И несла на шею с детства
Горя камень тяжкий...

Перевод П.Хузангая.

Любовь к матери у Сеспеля материализована и подчинена его высшей идее:

И детей своих учите,
Пусть растут свободно;
Пусть Чувашию полюбят
Крепко, благородно;
Пусть за свой язык готовы
Будут заступиться;
Пусть никто, как встарь, над нами
Больше не глумится.

Поэт пишет не вообще о Женщине, а Матери-чувашке, которая обязана вдохнуть в сердце своего малыша большую любовь к родному слову.

Портрет М.Сеспеля, созданный его, быть может, самым близким другом юности (З.Сусмет) получился весьма ярким и объемным. Действительно, поэт имел сложный характер, для него идеи стояли выше, чем отдельные люди, в том числе и друзья. Уже в раннететюшский период он выделялся среди своих сверстников принципиальностью и дисциплинированностью. По воспоминаниям А.А.Важалиной, хозяйки квартиры поэта,

Михаил по утрам вставал очень рано, в любую погоду и в любое время года обливался по утрам родниковой холодной водой, после чего долго обтирался полотенцем. Так он закалял свою волю и характер (вспомним один эпизод из воспоминаний брата поэта, как Миша готовился овладеть мастерством гипнотизера и мага). В то же время М.Сеспель умел наслаждаться красотой не только поэтического слова, но и природой. Он любил ходить на берег Волги рано утром и любоваться красотой восходящего солнца. Если Михаил по какой-то причине не успевал просыпаться так рано, хозяин квартиры Дмитрий Петрович будил его такими словами: «Ну, философ, пора, вставай! Любишься, иди наслаждаться восходом солнца!» (из воспоминаний В.М.Волгина).

Следует привести и другой фрагмент воспоминаний З.Сусмет, написанный в январе 1970 г. в Ставрополе. Из него мы узнаем об отношении поэта к творческому труду.

«Помню я, нас мучил вопрос о труде. Мы дети трудового народа знали, что источником всех благ в жизни является труд, но мы не знали, какой вид работы называется трудом и трудом мы считали такой труд, когда человек с орудием труда в руках создает материальные блага. Например: печник – печку кладет, землекоп землю копает, крестьянин сеет, жнет и убирает хлеб, а рабочий на заводе создает машины и т.д., а служащих, учителей, врачей склонны были считать дармоедами. Ярм сторонником такого мнения был Вася, а мы его поддерживали. Миша больше молчал и слушал. Васю возражал Павел и другие.

Вася доказывал, если же мы признаем трудящимися служащих, учителей, врачей и тому подобных, тогда на заводах частного сам хозяин; его помощники, служащие – все трудящиеся. Тогда о чем же спор, к чему сводится наша борьба. Как-то по этому поводу шел спор за городом на лугах. Мы все лежали лицом вниз, образуя круг, Вася сердился (был горяч), он то вставал, то опять ложился. Миша и Павел возражали ему, что он не прав, но доказывать чувствительно ему и его сторонникам не могли. Миша положил конец спору, соскочил, стряхнул с рукава одежды (он был очень аккуратен в одежде и во всем) приставший сор от травы, сказал:

– Хватит в пустую молоть, от такого спора нет пользы, одно и тоже повторяем свои мысли, от этого можно только отупеть, лучше пойдем в укомол, приехал какой-то молодой человек, может он развеет нам наши непонятные вопросы и выведет нас из тупика. Ну, пошли!

Все встали, стряхиваясь от приставшего сора, и весело, пением революционных песен, пошли, прошлись по свежему воз-

духу, ребята нас проводили домой. Наши ребята были очень хорошие, тактичные, внимательные были по отношению к нам.

Было воскресенье. Хозяйки не было дома. К нам пришли подружки Оля, Катя, Стеша. Теперь точно не помню, кто-то читал стихи, посвященные нашим девочкам. Нам было весело, смеялись, делились со своими мнениями, девочки рвали их на мелкие кусочки и через открытое окно выбрасывали на улицу, и ветер их уносил. В это время к окну подошли наши ребята.

— Что это такое, девочки?

— Рвем письма и стихи и выбрасываем как ненужный хлам.

Ребята тоже смеялись. Миша насторожился.

— Хлам... и мои стихи выбрасывали бы, если бы я Вам написал?

— Нам все равно, выбросили бы, чьи бы они ни были.

Миша как-то взволнованно сказал:

— Однако, легко же вы расправляетесь с чужим трудом, может, человек всю ночь просидел, подбирая мысли и рифмы. Да.

При этом его черные глаза блестели ярко, отливаясь, переливаясь переходящим блеском. Он внимательно посмотрел на меня (так мне, может быть, показалось): неужели Зина так же поступает моими стихами? Я дала знать, что нет. Мне показалось, что он успокоился. Он сказал:

— Не советую девочки этого делать, издеваться и смеяться над чужим трудом нельзя.

Ребята быстро распрощались и ушли, а нам стало неудобно. Мы оценили свой поступок нетактичной грубостью.

Вечером, когда солнце приближалось к закату, у нашей калитки появился Миша. Один. Я вышла к нему. Он, без всякого пояснения, просто сказал мне:

— Дай мою писанину, если еще не изорвали, лучше сам уничтожу.

— Стихи твои целы, по договоренности с тобою, я их никому не показывала и я их тебе не отдам.

— Ты их мне отдай, я тебе лучше напишу.

Я выразила сомнение — а напишет ли? Он довольно сухо ответил:

— Я никогда не вру. Значит, Зина, и ты меня хорошо не узнала еще. Вот так, я удивляюсь, почему-то люди меня не совсем понимают, или не хотят понимать».

Миша был обидчив, иногда заметно уходил в себя. Он обиделся, видя, что наши девочки так бессердечно рвали и бросали чужие труды, да труды-то какие, мнения самых добрых, чистых душ. Миша сам очень любил трудиться, любил людей трудолю-

бивых и людей, живущих без труда, он называл паразитами и мерзостью. Сам он трудился много. Он очень дорожил временем. Всегда торопил нас в беседах, в спорах, чтобы мы кончали скорее, нет времени.

Не помню, много ли прошло времени с того случая, когда вернула ему его стихи. Миша передал мне вчетверо сложенный листок из школьной тетради и сказал: «На, прочти, просмотри, только не рви». Я ответила: «Что ты Миша, друг ты мой». Он взял мою руку и тихо сказал: «Прочти, кажется, ничего не вышли, оценишь сама», а не сказал, что стихи хорошие, он слишком был скромнен для этого и выдержан. А стихи были на самом деле очень хорошие, воспевалась девочка-сиротка, выросшая в бедности, в людях, под гнетом нужды, унижения и сумевшая выйти из такого положения, стремящаяся к свету новой жизни, борющаяся всеми силами за нее, и желающая делать только добро людям и народу своему. Стихи мне очень понравились, они были написаны на русском языке. Я их берегла дома, переписывала на другую бумагу, часто декламировала, но, к великому сожалению, лишилась их в некоторых обстоятельствах жизни».

До сих пор мы пытались проникнуть в жизнь М.Сеспеля, названного исследователями раннететюшским периодом. Пусть читатель извинит автора данной книги за обилие в ней выдержек из воспоминаний друзей поэта. Думаю, всё это компенсируется передачей эмоционального состояния авторов мною использованных воспоминаний, а также сохранением их душевной искренности.

Раннететюшский период стал для М.Сеспеля периодом общения к мировой культуре. Будучи в большой дружбе с учителем русской литературы Тетюшской учительской семинарии В.А. Никаноровым, он имел возможность заниматься в его личной библиотеке. Василий Алексеевич являлся учеником широко известных в то время литературоведов П.С.Когана (1872–1932) и П.Н.Сакулина (1868–1930). Первый занимался историей как древних и средневековых западноевропейских литератур, так и новейшей русской литературы, по этим проблемам выпустил ряд многотомных монографий (они имелись в библиотеке В.А.Никанорова, в будущем преподавателя Казанского университета). Второй ученый относился к русской литературной школе культурно-исторического направления. Книга П.Н.Сакулина «Из истории русского идеализма. Князь В.Ф.Одоевский» (1913) еще до Октябрьской революции была признана энциклопедией русской общественной и литературной жизни 20–30 гг. XIX в. В пореволюционное время он продолжал разработки по теории и истории русской литературы. В 1918 г. М.Сеспель и его сокурники

выслали голодающему ряд посылок с едой, а в ответ получили посылку с его книгами...

В.А.Никаноров был достойным учеником своих учителей. Благодаря его стараниям М.Сеспель сумел усвоить античную литературу и литературу Возрождения, произведения классиков западноевропейского Просвещения, русского классицизма и романтизма. Особенно он любил героев романа Л.Войнич «Овод» и песни нидерландских повстанцев-гезов. По воспоминаниям сокурсников, в одно время он подписывал свои произведения псевдонимами «Артур» и «Овод». Как видно, и здесь он идеализировал героев революционного духа, пламенных борцов свободы.

Весной 1918 г. поэт написал первое свое программное произведение («Обездоленных свет в непосильной борьбе...»), наполненное пафосом революционного обновления. Этим стихотворением он показал себя не только овладевшим высокой техникой силлабо-тонического стихосложения, но созревшим мастером разнообразных поэтических тропов. Метафорична каждая его строка:

Поднялись! Поднялись и, как змеи, шипят
На тебя золотые мундиры,
И, взбесившись, тебе, зубы скаля, грозят
Чернецы и попы и вампиры.

В одном ряду здесь вместе с чернецами и попами стоит сказочный оборотень, что заставляет сравнивать их друг с другом. Оказывается, все они «шипят» как змеи, скалят зубы, как дикие звери. Перед читателем возникает образ зверо-змея, т.е. сказочного дракона, который никак не хочет свою власть уступить «обездоленным». Но:

Если братьям придется главы положить
За свободу, — они, умирая,
В торжество будут веру, надежду хранить
И свободы, и правды, и рая.

Такое противопоставление старой и новой России было типичным приемом в поэзии тех лет, в особенности в творчестве поэтов «Кузницы». Подобное сравнение ни в коем случае не позволяет нам увидеть «влияние»: Сеспель был близок к поэтам «Кузницы» по пафосу, духу, и многие прочитанные им образы могли реминисцироваться в его вполне оригинальные стихотворения. Да и сам он не скрывал источников своего вдохновения. Например, написанное не позднее 1918 г. стихотворение «Пуласси» (Грядущее) автором отмечено так: *выр́сла кѣвѣ* (на русский мотив). По пафосу и некоторым образам оно сопоставимо с другим произведением автора — «Обездоленных свет в непосильной борьбе...». И здесь говорится о братьях, сложивших головы за свободу народа:

Самаллахшан вилне таванамсен юнӗ
Чечек пулса ларӗ, чӗрӗ чечек пулӗ;
Сутӑ сывлӑм шывӗ чечек синче сунмӗ,
Сӗнӗ сурт тӗнчешӗн тӑканмӗ куҫсулӗ.

[Первый вариант строфы]

Кровь за волю павших братьев превратится
В лепестки лунцовой ароматной розы.
Не роса над ними будет серебриться,
А за счастье мира пролитые слезы.

Перевод П.Хузангая.

Стихотворение поэта «Иртне самана» написано не позднее конца 1918 г. Очевидно, оно показывает поэтическое мастерство и общий пафос М.Сеспеля этого периода. При всем наличии достоверных фактов реминисценции, произведение это остается вполне оригинальным.

Сравним сеспелевские строки со строками стихотворения русского поэта того времени Н.И.Рыбацкого (Чиркова) «Пахарю»:

Эй, крестьянская дремотная
Рать и силища несчастная,
Пахарь земли!
Внемли:
Страхом и богоугодием
Был одержим,
Перед «его благородием»
Нем, недвижим.

.....
Искони мер ты от голода,
Мер и молчал.
Дрогнул от зимнего холода
И... вымирал.
Что погнило, отжило —
Новым заменяй!
Что годится в будущем —
Целым сохраняй!

М.Сеспель данную тему развил глубже и шире. Он показал чувашского крестьянина царского времени со всеми его бедами и невзгодами. Образы чувашского поэта ярче и богаче, на них он создает обобщающие выводы:

Ватӑ асласу пуртне
Йӑвантарса яр,
Ӗмӗрлӗх никӗс сине
Сӗнӗ сурт лартар!

Опрокинь избу с гнилой
Крышею вверх дном.
Верь мне, скоро мы с тобой
Срубим новый дом.

Пур чухансем тӗнчипе
Вӑл сурта тавар;

Вместе строить, вместе жить
Всем нам, беднякам,

Йăлтăр хёвел сүтипе
Тăррине тăрлар!

Светом солнца озарить
Дом всемирный нам!

Некоторые исследователи творчества М.Сеспеля, ставя знак равенства между произведениями раннего периода и более поздними, не могут отличать чисто сеспелевскую поэтическую систему от реминисценцированных элементов. В вышеприведенном примере чисто сеспелевским является не сам пафос и не принцип историзма, который действительно наблюдается в нем, а образность, художественное мышление поэта. Сеспель не констатирует революционные тезисы, а ту же мысль трансформирует в художественные образы: *Ватă аслашу нўртне Йăвантарса яр...* «Ветхий дом дедовский Опрокинь ты...» (вместо декларативного «Что погнило, отжило — Новым заменяй!..»).

Раннететюшекий цикл стихов Сеспеля завершается стихотворением «В Красном море», напечатанном 20 июля 1919 г. в Тетюшской газете «Красный маяк». В произведении все образы символичны: «Красное море» — Революция, «Корабль» — общество, «берег мрака» — дореволюционная жизнь, «берег счастья» — коммунизм и т.д. На берегу счастья поэт видит исполнение своих идеалов:

Без горя, мрака, жизнь чиста.
Нет паразитов, ни лентяев,
И жизнь дана на счастье всем,
И все равны в счастливом крае...

В этом произведении поэта нельзя не видеть традиции русских символистов. Известно, что уже в период двухмесячного пребывания в Москве (январь-февраль 1919 г.) М.Сеспель больше стал интересоваться творчеством В.Брюсова и А.Блока. Не исключено, что в столице ему удалось присутствовать на лекциях В.Брюсова. По ряду воспоминаний, его настольной книгой было учебное пособие В.Брюсова «Краткий курс науки о стихе» (М., 1919).

Следует отметить, что в эстетической концепции М.Сеспеля раннететюшского периода наблюдаются две тенденции: созвучность пафоса его стихотворений с пафосом произведений пролетарских поэтов «Кузницы» и овладение художественными приемами русских символистов. При всем этом он не стал ни поэтом «Кузницы», ни символистом.

Из воспоминаний Я.А.Андреева мы узнаем, что М.Сеспель любил лирику А.Пушкина, М.Лермонтова, Н.Некрасова, С.Надсона и А.Полежаева. Последнего уважал за поэму «Сашка», произведения «Негодование», «Осужденный», «Песнь пленного ирогесца», который он знал наизусть и неоднократно читал со сцены Тетюшского народного дома. Лирику Я.Надсона (стихотворения «Вперед», «Если душно тебе», «Друг мой, брат мой», «Певец,

восстань!» и др.) возвышал за ее форму, глубину чувств. Поэзию Н. Некрасова М. Сеспель любил за ее социальную направленность («Размышление у парадного подъезда», «Русские женщины», «В деревне»). А. Пушкин был для Михаила вместо бога, особо выделял его свободолюбивые произведения (оду «Вольность» и др.). В его личной библиотеке имелись все тома шеститомного издания творений А. Пушкина и его однотомник в издании Майкова. К поэзии М. Лермонтова Михаил тянулся за романтическую душу и трагическую судьбу великого русского поэта. Вообще вся чувашская интеллигенция XIX в. и начала XX в. особо чтит произведения двух русских классиков литературы — М. Лермонтова и Л. Толстого. Больше и раньше всех переводили произведения именно этих писателей. Здесь, несомненно, имеется какая-то закономерность. Думаю, ее следует искать в характере отношений М. Лермонтова и Л. Толстого к колониальным народам Российской империи, в том числе и чувашам (о чувашах Л. Толстой писал неоднократно). И совсем не случайно М. Сеспель взялся за перевод повестей Л. Толстого — «Хаджи-Мурат» и «Казачьи войны», правда, уже в Чебоксарах.

В ОГНЕ БОРЬБЫ И БЕЗОТВЕТНОЙ ЛЮБВИ

Позднететюшский период жизни творчества классика чувашской поэзии охватывает время его работы старшим следователем, заместителем, а потом и председателем судебно-следственной комиссии по уголовным делам Тетюшского уезда Казанской губернии (май 1919 г. — август 1920 г.). Михаила утвердили в должности заместителя председателя, как пишет Бекшанский, в день приезда в Тетюши А. Червяковой (по воспоминаниям последней, она работала в Тетюшах с 27 мая 1919 г. по 1 января 1920 г.). Тогда же его бюро уездного комитета партии отозвало из учительской семинарии. Очевидно, данный шаг М. Сепелем был сделан вполне осознанно, так как он считал, что дела общественные важнее личных, индивидуальных целей. Хотя, ради справедливости следует заметить, что в те годы достижения определенного уровня образования считалось общенародной задачей. В этом плане интересны воспоминания Г. Кузьмина об особом отношении Михаила к русской речи своего младшего брата.

«Я намеревался погостить у Миши только дня три и уехать, но Миша настоял, чтобы я остался в Тетюшах навсегда. Я согласился, и стали жить вместе. Все в основном складывалось хорошо, кроме одного но. Состояло это но в том, что я очень неграмотно владел русским языком. В первые дни моего приезда хозяйка

квартиры много расспрашивала о деревне, я, как всякий деревенский мужик поболтать, почесать языком любил, и на вопросы хозяйки отвечал охотно. Однажды, когда мы после обеда захватив свои книги, вышли на улицу, со злобой обратился ко мне:

— Ты своим топорным языком перестань перед хозяевами молоть всякую чепуху. Ни с кем из них не вступай в разговор. Если спросят, отвечай: — да, нет, может быть.

Мне, человеку, привыкшему деревенской сытости, фунт чёрного хлеба, да без дополнительного приварка, не хватало, и на первых порах было весьма трудно ходить постоянным ощущением пустоты желудка. Единственным спасением от тягостных ожиданий еды были книги. По окончании занятий в учреждении мы забирали книги и отправлялись за город на высокий берег Волги, расположившись обязательно к Волге, предавались чтению. Читали мы до наступления темноты. Придя домой, если не было чем-либо закусить, мы, голодные, ложились спать, иногда похлебали перед сном кислых щей, приготовленных на постном масле без хлеба. Чтобы я знакомился с русской литературой, установлен был такой порядок: прежде всего я обязан был места в произведениях Тургенева (причем те места, где встречаются художественно красиво описанные события и иностранные слова) выписывать в отдельную тетрадь и, запомнив их, применять в разговорной речи. Для закрепления этих книжных оборотов, как знание прочитанной, я должен был рассказать Мише, употребляя в своей передаче выписанные мной в художественном отношении ценные обороты. Под воздействием такого приема, постепенно, незаметно для себя я научился правильно владеть русским языком.

Когда у Миши появлялись по службе срочные дела, ему приходилось продолжать работу и после занятия. В таких случаях я беру свою книгу, иду в канцелярию к Мише и, забравшись в комнату машинисток, читаю книгу. Миша занимается своими делами. В один из таких дней Миша довольно рано закончил свои срочные дела и только сел читать книгу, к нам в комнату робко заходит татарин:

— Привет, начальник, — поздоровался и в пояс поклонился.

— Заходи, добрый человек, проходи, вот садись, — пригласил Миша и подставил ему стул.

— По каким спешным делам так поздно заявились, ведь занятия давно закончились, — держит речь Миша. Татарин заметно волнуется.

— Оно конечно так, но мне с Вами один на один надо переговорить.

— Это мой брат, его опасаться не надо, по какому делу пришел, можешь рассказать.

— У меня тут в тюрьме сын сидит.

— Как его фамилия и по какому делу сидит? — спрашивает Миша.

— За убийство сидит. Какая мера наказания его ждет, скажите, пожалуйста.

— До суда трудно сказать, ведь все суд решает, но по ходу следствия ему грозит расстрел.

Я, наблюдающий за этой сценой, вижу: посетитель весь побледнел, осунулся и долго молчал. Потом медленно поднял голову и спрашивает:

— Неужели так жестоко, а решение суда нельзя повернуть в сторону смягчения? Если дело можно повернуть в лучшую сторону, я сумел бы отблагодарить.

— Чем ты можешь отблагодарить? — спрашивает Миша.

— На этот раз у меня на возу имеется кадушка мёду и мешок крупчатки, — отвечает мужик. — Если потребуется, еще могу доставить.

Миша как будто обрадовался подношению и говорит:

— Нам и этого по горло хватит, несите сюда все, что есть, таскать брат поможет.

Пока мы с хозяином груза кадушку мёда и мешок муки внесли в комнату, подошли два милиционера. В их присутствии написали акт о конфискации имущества, мешок с кадушкой вновь погрузили на подводу, и один из милиционеров повез конфискационную, а другой — повел татарина в тюрьму.

В Тетюшский период Миша, по-видимому, тоже много писал, живя вместе с ним я не раз наблюдал, как он иногда, оставаясь на работе после занятий, занимался не следственными делами, и не чтением книг, а писал и писал не поднимая головы. О чем он писал, я не интересовался, т.к. у меня были свои заботы: и написанные листы он клал мне, клал в портфель и нес домой, чего никогда не делал, надо было готовиться к занятиям над казенными бумагами, на курсах. Но догадываюсь, что «Таркан салтак» (Солдат-беглец) могло быть начато и столько написано только в Тетюшах.

По окончании курсов меня приняли на работу в уездное телеграфное агентство в качестве агиткурьера (была при агентстве такая должность). Сразу после принятия на работу меня Миша направил в командировку по уезду (он был заведующим этого учреждения). Перед выездом я попросил у Миши разрешения, чтобы мне, по окончании объезда уезда, не возвращаясь в Тетюши, прямо из Яльчик, съездить на родину. Он мою просьбу удовлетворил. Месяц с лишним пропутешествовал по уезду и поездкой домой вернулся в Тетюши, но Миши здесь уже не было.

Сказали, что он покинул Тетюши навсегда и переехал на работу в Чебоксары. По поводу меня никаких распоряжений не оставил. Несмотря на такую неожиданность, я с работы уволился, пошел на пристань и первым попавшимся пароходом отправился в Чебоксары.

Странно, все-таки, мы вели себя. Что это: наследственное или условие так воспитало нас? Миша обо мне ничего не сказал в Тетюшах, и мне надо было понимать, что Миша не хочет, чтобы я таскался за ним, а я махнул рукой и поехал в Чебоксары».

Как оценить поступок М.Сеспеля с простым мужиком-татаринном? Объяснить его национально-конфессиональными убеждениями поэта никак не возможно. Во-первых, в то время он был убежденным атеистом, во-вторых, М.Сепель интересовался как татарским языком, так и поэтикой татарских песен. По воспоминаниям Н.Вазянки, в черновых бумагах поэта были сравнения чувашской аллитерации с татарской, там же имелся разбор одного стихотворения на татарском языке. Вспомним другой факт, но уже крымского периода. Там, в санатории «Таласса», в компании двух украинцев и чуваша Михала был серьёзный и не улыбочивый москвич, который первых окрестил «хохлятами». М.Сеспель назвал тех же ребят «сынами цветущей Украины». Поэт был истинным интернационалистом: искренне любящим свой народ и глубоко уважающим другие народы. Думается, в данном случае поэт проявил свою честность и принципиальность, а также неподкупность, чем особенно не выделялись многие коммунисты того времени. «Смотрю и вижу, что кругом такие же ответственные работники как я, — записал он в свой дневник 10 ноября 1920 г., — живут в хороших квартирах, одеваются в теплые шубы, катаются на лошадях и держат себя так, словно они богом поставлены на занимаемые им должности. Тысячи чертей! Неужели я наивно ошибался до сих пор, думая, что коммунист должен жертвовать для общества всем своим спокойным существованием, своим личным благосостоянием. Я знаю, глубоко убеждён, что в данный момент достижение личной материальной обеспеченности справедливыми путями — абсурд, потому я ненавижу, презираю всеми силами души всех своих партийных товарищей, одетых в теплые шубы, сапоги и т.д. и выглядывающих с противным буржуазно-дворянским достоинством».

Сегодня мы знаем, что взяточничество расцветало в царской России веками, оно стало нормой жизни и в XX в., многоуровневая коррупция разъедает души наших современников как моль. Сколько человек можно найти в наше время среди властвующих таких честных и неподкупных работников, каким был М.Сеспель? Думаю, что не очень много...

Теперь — о загадочной, скорее всего скрытой и тайной, любви Михаила к взрослой и интеллигентной даме Анастасии Петровне Червяковой. Читаем воспоминания П.И.Бекшанского:

«Вот что характерно для Михаила Кузьмича: первое — он не делал разницы в своих отношениях к человеку — будь это мужчина или женщина, парень или девушка — равные деловые товарищеские отношения, без какой-нибудь тени пренебрежения, без какой-нибудь тени заигрывания, без каких-то там шуток. У него какой-то ровный, спокойный характер устанавливался в отношениях с товарищами.

Я говорил уже, что в учительской семинарии у нас были несколько девушек — Юлия Сергеева, Зина Сусмет, Оля Харитоновна, хорошие, красивые чувашские девчата, которые могли нравиться каждому парню. Они им нравились, и им кто-нибудь нравился, и Сеспель кому-то нравился.

Но мы вместе создавали союз молодежи, вместе ходили на дежурство по охране города. С винтовками охраняли пристань. В такой обстановке между парнями и девушками формировались хорошие товарищеские отношения. Но была одна девушка у нас в семинарии — Шура Читаева — дочь офицера царской армии, отец — чуваш, мать — русская — учительница. Вот эта Шура Читаева хорошо знала русский язык, великолепно знала чувашский.

Но вдруг — мятеж. Чехословацкий урок протрезвил нас. Мы пришли в партию большевиков и твердо стали партизанами. В это время Шура решительно заявила нам, что мы предаем интересы народа и начала агитировать за эсеров. Не разделяла наших взглядов. Этого было достаточно, чтобы Михаил резко оборвал какие-то ни были отношения с Шурой Читаевой. Он её вычеркнул из списка живых для него людей. Как мне кажется, и зарождающееся чувство любви к ней подавил, вырвал с корнем. Для него она перестала существовать даже как сокурсница, как девушка, тем более, как любимая. Сеспель не раз говорил, что никогда не может полюбить женщину, человека, который не разделяет с ним его политических взглядов, не участвует в борьбе за счастье народа.

Шура Читаева вскоре уехала. Сбежала из Тетюш. Говорят, что она прислала из Ленинграда Михаилу телеграмму: «Хочу и могу вернуться к тебе. Ш.» Была ли такая телеграмма, не ручаюсь.

Но вот появилась в конце мая в Тетюшах Анастасия Петровна Червякова. Она — жена моего двоюродного брата Николая Червякова, мужчины интересного, красивого, ее ровесника. Человек очень тяжелой судьбы. Он в какой-то мере напоминает мне Григория Мелехова из «Тихого Дона». Николай был мобилизован в армию, в армии примкнул к большевикам, был депута-

том и членом исполнительного комитета Харьковского совета. Правда, потом сбежал в Симбирск и примкнул к меньшевикам, потом — к анархистам, в конце концов связался с чехословаками и дошел до Омска. Потом, видимо, Червяков разуверился в них и перешел к красным, воюя на их стороне, командовал ротой. Участвовал в разгроме колчаковцев под Омском. В боях под Новосибирском был тяжело ранен. В этом же городе он и умер от туберкулеза в 1920 году. А.П.Червякова ездила на похороны. У Анастасии взаимоотношения с мужем были трудные. Ее выдали замуж насильно. Она крестьянская дочка, удочеренная симбирским мелким домовладельцем и купцом Петром Сыромятниковым. Она воспитывалась у него с детских лет. Получила образование, окончила 7 классов гимназии, потом он отозвал ее из гимназии помогать своей молодой жене. Когда настало время выдавать Анастасию замуж, отчим побоялся, что кто-то увезет ее в сторону, и сам взял на себя заботу подобрать ей жениха. И вот — Н.Червяков. Работал он в Симбирске после окончания Казанского строительного профучилища. Работал техником-строителем дорог и мостов. Мост в Симбирске (через Свяягу) был построен по его проекту и под его непосредственным руководством, «Червяковский мост» — так его и называли. Купец остановился на таком интересном кандидате: талантливый техник, зарабатывает немало. Часто брал частные заказы у купцов на проектирование строительства и перестройки домов, проекты выдавал, как архитектор. Считался подающим большие надежды специалистом. И позарился Николай Червяков на купеческие богатства, женился на Анастасии. Но он так и не узнал и не полюбил ее.

Интересны воспоминания П.И.Бекшанского о первой встрече М.Сеспеля с Анастасией Червяковой.

«Мы шли домой после заседания бюро укома партии в отличном настроении. Впервые я отчитался на бюро о работе среди молодежи. Пожурили, что сделано всё же мало. Зато план дальнейшей работы одобрили. А Михаила сегодня же решили из семинарии отозвать и утвердить старшим следователем и заместителем председателя уездной судебной следственной комиссии.

Шли и шутили над будущим Шерлоком Холмсом уезда. Михаил также подтрунивал над собой в новой роли, но видно было, как он озабочен предстоящим назначением, необычным делом.

Так и дошли до моего дома. Перемахнув через большую лужу во дворе, Михаил поднялся по скрипучим ступенькам на крыльцо и, повернувшись лицом ко мне, проскандировал:

Я на башню всходил,
И дрожали ступени,

И дрожали ступени под ногой у меня.

Я мечтою ловил уходящие тени,

Уходящие тени угасавшего дня...

Из окна раскатился по двору многоголосый смех.

— Это не я! — крикнул Михаил, поворачиваясь к окну. — Это не я, а Бальмонт!

Никто не ответил.

— Пойдем, — говорю, — Миша, в дом. Это не над нами смеются. Интересно. Что там за сборище?

В комнате, которую мы громко называли «залом», собралась вся семья за круглым столом.

Михаил, увидев незнакомую женщину, задержался на пороге и хотел повернуть обратно. Навстречу вышла моя мать, Надежда Яковлевна, и говорит:

— Заходи, заходи, Миша. Легки на помине, мы только что о тебе говорили.

— Обо мне? Скажите, пожалуйста, нашли о ком говорить! И что же, смеялись надо мной?

Мать ответила:

— Вот Настя спрашивает: «Где же Паня, не на работе же так долго?» А я ей говорю: «Наверное, с другом, есть у него такой неразлучный друг». Настя и спроси: «С девушками гуляют?» А я ответила: «Какие там девушки? Все про мировую революцию обсуждают».

Настя бросилась ко мне обнимать, и смеется и плачет:

— Рада-то как, Паня, что снова тебя вижу, что к вам приехала. Не прогонишь?

Все вместе уселись за стол к шумному самовару. Михаил, как всегда, не поддался ни на какие разговоры и от чая наотрез отказался. Сел на стул у окна, взял с этажерки какую-то книгу. Листал ее и прислушивался к разговору.

Анастасия Петровна с любопытством присматривалась к моему другу. Заметив это, Михаил явно смутился и еще ниже нагнул голову над книгой. Анастасия Петровна рассказывала о жизни в Симбирске, остроумно посмеиваясь над собой, как она свекрови своей боялась.

— Да и не бояться нельзя. Она строга, ох, и строга, а я — хохотушка... У нее — то нельзя, другое — незачем. Захожу в кино-театр сходить и сама не рада. «Да как ты смела и подумать такое, муж на фронте где-то, может, раненый, а может, и убит совсем, а ты — в кино. Не позволю!» Запрет входные двери, ключи в карман и уходит в свою комнату, и слышу, как богородице жалуются на меня да просят: «Ты ее вразуми, заступница наша». Вот и сбежала к вам, погощу, пока не прогоните...

Михаил неожиданно буркнул:

— Скучно вам у нас будет. У нас кинотеатра нет.

— А вот вы меня и развлекать станете, не так уж вы угрюмы, как кажется. Вы не русский? По лицу, вроде, нет, а по-русски говорите так безукоризненно чисто.

— В скоморохи я не гожусь, характер не тот. А я не русский, чуваш. Слыхали о таких? А русский знаю, потому что на нем говорит Ленин...

— А вы еще какой-нибудь язык знаете?

— Французский, читать умею, а говорю плохо.

— Плохо ни на каком языке говорить нельзя. Надо уважать язык и народ, его создавший...»

Об отношениях, сложившихся между Михаилом и Анастасией, а также о письмах поэта к любимой П.И. Бекшанский имел свое оригинальное суждение. В письме Г.К. Кузьмину от 26 апреля 1959 г. он пишет следующее:

«...Мне кажется, чтобы правильно оценить и понять переписку Михаила с Червяковой, надо все время помнить о таких обстоятельствах:

Первое. Червякова свою юность провела в купеческой среде. Она — крестьянская дочь, сначала была взята в дом купца как нянька-сверстница настоящей купеческой дочери. А потом, после её смерти, была удочерена купцом. Затем, когда купцу надоела чужая девка в доме, он охотно — не считаясь с тем, ровня или неровня, выдал её замуж за техника земской управы, крестьянского сына Николая Червякова, моего двоюродного брата, тогда уже связанного с подпольными революционными кружками. Он был и меньшевиком, и анархистом, а кончил свою жизнь в рядах Красной армии в боях с Колчаком под Новосибирском. Умер после ранений в новосибирском госпитале. После того, как Анастасия вышла замуж, её связи с купцом Сыромятниковым оборвались. Она не была красивой, только глаза её цвета полевого василька были необычайно выразительны. В семейной жизни она была несчастлива. Муж её не любил. Женился он, скорее, рассчитывая на приданое. Но купец и его, и приемную дочку обманул. Жили они плохо, ссорились. Николай, красивый, здоровый мужик, легко сходилась с работницами на стройках дорог и мостов, которые он вел. Предоставленная сама себе Анастасия много читала, в свое время она кончила гимназию. Перед революцией училась на библиотечных курсах. Литературу — и русскую, и мировую — знала куда лучше нас. Читала и общественную и философскую литературу, была знакома с трудами многих философов, в том числе и материалистов. В общем, дамочка многое постигла в буржуазной культуре. Неудачная любовь и семейная жизнь сделали её сентиментальной, чувствительной, но нормаль-

ные устои и условности держали её в крепком плену. Даже тогда, когда у неё появилась к Михаилу какое-то чувство, она не дала этому чувству воли. А после обмена первыми поцелуями напугалась и сбежала в Симбирск. И, конечно, зря. Если бы они физически сошлись, то, я уверен, быстро бы остыли друг к другу. Как-никак, она была старше Михаила лет на 12–14.

Второе. Михаил был человеком больших внутренних контрастов. Реальное восприятие жизни и романтизм легко укладывались в нём. Был он поэтом в самом широком смысле этого слова. Мир реальный и мир внутренних чувств, образов жили в нём с одинаковой силой. Мне кажется, у него не было любви к Червяковой. Сначала любопытство к человеку, непохожему на всех других, окружающих нас. Потом некоторые увлечения, желание понять её всю и подчинить себе, как познанную до конца. Она охотно встречалась и беседовала с ним. Подогревала любопытство, но не отвечала на его притязание.

Михаил упрям. Началась своеобразная борьба характеров, в которой нередко используются все средства и подлинная страсть, искренность и мнимая искренность, а потом и прямая ложь. Начался этот роман в письмах, где Михаил, по-моему, больше сочинял, развивая творчески сложившуюся и воображаемую творимую им литературную ситуацию. Этим я объясняю то, что в письмах он изображал себя беспредельно подчиненным всепоглощающей страсти, а её — недоступной, недостижимой высотой. Ей это нравилось, он продолжал литературно развивать эту мысль, доводя её до абсурда. И свой образ стал рисовать ей не таким, каким он был на самом деле, а выдуманным, таким роковым любовником без взаимности. В этих письмах он сочинял, выдумывал невозможные преграды между собой и ею, которых на самом деле и не было. Сочинял, выдумывал историю безнадежной любви.

Порой он, в раздувании этих преград, носил письма её, опять-таки, выдуманные взгляды на разницу между ними, на несхожесть их путей, на непреодолимость расстояния между ними. Он рисовал в своем воображении образ кисейной дамочки, воспитанной в купеческой шовинистической семье и, внутренне полемизируя с ним, подчеркивал, что где ему, чувашу, рассчитывать на то, что она снизойдёт к нему. Он перечислял в письмах всё то, что могла пренебрежительно сказать такая дамочка о чувашах. Доводил эти строки до унижительного абсурда, совсем не думая так сам, а может быть за тем, чтобы ей самой, если она так думает, показать всю абсурдность, нелепость того взгляда на человека другой нации.

Разве ты, когда читал такие места в его письмах, не почувствовал, с какой злой иронией он писал эти строки, на первый взгляд, полные самоунижения, унижающие его свою родную,

любимую нацию, свой народ. А на самом деле, в этих строках через внешнее порицание он внутренне утверждал свой народ, свое право и издевался над взглядами русских шовинистов, зло высмеивал их. Это — иносказание, особый литературный приём и пользование им ещё раз подтверждает, что все письма Михаила — скорее, сочиненный им и недописанный до конца им роман, чем отражение его действительных чувств. К слову, когда Червякова, в конце концов, покорённая его письмами, написала Михаилу о своём согласии переехать к нему в Чебоксары и стать его женой, Михаил оборвал переписку и не дал на это согласие. Видимо, сам понял, до какой нелепости он раздул эту историю «неразделённой любви», этот сочинённый им роман.

Вот так я понимаю отношение, сложившееся между Михаилом и Анастасией Александровной, и его письма к ней. И что бы он там ни написал, Михаил оставался верным сам себе, своим идеям, своему пути революционера-большевика. И если из писем возникает другой образ — это выдуманный самим Михаилом, приспособленный к сочинённому им роману тип, действующий в любовной и литературной игре. Эта литературщина, через которую рассмотреть настоящего Михаила Анастасия не смогла. В этом её трагедия. И ему приходилось порой напоминать ей о том, настоящем. Вот в одном из его писем есть такая фраза (я написал её как самую дорогую для себя): «... быть около вас — мое счастье, но я никогда не думал брать свое счастье ущербом для партии». Вот это и есть настоящий Михаил. А всё то, что в письмах так не понравилось тебе, это — литературное произведение о взаимоотношениях, о неразделённой любви двух типов (в значительной мере оба в них выдуманное автором), столкнувшихся волей случая, рождённого революцией.

Я думаю, что письма Михаила к Червяковой при их правильном прочтении с учетом всего наносного, выдуманного сочинённого полётом фантазии автора, не могут порочить образ Михаила как большевика-интернационалиста, верного сына своего народа...»

Сохранились и воспоминания А.Червяковой, записанные Н.Ф.Даниловым в 1947 г.: «Михаил Кузьмич вёл себя на этих вечеринках несколько обособленно, т. к. был очень стеснителен. Мало говорил, мало веселился. Другие, видя это, иногда даже подтрунивали над ним, конечно, не злонамеренно. Не его эти шутки все же сильно его задевали, и он терялся, не зная или быть может не желая давать отпора выходкам товарищей; были случаи, когда он из-за этого даже уходил из комнаты. Всё же настроение его портилось, видимо, ненадолго, т.к. он большей частью тут же возвращался. Только впоследствии, в частности по его письмам я убедил-

лась, что он был слишком, можно сказать, болезненно самолюбивым. Этим объяснялся его стеснительность, робкое поведение, недоверие к людям. Поэтому малейшее замечание по его адресу вызывало с его стороны замешательство. От многих же шуток он просто терялся. Это-то вызывало, наверное, моё большое внимание к нему, т.к. он резко выделялся от других <...>.

Получив заведование библиотекой, я стала привлекать местную молодёжь, знакомую по дому Бекшанских, к библиотечной работе. Она помогала мне разбирать книги, составлять каталоги, писать формуляры, оформлять читальный зал и т.д. В числе этих молодых людей наиболее аккуратным, постоянным посетителем библиотеки стал Михаил Кузьмич. Тут-то вот вскоре и завязалась переписка между нами. Вначале она носила несколько случайный характер, а затем стала систематической: без писем проходили редкие дни, когда он уезжал по делам службы в деревню; в иные же дни Михаил Кузьмич писал по две-три записки.

В этих письмах более всего поражало меня высказываемые в них грусть, тоска, чувство одиночества. Он часто не верил в моё дружеское, хорошее отношение к нему, как, видимо, мало доверял людям вообще. Это объяснялось должно быть тем, что он мало встречал в людях хорошее отношение к себе. Поэтому моё дружеское расположение к нему его очень удивляло.

В своих письмах он также выказывал недовольство собой, подчас оценивая себя очень низко. Недоволен он был своей наружностью, происхождением, окружающими людьми, поэтому и в письмах и в личных беседах я старалась обходить эти темы, чтобы не затрагивать его болезненное самолюбие.

Чаще всего мы встречались у Бекшанского и в библиотеке. Но и там и тут всегда были люди, и личные вопросы, личные чувства здесь не затрагивались. Письма всегда передавались втайне, где-либо в коридоре, на крыльце или на улице, когда он провожал меня из библиотеки, — так что отношения наши сохранялись в секрете... Он вообще ревниво оберегал свой душевный мир от посторонних, боясь насмешек и шуток. Длительных встреч вдвоем, в частности прогулок, не было у нас вплоть до зимы. Да и вообще я старалась избегать этого, не только боясь огласки, но и не видя в этом необходимости.

В личных беседах он больше всего говорил о своих чувствах ко мне, о своих переживаниях. Говорил и о товарищах, критикуя их недостатки. Положительные качества он больше всего видел у Павла Бекшанского: честность, преданность работе, порядочное отношение к людям, неболтливость.

О своей служебной работе он почти не говорил, но недовольства работой он не выражал. Работал он тогда следователем; учил-

ся или нет, совсем не знаю. Но было уже известно, что он писал стихи и неплохо рисовал. Рисунков должно быть у него порядочно; он и с меня не раз пытался писать портрет. Но портрет ему как-то не удавался, и он порывал их. Вследствие этого товарищи часто называли его писателем и художником, что вызывало в нём смущение и недовольство, т.к. он считал это насмешкой <...>.

Распорядок дня в городе проходил у него при мне примерно следующим образом: с работы после еды он сразу ежедневно приходил в библиотеку, которая была открыта с 1 часа до 7 часов вечера, или заходил прямо к Бекшанским. Из библиотеки мы часто гурьбой направлялись гулять. Помню групповые прогулки в начале осени в лес и за Волгу <...>.

Самая активная переписка между мной и Мишей Кузьминым была с ноября по февраль 1920 г., когда я вернулась в Симбирск <...> Мой муж умер в декабре 1920 г. после него я жила только воспоминаниями о Мише. Поэтому-то мне удалось сохранить его письма в течение более 25 лет».

Итак, сохранились 98 писем поэта своей желанной, из которых 76 написано в позднететюшский период. В них запечатлена душа М.Сеспеля со всеми тонкими её оттенками и извилинами, отражается в них непростой холерическо-меланхолический характер и т.д. Но прежде всего эти письма являются наглядным образцом постепенного раздвоения личности поэта на телесное (тварное) и духовное (возвышенное). Такое раздвоение происходит чаще всего в сознании интеллектуалов, когда человек хочет избавиться от всех животных начал и стремится к идеальному человеческому. Подобное противоречие в христианстве примиряется обратным возвращением сына бога на грешную землю. В чувашской народной религии из-за человеческого непростительного поступка небо отрывается от земли и уходит на недостижимое людьми расстояние. *Тангр* (> чув. *Турд*) в общетюркской мифологии есть мужское начало, означающее собственно небо. В чувашском языке понятие «небо» трансформировалось и обрело новое значение – бог, а первое понятие обрели слова *түне* (верх) и *нёлёт* (облако). Есть и другое архаичное название неба: *Кăвак*. Данное слово имеет и свое первоначальное определение – «синий».

В чувашской религии вся земная поверхность расселена развращенными шайтаном тварями и *Турд* наказывает их, поражая молнией. В чувашской религии божественно-небесное не примиряется с дьявольски-земным, идет между ними вечная борьба.

Письма М.Сеспеля полностью пропитаны идеей борьбы небесного (духовного) с земным (телесным), при этом чем выше душа человека, тем ниже становится его тело. Создав икону-образ Богини-покровительницы, поэт стремился к ней только ду-

шой. «Из сердца просится крик отчаяния, душа просится к Вам из тела, — писал он Червяковой в письме под №32. — Если бы я был бесплотен, бестелесен — я полетел бы к Вам и вечно остался бы с Вами — невидимый Вами, ибо я был бы, может быть, тогда достоин Вас».

Душа для М.Сеспеля является чистой и светлой: «Целую, Нюся, не как мужчина, как носитель души, души, которая среди грязи, мелочности, пошлости мира нашла другую, близкую, кристально чистую душу» (письмо № 47). «Моя душа так сроднилась с Вашим именем» — признаётся поэт своей Нусе (письмо №54).

Космизм, космическое видение поэта передалось ему из чувашской народной религии. В народных песнях нередко встречаются образы неба, солнца, луны и звёзды, с которыми общаются стереотипные герои (сироты, рекруты, невесты и т.д.). Например, в одной из старинных рекрутских песен имеются такие слова:

Ѕӓлтӓр витӓр ҫул курнать, Сквозь звёзды виднеется путь,
Эпир каяс ҫул мар-ши? Не наша ли это дорога?

И в поэме М.Сеспеля (письма поэта вполне можно назвать лирической поэмой в прозе, составленной из циклов писем-стихотворений) лирический герой общается с Космосом. «Вы должны знать, — пишет Михаил Анастасии Петровне, — что все укоряют меня — и небо, и звёзды, — за то, что я люблю Вас» (письмо №44). Но в другом письме (№43) свою любимую поэт уподобляет с самим Космосом.

Итак, главными мотивами в письмах М.Сеспеля, согласно его противопоставлению возвышенного и низменного, были восхваление идеального духа и души в образе возлюбленной, а также уничтожение своего телесного и прочего несовершенного на земле. Динамика души и характера поэта весьма ярко запечатлена в вышеназванных письмах.

Письма М.Сеспеля А.Червяковой позднететюшского периода можно сгруппировать по отдельным лейтмотивам в них. Так в первую группу входят письма, написанные летом и ранней осенью, в которых преобладает резкое противопоставление «Я» с «Вы», а также нередко в них общефилософские и жизненные суждения. Вот некоторые выдержки из этих писем:

«Может быть, смея Вам писать, я смеюсь над Вами и оскверняю окружающую Вас атмосферу. Может быть, теперь, думая о Вас я совершаю кощунство. Для меня не «может быть», ибо я узнаю, что я не достоин даже и писать Вам» (№2).

Пока лирический герой без особого самоуничтожения творит образы «Вы» и «Я». Последний претендует на уважение первого. Но в дальнейшем происходит резкое удаление образа «Вы» от образа «Я»:

«Как Вы беспокоились, что я не знаю, что есть красивые и некрасивые, как беспокоились, думая, что я причисляю себя к первым. Как Вы старались, чтобы я узнал всё это. Спасибо Вам за усердие, но скажу Вам, что Вы ошиблись: ещё с тех пор как я стал понимать окружающий мир, я знаю, что я безобразен, знаю и то, сударыня, что меня художником, писателем и проч. называют в шутку. Но до сих пор красивые ко мне были снисходительны. Вы первая из них, которая не пожалела мой мир душевных переживаний. Вчера ночью словно тысячи холодных червей шевелились и пронизывали мое сердце. Душа кипела злобой на кого-то (конечно, не на Вас, сударыня). Растерзать, превратить безобразную, гнойную, грязную массу хотелось кого-то <...>. Мне иногда кажется верхом наглости и свинства вчерашнее Ваше усердие, но я знаю, что Вам подсказал так странный инстинкт Вашего мира красивых, но в тоже время так и хочется спросить Вас, для чего Вам нужно было оскорбить меня? Или я не чувствовал, что я безобразен! Или я не знал и не знаю это! Да, постарались. Как следует. Не могли мне сделать снисхождение, благосклонно умолчав о моём «художественном» типе, не вспомнив татарчонка. «Подумаешь, какой красивый человек» – это Ваши слова <...>. Я жалок, думая, что Вы можете представить то, что я пережил вчера, перечувствовал. Вам, красивым и русским, никогда не понять, насколько трагична судьба некрасивого чувашина, который к сожалению (к Вашему удивлению) умеет чувствовать!» (№3).

Здесь лирический герой не унижает себя, а защищается от тех, которые свысока смотрят на людей нерусского происхождения. В этом он полностью совпадает с Миклухой, героем из рассказа М.Сеспеля «Истома». Вспомним данное произведение. По воспоминаниям сокурсника поэта по семинарии И.Петрова, Михаил задумал написать прозаическое произведение о несчастной любви чувашского парня к русской девушке уже в студенческие годы. Его содержание было таково: после сближения и клятвы о вечной верности в любви девушка узнает о чувашском происхождении своего жениха и с брезгливым пренебрежением уходит от него.

На то, что рассказ был сочинён 1919 г., указывает и вышеприведённый фрагмент письма, сочинённого где-то в начале июня. В нем имеется общие места с рассказом «Истома». Напомним: главный герой Миклуха парень с азиатскими чертами лица (автор дает понять, что он нерусского происхождения), влюбляется в русскую девушку Машу, но та отворачивается от него. «Они правы! – рассуждает главный герой. – Маша права, как можно любить безобразного? За что? Люди должны любить только прекрасное. Но ... – подробно описывает автор-повествователь

сомнения и переживания Миклухи. — Я есть. Я тоже хочу ласки. Я жить хочу, но ведь и Маша не виновата за любовь к прекрасно-му, за отвращение ко мне, к безобразному! Почему? Почему я лишен права на полноту жизни?»

С целью открытия Маше «все стороны души, терзания сердца» своего страдалец-герой передает своей возлюбленной записку с интимными откровениями. Миклухе возвращают его любовное послание с пометкой «Рылом не вышел». И уходит от своих друзей герой (его прототипом был безусловно сам писатель, вспомним строки письма №64, в котором упомянуто гулянье в весеннем лесу) «с теребящим душу чувством стыда, униженный, мизерный».

Миклуха закомплексован не столько из-за чувства своей некрасивой внешности, сколько за чувство своей «второсортности», т.е. национального происхождения. Его сравнивают то с обезьяной, то с косоглазым китайцем (в письме Михаил говорит о татарчонке). Вспомним статью «Пирён вай» (Наша сила) лейтмотив которого подпитан идеей многовекового издевательства, глумлением над чувашами. Она начинается с описания следующей горькой правды: «В старину наши деды при виде русского человека забивались под клеть и хватались за кистень. Жуткие истории можно услышать от стариков и поныне. Даже теперь при полной свободе, так и норовят иные выставить нашего брата на посмешище, тыча в него пальцем: «глянь, чувашёнок идёт» (перевод А.И. Дмитририева).

Главную идею рассказа можно прочесть в той же вышеназванной статье: «... сполна хватили горя, натерпелись оскорблений досыта. Пора, чувашский народ, взять поводья в свои руки! Время зовёт — откроем глаза!» В эти пореволюционные годы М.Сеспель горел идеей национальной свободы и равноправия народов, что хорошо отразилось не только в его произведениях того периода, но и в письмах.

В своих первых же письмах М.Сеспель пытается прикрыть свои истинные мысли и чувства шуткой, что не всегда ему удается. Для примера приведу отдельные места из письма №5: «Как нечего писать и как много о чем бы можно было писать, как много дум, но мне самому было бы смешно над собой, если Вам я поведал их, как был бы я жалок со своими высказанными думами. Свысока, с презрением Вы смотрели бы тогда на меня».

Здесь автор письма выражает своё истинное чувство недоверия, боится быть осмеянным. Далее вполне серьезный стиль, — очевидно, специально, чтобы развенчать высказанную мысль, — переводится на шутливый тон: «Довольно и того, что Вы, хотя и шутя, позволяете ведьмедю (друзья в шутку называли Михаила

Мишкой-медведем. — В.Р.) из монгольских дебрей, случайно вышедшему из скучной, грязной глуши на свет, писать Вам, Вам, которая росла, прожила, вращаясь в интеллигентном, образованном кругу, которую окружали галантные («галантерейные» по-нашему), корректные, безупречные люди и образованный, деятельный и влиятельный человек. На Вашем месте и на ведьмеда смотрел бы свысока: нет, и не позволил бы себе смотреть на него <...> Вы, конечно, никогда не предполагали, что Вам придется, конечно, шутя, вести переписку с представителями разношёрстных оборвышей».

Иногда и серьезное и шутовое перемешано и трудно определить, который стиль преобладает, как, — серьезно или шутовое — воспринимать то или иное высказывание, ту или иную мысль, «И не то выносил!.. Вам не понять, — пишет поэт, намекая на бесправную и униженную жизнь чувашей, одним из представителей которых является он сам. Далее М.Сеспель, как бы спохватясь, начинает писать следующее: — Ей богу шутя. Вы скажете «очень мне нужно знать», но ведь шутя. Шутя, по-моему, всё можно писать. Но всё-таки я хотел бы жить, жить жизнью полной, розовой жизнью. Глупости какие! Шутя, конечно. Подумаешь, как рассуждает ведьмедь, не признающий сентиментальности».

Здесь же М.Сеспель в шутовом тоне оправдывает своё серьёзное суждение о женщинах, высказанное в письме №3: «Но не лишне будет Вам поставить в известность, что я *никогда не претендовал на благосклонность какой-нибудь женщины. Вам это нужно знать*» (выделено автором письма — В.Г.). Таким образом, между третьим и пятым письмами М.Сеспель выработал стиль первой группы писем, отличающийся синтезом серьёзно-возвышенного и игриво-шутливого начал.

В письме №6 Михаил впервые пишет о недостижимой высоте совершенств соевой идеализированной женщины: «А.П., я знаю Вас, знаю, знаю, на какой высоте совершенства Вы стоите и ничто не может заставить меня сознательно обидеть или оскорбить Вас». Здесь автор письма выражает свои чувства, но пока только намеками: «Как тяжело сознавать, что... ну к чему Вам. Молчи, мое сердце, молчи терпеливо, не забывайся, помни долю свою бесталанную». Аббревиатуру в конце данного письма (ЛВВДН) исследователи расшифровали как «Любящий Вас Ваш Друг Навеки».

В письме №7 опять говорится о том, как она дорога ему, что он поражён добротой, открытостью и доверчивостью Анастасии Червяковой. Тут же следует очередные сомнения и опасения: «Я знаю, что от людей нужно скрывать и дружбу». Поэт

размышляет и о чѣрствости души близких ему людей: «Знаю, что для людей ровно ничего не значит то, что думает, как живѣт душой его брат. Так было издавна, так и будет ещѣ долгое время. Таковы и близкие мне люди, — вот что мне больно, больно».

В письме №8 поэт упражняется в подборе красивых и поэтических слов, Анастасию называет «звѣздочкой дальней с нежно-печальным сиянием», рядом с шутливыми строками находятся серьёзные раздумья о понимании людей друг друга: «Никому не понять меня, и я не нуждаюсь в том, чтобы меня понимали. От того мне легче не будет, я сам один со своими думами, я сам — друг со своим сердцем». Поэт преклоняется перед добротой Анастасии, здесь же передѣргивает еѹ написанные слова: «Вы хотели ещѣ в записке сказать, что я дурак, что с суконным рылом суюсь в калачный ряд — но почему-то не сказали. Жаль». Стиль повествования в письме такой же многослойный, от искренне-дружеского, шутливо-игривого до официального.

Письмо №9 имеет точную дату написания его — 15 сентября 1919 г. Отвечая на очередную записку Анастасии, Михаил дает ей определѣнные характеристики и оценки. Например: «Я хорошо знаю, что Ваш идеал человечности высок и чист, и только в сравнении с этим идеалом Вы кажетесь себе не совершенным». Интересны суждения поэта о несовершенстве человека: «Сознавать своё несовершенство следует, у большинства людей нет этого сознания, но бесплодные страдания от сознания своей несовершенности никогда не помогут, только нужно стараться впредь быть совершенным. Страдать по своей несовершенности это — та же несовершенство».

Данное суждение дает полнее понять самоунижающие строки, очень часто встречающиеся в письмах Михаила. Оказывается, они написаны совсем не от страдания поэта по своей несовершенности, а от боязни непонимания его совершенности из-за многовековых мещанских предрассудков (национальных, эстетических, нравственных)! Поэтому добрые слова в свой адрес он выдает за шутки, или даже враньѹ: «Не возносите меня, не ударяйтесь в крайности, это не хорошо. Вы ведь сами чувствуете, что Ваше мнение о моей духовной высоте ошибочно. Вы знаете, что говорите неправду. А враньѹ — самая нехорошая вещь. Вы презираете себя — это тоже нехорошо, особенно без основания».

Фактически Михаил в своих первых письмах сам выпросил комплемент любимой женщины в свой адрес. Поэтому в вышеприведенном речетворении следует уловить тонкую игру автора, которая позволяет ему умело завуалировать свои нравственно-философские суждения. Вообще всё внешнее самоунижение поэта, как это точно подметил П.И.Бекшанский, направлено на внутреннее утверждение как себя, так и всего народа.

Письма №10–13 и стихотворение (№4) написаны М.Сеспелем во время его командировки в дд. Чернышова и Бикеево. «Сегодня допрашивал с 9 ч. утра беспрерывно до 10 ч. вечера, — сообщал он о своем занятии в вышеназванных деревнях. — Весь день, не покладая рук, не имея времени попить чаю. Дело разбираю важное, нужно было приложить все способности, все старания для выяснения дела, чтобы не пропустить незаданного вопроса. Дело зверское. 8 человек из-за личных счетов избил двоих и живыми зарыли в яму. Какие злые они — люди. Сегодня выяснил достаточно. Все улики против 8-ми человек. Допрошу завтра ещё 10 человек и арестую обвиняемых. Пришел усталый, измученный <...>» (письмо №10).

Реалистически рассказанное событие непротиворечиво содействует с романтическими излияниями влюбленного автора письма. Своей «лучезарной дали собственных дум» он посылает и такие ритмизованные строки: «Думал о Вас и чувствовал себя далеко-далеко в небесах, в лучезарной дали; словно лечу среди ярких, ослепительных искр, а душа замирает ... замирает... и словно ничего не нужно мне, кроме дум и грёз о Вас, дорогой, бесконечно обожаемый друг! <...> Грезил о Вас и не о чём другом, ни о ком другом не хотелось думать. Лошади уносили дальше, и дальше сеял дождик. Тучи проносились. Думы гнездились в голове одна за другой, думы проносились вереницей... Вас видел я в своих грёзах... Дорогой, бесконечно обожаемый... друг...».

Данный фрагмент письма условно можно назвать «Дорогой, бесконечно обожаемый друг» и он вполне может выступить как отдельное лирическое стихотворение в прозе. Таким же образом можно вычленив фрагмент письма №15 от 5 октября 1919 г. под названием «Буду один я, буду один я». Подобные блоки легко отделяются от остального текста в письмах. Они имеют особую структуру — поэтику повторов (от синтаксиса до лексики), чего нет в остальных текстах, которые автором названы «первыми попавшими словами».

Весьма интересны в письмах самооценки автора. В письме от 20 октября 1919 г. поэт признаётся: «Я действительно самолюбив, как Вы когда-то сказали, и не хочу, чтобы меня обвиняли в наивности. <...> Как-то я всегда требовал от судьбы невозможного. Как-то всегда наталкивался на безвыходные обстоятельства и привязывался к ним. Иногда мне кажется, что я просто люблю помучить себя — ни с того, ни с сего» (№17); «Как больно жить, как обидно жить, сознавая себя никчемным» (№22); «Я не боюсь страданий. Мне хочется, чтобы мне было ещё тяжелее, чтобы увеличилось страдания, моя тоска по Вас — так как я презираю себя, мне не жаль себя».

Поэт создает фатально жестокий, бесчеловечный образ «Я» и романтически-идеализированный мир «Вы», что позволяет образовать идеализированную реальность, которая существует только в его сознании. Эти представления постепенно приводят поэта к признанию своего одиночества, смысловой замкнутости человеческого существования в этом мире, которому до него нет абсолютно никакого дела. Для подобных интеллектуалов и сама смерть не страшна: «Люди боятся смерти, почему-то не считают её обыденным явлением — это мещанство, эта главная ошибка у людей. Теперь мне кажется, что это произойдёт просто, так легко, несколько движений и... <...> Давно у меня не было мыслей о смерти, Ваша записка заставила проснуться их...».

О собственной смерти Михаил стал писать с 10 декабря 1919 г., когда в письмах появился мотив разлуки: «Теперь, теперь только умереть я желал бы» (№38); «Если я не сделаю того, о чём Вам писал, не думайте, что я благоразумен, знайте тогда, что трусость мне помешала, отсутствие силы воли» (№41).

О наличии у М.Сеспеля, силы воли, думаю, никто не сомневается, ибо он это доказал ценою своей молодой жизни. Очевидно, в отчасти прав П.И.Бекшанский, который писал об игре, вживании поэта в литературный образ «по уши влюблённого» героя. Но воля поэта добровольно отдаётся ради «бесконечной любви»: «...только Вам я отдаю свою волю, что только Вы отняли мою волю — дикую, степную Волю. Вашей ласки, привета, только Вашей ласки я хочу за отнятую у меня Вами волю. Ласки, ласки, поцелуев — за волю!» (№52).

Попутно следует сказать, что будучи человеком волевым, он вынужден был подчиняться воле других, что обычно приводило к конфликтной ситуации. В этом есть даже какое-то трагическое начало.

Михаил писал о разлуке в позднететюшский период всего в 12 письмах (с 16 февраля по 2 июля 1920 г.), когда их действительно разделяло расстояние. Но мнение П.И.Бекшанского, о том, что поэт просто играл влюблённого молодого парня, я в этом глубоко убеждён, — не соответствует действительности. «Чтобы писать, мне нужна восторженность, хотя бы страдальца, и свежесть, нетронутость мысли...» — признавался поэт (№59). И не врал он, когда писал следующие слова: «Среди миллионов людей я нашёл Вас...» Такие слова просто не пишутся. В них чувствуется не только вдохновлённость, но и эмоциональная взволнованность, ослеплённость. И нет в этих строках никакого обмана: «Дорогая Нуся! <...> Почему я Вас люблю, почему, милая, милая, бесценная, чудесная, светлая Нуся! Люблю, люблю!» (№25); «... я люблю, люблю Вас бескорыстно, всею свято-

тью души, всей чистою душою, всем сердцем» (№26). Нет у нас права сомневаться в чистосердечной искренности этих слов. Но личное счастье не должно противоречить общественной работе — вот какой смысл следующих строк: «Быт около Вас — моё счастье, но я никогда не думал брать свое счастье ущербом для партии» (№30). Вскоре он поймёт, что слишком не дооценивал личные отношения с друзьями и коллегами, отдав предпочтение общественно-политическим...

Особую роль в письмах М.Сеспеля играют его отдельные стихотворения, которые ритмизированную в большей части прозу тяготеют к поэзии. Самый первый цикл стихотворений начинается со следующей строфы:

Грустью овеейна, нежно-печальная,
В грустных мечтах утонувшая,
Вы так прекрасны, как грёза минувшая,
Как звёздочка ясная, ясная, дальняя.

О космизме поэта, который ощущается даже в данном четверостишии, мы уже говорили. Здесь имеется еще один мотив, являющийся в его письмах сквозным — *грёза (грёзы)*. Данное слово имеет следующее значения: «1. Мечта, создание воображения. 2. Сновидение: видение в состоянии бреда, полусна». Грёзы приходят обычно во время сна и дум в дни разлуки. «Грёзы о Вас и ни о чём другом, ни о ком другом не хотелось думать», — пишет поэт любимой, из очередной командировки (№10), там же рождаются строки нового стихотворения (№14):

Стосковался по Вас, сиротинка-ведьмедь,
Настрадалась душа бесталанного;
Чтобы дал он теперь, чтоб на Вас поглядеть,
Чтоб дожидаться скорей дня желанного.
...Ночь продумал о Вас. Средь ночной тишины
Только Вы, только Вы вспоминалися...
Меж собою и звёзды сияньем луны,
Мне казалось, о Вас же шепталися.
Сердце рвалось к Вам, и хотелось порой
В честь Вас сердце отдать на сожжение.
Но мне звёзды сказали, что Вам я чужой,
Что лишь Вашего стою презрения...
И сказали, чтоб сердце молчало моё,
Подавляя глухое смятение:
Не откликнется сердце святое твоё,
Зажигаясь ответным биением...
Обожаемый друг! Как хочу всей душой
Поделиться мыслями угрюмыми.
Но один я... далеко Вы — друг дорогой...
Ах... один я с тяжёлыми думами...

д. Биксево, 23 сентября 1919 г.

Радостные встречи приводят к светлым мечтаниям и песенному ритму (№16):

Отчего не болит,
А певуче звенит
Моё сердце и бьётся сильнеей.

Снова хочется жить
И кручину забыть...

От чего на душе веселей...

Отчего. Отчего...

Оттого – что опять

Я могу и мечтать

И Вас видеть могу пред собой.

Оттого, что я Вас

Полюбил не на час,

Как товарища, всею душой.

10 октября 1919 г.

«Я вижу, значит – моя душа полна вами, только Вас видеть хочу я...», – такими словами завершает поэт своё письмо №19 от 27 октября 1919 г. а начинает его с очередного четверостишия:

Лишь я примчусь нетерпеливо

Послать Вам глупое посланье –

Душа, полна лазурных грёз,

Замрёт в певучем трепетанье.

Поэт вновь и вновь возвращается к мотиву грёз, который как двойня мотиву разлуки (№39):

Дорогая! Свет искристых дум моих!

Ангел грёз, мечтаний золотых!

День сегодня ясен и лучист,

Снег серебряный алмазный, так пушист,

Снег сверкает искрой огневой,

Так мечтателен свод неба голубой.

На людей гляжу я из окна.

В глазах всех их только радость лишь видна,

Потому что воздух зимний чист,

Воздух лёгок и лучист...

Отчего же мне лишь тяжело,

И страданье на сердце легло,

Отчего же давящая мгла

В тиски сердце бедное сжала.

Ясный день весёлый полон слёз,

Ясность дня не знает светлых грёз?..

Оттого, что, друг мой дорогой,

Мне не слышен милый голос твой,

Хоть украдкою увидеть, хоть на миг

Не могу твой лучезарный лик.

Дорогая, вдали от тебя

Провожая ясность, яркость дня.
День весёлый средь тоски умрёт.
Час разлуки ближе настанёт...

Оттого давящая мгла
Камнем жгучим на сердце легла.

13 декабря 1919 г.

Письмо №50 полностью написано в форме стихотворного монолога лирического героя с перчатками любимой женщины. Следует иметь в виду, что предыдущее и последующее письма автором подписаны совсем необычно: «Ваш навеки Минька». Более близко-интимный вариант имени Михаила (Миши), появился в лексике Нуси, конечно, не случайно. В письме №49 поэт пишет об испытанном им коротком счастье: «Первое моё счастье... Я знаю, Вы раскаиваетесь... Раскаиваетесь в том, что мне подарили счастье...» Быть может, первый поцелуй, может быть, физическое сближение – это для нас не имеет особого значения. Главное – в начале января 1920 г. поэт стал для Нуси не только юношей-Мишей...

Ведь перчатки в квартиру М.Сеспеля сами не пришли, они там оставлены той, которая носила их и в такие морозные дни не просто так забыла в тёплой избе. В молодые годы люди забываются чаще всего не от провала памяти, а от эмоционального избытка. Прочтём само стихотворение (датировано приблизительно между 3–16 января 1920 г.):

Бесконечно дорогие
Милые перчатки,
Вы случайно очутились
У меня украдкой.
И со мною, дорогие,
Ночку провели Вы,
К той, которая вас носит,
Вы мой ум игривый
Заставляли мчаться, мчаться
С болью и тоскою.
И ласкал я милый образ,
Видя пред собою.
Если б, милые перчатки,
Душу вы имели,
Если бы, домой вернувшись,
Рассказать сумели –
Рассказали б, что я, бедный,
Ночи, дни страдаю,
Что в бесплодных я томленьях,
В тоске изнываю.
Бесконечное мученье
Грудь мою сжимает,

Гложет сердце, беспощадно
Давит и терзает.
Для меня нет света солнца,
Стала жизнь постылой,
Для души моей отрада
Только образ милый.
Рассказали бы, что тихо
Мучась и тоскуя,
В тьме ночной, стыдясь, осыпал
Жарко Вас «чупту» я.
Ах, перчатки дорогие,
Милые, прощайте —
Той, которая Вас носит,
Привет передайте.

Цикл стихотворений М.Сеспеля из писем позднететюшского периода завершает трёхстрочное произведение, указанное автором как «из Н.Отсоли»:

Не спеши уходить — погоди
Хоть минуту, мгновенье одно!..
Бьётся сердце в мятежной груди
И любви и сомнений полно.

Хоть минуту, мгновенье одно
Проведи, дорогая, со мной,
Если вместе с тобой не дано
Нам идти по дороге одной!

Дорогая, останься со мной,
Отдохну у тебя на груди!
Путь лишений и в холод и зной —
Путь тоски у меня впереди.

7 февраля 1920 г.

Вышеприведённые стихотворения автором посвящены конкретному человеку, они глубоко интимны и не рассчитаны на всеобщее чтение и обсуждение. Здесь мы обозрели их только в поиске ответа на вопрос: «любил ли поэт А.Червякову»? Лично я в этом никогда не сомневался и, думаю, вряд ли меня в этом кто-либо переубедит.

В Тетюшах М.Сеспель жил почти три года и обрёл здесь своих друзей юности, а также нашёл свою первую, быть может, и последнюю любовь. Здесь встретил он Весну своего творчества, здесь вошёл в огромный мир мировой художественной литературы. В этом провинциальном городке чувашский поэт нашёл теплоту родного края. Ведь Тетюши, как и Чебоксары и другие города правобережья Волги, успокаивают душу и глаза любого чуваша, привыкшего ощущать невидимые просторы за

тирадой холмов. Не зря нижегородцы все подъёмы на автодорогах в шутку называют «чувакской горой». Даже здесь можно увидеть какой-то смысл. Спасибо тебе, Тетюши, за то, что ты был, есть и навсегда останешься для нас частицей души (вспомним строки: «Когда оставлю Тетюши <...> С тобой часть своей души Оставлю с болью...») нашего великого Сеспеля!

* * *

В чувашскую литературу М.Сеспель привнес новую форму индивидуального самосознания, совершенно отличную от индивидуальной личности литературы дооктябрьского периода. Вся поэзия Сеспеля пронизана пафосом борьбы против дисгармонии человека и его окружения. Он выступал за раскрепощение личности, за признание его человеческих достоинств. Поэт изображал совершенно нового человека, освобождающегося от социального и национального порабощения, стремящегося к гармонии с обществом.

Сильно индивидуализированная личность показывается поэтому в ее пространственной и временной связи с изменяющимся миром. Этот человек готов отдать свою жизнь за новое, обновляющееся. Все это позволяет сближать сеспелевское индивидуальное самосознание с ренессансным индивидуализмом. В науке такое явление, применительно к эпохе Возрождения, определяется как ренессансный реализм.

В чувашской литературе в начале XX в. появились тенденции, сильно напоминающие предренессансные и ренессансные тенденции в литературах Европы. Явления, типичные для литератур эпохи Возрождения, исследователи обнаруживают в произведениях К.Иванова и других писателей его окружения. В этом русле можно изучить и творчество М.Сеспеля. Но, как было уже отмечено, он ввел в чувашскую литературу новую форму индивидуального сознания. В чем же это конкретно проявляется?

М.Сеспель создал героя, ведущего за собой массы ранее социально и национально угнетенного народа. У этого героя есть определенная цель — достижение Равенства, Братства народов и всех социальных групп. Вся жизнь поэта прошла в борьбе против дисгармонии. Но вел он эту борьбу необычным образом — путем самоусовершенствования. Непрерывно совершенствуя себя, он рос по идеалу, созданным самим же, на основе всей впитанной в себя культуры Человечества. «Он был **ЧЕЛОВЕКОМ**, в котором все буквы большие, — восхищалась Н.Н.Рубис поэтесса в одном из писем П.И.Бекшанскому, — его «Я» стремилось быть совершенным во всем, в каждой частице его существа, а действительность — как **ОН САМ** понимал — была слишком далека

от совершенства. Я подчеркиваю «он сам» потому, что в этом и была его беда, что сам он слишком субъективно судил о себе».

Он стремился приблизить действительность к своему идеалу, но чем дальше, тем больше они расходились друг от друга. Это был путь к Большой Трагедии.

Необходимо выяснить причину такого поведения М.Сеспеля, как недовольство самим собой, которое обнаруживаются во многих его письмах А.Червяковой. По рассказам А.Г.Свистельника, М.Сеспель говорил ему, что он любит Н.Н.Рубис, «но ничего из этого не выйдет, потому что он инородец». Такое чувство угнетает, как мы убедились, и главного героя его рассказа «Истома».

М.Сеспель был очень чуток к чувству национального равенства и постоянно опасался возможности его нарушения. О естественности такого состояния представителей ранее угнетенных народов отмечал еще В.И.Ленин: «Ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки, к нарушению этого равенства...».

Высказывая в свой адрес резкие замечания, он себя не умаливал и не уничтожал, а утверждал и совершенствовал. Это было необходимо делать ради сохранения светлого идеала, основанного на равенстве и свободе всех народов. М.Сеспель воспел человеческую красоту, воссоздал идеал прекрасных, возвышенных чувств, гармонию человека и вселенной. «Как мне хотелось бы, — исповедывался он перед своей любимой, — чтобы Вы знали, чтобы и Вы чувствовали, что Вы вмещаете в себе, в Вашем существе все — и лучезарность вселенной, лучезарность чудных небес, ярких звезд... все, все...» (письмо от 24 ноября 1919 г.).

У Сеспеля была своя теория любви. Поэт писал, что любят обыкновенно тех, которые не похожи на себя. И считал он деление любви на два рода неверным: «Любовь одна, вечная любовь. Родство душ». Тем самым поэт возвеличивал духовное единение влюбленных. Следовательно, любовь он представлял как диалектическое единство противоположностей — стремление к духовному единству двух противоположностей.

За Большой Любовью поэта стояло Большое Творчество. «Если иногда я пишу хорошо, то только потому, что пишу Вам... — признавался он А.П.Червяковой. — Никогда не могу писать того, чего не чувствую и пишу только тогда, когда живыми звуками чувства мои просятся к Вам. Хочется писать стихами, умиротворяющими звуками, чтобы она ласкали Вашу душу и уносили Ваши мысли в светлые края, в края неведомые, чтобы Вам было хорошо, хорошо, но я не умею писать так, и хочется плакать, замереть в рыдании...» (письмо от 5 ноября 1919 г.).

Для М.Сеспеля стихи — это живые звуки сердца, а словосочетания в них могут создать сложные поэтические образы. В письме к А.П.Червяковой от 4 апреля 1921 г. он писал следующее: «Стихи стал писать... Но не судите их — эти звуки сердца — очень строго... На первый взгляд они совсем бессмысленные, только подбор слов, но если вдуматься, в них ни грамматических, ни смысловых ошибок нет, по построению они правильны, хотя и есть странные сочетания слов, например: «зарю твоих взглядов»... «жжет сердце весною огонь весенний» — будто подбор слов... Главное нужно понять, значит вникнуть».

Эстетическая концепция М.Сеспеля обнаруживается не только в его идеалах, но и в его отношении к художественному творчеству, искусству слова. При этом следует учесть, что в этом плане взгляды поэта были неодинаковыми в разные периоды его жизни: Сеспель остерского периода, например, значительно отличается от чебоксарского и крымского периодов и т.д.

О наличии в жизни и творчестве М.Сеспеля особых периодов отмечала и Н.Н.Рубис: «Как ясно очерчены разные периоды по времени внутреннего мира Михаила. И каждый — с подведением итога предыдущего, и все вперед, снова — итоги и вперед».

Отдельные периоды творчества М.Сеспеля расположены в хронологической последовательности. В эти разные отрезки жизни сложились темперамент и характер поэта, утвердились и эволюционировали его этические и эстетические нормы, сложилась система взаимоотношений с окружающими людьми. Все это сказалось в творчестве, поэтических произведениях Сеспеля — начиная с идеи, пафоса до стиховой системы. Эстетическую концепцию и поэтическую систему М.Сеспеля необходимо рассматривать в плане их эволюции, что позволило бы нам увидеть рост поэта, уловить тенденции развития всей чувашской поэзии той поры.

Позднететюшский период. До лета 1919 г. в своих стихах М.Сеспель выражал массовое, коллективное сознание. Индивидуального у него еще не было столь развито, как в последующие годы. Личностное в поэзии Сеспеля впервые раскрывается в позднететюшском цикле стихов, когда поэт испытывал бурную страсть любви к А.П.Червяковой. Воспевая человеческую красоту и возвеличивая идеал возвышенных чувств, М.Сеспель становился тонким лириком, различающим неуловимые оттенки звуков и красок. Это обнаруживается уже в его первом стихотворном послании (июнь 1919 г.):

Грустью овейна, нежно-печальная,
В грустных мечтах утонувшая.
Вы так прекрасны, как грёза минувшая,
Как звездочка ясная, ясная, дальняя.

В исповедальных письмах М.Сеспель проявил такую способность, как умение воплощать в красках свои чувства и переживания. «Я помню миг, с которого я начинаю помнить себя, — писал он А.П.Червяковой в письме от 19 января 1920 г. — Мне кажется тот миг началом моей жизни. Тот миг — теплое весеннее утро — мирное, священно-патриархальное; изумрудная травка, покрытая серебристо-алмазной росой. Небо было ярко-голубое, солнце только выходило и играло лучами на вершинах острых тернистых ив. Я бегал босой по росистой зеленой траве, и кругом все сияло ослепительными лучами, чудными цветами и красками, и было чисто, невинно...».

Цветосимволика М.Сеспеля способна предавать чувства романтического тона. В этом он себя уподоблял русскому лирику И.Никитину. Данный прием был излюбленным и у символистов, особую цветосимволику выработал А.Блок. Не исключая воздействия на поэтику М.Сеспеля творчества этих поэтов, следует заметить, что он имел дарование художника от самой природы. Рисуя, Сеспель умел вложить в работу «все движения души, все изгибы чувствований» (письмо от 10 октября 1919 г.). Не эта ли способность помогла ему выработать свою индивидуальную цветосимволику? Основными цветами для поэта были красный, зеленый и синий (голубой). Красный символизировал Революцию, человеческую мысль, а зеленый — плоть самого поэта и художника. Синий же цвет для него был цветом чувств, любви.

Признавая значение красок, М.Сеспель считал, что в поэзии главное место занимают все же не они, а звуки. Стихи он называл «живыми звуками чувства». В данном случае он придерживался взглядов В.Брюсова, который утверждал, что стих есть явление звуковое. Русский теоретик выделил в стиховедении даже отдельные дисциплины — эвфонию (учение о звуковом строении стиха), мелодику (учение о сочетании звуковых и образных рядов между собой и всех других элементов, присутствующих в произведении). При этом особенности стиха он объяснял своеобразием языков различных народов.

Все эти положения В.Брюсова имеются в «Кратком курсе науки о стихе», ставшей настольной книгой чувашского поэта. Изучая природу чувашского языка, поэт замечает его склонность к подражанию звуков и светотеней. Особо он интересуется звуковыми повторами, обильно встречающимися в народных песнях. В черновых бумагах, попавших в руки Н. Вазянки, были сравнения чувашской аллитерации с татарской. При этом поэт отметил следующие строки: «Сари сари сапсари лай сари сагат саплар-и» (из неизвестной татарской песни) и «Чёмпёр синче чён вылять. Хусан синче хут вылять...» (из чувашской народной песни). Там же был разбор стихотворения на татарском языке «Талдын талга».

Такой звуковой повтор М.Сеспель применяет впервые в стихотворении «Ака ҫинче» (В дни сева), написанном, очевидно, одновременно со стихотворением «Дорогая!..» – 13 декабря 1919 г. На это указывает как близость образов, так и сходство размеров. В русском стихотворении также обнаруживается стремление к звуковому повтору: «СНЕГ СЕРЕБРЯНЫЙ алмаЗНЫЙ так пушист, СНЕГ СвЕРкает иСкРой оГНЕвой...»

В стихотворении «Ака ҫинче» звуковой повтор выполняет функцию нанизывания образов:

КЀВАКҫут КЀВАККЀн КЀВАК КАНтЀК витёр

СаРӑ Сётел УРӑ УРайНЕ ўксЕН...

Синий отблеск синего рассвета сквозь синие окна

Через желтый стол на [желтый] пол упал...

(Подстрочный перевод)

При помощи звуковых повторов поэт обращает внимание читателя на различие цветов-символов *кӑвак* (синий) и *сарӑ* (желтый). Здесь *кӑвак* – внешний мир, куда отправляется лирический герой на весенний сев, а *сарӑ* – мир внутренний. К микромиру относится любимая героя, которая у окна провожала его с улыбкой:

пӒР ТӒле ҫитсесӒн, КЀВАК КАНтЀК виТӒР

САвнӑ СА-Рӑ хӒР пӑхРӒ, йӑЛ куЛчӑ...

У синего окна одного дома

Появилась любимая красавица и улыбнулась [мне]...

Здесь цвет *сарӑ* в словосочетании *сарӑ хӒр* обретает новое значение: «красавица». Уже в конце стихотворения источник света расположен в желтом мире, т.е. в доме, котором живет любимая девушка героя. Так умело использовал поэт звуковой повтор и цветосимволику для создания поэтического образа, героя с его бытовыми реалиями и внутренними романтическими чувствами.

В поэзии Сеспеля позднететюшского цикла наблюдается органичное слияние образно-стиховой структуры с содержанием произведения. И здесь он следовал позиции В.Брюсова, который, в отличие от формалистов, не отрывал форму от содержания, объяснял метрико-ритмический строй стиха в связи с рассмотрением его содержания. В данный период М.Сеспель полностью овладел русской стиховой культурой, восходящей к традициям И.Никитина, А.Кольцова, Н.Некрасова и поэтов-суриковцев.

В творчестве М.Сеспеля впервые в чувашской советской поэзии нашли отражение проблемы сюжетостроения произведений малых форм, так называемых сюжетных стихотворений, восходящих к традициям В.Лебедева, Я.Турхана, ряда поэтов начала XX в. Эти сюжеты поэт брал из самой кипучей жизни, они строятся на принципиально новой основе контрастного сопоставления всего

старого, отмирающего, с одной стороны, и типических обстоятельств и событий революционной действительности – с другой. Главной движущей силой, повелителем истории и основным литературным героем становится сам народ, а поэт, лирический герой – его живая частица. В жанровом отношении поэзия Сеспеля – гражданская лирика. Однако, как точно подметил В.Н.Абашев, своими лирическими произведениями поэт активно вторгается в область эпического, поднимая жизненно важные проблемы большой социальной значимости, воспевая революционный народ и его героические деяния. Даже интимные стихотворения его «дышат большим общественным пафосом, мотивами неразрывного соединения личных стремлений поэта с насущными делами трудового народа».

Рукописи трех произведений М.Сеспеля тетюшского периода в 1935 г. через П.Бекшанского попали в руки чувашских поэтов С.Шавлы и В.Паймена, которые в том же году каждый по отдельности дважды поместили их описание в куйбышевской газете «Колхозник». Сами тексты остались неопубликованными, а в 1937 г. вместе с архивом В.Паймена они попали в руки сотрудников НКВД и исчезли бесследно. Среди них были два стихотворения и одна поэма.

Авторы статей, прокомментировав поэму, приводили 18 непосредственно взаимно не связанных стихов из эпического произведения. О его содержании они сообщают следующее: поэма повествовала о злосчастной жизни нищего бандуриста, о его «любовной драме, вернее, трагедии» (Паймен) и была проникнута духом социального протеста против общественной несправедливости того мира, в котором одни властвуют, утопают в роскоши, а другие голодают и нищенствуют, хотя духовно стоят гораздо выше первых. Участь последних испытывает и бандурист из поэмы. У него нет ни крова, ни хлеба. Единственными друзьями его являются верный, но голодный пес и звонкая бандура. Более у него нет никого. А как бы ему хотелось, чтоб его любила девушка, которую он встретил в городском саду возле фонтана. Но этому не бывать: барышня никогда не сочтет нищего за человека. «И ему, – пишет С. Шавлы, – остается одно – умереть голодной смертью под кудрявой березкой. И тогда:

Жутким завываньем

Плакала над ним

Бедная собака

Воем роковым.

Так завершается это повествование о времени рабства».

В.Паймен пишет, что несчастная любовь бандуриста кончилась «кровавым ножом в его груди». Рассматривая мастерство поэта и лексический состав в его произведениях, автор статьи в каче-

стве примеров цитирует следующие отрывочные стихи из поэмы: «Для образца возьмем вот эти строки:

Белые березы
В дремоте стоят...

Или еще:

Тихо ниспадали
Прядью золотой.

У нищего бандуриста все имущество – одна бандура, единственный друг – его собака, и он:

С ними подаянья
У людей просил.

Далее читаем:

Да еще собаку
Верную любил,
С нею подаянья
Скудные делил.

...Такие стихи здесь не единичны, вот к примеру:

С ней встречал он утро
В тишине лесной,
С ней прощался с солнцем,
Сидя над рекой».

Таким образом, можно представить общую картину о потрянанной в архивах НКВД поэме М.Сеспеля. Она, по Шавлы, состояла из трех глав, 134 стихов, а по В.Паймену – из 132 строк. Следовательно, произведение имело средний объем. По жанру его можно определить как лирическую поэму. Здесь преобладали, как мне кажется, лирические отступления автора-героя, а не описание действий и событий. Поэма датируется 1919–1920 гг., т.е. она была сочинена в тетюшский период жизни поэта.

Роль М.Сеспеля в развитии чувашской лиро-эпики заключается в том, что, во-первых, он утвердил в жанровой системе чувашской словесности сюжетное стихотворение с резким противопоставлением прошлой жизни народа с будущим временем. Во-вторых, он развивал традиции поэтов начала XX в. в области сложения лирической поэмы.

В конце главы необходимо обобщение творчества М.Сеспеля и в жанрах прозы. В революционные эпохи, как известно, интенсивное развитие получает поэзия, наиболее доходчивая и действенная форма речетворчества. В начале XX в. в чувашской прозе актуализируется аналитическо-публицистическое начало, что несомненно связано с изданием национальной газеты «Хыпар». Первая корреспонденция М.Сеспеля была опубликована в этой газете от 5(18) января 1918г. в рубрике «Чăваш пурнăçĕ» (Чувашская жизнь). Там автор сообщает о своем прибытии из Казани на станцию Шихраны (ныне – г. Канаш), о беседе с чувашскими солда-

тами. «Очень обрадовался я, глядя на своих родных чувашей, — не скрывает свою радость парень из деревни Казаккассов. — Раньше на таких станциях чувашской речи невозможно было слышать, разговаривали только в уединенных местах шепотом. Сейчас они раскрепощены, громко разговаривают и смеются».

В статье «Ҷапла пулăшатăр-и?» (Так ли помогаете?), опубликованной 13(26) января 1918 г. в той же газете, молодой семинарист показал свои способности в создании литературных образов и картин. В деревне Шугурово пошли слухи, что излишки хлеба из магазина начнут изымать для голодных солдат. «Сказано — сделано: боясь, его быстро поделили, — объясняет автор создавшуюся в деревне ситуацию, — не забыли и про попойку. Сославшись на жажду после работы, продали овес, купили пива и всю ночь шумели и орали. Угощались и богачи, и бедняки. Пил и тот, кто в тулупе ходит, не отстал от него и тот, кто драную шапку носит: чем же он хуже людей? Крики пьяных, песни развратных солдаток, без мужей нагулявшихся оглушили сонную деревню» (перевод Н.Данилова).

Далее автор показывает противоположную картину: сырые окопы, а в них — мужья, братья и сыновья тех самых людей, которые веселятся на вечеринках.

Статья завершается следующим призывом автора: «Дорогой чуваш! Так, значит, ты помогаешь своим родным, гибнущим с голода... сын просит у тебя хлеба, а ты подаёшь ему камень?.. Видно и вправду сказано: голодного разумеет лишь голодный, а не сытый!»

Здесь уместно вспомнить случай, происшедший с М.Сеспелем во время поездки их с П.Бекшанским в Казань в декабре 1919 г. (см. «Промчавшаяся в вечность лазурность юных лет...») Там поэт противопоставлял голодных детей с их родителем-горемыкой, из-за муки убившего своего брата. В статье тоже мучаются дети и мужья от холода и голода, а их матери и жены веселятся на вечеринках, пьют и наедаются. Приём резкого контраста наблюдается во всем творчестве М.Сеспеля, в том числе и в его прозаических произведениях.

Следующая особенность сеспелевской прозы — сквозное пронизывание в текст темы свободы и равенства, постоянные размышления о неравенстве народов в бывшей царской России. В своей программной статье «Пирён вай» (Наша сила, 1 февраля 1918 г.) поэт излагает свои мысли по поводу национального развития народа и скорейшего избавления его от многовекового унижения и гнета. Статья пропитана идеей национальной свободы, в ней автор резко осуждает многовековое издевательство и глумление (мăшкăллу) над чувашами. Единственный путь к полной

свободе, по проекту М.Сеспеля, лежит через создание национального банка, своего правительства из своих сородичей и собственных полков, а в дальнейшем и других военных структур. «И заживет чуваш полнокровной жизнью, всюду будет звучать родная речь. Свободные жители чувашских городов, словно старательные муравьи, спокойно, без каких-либо понуканий, будут работать на свой лад. Под сводами храмов будем с радостным трепетом творить молитвы на своем языке. Куда бы не шёл чуваш, нигде он не будет чувствовать себя забитым и обездоленным. И взойдет, наконец, полыхая огнём, долгожданное его Солнце и обласкает своими лучами весь этот край, многострадальную Чувашскую землю!..» (перевод А.Дмитриева).

В начале раздела «Дети полей и лесов» был упомянут рассказ М.Сеспеля «Дети леса» (1918). В нём, как и в статье «Наша сила», отражено определенное видение автора истории и судьбы чувашского народа, его современное состояние и перспективы развития. Называя свой рассказ «Дети леса», писатель намеревался показать жизнь традиционного чуваша (старика Ухиле) и его детей в новой, уже изменившейся техногенной цивилизацией жизни. Время заставляло их покидать насиженные места и увидеть совершенно иной мир со своими волчьими законами. Но быть свободными наравне с представителями других этносов им мешал веками инстинктивно выработанный страх людей не только перед прямыми угнетателями-чиновниками разного ранга, но и простыми людьми, будь они русскими или татарами.

В трудные для себя минуты сын старика Сюхеби и его товарищи, оказавшись в чужих краях далеко от родных лесов, молятся обыкновенному дубу, представляя его родной и священной Киреметью на холме. Этот дуб есть символ чувашского бытия. Погибают Сюхеби и его товарищи, умирает и старик, бывший хранитель «поверженного бурей священного дуба», что стоял столетиями на холме посреди дремучего леса.

Здесь автор намекает на наличие выбора пути в революционное время: или оставаться со старым укладом жизни и непросвещенными, или же следует догнать остальные народы путем получения образования. Только в последнем случае человек может обрести свободу и быть равным с другим. Только просвещенный чуваш обретает возможность бороться за свободу народа и его процветание.

В рассказе «Истома» просветительские взгляды М.Сеспеля полностью вытеснены идеей изначального неравноправия азиатских и европейских народов в пределах Российского государства. Главный герой рассказа, как уже было отмечено раньше, закомплексован не столько из-за ощущения своей некрасивос-

ти, сколько за чувство своей национальной второсортности. Если чуваш или другой народ в России станет во всех отношениях равным с русским народом, то его комплекс неполноценности исчезнет само собою. А пока происходит наоборот. Вот куда заносит основная идея рассказа «Истома».

«Письма к А.Червяковой» были переданы в Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН) лишь в 1956 г. и бережно сохранены их получателем. Они адресованы только одному конкретному лицу и никоим образом не были рассчитаны на их последующую публикацию и преданию гласности. Но опубликованная через много лет спустя данная эпистолярная литература обрела чисто художественные свойства и в нашем сознании она превратилась в художественное произведение, сочиненное в жанре лирической повести. «Письма» М.Сеспеля вошли в золотой фонд чувашской прозы 1917—1922 гг. По воспоминаниям Г.Кузьмина, М.Сеспель работал и над романом «Беглец», в котором рассказывалось о жизни одного из сыновей основателя его родной деревни. Фабулу данного романа мы уже знаем, а его оригинал исчез бесследно и, очевидно, безвозвратно... ↴

Итак, в тетюшский период М.Сеспель творил не только в жанрах поэзии, он активно работал в области драматургии и прозы. Стихотворение, поэму и письма поэт сочинял главным образом на русском языке; пьесу и роман, а также публицистические статьи-размышления — на чувашском. М.Сеспель внёс в чувашскую прозу неповторимое своеобразие стиля и определил её идейную направленность на десятилетия. Его проза, как и всё творчество в целом, выражала душу и чаяния многострадального, но в то же время и свободолюбивого народа. В этом бессмертность М.Сеспеля и его гениальных творений!

ГЛАВА III. ЧЕБОКСАРСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

О ФЕНОМЕНЕ М. СЕСПЕЛЯ

Данную главу я намеренно начинаю с общего размышления о феномене великого чувашского поэта, о связях его творчества с народным типом мышления и мирозерцания, о времени утверждения новой парадигмы чувашской культуры и жизни. После такого экскурса, думается, легче понять тот или иной поступок, поведение нашего поэта. Ведь не секрет, что многие действия отдельных людей мотивируются коллективным сознанием этнической общности, к которой они относятся. И эти действия, подсказанные новой социокультурной парадигмой этноса через подсознание, индивидуализировались и становились поступками отдельных исторических личностей, каким являлся и М. Сеспель.

В жизни М. Сеспеля были переломные для него этапы, когда резко менялись его взгляды на общественно-политическую жизнь, на веру (религию) и на окружающих его людей. Будущий поэт с детства воспитывался в рамках христианских идеалов, морали и этики: верил в загробную жизнь, боялся после смерти попасть в ад и т.д. Будучи глубоко верующим, за несколько месяцев пребывания на фронте (апрель-июль 1916 г.) он резко изменил свои взгляды на религию. Логическим завершением такого поступка было вступление М. Сеспеля в компартию, о чём позже он писал так: «...закончил 1918 г. началом третьего периода — вступлением моим в компартию, когда я почувствовал себя таким вольным, сильным, свободным от всех семейных, *религиозных и общественных предрассудков* (курсив мой. — В.Р.); вместе с пролетариатом я почувствовал себя властелином жизни».

«Властелином жизни» Сеспель чувствовал себя недолго — лишь до конца 1920 г. После ложного обвинения в поджоге здания юстиции он размышлял уже по-иному: «Никогда не думал, что каких-то полтора месяца заключения в тюрьме убьют во мне дух борьбы, протеста против мещанства... Чтобы быть жизненным, нужно быть грубым. Видеть жизнь, какая она есть. А я...».

В 1918 г. Сеспель мечтал совсем о другом (стихотворение «Грядущее»):

Чуханләх, пуянләх, уйрамләх йәранё
Ирәкпе сәнелнё пуранасран тарё,
Чёрере ачашшан сунё, суламланё
Тантәшләх, таванләх, юрату каварё.
Рубежи и цепи, бедность и богатство
Сгинут от сиянья солнечного века.

Загорится пламя равенства и братства,
И любви высокой в сердце человека.

Перевод П.Хузангая.

Вскоре поэт осознал, что до равенства, братства и взаимной любви людей очень далеко. «Все окружающие чиновники «коммунизма» надоели мне до тошноты..., — признался поэт А.А.Червяковой в письме от 15 апреля 1921 г. — Колесо бюрократии Советской России не скоро двинешь. Быть игрушкой в руках людей — черствых, полных лжи...». Далее он развивает свою мысль таким образом: «Идеализм в нашу эпоху преступление. Мечтатели, воображающие какую-то нежную гармонию, небесные симфонии в движении душ людей платятся своей жизнью».

К осени 1921 г. идеалы М.Сеспеля разрушились окончательно. «Коммунизм скрылся в горизонте будущего, — писал он Ф.Пакрышню в письме от 30 октября 1921 г. — На десятилетия воцарился в стране советский капитализм. Опять нищета одних и богатство других».

Почему М.Сеспель не принял НЭП, который называли в свое время ленинской моделью социализма? Где истоки его идеалов об обществе будущего? По какой причине Сеспель сумел сменить свои религиозные идеи революционными? Есть ли связь между эволюцией поэтики М.Сеспеля и развитием его идейных убеждений, философско-мировоззренческих принципов?

На эти и другие связанные с ними вопросы невозможно найти правильного ответа при рассмотрении творчества Сеспеля изолированно, вне контекста средневековой чувашской народной философии и чувашской христианской философии начала XX в., в данном случае вне такой категории познания, как «время».

Многие доступные человеку явления природы цикличны, т.е. имеют возврат к их первоначальному состоянию: день — ночь, новолуние — полнолуние, лето — зима и т.д. Поэтому не удивительно, что древние народы, в том числе и предки современных чувашей, определяли время по этим циклам природы.

Идея циклического времени определила структуру чувашской языческой культуры и языка. Вернее, сам тип языка сформулировал основную идею и структуру культуры народа. Чувашский язык, как известно, относится к агглютинативным языкам, в которых действует закон сингармонизма и доминирует *идея согласования* (фонемы с фонемой, слога со слогом), а в флективных (к ним относятся индоевропейские языки) — *идея подчинения*. Последняя тесно связана с типом европейского мышления с представлением о борьбе непримиримых противоположностей. Языки урало-алтайских народов, в том числе и чувашский, воплощают идею ненасилия, согласования взаимодействующих составляющих.

Календарь и вся система обрядов чувашей подчинена этой генерализирующей идее времени, периодически возвращающегося к своим истокам. Чуваша-огнепоклонники верили, что законы человеческого времени тоже подчиняются идее цикличности. К примеру, чувашские свадьбы приурочивались к обряду *синсе* (в этот период, считали чуваша, земля бывает беременной), а *юпа* — намогильные столбы — ставились глубокой осенью. Чуваша верили, что души и судьбы умерших со временем одариваются *Кебе* — новорожденному. Чувашская мифология не признавала ни начала, ни конца мироздания, в том числе и человеческой жизни. И рождение, и смерть приравнивались к получению нового статуса в иерархической структуре общества. Новорожденный входил в разряд *ача* (ребенок), женившийся получал статус мужчины — *ар*, а умерший оставался в составе *ватӑ*. В древности статус *ватӑ* получали, видимо, те члены общества, которые нуждались в постороннем уходе. По ряду преданий можно полагать, что такие старики и старухи встречали свою смерть в уединении, обычно в лесу. Отсюда, говорят в народе, пошли лесные духи *арсури*.

По представлению чуваша-огнепоклонника, в жизни все расписано и определено, и человек должен подчиняться этому первозданному порядку. Жизнь такого человека определялась его рождением и местом в иерархической структуре общества, его социальным статусом. Потому он не отделял собственное движение от движения Природы. Такое понимание, как утверждают исследователи, было в основе всей традиционной восточной культуры в целом. Великая гармония между Природой и Человеком — вот идеал, к которому стремился средневековый чуваш. В результате таких стремлений в мышлении чувашей начала преобладать логика *согласования*, а не подчинения, как у многих европейских народов. Логика достижения великой гармонии чуваша называли *сурастару* — достижение согласия, примирение, достижение равновесия и порядка. Почти все огнепоклонные обряды чувашей подчинены *идее достижения гармонии*, которая достигалась при помощи согласования с умершими предками, духами, богами и т.п. Знание для язычника означало путь к слиянию с Природой. Такими людьми среди чувашей считались *пӗлевсӗ*, *юмӑсӑ* и др., которые, по их убеждению, знали язык Природы, язык окружающего человека мира (одним из таких знатоков был и дед Сеспеля со стороны матери).

Логика согласования обнаруживается не только в структуре языка, обрядовой системе, но и в этике, правилах поведения, в музыкальном мышлении. В чувашской музыке преобладает пентатонное мышление, т.е. взаимодействие равнозначных, неподчиненных друг другу звуков. В традиционной форме ведения бе-

седы чувашей вместо европейского самоутверждения «Я» было стремление к достижению гармонии общающихся сторон. Данная особенность наложила отпечаток на национальный характер чувашей — стремление избегать прямых споров и дискуссий, доведение своего истинного мнения до собеседника через третье лицо и т.п.

Идея равноправия, обнаруженная в чувашском языке, музыке и вообще в культуре, полностью соответствует представлениям чувашей о социальном мире. У них весьма сильно развито чувство социальной справедливости и общинного равноправия. Именно этим можно объяснить их особо сочувственное отношение к попрошайничеству, боязнь быть беднее (хуже) других. В таком обществе полностью презирается индивидуально-эгоистическое, индивидуалистическое начало. Например, термин *сын сӑначӗ* (досл.: лицо человека), имеющийся в чувашском языке, по смыслу несколько отличается от европейско-русского понятия «личность». Чувашское словосочетание означает «нравственно-поведенческие устои, установленные в социуме». В чувашском видении Личность — это человек, имеющий право называться *Сын*, т.е. имеющий определенные ценностные ориентиры, совпадающие с общенародными. Если человек нравственно (с точки зрения этноса) испорчен, то он, по представлению чувашей, не имеет права называться *Сын*: *вӑл сын сӑнне пӗтернӗ* «он потерял лицо человека». Примечательно, что данное слово имеет смыслы, означающие как единичное («человек»), так и целое («общество», «народ»). В единичном есть целое, а в целом — единичное.

Такое понимание соотношения целого и его частей распространено среди восточных народов. По их представлению, целое — это не сумма частей, не конгломерат, а гармония, упорядоченная связь, внутренняя сопряженность одного с другим. Высшее благо, когда интересы отдельного человека гармонизируются с интересами коллектива, общества. В этом плане М.Сеспель писал в духе национального представления части и целого:

Кӑвар чӑрем — пин сын чӑри.

Эп пӑр сын мар — эп хам пин-пин,

Эп пин чӑваш, эп пин-пин сын!

Чӑрем юрри — пин сын юрри.

Данную строфу можно перевести так: «Раскаленное сердце мое — сердце тысячи *Сын* // Я не один *Сын* — я сам тысячи // Я тысяча чувашей, я тысячи *Сын* // Сердца моего песня — песня тысячи *Сын*».

Идеи братства, любви и равноправия, выдвинутые поэтом в стихах раннететюшского периода, у М.Сеспеля появились не только под воздействием христианских представлений. Чувство

социального равноправия, как уже было отмечено, весьма остро ощущалось в среде чувашей-общинников. Здесь следует вспомнить и такие черты характера, которые в определенных условиях жизни обрели отрицательные качества — это излишняя послушность и преданность начальству, изначальный национальный нигилизм и т.п. Все это требует конкретного фактического анализа и глубокого научного осмысления.

Христианство, утвердившееся в чувашском обществе в XVIII—XIX вв., приобщило вчерашних огнепоклонников к европейской *идее подчинения* Природы Человеку. Христианство постулировало разъединенность Человека и Природы, лишило Природу её магической недостижимости, иррациональности. В результате распространения европейской концепции личности в чувашской среде рано или поздно должна была возникнуть *концепция деятельного человека*, она, несомненно, разрушила бы традиционный принцип «недеяния». Такой период наступил во второй половине XIX в. и достиг своего апогея в первые два десятилетия XX в. Деятельность многих просветителей и романтиков того периода подчинена этой главной идее времени, названного некоторыми исследователями Чувашским Возрождением (аналогичная смена мирозерцания произошла в эпоху европейского Возрождения).

С утверждением христианства в чувашском обществе появилось европейское, линейное понимание времени. В христианском мирозерцании понятие времени было отделено от понятия личности. Новое, христианское осознание времени опирается на три определяющих момента — начало, кульминацию и завершение жизни рода человеческого. Время становится необратимым, и история, согласно её христианскому истолкованию, имеет направление, разворачивается по предустановленному плану и движется к концу. Линейное время делилось на начало, середину и конец или прошлое, настоящее и будущее.

Христианское мирозерцание способствовало формированию новой чувашской культуры и нового быта. В качестве примера можно рассмотреть расположение строений и домов в чувашской деревне. В средние века среди чувашей преобладало гнездовое поселение, более или менее согласованное с родовой и общественной структурой. Расположение жилого дома и других строений, внутренняя часть избы — все это соответствовало мифологическому представлению чувашей о микромире и макромире. Зеркальность, симметричность этих двух миров наблюдались и в утвари, costume обитателей этой «окультуренной территории» рода, общины. В каждом таком гнездовом поселении имелись свои центры, т.е. культовые места (*чүк йывăçĕ* во дворе и

улач юпи в избе) и утварь для совершения «акта примирения» — *чўк хуранё, чўк алтăрё* и т.п.

Примерно с середины XIX в. в чувашских деревнях появились улицы европейского типа, в результате чего утвердились такие понятия, как *урам (ял) пуçё* (начало улицы (села)), *урам (ял) варри* (середина улицы (села)), и *урам (ял) вёçё* (конец улицы (села)). Прямая улица, имеющая начало, свой центр и конец, соответствовала линейному пространству и времени. Теперь центром села стала церковная площадь, а не *тёп кил* (дом родоначальника) и жертвенное дерево на его территории. Это означало, что вчерашний огнепоклонник, приносивший в жертву богу и духам животных, отныне должен был приносить в жертву себя. Эта жертва уже духовная и индивидуальная, а не материальная и коллективная, как было раньше у их предков.

Таким образом, в результате утверждения христианского миросозерцания чувашское общество пришло к историческому мышлению и концепции деятельного человека. От церковных летописей XVI—XVIII вв. постепенно отпочковались историко-этнографические очерки, и от последних, как мы уже знаем, — науки и художественная литература европейского типа. Но историческое мышление вместе с изображением деятельного человека-индивида впервые так ярко выражено у М.Сеспеля. Это он так резко противопоставлял прошлое и будущее, был убежден в необратимости времени, не признавал идею цикличности. Это он впервые создал в чувашской поэзии образ сильно индивидуализированной личности.

Временные точки для лирического героя Сеспеля — это прошлое в образе изначального хаоса и будущее в образе Совершенства. Текущее для такого героя — лишь переходный этап от первого к второму. Переход осуществляется путём борьбы в европейском понимании (борьбы противоположностей с целью уничтожения одной из сторон). Но однажды, встав на путь борьбы, человек не может остановиться на полпути, он должен дойти до победного конца.

Идея победы в непримиримой борьбе подразумевает и идею поражения. Там, где торжествует победа, имеются не только победители, но и поверженные. Значит, идея борьбы порождает идеи как торжества, так и страдания. Для Сеспеля время торжества и радости находилось в «солнечном грядущем» (*хёвельё ыран енче*). Настоящее для поэта — «время смерти» (*вилём вăхăчё*) и страдания.

Ритм жизни лирического героя Сеспеля подчинён его идее — идее-страсти: каждый факт настоящего и прошлого он оценивает и меряет воображаемым *пуласси* (будущее). Это временное

измерение лирического героя не совпадает с его окружающей действительностью. В реальной жизни поэта выдуманное и идеализированное им «будущее» удаляется все дальше и дальше. Страдалец во имя будущего чувствует возврат старого прошлого, от которого он с самого начала стремился избавиться.

Новое для чувашского общества сознание, основанное на линейном представлении времени, привело интеллигенцию, и в первую очередь М. Сеспеля и ему подобных страдальцев, к трагическому концу. Идеи ближайшего наступления общества братства, любви и равноправия разрушились в 20-е гг., когда в условиях голода и НЭПа происходили социальные катаклизмы, резкое имущественное разделение людей.

Быстрая смена парадигмы национальной культуры и суровая действительность привели одержимых идеей борьбы к великой трагедии. Они научились мыслить по-европейски очень быстро, но воспринимали действительность по-старинному, по-чувашски. Новая культурная парадигма вдохновляла М.Сеспеля к борьбе и совершенству, к победе через страдания. Родной ему язык подпитывал идеей ненасилия и равноправия. Синтез культурно-сознательного (внешнего фактора) и языкового-подсознательного (внутреннего фактора) является тем цементирующим началом, на котором построен поэтический мир М.Сеспеля.

М.Сеспель взял из языческой философии идею великой гармонии и логику согласования. Но он стремился к гармонии не столько Природы и Человека, сколько общественно-социальной жизни и личности. М.Сеспель мечтал видеть идеального человека из идеального общества, где царствовали бы равенство и братство, а также взаимная любовь. Такой синтез чувашско-языческого, европейско-христианского и коммунистическо-утопического представлений привёл поэта к великому творческому озарению и одновременно к трагическому концу.

С начала XX в. в чувашском обществе утверждаются два философских течения: первоначально христианско-православное, а затем — христианско-социалистическое. Основы учения первого течения в наиболее концентрированной форме изложены в богословско-философском трактате Г.И.Комиссарова «Смысл мировой истории». Данную работу её автор «посвятил учащемуся юношеству и учащим в народных школах». В предисловии к трактату сообщается, что он был «прочитан автором на публичном чтении в Уфе 10 января 1916 г.». Значит, примерный срок написания работы — конец 1915 г.

Приведём некоторые отрывки из этой книги: 1) «Но чтобы человечество исполнило свою миссию и достигло полной победы над злом..., необходимо, чтобы каждый отдельный человек,

какого бы общественного положения или профессии он ни был, прошёл путь подвига и самоотречения...». 2) «Прогресс жизни совершается по закону толчкообразного движения, подобно движению корабля по бурному океану, толкаемому вперёд паровой машиной. На этом пути много препятствий: встречный ветер часто толкает корабль назад, нагоняет волны на него, волны эти с яростью кидаются на корабль..., но не могут заставить его совершенно отказаться от дальнейшего плавания до достижения им цели плавания – тихой пристани у цветущего материка. Перед концом мировой истории особенно должны быть сильны бури для корабля спасаемого человечества». 3) «Произойдет великая борьба между сатаночеловечеством и богочеловечеством...».

В первой цитате упомянута идея самоотречения, которая принадлежала русскому философу В.С.Соловьёву, писавшему, что для осуществления правды «каждое отдельное лицо, составляющее общество, должно положить предел своему исключительному самоутверждению, стать на точку зрения самоотрицания».

Идее самоотрицания был верен и М.Сеспель. Здесь достаточно вспомнить следующие строки из его дневника: «Неужели я наивно полагал, что коммунист должен жертвовать для общества всем своим спокойным существованием, своим личным благосостоянием».

Образ корабля, плывущего к берегу спасения человечества, который имеется в трактате Г.И.Комиссарова, мы видим и в стихотворении М.Сеспеля «В Красном море». Видимо, Сеспель имел возможность изучить этот трактат в период учебы в Шихазанской второклассной школе. В тот период он был, как вспоминает об этом младший брат поэта, глубоко верующим человеком. Здесь уместно вспомнить и такой факт: в Тетюшскую семинарию М.Сеспель поступил не без помощи священника Шихазанской церкви, т.е. своего духовного наставника и покровителя. С другой стороны, книга первого чувашского философа, предназначенная для учащейся молодежи, не могла не быть в библиотеке Шихазанской второклассной школы, так как она подчинялась духовному ведомству; в ней особое место уделялось религиозному воспитанию учащихся.

Так или иначе, но неоспоримым остается одно: успевающий в учебе М.Кузьмин был знаком с идеей В.С.Соловьёва о спасении человечества через самоотрицание.

Здесь возникает такой вопрос: почему в начале XX в. часть чувашской интеллигенции интересовалась именно идеей богочеловечества? В 1897 г. В.С.Соловьёв писал о возможности возникновения чувашефильства как естественной реакции на политику насильственного обрусения. При этом он допускал, что в

таким случае у чувашей возникнет «новая национальная литература», выполняющая объединяющую роль нации. Эти идеи русского философа были близки новой чувашской интеллигенции периода утверждения в чувашском мирозерцании концепции деятельного человека и исторического мышления.

М.Сеспель признавал борьбу ради спасения человечества. До конца шихазанского периода он верил в христианский идеал будущего общества как общества равенства, свободы и братства. Примерно через год после завершения второклассной учительской школы он писал:

Если братьям придется главы положить
За свободу, — они, умирая,
В торжество будут веру, надежду хранить
И свободы, и правды, и рая.

Эти строки говорят о том, что в торжество счастливой жизни М.Сеспель верил и весной 1918 г. Летом 1919 г. он выразил веру в слова, воспевающих коммуны:

И в зеленях коммуны там
Так счастливы под небом ясным.

При этом поэт верил в скорейший приход этой счастливой жизни:

Но берег счастья не далек,
Уж виден отблеск красных зорей.

Идея скорейшей мировой революции, как убедились — идея утопического социализма по модели К.Маркса. А идеалы как утопического социализма, так и христианства основывались на свободе, равенстве и братстве. Вот почему глубоко верующий поэт увидел христианский рай в коммуне. Став коммунистом, он не переставал верить в старые идеалы. С этой точки зрения он до конца своей жизни остался человеком верующим.

Разницу между этими верами В.С.Соловьев видел в эгоизме одних и самоотрицании других. Действительно, требуя равномерного распределения материального благосостояния, революция пошла по пути диктатуры, насилия, террора. Для своего успеха революция требовала «первородного греха». Прежде всего потому, что насилие было важнейшим признаком революции, её неизбежным атрибутом в тех конкретных исторических условиях.

Примазавшиеся к революции ни во что не верующие люди (по В.С.Соловьеву, сатаночеловечество), занимая должности, руководствовались лишь своими эгоистическими целями, интересами (таких людей М.Сеспель называл то «бюрократами», то «чиновниками коммунизма»).

И насилие, и эгоизм были чужды идеалам М.Сеспеля, так как он из христианской веры оставил в себе любовь к людям и

самоотрицание. Этот своеобразный симбиоз христианской нравственности с идеалами утопического социализма привел поэта к большой трагедии. С одной стороны, М.Сеспель видел безнравственность своих идейных товарищей, с другой – идеалы утопического социализма по модели К.Маркса потерпели поражение. Начало реализации ленинской модели социализма М.Сеспелю казалось возвратом к капитализму.

Поэта можно понять: в те годы люди, верившие в скорое всеобщее счастье, погибали от голода и холода, а те, кто не имел веры и чувства любви к людям, торговали продуктами питания. Для Сеспеля это было большой социальной несправедливостью, возвратом к капитализму.

Возврат в изначальное состояние противоречил линейному времени, в котором жил и мечтал поэт. Поэтому он настоящее переместил в одну плоскость с прошлым и тем самым сохранил идеал будущего:

Малта хёвел,	Впереди – солнце.
Ку вӕхӕт – вилӕм вӕхӕчӕ.	Сегодня ж – время смерти.
Кам куӕ кущуӕл кӕлармӕ,	Чьи глаза не знают слёз,
Кам чунӕ чул –	Чья душа – камень –
Кӕпер урӕ!	Через мост!

Те, у которых души не успели окаменеть, не могут попасть в солнечное будущее. Они должны оказаться под мостом. А в будущем путь лежит через груды их костей.

Поэт осознал жестокость и насилие окружающего его мира, где не может быть места для «огня любви» (*юрату кӕварӕ*). Эта ситуация приблизила реальность к библейским событиям. Нужен был Великий Страдалец, идущий ради светлого будущего, ради своей веры на Голгофу. Цветущий сад, где повесился Сеспель на маленькой липе, является прообразом того рая и того будущего, куда так стремился поэт и ради этих идеалов пошел на Голгофу.

То, что он идет по пути к трагедии, Сеспель осознал ещё будучи в Чебоксарах. Вспомним строки из его письма к А.А.Червяковой от 14 апреля 1921 г.: «...то, что моя политическая деятельность должна была закончиться так – вытекает из всей моей природы, всей системы моей жизни, как и то, что я от любви к Вам не должен был быть счастливым, являлось самым естественным ходом моей жизни. Теперь я остался один... Жду суда. Повеситься бы, повеситься».

В отличие от многих левачествующих в тот период, М.Сеспель хотел видеть в революции нравственные начала – любовь к другим через самоотрицание или, как сам он писал, «нежную гармонию движения душ людей». Этот идеал, взятый из христианской нравственности, противоречил как утверждённому рево-

люцией насилию, так и эгоистическому поведению окружающих поэта партийно-советских работников. И именно в них необходимо видеть то неразрешимое противоречие, которое привело поэта к трагедии. И болезнь, и несчастная любовь, и голод — факторы дополнительные, а не главные.

Итак, мы увидели, что феномен М.Сеспеля тесно связан с историей и судьбой чувашского народа, своеобразием его общественного сознания и мирозерцания. В начале XX в. сменилась социокультурная парадигма чувашского народа, традиционный тип мышления стал вытесняться европейским, что в условиях социальных катаклизмов привело некоторую часть национальной интеллигенции к большой трагедии. Так случилось и с великим поэтом М.Сеспелем.

ПОЭТ В ПАМЯТИ ШУБАШКАРЦЕВ

О приезде М.Сеспеля в Чебоксары и о его жизни в столице Чувашии свои воспоминания оставил его брат Г.К.Кузьмин: «Приезжаю сюда, Миша меня принимает в расprostертые объятия. К приезду Миши все учреждения будущей Чувашобласти находились в периоде организации, вместо обкома ВЛКСМ функционировал Оргкомитет. Секретарем Оргкомитета был Филиппов, а какую должность занимал Миша в этом комитете, я не помню. В то время в учреждениях комсомольских организаций существовал так называемый экономико-правовой отдел. На другой же день после моего приезда меня направили работать в этот отдел. Здесь я работал до поступления в совпартшколу. В свободное от работы время ходили на собрания и митинги. Своей квартиры в то время у нас не было, поэтому с Мишей спали в комнате, где я работал, прямо на письменных столах. В октябре месяце 1920 года я поступил учиться в совпартшколу и перешел жить в общежитие. В организационный период областных учреждений Мишу командировали (дату точно не помню, также не помню: после утверждения Ревкомом области председателем Ревтрибунала или за получением на эту должность) в Москву. Здесь он добивался разрешения организовать в области Ревтрибунала и утверждения его штата. По пути из Канаша в Чебоксары, в Шихазанах он заехал в исполком. В коридоре он столкнулся с сыном дьячка Матвея Миронча Гришей (впоследствии оказавшимся председателем). Гришу Миша знал с детства и дьяка он считал даровым работником попа. Поэтому, когда Миронов попросил Мишу взять его в Чебоксары, он велел ему написать заявление. Заявление было написано грамотно и красивым почерком. Миша

велел ему немедленно собраться в дорогу и привез Миронова с собой Чебоксары и назначил переписчиком в канцелярии Ревтрибунала.

Недели через две после возвращения Миши из Москвы приехал в Чебоксары бывший комиссар полка Красной армии товарищ Миши Барабанов Николай. Когда он в горкоме партии узнал, что Миша в Чебоксарах, тут же пришел к нему. Миша уговорил его работать в Ревтрибунале и с его согласия назначил секретарем. В связи с организацией области, с образованием новых учреждений и прибытия большого числа новых работников в Чебоксары, возникла необходимость разместить рабочих и служащих по квартирам и установить наличие свободной площади в частных домах. Для этой цели была создана рабочая комиссия под руководством Миши. Комиссия посещала дома бывших купцов, торговцев, не занятых учреждениями, обходила наиболее вместительные дома частных лиц, где надо уплотняла, а где свободная комната, квартира, заносила в список для распределения, для представления в Коммунхоз. Облвоенком И.Е. Ефимов в то время жил на Красной площади в огромном двухэтажном доме, но мы не знали, сколько комнат он здесь занимает. Когда комиссия дошла до этого дома, на стук на крыльцо вышел сам Ефимов. Когда узнал что за комиссия, он категорически отказал пустить комиссию под предлогом, что дом занят. Тогда один из рабочих оттолкнул Ефимова от двери, пропустил членов комиссии во внутрь дома. Оказалось, что два огромных этажа дома никто, кроме Ефимова с женой, не занимает. Миша в таких случаях поведение человека осуждал открыто и прямо выложил свое мнение хозяину:

— Замашки у вас, товарищ Ефимов, вовсе не коммунистические, а барские, и ведете вы себя как барин, двухэтажный дом заняли вдвоем и пытаетесь комиссию не пускать, как будто все это ваша собственность. Вам двоим и верхний этаж как дворец будет. По настоящему вас надо переселить в другое место, а сюда вселить рабочего с большой семьей, а сейчас изменять не будем, раз заняли, живите, а первый этаж немедленно освободите, завтра сюда будут вселять рабочую семью.

Ефимов на замечание Миши ничего не ответил, но зло сверкнул своими глазами и они расстались. Миша и раньше недоверчиво относился к Ефимову. Как увидит, что Ефимов промчался по улице на рысаке, скажет:

— Ну, наш чиновник поехал.

По его убеждению, таким людям партия нужна ради карьеры и теплого местечка. Вечером мы с Мишей пошли к Баранову на квартиру. Об описанных мною событиях я узнал, когда Миша с большим негодованием и возмущением рассказал Баранову о дневных событиях.

В этот вечер они много спорили о политике, о партии. Тем более он встретил в Чебоксарах иную обстановку, чем в Тетюшах. Миша — за чистоту партийных рядов, за их безоглядки, без личных расчетов в революции. По его мнению, революционером может быть только человек с чистой совестью. Всякого рода чиновники роняют достоинство партии.

— Но мне крайне не понятно, почему они до сих пор сохранились в партии? — удивлялся Миша.

— Всё это верно, но ты на удивление опускаешь из вида одно обстоятельство и рассуждаешь как не вкусивший марксистскую теорию интеллигент. Ведь всякому марксистки грамотному человеку известно, что революцию совершают не боги и его ангелы со святыми угодниками, а люди, обладающие различными материальными родствами, различным уровнем развития, стало быть, сознания. Их только на первом этапе революции (в наших условиях буржуазная демократическая революция) объединяет общая ненависть к господствующему строю. На втором этапе революции масса недовольных расслоится: имеющие классы занимают враждебную позицию новому движению, средняя и мелкая буржуазия сначала становится в позицию, а революцию возглавляет рабочий класс во главе партии большевиков, ведя за собой батраков и бедных крестьян. Этот настоящий шквал весеннего половодья обновления, но она несет не только прозрачную пену потока, но захватывает прибрежный мусор, стремящийся найти свое место в этом потоке. Вот общая картина революции. В этой картине движения силы мусором являются и те карьеристы, которые примазываются к партии. Чего удивительного, если твой Ефимов оказался мусором революции. Наверное, сын середняка с хозяйственной тенденцией к кулаку, наверно и забияка в молодости, как водится в деревне. Отсюда напрашивается вывод: партия ему понадобилась в целях приспособленчества.

Чтобы закончить описания событий, связанные с Ефимовым сразу в один прием, не соблюдая общей последовательности событий, расскажу о следующей его непартийном поведении с совместно 1-м председателем О.Ч.К.

Однажды Миша очень поздно вернулся с работы, в взволнованном состоянии, и тут же послал меня за Барановым. Когда мы с Николаем пришли к нам, между ним начался разговор следующего содержания:

— Знаешь, Коля, — говорит Миша, — во время проверки склада конфискованного имущества я столкнулся с фактами преступления со стороны ответственных лиц. Несколько дней назад пришел председатель облчека (фамилию никак не запомнил) и

Ефимов. Первый забрал себе бобровую шубу и жене шубу из дорогого меха. Ефимов только жене, тоже из дорогого меха. Что Ефимов мог пойти на такие гадости, мне понятно, он готов, наверное, и на худшие гадости, но вот поступки предчека понять мне трудно. На мой взгляд, и до сих пор в этом был убежден, что в этом аппарате работают кристаллы неподкупной честности. Что теперь предпринять в отношении этих грязных людей? — спрашивает Миша.

— Что ты можешь сделать с ним? — отвечает Николай. — Арестовать их у нас с тобой прав нет, остается только довести до сведения обкома партии и ревкома. Можешь написать докладную на заседание ревкома и рассказать секретарю обкома.

Как эти дела с присвоением имущества сложились, разговора между нами не было. Но опять о ходе дела узнал из разговора Миши с Барабановым. Однажды мы с Мишей пошли к Барабанову. Встретив нас, Коля спрашивает:

— Никак мы дня три с тобой не встречались, меня все любопытство одолевает. Как дела с твоим рапортом? — спрашивает Коля.

— Разбирали позавчера. После моего сообщения о результатах ревизии склада сразу выступил Ефимов и попытался отрицать свою причастность и стал обвинять меня в клевете, и требовать снятия меня с работы, остыл только тогда, когда показал ему расписку, данную им при взятии вещей. В отношении предчека записали, дело о его партийности передать обкому партии и послать ВЧК о снятии с работы, а в отношении Ефимова ограничили устным внушением и отображением вещей.

— Запомни, Миша, теперь у тебя враг №1, они теперь будут искать любую возможность подставить тебе ножку, в дальнейшем веди себя осторожно, да и за Мироновым надо следить. Он после истории с пагоном и ситцем ведет себя подозрительно, позавчера он подошел к твоему столу и швырнул в твоих бумагах. Бумаги и дела на столе не оставляй, сам знаешь, хотя ты не придашь тому значения, что он поповского окружения, всякую гадость может сотворить. Если бы ты уволил его с работы, был бы надежнее, — посоветовал Коля.

Характеризуя социальное лицо Ефимова и его партийный облик, Барабанов был прав, и недоверие к его партийной искренности Миши были обоснованны <...> По-моему, дело Ефимова смерть не может покрыть: на нем много не только личной грязи, но и крови народной. Что он был глубоко развращенной личностью, зачеркивающие его партийность, у меня не вызывает сомнения. А вот на нём кровь невинно пролитая, жертв акулевского события, пока не поздно, пока есть живые свидетели

этого события, надо бы выяснить. Ведь акулевское восстание — событие историческое, а всякое историческое событие надо осветить по возможности и объективно точно. Я лично в 1969 году беседовал в Акулево с людьми, которым в 1921 году было лет 14, которые ничем не были связаны с восстанием. По их словам, сыр бор загорелся из-за грубости Жданова, который на сходе приказал арестовать двух мужиков. Его стащили с трибуны, поколотили, но не до увечья, как сам Ефимов пишет. Эльменя, который находился тут же, и пальцем не тронули. Эльмень был на похоронах Пучкова, где я сам присутствовал, на нем никаких синяков не было (а Ефимов в своих мемуарах утверждает другое). Самое важное в этом событии то, что по свидетельству этих людей Пучкова пристрелил Ефимов за невыполнение его приказа дать залп по людям, идущим из церкви.

После переписи жилой площади Миша тоже получил ордер на квартиру, осмотреть квартиру пошли вместе. Дом этот раньше принадлежал купцу Астраханцеву, одноэтажный дом с мансардой. Зайдя во двор, мы свой ордер предъявили встретившему нас мужчине, открыл он дверь и впустил нас. Миша осмотрел комнату основательно и говорит:

— Нет, жить в этой квартире нам, людям в латанных сапогах и в солдатских ботинках, не годится, нам, выросшим в мазанке, такой дворец не пойдет: мы его за три дня изгадим, — шутит Миша.

Когда мы вышли на улицу, Миша вынул из портфеля бумагу, посмотрел в какой-то список и зовёт меня:

— Пойдём в этот дом, там должна быть маленькая комната, если свободна, её и займём. И повёл меня к другому двухэтажному дому напротив Астраханского. Комната оказалась свободной. Хозяйку предупредили, что эту комнату выделяют нам, что мы принесём ордер и вселяться будем сегодня же. Комната, где устанавливается одна кровать, один маленький стол и маленький проход за печкой, была чересчур маленькой и мне не понравилась. Когда вышли на улицу, я говорю Мише:

— Очень уж комната неказистая, если первая квартира была роскошной и вправе были отказаться, но могли бы подобрать другую, более-менее приличную.

— Видать у тебя замашки Ефимовского, в роскоши хочешь жить — а зачем нам другая комната? Проживем и в этой.

Захватив домашний мешок пудов на 6, я отправился на базарную площадь, сорвал валявшуюся сенную и соломенную труху, набил мешок и понес на квартиру, чтобы приспособить вместо постели. Захватив из канцелярии кое-какие пожитки и книги, вечером же того дня перешли на квартиру. Со дня приезда в

Чебоксары обедать мы ходили в столовую. С переходом на новую квартиру обед стал носить домой.

Об условиях тогдашней нашей жизни мне хочется сказать несколько слов от себя. Об условиях жизни Ленина Миша знал, поэтому на попытки приходящих к нам товарищей упрекнуть за такие непомерно дикие условия жизни всегда отвечал:

— Если бы вы видели, в каких условиях живет Ленин, вы рассуждали бы иначе. За одну славу Ленина, за его борьбу в защиту рабочего класса, в его окружении, начиная от ручки и кончая кроватью, должно быть все в золоте, а он живет не лучше рядовых рабочих.

Во всяких жизненных переплетениях он не уставал приводить пример жизни Ленина. Его революционной страстью была готовность следовать во всем примеру Ленина. То, что не только среди работников, а и среди служащих города, хуже его одетого, обутого, кроме совпартшкольцев, не было, его не мучило. То, что на его ногах были сапоги производства 1918 года и на нём было 25 заплат, и была шинель такого же возраста, его не только не смущало, а считал это своим партийным достоинством. На замечание Барабанова, пока по-военному прилично одетого: «Миша у тебя очень залатанный вид, следовало бы приодеться», прямо отвечал:

— На теле страны неизмеримо больше заплат, чем на моих сапогах, на ее плечах нет и той шинели, что на моих плечах. Я как Ленин, шагаю вровень с народом; мне нет необходимости отделяться от него — его нужда моя нужда. Если председатель Совнаркома носит рабочие ботинки, мне стыдно было бы просить хромовые сапоги.

— Твой интеллигентный идеализм не переспоришь, — возразил Коля.

— Здесь ни идеализма, ни интеллигентности — ни капельки, а просто материальная необходимость пережить период революционной ломки его материальными недостатками и разрухой, вместе с народом — это долг коммуниста.

— Ты опять или не хочешь понимать, что в революции разные классы, различные партии и группы людей играют разную роль и плодами революции должны пользоваться по разному, — стоял на своем Николай.

— Ты хочешь, чтобы я как участник революции, ухватился сейчас за самый жирный кусок и уплетал так, чтобы по моим губам сало текло, — сверкая глазами, наступал Миша на своего товарища. — Вот тут у тебя какая-то то смесь мещанско-мелкого принципа — кто впереди, тот хватай больше. Этого никогда при советской власти не будет. А вот кто больше туда положил свое, без потерь, получит, — но не сейчас, а потом. А сейчас всеобщая

задача: объединенной силой выйти из полосы разрухи, тогда только видно будет, каких сапог удостоился в этой борьбе.

Такие споры часто происходили между Мишей и Колей.

Теперь я должен коснуться тех памятных событий, свидетелем которых я был, и зачинателем некоторых из них был сам. Когда мы перешли на квартиру и стали жить вместе, вся деятельность Миши прошла на моих глазах. Всем известно, что Миша в этот период вместе с несением службы на ответственном посту вечерами дома углубленно занимался поэзией и литературой. В этот период он редко когда ложился раньше четырех часов: читает, пишет, написанное рвет, и снова пишет. Только что пишет, я не знал, мне не показывал. В области его литературной деятельности было необъяснимое до сих пор взаимоотношение: то, что написано им мне не только запрещено было знать, но не полагалось заглядывать даже в свободно лежащие записи. Правда, заглядывать в эти записи у меня времени не было, у меня были свои трудные задачи. К этому времени цикл просвещения на тургеневских произведениях я прошел, и Миша решил перенести мое просвещение на трудно перевариваемые произведения. По его настоянию я должен был начать знакомиться с произведениями Достоевского. Взял я в библиотеке «Братья Карамазовы». Наверно зная, что книга для такого чтеца, как я, трудно читаема, Миша дал мне такую установку, что я каждый день сидел за чтением не менее 6–7 часов. Такую трудно читаемую и мало понимаемую мною книгу, когда вся книга наполнена характеристикой психологии героев, я еще не читал, а особенно после произведений Тургенева трудно было переваривать Достоевского. Над книгами Тургенева не устаешь, а читая «Братья Карамазовы» я прямо над книгой засыпал. Миша, сидящий рядом со мной, занятый или чтением, или писанием, заметив, что я сплю, топнет ногой, я просыпаюсь и продолжаю читать ненавистную мне книгу.

Надо полагать, что Мише, стремящемуся всегда сочетать три элемента стихосложения – технику, образ и идейную направленность – не всегда удавались ему. В таких случаях, какая-то тревога охватывала его: написанное рвет одно за другим и снова пишет. Один раз он промучился над какой-то работой подряд три ночи, измученный усталостью, не соблюдая своей обычной аккуратности, оставив законченное стихотворение на столе, лег спать. Когда утром стал убираться, заметил написанное стихотворение, прочитал только заглавие: «Тяжелые думы». Дальше не стал читать, положил его в портфель.

Помню один случай, характеризующий его критическое отношение к своим литературным творениям. В 1920 году в Чебокс-

сарах в театре работала только чувашская труппа. Спектакли были бесплатные. Труппа, по-видимому, состояла из даровитых артистов: исполняли роли замечательно. Поэтому, наверно, театр всегда был полон, приходили даже русские. Один из дней у Миши выпало свободное время, и мы пошли в театр. Ставили в этот день, как мне помнится, пьесу «Чуваши». Спектакль прошел с большим успехом, а игру артистов публика встретила восторгом. Когда мы вышли из театра, или картины спектакля, а может быть и игра артистов глубоко воздействовала на настроение Миши, и он погрузился в глубокое раздумье. Не нарушая ночную тишину разговорами, мы молча вернулись домой. Только, когда зашли в комнату, снимая с себя шинель, проговорил: — «Ничего не скажешь, вещь потрясающая».

В комнате было холодно, и я затопил печь. В это время Миша из своего чемодана достал какую-то толстую тетрадь, подошел к горячей печке и стал рвать свою тетрадь на части и кидать в горящую печку. Один из лоскутьев тетради упал под стол. Когда я стал подбирать бумагу, она оказалась началом тетради, и сумел только прочесть: «Упик, в трёх действиях». Миша тут же вырвал бумагу из моих рук и кинул в печку.

— Чем же досадила тебе эта тетрадь, чтобы угодить в огонь, — спрашиваю.

— Эта никуда негодная пьеса, — отвечает он.

— Почему же надо было сжечь, кто охаял что ли? — спрашиваю.

— После сегодняшнего спектакля никакой оценки не требуется. Спасибо, никому не показывал, пускай горит, туда ей дорога, — заключил он.

— О чем пьеса и большая? — спрашиваю.

— Трёхактная, о жизни студенчества написана. Что ты пристаешь ко мне своими дурацкими вопросами, — вдруг вспыхнул Миша.

Наконец мы с Барабановым уговорили Мишу, чтобы он написал заявление в облпроком о выдаче ему костюма и пару сапог. Заявление, наконец, написал, но опять не стал просить костюма и сапог, а только хлопчатобумажный материал на костюм и ботинки. Заявление понес сам. 8 аршинов хлопчатобумажного материала и пару ботинок мне выписали без всякого возражения и, получив их, принес домой, положил под подушку на кровать. В этот же день вечером к нам пришли Барабанов с Мироновым. Последнего посадили на постель, а Барабанова на табуретку. В этот вечер Миша с Колей спорили долго, и ушли очень поздно. На другое утро, собираясь на работу, сунул руку под подушку, чтоб взять наган, куда он всегда клал его, но не

нащупал: откинул подушку — нет, под подушкой не оказалось и накануне полученной мануфактуры. Стали искать — нет нигде. В это время за Мишей зашел Барабанов:

— Чего ищете? — спрашивает Коля.

— Да вот, наган, вчера только полученная мануфактура исчезли куда то, — отвечает Миша.

— Из посторонних кто был у вас вчера, — опять спрашивает Коля.

— Кроме вас с Мироновым никого не было, — отвечаю я.

— Тогда эту пакость, кроме Миронова, некому делать, пойдем сейчас, его потрясем, — позвал Коля Мишу и они ушли. Когда они зашли к Миронову, Барабанов приказал:

— Наган и мануфактуру, что ты взял вчера на квартире у Кузьмина, неси немедленно сюда, иначе арестуем тебя.

Тот, по-видимому, испугался и тут же принес все вещи. Николай еще раз предупредил Мишу:

— Теперь будь осторожен с ним.

В Чебоксарах и меня не миновала беда, правда из-за иной затеянной истории. Мой деревенский желудок, привыкший помужички досыта наедаться, по-видимому, не выдержал месячной голодовки. Да не всякому дан такой стойкий характер, как у Миши, чтобы с достоинством выдержать все невзгоды жизни. Во всяком случае, у меня характера не хватило. Однажды, сговорившись совпартшкольцем Коноваловым, решили, подделав столовые талоны, получать лишний обед. Делать это было легко: надо было толстые картонные талоны расклеить по полам и на вновь образовавшийся талон приложить печать. А где взять печать. Коновалов говорит мне: — «Неси картошку, попробуем из картошки вырезать печать». Попробовали — вышло. Теперь я стал получать кислые щи и перловую кашу на четыре талона, и наедались досыта.

— Что-то по много стали отпускать порции, — удивляется Миша.

— Раздатчица, моя знакомая девушка, она мне побольше накладывает, — вру я. Но нам недолго пришлось упиваться сытостью. Вскоре эти талоны ликвидировали и стали выдавать талоны из небольшого жестяного квадратика со знаком X по середине. Мы опять дня три сели на голодный паек. Преследуя, Коновалов спрашивает:

— Ты можешь найти слесарные ножницы и долото?

— У меня хозяин слесарь по металлу, у него все есть.

— Ну, вот и ладно. Ты вечером приходи к нам в общежитие, я передам тебе железо и расскажу, что делать.

После занятия, вернувшись домой, выпросил у хозяина требуемый инструмент и пошел к Коновалову, который вынес мне

кусочек тонкого железа и велел из него вырезать квадратные кусочки и на каждый кусочек по середине долотом нанести знак Х. Я тут понял, что Коновалов затеял подделку новых талонов, но отказаться смелости не хватило. На другой день мы с Мишей вместе вышли из квартиры, и он отправился к себе на работу, а я в совпартшколу. У ворот совпартшколы повернулся обратно и побежал домой. Торопливо разделся, достал инструменты и стал из листика железа вырезать квадратики. Вырезав десять квадратов, взял один квадратик, нанеся знак Х, только было взялся за второй квадратик, в комнату зашел Миша. — «Ты, почему дома?» — спрашивает. Я так перепугался, что в одно мгновение на спине выступила испарина, и слова не могу выговорить. Тогда Миша, нагнувшись, поднял с полу жестянку со знаком Х.

— Талон для получения обеда, — удивился он. Больше ничего не сказал, повернулся и ушёл. Я ещё не успел придти в себя, как Миша явился с милиционером. — «Встань, оденься и следуй за этим товарищем», — приказал Миша. Одевшись в свой полушубок, я последовал за милиционером. Он меня привел к тюрьме и сдал меня тюремному начальству. На четвертый день пребывания в тюрьме меня под конвоем повели в Ревтрибунал на допрос. Когда меня привели в трибунал, в комнате кроме Миши и Барабанова никого не было. Миша сел за стол, меня посадил напротив себя и обратился к Барабанову:

— Скажи Коля, что мне делать с этой тварью: или сдать под суд и назначить следствие или пристрелить собственными руками, как шкодливую собаку.

Это зло, кипевшее в Мише, подломило меня, как никогда, я, и так переполненный переживаниями, случившимся, не смог сдержать себя и истерически разрыдался. С такой горечью и обидой никогда, ни до этого, ни после в таком отчаянии я не был. Долго не могли успокоить меня. Когда я успокоился, Коля говорит:

— Поступок твой Гурий, в наше бурное и тяжелые для страны время, конечно, не назовешь хорошим, но судить тебя из-за кислых щей и перловой каши, общая стоимость которых за месяц питания не превышает и трех рублей, тоже не можем, а тем более убивать. Все же от тебя клятвенную подписку о том, что ты дашь обещание, никогда, ни при каких условиях не вступать с кем-либо в преступные сделки и лично никогда не совершать поступки, порочащие человека, возьмем. После дачи такой клятвенной подписки меня отпустили домой.

Не в декабре, как я писал раньше, а в самом конце января, когда «чапанное восстание» пошла на убыль, Мише по делам надо было ехать в Казань. Вместе с ним и я поехал в свою дерев-

ню. Он на этот раз не стал заезжать домой, поэтому я в деревне Вотланы слез с подводы и один пошел домой. Миша на обратном пути из Казани заехал и одну ночь переночевал дома. На другой день брат на своей лошади проводил нас до Чурачки. Дальше мы ехали от волости до волости на дежурных перекладных подводах. В Кутесях, взяв последнюю подводу, мы вечером приехали в Чебоксары. Когда мы подъехали к воротам, Миша ещё не успел слезть с подводы, к нему подскочили двое военных, работники О.Ч.К., отобрали наган и прямо, от ворот повели с собой. От хозяйки квартиры я узнал, что за время нашего отсутствия сторел дом, где размещался отдел юстиции, у нас на квартире был обыск. В период допроса Миша сидел в заключении при доме О.Ч.К., только по окончании следствия его перевели в тюрьму. Я, конечно, толком не знал, что с Мишей, за что его арестовали. С передачей не ходил, ибо нечего было передавать. Однажды в столовой встретил Барабанова и от него я узнал, что утром после пожара к 9 часам, почему то, первым, вызвали Миронова, который на допросе заявил:

— Я слышал разговор между Кузьминым и Барабановым, что Кузьмин, будучи в командировке в Москве, истратил 200 руб. лишних денег, которых никакими документами не покроешь: впору инсценировать пожар. Кузьмин спрашивал у Барабанова — как быть?

Такие ложные показания (к стати, в ходе следствия не подтвердившиеся) были взяты за основу обвинения. По мнению Барабанова, в деле возникновения пожара враги Миши могли использовать услугу Миронова. Через месяц после ареста по поручительству Капитонова и Дмитриева Миша до суда был освобожден из-под ареста. Из разговоров с Мишей после тюрьмы многое забыл, но некоторые моменты его поведения на допросах, из этих разговоров, хорошо помню. В период работы в Тетюшах он располагал здесь неограниченным доверием и авторитетом. Самые сложные и ответственные дела не раз поручались ему. Всякое дело доверялось ему без всяких двусмысленностей и верили, что порученное ему дело будет выполнено. Его честная преданность революции ни у кого здесь не вызывало сомнения. Будучи на самом деле таким, Миша не только плохо выносил, а приходил в негодование, когда ему не доверяли и в чем-либо подозревали. На первом допросе, когда он понял, что его пытаются обвинить в поджоге учреждения, это было для него не просто ударом, но каким-то кощунственным издевательством над ним. Оно возмущением отвечал:

— Да, я сам велел поджечь отдел юстиции, не только это, а все Чебоксары велел поджечь — радуйтесь.

Протокол следствия подписать Миша отказался. Можно допустить, что учреждение загорелся от случайного огня, но учитывая то, что в возникновении пожара всеми мерами стремились обвинить только Мишу, напрашивается вывод, что пожар подготавливался исподволь со стороны, чтобы в пожаре обвинить Мишу. Года три спустя, мне шихазанские товарищи передавали, как Миронов похвалялся:

— Я Мишу подвел под обвинение, чтобы в доме возник пожар, я под лестницы крыльца выкинул золу с тлеющими головешками.

В феврале месяце, числах 15 наши 3-месячные курсы закончились, и я получил направление в Цивильск. 20 февраля получил направление и готов был выехать на место работы. На другой день я забрал свою суму с бельем и папку с бумагами и вместе с Мишей вышли на улицу. На Красной площади мы простились с ним, он пошел к себе на работу. Доставая командировку для регистрации и приложения печати, в папке не обнаружил тетрадь с записями лекций и практических занятий на курсах, захватив вещи, побежал обратно на квартиру. Зайдя в комнату, кругом осмотрел, тетради нет, тогда я вытащил чемодан Миши. В этот чемодан не только заглядывать, но открывать было запрещено мне, поэтому тетради моей тут не могло быть, но я не сдержался и открыл чемодан. Первая же попавшая под мои глаза была толстая тетрадь, с обложкой из толстой синей бумаги. Обязанное любопытство толкнуло меня заглянуть в тетрадь: открываю толстую обложку и на 1-м листе большими буквами каллиграфическими выведенную надпись «Тарқан салтак» (Беглый солдат) роман. «Что за роман?» — удивился и стал читать. Роман описывает историю того Ягура и Анука, о которых я писал выше. Сказать, что роман интересен — мало, когда стал читать, я забыл всё меня окружающее и не знал где я сижу и не заметил, как очутился Миша сзади меня. Когда он вырвал из моих рук тетрадь, я очнулся и, чувствуя свою вину перед Мишей, поднялся с пола. Миша, ни слова не говоря, сверкая возмущёнными глазами, настёж раскрыв дверь комнаты, схватил меня за воротник, как следует потряс, и, вытолкнув за дверь сильно, захлопнул её. Я, как побитый, отправился в общежитие совпартшколы и, переночевав здесь, на другой день отправился в Цивильск.

Большое место занимает в романе взаимная любовь Ягура и Анука, особо захватывающе трогательно описана смерть Анука. За чтением романа я просидел около 5 часов и успел прочитать историю взаимоотношений двух любящих сердец. Как описал дальнейшую жизнь Ягура Миша, не знаю. Полагаю, что если всё произведение написано такими же сочными красками и худо-

жественным языком, как прочитанный мной кусок — весь роман мог быть замечательным произведением. По словам бабушки, между Ягуром и Анук никакой любви не было и, кроме того, по моему тогдашнему мнению, описывая чувашские обычаи, Миша выступает против справедливости — с чем я был не согласен. Обо всем этом я написал Мише из Цивильска, но ответа не получил.

Почему он не ответил на моё письмо, а также как он жил в Чебоксарах ни я, ни домашние ничего не знали: писем от него не было. Только в середине апреля он с Шоркассинским товарищем прислал маленькую записку. В записке сообщал, что его направляют на лечение в Крым, и просил на дорогу немного домашних продуктов. Мы ему отправили 2 каравай хлеба, 20 штук яиц, 3 круга сыра. Эта была последняя весточка от Миши. Правда, мы с братом Петром сделали неудачную попытку поехать к нему в Остёр, но из-за своей глупости, не желая ждать пассажирского поезда еще целые сутки и позарившись на дешёвый проезд, устроившись в переселенческом вагоне, поехали товарным поездом. И в место трёх суток до Чернигова ехали до Москвы 18 суток. Когда мы с братом доехали до Москвы, у нас не было денег, ни крошки хлеба на дне карманов. Дальше ехать мы не рискнули. Встреча наша с Мишей сорвалась. О смерти Миши я узнал только в 1923 году».

Бесценные воспоминания Гурия Кузьмича грешат некоторыми хронологическими неточностями. Например, в командировку в Казань поэт поехал не в конце января, как утверждает мемуарист, а 22 декабря 1920 г. По письменному распоряжению следователя И.Маркова, арестованного М.Сеспеля переводят из подвала в общую камеру тюрьмы 2 января 1921 г., а он оттуда выходит 7 февраля 1921 г. получается, что в подвале он находился с 27 января 1920 г. по 2 января 1921 г. (одну полную неделю), а в общей камере — 37 дней. Всего 44 световых дней и столько же бессонных ночей!

Г.Кузьмин приводит неточную дату просмотра спектакля чувашского театра. Премьера спектакля «Чувашсем» (Чуваши) в постановке И.Максимова-Кошкинского состоялась, как известно, 12 февраля 1921 г., т.е. через 5 дней после освобождения М.Сеспеля из заключения. Спектакль, поставленный по мотивам драмы «Испанцы» М.Лермонтова, действительно потряс поэта и глубоко запал в его душу. По сравнению с глубоко народной драмой незаконченная драма «Упик» автору показалась, очевидно, далеко несовершенной. Думается, что драма начата после сорокачетырёхдневного заключения поэта в заключении. В пьесе можно выявить отпечатки душевного состояния М.Сеспеля после своего заключения. В те дни он глубоко переживал своё

поражение Злу и стоял на распутье дороги: или поехать в художественную школу в Симбирск, или же остаться в Чебоксарах и продолжать заниматься родной литературой? Как художник он тянулся в Симбирск (вспомним героя пьесы Михаила (!), мечтавшего стать художником и рекомендующего его Яхрва поехать несомненно в вышеупомянутый город). А влюблённый в Чиберчче Упик (от упа — медведь) опять-таки напоминает самого автора пьесы (А.П.Червякова называла его в шутку, как мы знаем, ведьмедем). Итак, все три персонажа — Яхрав-поэт, Михаил-художник и Убик-влюблённый — отражают три ипостаси цельного образа Сеспеля. Здесь обнаруживается мифологичность, которая напоминает христианское представление о трёх лицах всевышнего: отца, сына и святого духа. Герои драмы представлены как спасители родного слова и родной культуры.

Мне уже несколько раз приходилось писать о борьбе в начале XX в. за признание языков народов Поволжья как средства школьного образования. Лидеров и сотрудников данного национального движения в реакционной печати обвиняли, как известно, в сепаратизме. Данный факт удачно был использован М.Сеспелем в вышеназванной пьесе. Узнав, что чувашского поэта Яхрва выселяют из Казани, один из героев пьесы спрашивает его: «Чёрт возьми! Вот собаки, за что же они гонят из города?»

Яхрав: Жандарм принёс предписание от губернатора. Там сказано обо мне: «замеченного, дескать, в распространении идей о сепаратизме чувашей...»

Итак, М.Сеспель оставался верен своему творческому кредо и в драматургии. Прежде всего его тревожила проблема национальной свободы и равенства. В этом направлении он продолжал дела чувашской интеллигенции между двумя революциями 1917 г.

По чебоксарскому периоду жизни М.Сеспеля интересные воспоминания оставил С.А.Карпов, составленные им 17 ноября 1969 г. К сожалению, до настоящего времени они не были опубликованы. Вот что он пишет: «1920 год, первый год чувашской автономии. Я тогда работал в Чебоксарской уездной уголовно-следственной комиссии в качестве её председателя. Помещалась она в то время во флигеле бывшей уездной земской управы. С другой стороны, по направлению к тюрьме, стоял дом, ранее принадлежавший Эннатскому. Этот дом занимал тогда областной земский отдел.

В деревянном флигеле бывшей земской управы с уголовно-следственной комиссией был расположен и областной отдел юстиции. В октябре областной отдел юстиции возглавил тов. Кузьмин. До этого он работал председателем Тетюшской уездной уголовно-следственной комиссии. Одновременно по совместительству тов. Кузьмин исполнял обязанности председателя Чувашского

ревтрибунала. Ближайшим сотрудником в отделе юстиции у тов. Кузьмина был некто тов. Барабанов, имя и отчество которого, я, к сожалению, теперь не помню.

Близко я не был знаком с тов. Кузьминым. Помню: иногда по утрам он приносил на работу свои стихи, написанные на узенькой, но длинной полоске бумаги и по нашей просьбе читал их нам. В то время была разруха, доставшаяся нам в наследство от буржуазного царского строя. Мы, выходцы из чувашских деревень, в том числе и тов. Кузьмин, не имели старых запасов, потому одевались плохо, но по службе старались сделать как можно больше и лучше. Тов. Кузьмин произвёл на меня впечатление простого, душевного человека.

Однажды в зиму 1920–1921 годов, придя утром на работу, я был ошеломлён происшедшим ночью в помещении отдела юстиции загоранием. Уголовно-следственная комиссия была расположена на одной меньшей половине здания, выходящей окнами во двор, а отдел юстиции занимал вторую большую половину со стороны улицы. Здесь-то и произошёл ночью пожар. Комнаты, занимаемые уголовно-следственной комиссией и её дела остались целыми.

На следующую день после пожара в отдел юстиции зашёл член коллегии чрезвычайной комиссии тов. Эдельман. Он рассказал нам, как тов. Кузьмин сознался в поджоге здания отдела юстиции. Помнится мне, если только не ошибаюсь, тов. Эдельман по совместительству исполнял обязанности члена ревтрибунала. Говорил он с некоторым акцентом и скороговоркой. Вот он и поведал нам примерно следующее:

— Да, да сознался, сознался. На вопрос: участвовал ли в поджоге здания?, прямо заявил: «Да, участвовал». На вопрос: Каким образом был осуществлен поджог?, ответил: «Подговорил сторожиху и она подожгла». На вопрос: На каких условиях сторожиха согласилась произвести пожар?, ответил: «Я обещал на ней жениться».

В конце своего «сенсационного» рассказа тов. Эдельман добавил: «А ведь бестия отказался подписать протокол допроса и своей рукой на этом протоколе сделал приписку: «На глупые вопросы такие же ответы».

Тов. Эдельман почему-то был убеждён в виновности тов. Кузьмина. Но, рассказывая нам эту историю, знал ли и представлял ли себе тов. Эдельман сторожиху отдела юстиции? Сторожихой работала в то время сгорбленная старушка лет 65–70-ти! Поджигать здание отдела юстиции у тов. Кузьмина не было каких-либо поводов и расчетов. Отдел юстиции денежными средствами или документами и делами, представляющими ценность с точки зрения материальной, не располагал. Своей припиской на протоколе доп-

роса тов. Кузьмин просто издевался над своими «обвинителями». Никаких улик против тов. Кузьмина у них не было, и задавать ему такие необоснованные, оскорбляющие достоинство человека вопросы были абсолютно не к месту. Поэтому тов. Кузьмин и добавил на них издевательские над здравым смыслом ответы.

Тов. Кузьмин пробыл под стражей что-то около одного месяца. Ввиду отсутствия каких-либо улик его вынуждены были освободить. Но невинного человека осрамили, оплевали и смертельно ранили его душу».

Следует здесь заметить, что М.Сеспель был замечательным следователем, и он издевался над непрофессиональностью себя допрашивающих.

О чебоксарском периоде жизни М.Сеспеля несколько страниц воспоминаний оставил его друг юности З.П.Сусмет: «Мише очень хотелось работать среди своего народа. Об этом часто говорил в беседе с нами, он попросился на работу в Чувашию, где он работал председателем ЧК Чувашской автономной области. Эта работа как раз была по нему. Он был кристаллически честный, прямой и негиблемо принципиальный человек. В период работы в ЧК случилась какая-то история, он сидел в тюрьме, был обвинен, потом скоро оправдан. Вся эта история страшно отрицательно подействовала на него и морально и физически. Резко ухудшилось состояние здоровья, которое и так было не крепкое и весной 1921 года его послали на три месяца в Евпаторию на лечение. После его отъезда я получила от Миши письмо, написанное им перед выездом, где он просил извинить его за молчание, что он уверен, что Зина простит ему это. Он писал о мерзкой лжи и чёрной клевете низких подлых людей, что с малых лет терпеть не мог ложь, этому учила его мать, женщина умная, добрая, честная, терпеливая, скромная, задушевная, что он её очень любит, в тяжелые моменты жизни вспоминает её, что ему тогда становится легче и любое горе переноситься легче. За то, что не отвечал на мое письмо извинился, что стыдился писать, просил прощения, что запачкал, запятнал нашу чистую дружбу, и что перед отъездом решил открыть душу другу юности, с которой проведены немало счастливых часов в задушевной беседе и в прекрасной мечте о будущей жизни. За это крепко меня благодарил, сообщил, что всю свою жизнь будет помнить только хорошим, о прекрасном близком друге юности, другое — девушке с благородной душой, что жаль, очень жаль, что мечты наши не сбываются, где бы то он и в каких условиях не будет, будет вспоминать близкого замечательного друга — девушку-чувашку, любимую им. Писал — да трудно мне переносить твое отсутствие, Зина. Обещал прислать адрес с Крыма, просил писать о себе. Подписывался — твой друг на всю жизнь — Миша.

Надо сказать, что у Миши была особая черта, исключительно бережно относиться к девушкам, что выделяло его среди других юношей.

Когда мы сами или кто другой не из нашей компании читали стихи Миши, я всем существом своим трепетала от радости и понимания того, что их пишет наш всеми любимый и уважаемый Михаил. У него природный талант наблюдать жизнь, понимать её, понимать людей и выделять то, что именно заслуживает внимания. У него подаренный ему природой талант любить жизнь, любить людей, любить правду жизни, за которую он готов был пожертвовать жизнью. Он умел видеть, ощущать сущность в окружающем, уловить во всем главное и молчать, молчать и потом изложить все в своих стихах.

Так сложна и прекрасна была наша юность, перед нами стояли сложные и трудные задачи и вместе с тем благородные: благодаря революции вывести свой народ во что бы то ни стало из тяжёлого жизненного омута на путь светлой жизни. Так мы честно и достойно прожили свою юность.

Заканчивая рассказ о Мише, могу сказать: Миша был какой-то особый человек, выделялся среди других резко выраженными характерными чертами — его собранность, организованность, одевался всегда аккуратно, особая внимательность к людям, серьёзное отношение ко всему, что или кто его окружает, исключительная честность, трудоспособность, предупредительность, скромность, доброта, смелость, отсутствие карьеризма, крикливости, подхалимажа, да удивительный человек был Миша, поэтому-то он притягивал людей к себе, приятная внешность, а иногда пленяющая обаятельность, все это привлекало к нему людей.

Письма его ко мне, к большому сожалению, потеряны, их было немного — всего 4. Последнее письмо было из Евпатории, где он писал: прощай, дорогая Зина, может быть, что больше и не увидимся. Зина, я теперь совершенно другой, от того мечтательного юноши мало что осталось во мне, но я взрослею, стал лучше понимать людей, не волнуйся, природные данные остались во мне, но спокойствие бывшее я потерял. Очень хотелось бы видиться, но удастся ли, чем чёрт не шутит и увидимся, Зина, тогда больше не расстанемся. Так ведь, Зина. Тогда в 1921 году наступил страшный голод на Чувашию, ему, по-видимому, было не до друзей, шла сильная борьба с голодом, встал вопрос о спасении чувашского народа, которого он очень любил. Исключительно тяжелы были мои переживания, что невозможно словами передать, когда я узнала о смерти Миши. Да, в июне 1922 года оборвалась жизнь молодая, полной деятельности, крупный

природный талант, не успев развернуться, как бутон розы в благоухающий цветок».

Менее информативны воспоминания Н.Золотова, Р.Золотовой, С.Лашмана, Н.Вазянки, Н.Андреева, В.Краснова-Асли и С.Коричева. «Я имел с ним встречу в Чебоксарах, — писал Н.Золотов, почему-то не упоминая самую первую встречу в г. Казани на I съезде чувашских секций союза молодёжи (1920, июнь, 16). — Мимолётная встреча с этим кажущимся «жалким» по внешности (одежда изношенная и незавидная, обувь неказистая) человеком, но сильным по духу — на меня произвело неизгладимое противоречивое представление о Сеспеле. Его физический вид, его внешность не гармонизировали с кипучей энергией и могучей внутренней силой этого, якобы немощного человека. От него веяло каким-то внутренним теплом и душевной красотой и это чувство не покидает тебя и после расставания». Н.Золотов сетовал, что в романе Ю.Збанацкого поэт показан «в кривом зеркале»: жалким, ни к чему не способным человеком.

Нет, М.Сеспель никогда не был человеком, требующим к себе жалости и снисхождения со стороны его окружающих. По воспоминаниям Р.Золотовой, поэт являлся острым полемистом, критиковал, невзирая на лица, открыто, прямо, но «в душе он оставался добряком, готовым снять рубашку для ближнего своего...» Скромность его доходила до предела, внешне он ни чем не хотел отличаться от общей массы людей, совершенно не заботился о своих удобствах жизни.

О бескорыстном характере и скромности М.Сеспеля хорошо знали его друзья, в том числе и девушки-артистки из чувашской группы театра. Они удивлялись способности поэта переносить всякие лишения стойко и молча, при этом он оставался гордым и непреклонным, принципиальным человеком. Видели друзья, что внешность Михаила не соответствует его должностному положению и без ведома решили приобрести ему выходной костюм. Вскоре они смогли обменять часть муки, привезённой в город для пропитания, на сносный костюм и вручить свой подарок так, чтобы не задеть самолюбие гордого поэта. Кстати, не лишне вспомнить здесь и следующий факт. По воспоминаниям П.С.Слесарева, ЧК обвинила М.Сеспеля в национализме из-за того, что он, будучи председателем облревтрибунала, носил лапти. Ему, будто, следователи задавали вопрос примерно следующего характера:

— Почему Вы, председатель ревтрибунала, ходите в лаптях?

— Лапти — наша чувашская национальная обувь, она очень удобна в носке, — твёрдо ответил молодой председатель.

Короткое, но весьма значительное воспоминание о М.Сес-

пеле оставил чувашский писатель В.Краснов-Асли. Он писал об их знакомстве по дороге из Чебоксары в Канаш 20 декабря 1920 г. Тогда совершенно случайно встретились сразу три писателя: М.Сеспель, В.Краснов-Асли и Н.Шубоссинни, современник и друг К.Иванова, старший брат по перу первых двух писателей. М.Сеспель выразил при этой встрече своё восхищение поэмой Н.Шубоссинни «Хитре Чёкеç» (Красавица Чегесь, 1907), а последний увлечённо рассказывал об И. Яковлеве и К.Иванове, наизусть прочитал переводы стихотворений «Три пальмы» и «Песня казачки» М.Лермонтова. Будто бы М.Сеспель похвалил своего старшего брата по перу за его отличное знание наизусть стихотворений: «Настоящий поэт свои стихотворения всегда должен произнести по памяти. По бумаге читая, до сердец слушателей не достучишься...»

О проблемах перевода М.Сеспель высказал свои соображения Н.Андрееву, коллеге по работе в переводческой комиссии. Поэт постоянно подчёркивал, что прежде всего нужно перевести произведения русских классиков. Он сам переводил повесть Л.Толстого «Казачки». Его стиль работы был таков: перед собой он имел две тетради: для беловика и для черновика. Лёгкие предложения сразу записывал в беловик, а в черновике имел варианты трудных предложений, куда постоянно вносил новые и новые исправления. Только добившись удовлетворительного звучания труднопереводимого абзаца или предложения, он переносил их в беловик. Переводчик стремился максимально сохранить художественную идею и стиль авторов. Н.Андреев вспоминает работу М.Сеспеля по переводу начала пятой главы повести «Казачки», где красочно описано время заката солнца в станице казаков. Поэт долго мучился над переводом этой пейзажной зарисовки Л.Толстого. Он ратовал за сохранение идей и стиля автора, но в то же время добивался этого всеми средствами чувашского языка и его художественной образности. Переводные тексты для него являлись частью национальной литературы.

Воспоминания следующего шубашкарца — С.Коричева — ценны тем, что ряд исследователей путают маршрут движения М.Сеспеля а Евпаторию. Из строк мемуариста читатель узнает об осложнении его болезни, очевидно, начавшегося ещё в дни заключения в следственной камере: «Хорошо вспоминаются дни и недели, проведённые вместе с видным поэтом революции М.Кузьминым (*Çеçпĕл Мишини*). Это было летом 1921 г., после досадной истории с пожаром в здании суда в Чебоксарах. В мае этого года обком партии направил меня и Кузьмина на лечение на южный берег Крыма. У меня врачи нашли признаки лёгочного туберкулёза, а у него был туберкулёз пяток. Ехали мы больше недели,

поезда часто останавливались по разным причинам, связанным с непорядочностью движения на железных дорогах. Разумеется, Михаил Сеспель тяжело переживал недавнюю историю с пожаром, но был неизменно бодр и весел, часто шутил не упуская случая, чтобы в ясное солнечное время на остановках и на ходу не выставить больную ногу на солнце.

В Евпатории, где мы должны были лечиться, нас не смогли принять. Начальник курортов Д.И.Ульянов разъяснил нам, что путёвки выданы рановато, курорты ещё не подготовлены к принятию больных. «Потерпите немного, в ближайшее время развернём работу и подготовим все необходимое», — услышали мы от него дружески-тёплый совет. Побыв некоторое время в Евпатории, Сеспель уехал на Украину, где вскоре и умер».

Итак, в воспоминаниях современников поэта о его жизни и творчестве чебоксарского периода имеются много интересных и содержательных фактов. В принципе М.Сеспель оставался таким же, каким был в тетюшский период, но имеются, естественно, и особенности. Если жизнь поэта представить как определённую фабулу действий, то конец декабря 1920 г. — начало января 1921 г. нужно обозначить как кульминацию и переход к развязке. В искусстве данное место (пропорция) называется «золотым сечением». Во временном пространстве оно расположено в конце 0,618 части целого (завязки и развития) и называется кульминацией действия. Остальная часть (0,382) расположена в части развязки. Завязку жизни М.Сеспеля как идейного сторонника большевиков (раньше он был ближе к эсерам и «Чувашскому национальному обществу») следует связать с его уходом в Красную армию. «В конце июля 1918 г. Миша опять добровольно уходит армию. После изгнания чехов из Казани его назначают помощником коменданта г. Казани и он возглавляет его канцелярию <...>, — вспоминает о поэте его брат Г.Кузьмин. — Вернулся из Казани он полностью преображённый. Теперь он полностью освободился от тягостного груза духовного порабощения. Теперь он был революционер от мозга до костей, способный призывать к бескомпромиссной борьбе за лучшую жизнь».

Начиная с августа 1918 г. по декабрь 1920 г. М.Сеспель рос как политически, так и в плане карьеры — от канцеляриста большевистской комендатуры до председателя ревтрибунала, т.е. до второго по должности в Чувашской Автономной области человека. Всё это произошло примерно за 29 месяцев. Если данный период считать за 0,618 часть целого, то часть развязки должна располагаться в пространстве 18 месяцев (0,382). Это — 12 месяцев 1921 г. и ещё неполная половина 1922 г., а точнее — июнь 1922 г. Мистика?..

Мне думается, что поэт и в общественно-политической жизни подчинялся скрытым и всеохватным законам красоты. Зная о начале развития и его кульминации, он интуитивно предугадывал примерную продолжительность развязки: по правилам он должен быть завершиться где-то летом 1922 г. Последнюю точку этой фабулы поставил не всевышний, как обычно бывает в нашей земной жизни, а сам поэт. Получается, что свою судьбу сочинил и сыграл там главную роль М.Сеспель сам, творец собственной судьбы и собственного бытия в этом противоречивом мире.

Итак, поэт постоянно стоял лицом к невозможности, находился у самого предела возможности. Всё это исходило из философии самопожертвования ради высших идей и веры в абсолютную справедливость. Поэт жил не самой действительностью, а строил свои отношения и свою жизнь по идеальным законам справедливости и мира красоты. Образцом для него в этом являлись герои из русской литературы и мировой литературной классики.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ДОКУМЕНТЫ И ПИСЬМА?

В документах непременно запечатлеваются личные качества их составляющих. Кроме того, их (писем, заявлений, телеграмм и т. п.) появление всегда чем-то или кем-то спровоцировано и мотивировано. Всё это позволяет выявить ряд жизненных ситуаций и обстоятельств автора документа, понять его отношение к заочно-письменному коммуникационному акту. Вообще, в документах, как правило, отражается часть личной жизни их составляющего.

О причинах, заставивших М.Сеспеля переехать из г. Тетюши в г. Чебоксары читатель может узнать из его письма в Революционный комитет Чувашской Автономной области от 16 августа 1920 г. Вот как мотивирует поэт свою просьбу: «Когда создана Автономная Чувашская область, в горячую пору созидательной работы чувашской нации, которой нужны свои работники, в этот организационный период, — меня, как коммуниста-чувашина, тяготит сознание своей оторванности от Чувашской области, почему моя работа в Тетюшской организации РКП является не в достаточной степени плодотворной, т.к. не могу с достаточным увлечением предаться работе, когда я не имею возможности участвовать в строительстве революционной жизни чувашского трудового народа, — посему обращаюсь к Ревкому Чувобласти с горячей просьбой отозвать меня в возможно скорейшем

времени из Тетюшской организации РКП для работы в Чувобласти, причём сообщая, что членом РКП состою с 15 дек [абря] 1918 г.; политическую грамотность получил в Центральной школе Советской работы при ВЦИК; с 22-го мая 1919 г. по 15-е августа состоял следователем Тетюшск[ой] судебно-следственной комиссии; с 4-го июля по настоящее время состою заведующим уезд[ным] РОСТА».

Как сообщает сам М.Сеспель, его освободили от должности следователя 15 августа 1920 г., а через день он уже написал вышеприведенное письмо и неоднократно обращался в Тетюшский укомпартии с просьбой о партийном откреплении. После нескольких отказов настойчивому коммунисту выписали мандат через десять дней после его первого заявления. В Чебоксары М.Сеспель прибыл 30 августа 1920 г., а 1 сентября встал на паручет.

Итак, поэт целеустремлённо тянулся и добивался своего приезда в Чебоксары с целью активного участия в национально-государственном строительстве молодой Чувашской автономии. Уже 3 сентября 1920 г. Ревком назначил его председателем революционного трибунала: «Тов. Кузьмину. Ревком Чувавтообласти предписывает Вам вступить в исполнение обязанностей Председателя Ревтрибунала Чувашской автономной области с 3-го сентября 1920 г. и о вступлении донести». На следующий день бывший следователь приступил к работе в качестве председателя (а не исполняющего обязанности председателя, как пишут некоторые исследователи) революционного трибунала.

Из заявления первого председателя от 10 сентября 1920 г. можно понять, что трибунал находился в те месяцы лишь в стадии формирования. В данном документе М.Сеспель просит Ревком ЧАО на организационные расходы Ревтрибунала «выдать тридцать тысяч рублей, т.к. Отдел юстиции за неутвержденность сметы средствами на организацию трибунала не располагает».

Особый интерес представляет выданное М.Сеспелю удостоверение от 15 сентября 1920 г.: «Тов. Кузьмин командирован в Москву для представления в Наркомюст дополнительной объяснительной записки к смете Отдела юстиции Чувавтообласти и скорейшего утверждения сметы, для получения от Наркомюста всех изданных и не потерявших значения циркуляров и распоряжений по Губюстам, для получения от Наркомюста всех его изданий, вышедших до настоящего времени, для получения от Наркомюста двух пишущих машин (для Отдела и Ревтрибунала) с лентой и переводной бумагой, а также и других канцелярских принадлежностей, необходимых для судебных учреждений области».

Очевидно, энергичный председатель выехал в Москву незамедлительно, так как после 20 сентября он находился уже в Чебоксарах. Исследователь Н.И.Иванов полагает, что в Москве М.Сеспель был с 16 по 20 сентября 1920 г.

В сентябре 1920 г. завершился двухмесячный срок отсрочки М.Сеспеля от мобилизации в действующую Красную армию. Ревком дважды (8 сентября и 25 октября) ходатайствовал перед Особой центральной комиссией (Москва) о предоставлении отсрочки «т. Кузьмину, как незаменимому, крайне необходимому работнику в области». Отсрочка наконец-то была получена, но с большим трудом. Из этих ходатайств можно понять значимость М.Сеспеля для руководства ЧАО в деле национально-государственного строительства чувашского народа.

Много энергии и сил у нового председателя Ревтрибунала уходило на решение кадровых и финансовых вопросов. В Государственном историческом архиве ЧР сохранились два протокола заседаний Ревтрибунала под руководством его первого председателя. 13 ноября вынесено следующее решение: «Принимая во внимание массовый характер дезертирства в Чувавтообласти и возможность поступления в трибунал большого количества дел о дезертирах, выделить отделение Ревтрибунала по делам о дезертирстве». На заседании же от 26 ноября принято к производству дело по обвинению председателя Яниково-Шоркинстринского волисполкома Е.Кузнецова в преступлении по должности — растрате денег. Слушание дела состоялось лишь 10 декабря, но тогда председателем был уже А.Лбов (после назначения завоблотделом юстиции М.Сеспель исполнял обязанности председателя Ревтрибунала вплоть до 30 ноября 1920 г.). Приговоры, подписанных первым председателем Ревтрибунала в научных архивах не обнаружено. Это объясняется тем, что за первые месяцы работы он только успел принять дела из облчека и уездных судебно-следственных комиссий, а их рассмотрение началось лишь в декабре, уже под председательством А.Лбова.

Как руководитель органа, соблюдающего закон и порядок в обществе, М.Сеспель был строг, принципиален и требователен к подчиненным. Из документов известно, что 15 ноября он потребовал объяснения у судьи 2-го участка Чебоксарского уезда П.Майорова о причинах превышения количества нерассмотренных дел. Последний объяснил причину тем, что он одновременно исполняет две должности — судьи и секретаря Акулевского волсовдепа. Вот резолюция заведующего: «Предлагается оставить должность секретаря волсовдепа. Принять чрезвычайные меры к тому, чтобы к 15 декабря количество оконченных дел за период с 15 мая по 17 декабря было вдвое больше количества дел, посту-

пивших за то же время [прошлого года]. Об исполнении уведомить с указанием на то, что лица, имеющие судебную практику, не имеют права оставлять судебную должность. Кузьмин».

Следующий документ связан с судьей 4-го участка Миролюбова, который самовольно покинул пост и уехал в Уфимскую губернию. За ним последовала телеграмма следующего содержания: «Срочно. Бирск, Уфимской губернии. Начальнику милиции. Доставьте отделу юстиции Чувашобласти, арестовав прибывшего в ваш уезд недавно Миролюбова Семена Яковлевича. При нахождении распорядиться произвести розыски в других губерниях. Зав. отделом юстиции Кузьмин». Таким образом поэт вернулся к своей прежней работе судьей 4-го участка.

Оставаясь строгим и принципиальным, М.Сеспель был чутким товарищем, внимательно относился к людям и всегда оставался справедливым. Облчека несправедливо обвинил и арестовал судью 3-го участка В. Герасимова. Его невиновность подтвердилось и судью освободили без права восстановления на прежнее место работы. Председатель Ревтрибунала внимательно ознакомился с заявлением судьи, пригласил его на собеседование, поговорил, а через несколько дней опальный судья был восстановлен на прежней работе. Но после данного дела М.Сеспель нажил себе опасного и мстительного недоброжелателя в лице следователей из облчека, а конкретно — заведующего секретно-оперативным отделом И.Маркова (об этом человеке, сыгравшем в судьбе М.Сеспеля роковую роль, я буду писать чуть позже).

Имеются и другие документы, хранящиеся в Государственном историческом архиве ЧР и в той или иной степени связанные с М.Сеспелем. Например, сохранилось немало документов, подписанных завотделом юстиции по введению в Чебоксарах трудовой повинности. По его же предложению принимали решения о перемене фамилий и т.д.

Сохранились документы, в той или иной степени связанные с деятельностью М.Сеспеля в начале в должности председателя ревтрибунала (с 3 сентября по 20 октября 1920 г.), а потом в качестве заведующего отделом юстиции (с 21 октября по 26 декабря 1920 г.). Например, 6 октября 1920 г. он пишет в ревком ЧАО с просьбой утверждения состава ревтрибунала со следующей рекомендацией: «необходимо безотлагательно назначить двух работников (один из которых должен быть представителем ЧК)», а также «воздействовать на «жилищную тройку» на скорейшее представление ревтрибуналу помещения. Примерно через полутора месяца чрезвычайная жилищная тройка постановляет о выделении ревтрибуналу трех комнат Чебоксарского уездного ис-

полкома. Его председатель категорически отказывается освободить комнаты для новой организации. 24 ноября 1920 г. М.Сеспель вынужден был дать в президиум областного исполкома телеграмму принять меры самому трибуналу к освобождению» этих трёх комнат.

Вся энергия председателя ревтрибунала и заведующего отделом юстиции ЧАО в те месяцы уходила в первую очередь на организационные дела. Для наглядности следует привести полный текст отчета М.Сеспеля о деятельности отдела юстиции, составленный 8 декабря 1920 г.:

«Тотчас по получении распоряжении об организации Областного отдела юстиции, т.е. 8 июля, были приняты меры к установлению связи с уездами Ядринским и Цивильским. Сделано было распоряжение, чтобы всякого рода переписка, направлявшаяся ранее в Губюст, шла отныне в Оботюст, сюда же бы направлялись и все дела, подлежащие ведению Губсовнарсуда. Затем были даны по уездам и о сообщении Отделу о том, в каком положении находится судебное дело во вновь принятых волостях, кроме того, затребованы были сведения о распределении по уездам судебных участков, а также и о личном составе ответственных судебных деятелей.

Вскоре по открытии работы Отдела был сделан запрос о ходе работ по отделению церкви от государства. Выяснилось, что, кроме Чебоксарского уезда, ничего еще почти нигде не делалось, а также намечался план, причем пришлось сделать руководящие указания в том смысле, что работа должна идти в уездной комиссии, не передавая ее волисполкомам, как это предположено было в Цивильске. Это дело к настоящему времени закончено лишь в Чебоксарском уезде, а в Цивильском и Ядринском — заканчивается. В первые же дни существования Отдела, разумеется, пришлось выработать штат его, применяясь к условиям предстоящей работы в зависимости от территории и области и числа судебных учреждений.

Штат был предусмотрен всего в 14 человек, и вскоре было получено сообщение Центра об утверждении штата. В конце июля была представлена в Ревком смета, об утверждении которой Центром официальных сведений еще нет. Задержка с утверждением произошла в силу того, что Центр затребовал мотивированных объяснений о числе судебных учреждений, а также и о числе перешедших из других губерний; о чем сведения можно было представить лишь в середине сентября, так как Курмышский уезд передал Ядринскому свои судебные дела лишь 7 сентября. 16-го сентября в Москву был командирован Председатель Ревтрибунала тов. Кузьмин, который и отвез все требуемые данные. Тов. Кузь-

мину в Москве на словах сообщили, что смета будет утверждена. В конце августа Завотюст посетил г. Цивильск, а по пути оттуда два нарсуда Чебоксарского уезда (2 и 4 уч[астки]), в начале же октября был в г. Ядрине на уездном съезде судебных деятелей, в том и в другом городе были осмотрены Ардома, из которых Ядринский оказался в совершенно недопустимом виде, о чем сообщено Областному Отуправу. Относительно положения судебных учреждений в области следует заметить, что постановка дела не везде на должной высоте, благодаря отсутствию, местами, подходящих помещений, недостатку почти всюду бумаги и других принадлежностей, а также мебели, главным же образом отражается на деле нехватка людей. Так, в Чебоксарском уезде из 8-ми судей не хватает 2-х, да из наличных одного надо заменить согласно постановлению исполкома, но некем; в Цивильском уезде из 9-ти тоже не хватает 2-х судей; в Ядринском из 8-ми — 1 судьи. Следователей наличо: в Чебоксарском уезде — 3, в Цивильском — 3, в Ядринском — 2, тогда как везде должно быть по 4. Следственное дело лучше поставлено в Цивильском уезде, где недостаток работников получился благодаря присоединению Буинского уезда, а до того следком, по словам предисполкома тов. Никитина, был на должной высоте. Это тов. Никитин объясняет тем, что все следователи специалисты-юристы.

В Ядринском уезде несёт всю тяжесть следственной работы один следователь, так как предследком состоит еще членом коллегии Райпродкома и Предкомпарта, а потому почти не принимает участия в делах следкома, кроме серьезных случаев.

В Чебоксарском уезде следственное дело ведется фактически двумя членами, так как заведующий Отюстом, ныне арестованный, до следкома почти не касался. Лишь в незначительных случаях особой важности. Таково положение с руководителями судебного дела. Едва ли не хуже оно с канцелярскими, так как в некоторых судах наличо один мальчик-корреспондент, а полного штата нет почти ни в одном учреждении. Одной из главных задач Отюст поставил создать совнарсуды, что и удалось сделать, образовав временный президиум, у завотюста, как председателя. Нарсудьи 1 уч[астка]) Чеб[оксарского] у[езда] и заведующего местным статотделом, как лица с большим практическим опытом по судебной части, в качестве членов.

Таким образом проведено было два заседания 15 и 16 сентября, на которых рассмотрено 28 дел, а, начиная с 15 ноября назначается следующая сессия Совнарсуда. Относительно наличного состава нарсудей следует сказать, что не все из них, как это выяснилось из разговоров с ответственными работниками на местах, соответствуют своему назначению.

Ревтрибунал организуется назначенным на должность председателя тов. Кузьминым, который формирует уже штат канцелярии. При трибунале имеется уже один следователь-докладчик, а вскоре будет назначен и другой, как только освободится от работы по переписи, оба они специалисты-юристы.

Работа всех учреждений и самого отдела, даже при настоящей нехватке ответственных работников, пошла бы гораздо интенсивнее, если бы были канцелярские силы. Отдел труда отказывается дать кого-либо, так что приходится находить служащих совершенно случайно.

Насущной потребностью является организация карательных учреждений в пределах области, а для этого надо иметь особое лицо, специально знакомое с современными задачами карательной политики, но такого человека у отдела в виду не имеется. В Москве и то отказываются дать кого-либо, а советуют прислать с места, чтобы он, некоторое время поработав в Москве, ознакомился с делом.

В ближайшее время предстоит реорганизация следственного дела; следкомы должны упраздниться, а вместо них будут районные народные следователи. Отделом уже предложено уездам разбить территорию на следственные участки и выставить кандидатов на должности следователей, которые и будут представлены на утверждение Ревкома.

В заключение должно отметить, что все уезды, передавшие часть своей территории нашей области, старались удержать у себя работников, и ни один из них не передал членов Следкома, хотя их территория значительно сократилась, также не передано надлежащее число судебных участков, так вместо 7 нарсудов, как это должно быть по пространству и населению, нам передано только 4. Понятно, это делалось с целью сохранения у себя работников, а также и кредитов. Между прочим, кредиты Казанский губюст передал лишь падавшие на Чебоксарский, Цивильский и Ядринский уезды, а по части Козьмодемьянского — не передал, также, несмотря на просьбы Отдела, ничего не передает Симбирский губюст. Об этих ненормальностях Отделом сообщено в Центр. Правда, практически для нашей области это не имеет значения, так как у нас составлена особая смета на все вообще учреждения, подведомые отюсту, о скорейшем открытии кредита на область послана телеграмма в Центр. В сентябре месяце был выделен организатор трибунала, дела стали поступать еще в сентябре месяце, но на самую организацию, подготовку помещения, работников, приобретение канцелярских принадлежностей, за которыми нужно было съездить в Москву, прошло 2 месяца, и только

в начале сего месяца представилась возможность приступить к делам.

Революционный трибунал, как орган революционного пролетарского и красного террора, в период революционного созидания в Чувашской области, где революция коснется чувашской нации только сейчас, когда теперь наступает разделение деревенского населения на кулаков и революционное крестьянство — в этот период Революционный трибунал должен сыграть важную роль в классовой борьбе революционной науки. Отсутствие технических сил канцелярии на деятельность Революционного трибунала влиять не должно.

Следствием перехода управления органами юстиции Казанским Губотюстом к концентрации деятельности в области судоустройства Чувашского отдела юстиции являлось отсутствие аккуратности в отношении представления отчетности о движении дел нарсудами и следкомами Отделу юстиции, чему служило причиной, по-видимому, неимение возможности Отделом юстиции проявить свою деятельность в областном масштабе тотчас же по созданию Чувашской области. По этим причинам Отдел юстиции не располагает статистическими данными о состоянии преступности в Чувобласти. Нарушенный революционный порядок в области судопроизводства заметно восстанавливается, и в скором времени судебные органы Чувобласти явятся действительными проводниками организационных и административных мероприятий пролетарской юстиции. В ближайшем будущем можно будет вести во всех нарсудах судоговорения на чувашском языке: возможно, будет введено в деятельность судебных органов — иногда отчасти проявляющих и неоторванность от рутинного образа действий буржуазно-дворянского судопроизводства — революционно-ударной практики. Перед Отд[елом] юстиции стоят задачи поставить на должную высоту наблюдение за соблюдением советскими органами декретов и распоряжений Рабоче-Крестьянской власти, объединение всех органов по борьбе с преступностью в Чувобласти.

В видах ликвидации кризиса судодейтелей в центре, для установления благосостояния деятельности, во-первых, в центре, принимаются меры к удовлетворению Отдела Юстиции необходимыми работниками вызовом всех юристов с мест в центр области и сплочением таковых около областного центра, при помощи которых будут организованы курсы по подготовке нарсудей для областей, которые в срочном порядке будут подготовлены к судебной деятельности; места будут часто инструктироваться работниками Отдела юстиции, почему в направлении деятельности судебных органов не будет нежелательных явлений, объясня-

ющихся недостаточной подготовленностью судей. Необходимо также поставить не в меньшей степени важной задачей распространение среди населения знания нового законодательства, знания и понимания декретов, уголовной политики пролетарской юстиции, в каковых целях местные судебные деятели должны будут устраивать публичные собеседования, собрания.

Немедленному проявлению максимума деятельности в целях выполнения возложенных на Отдел юстиции задач препятствует временное отсутствие технических сил и ответственных работников. На местах деятельность судебных органов удовлетворительна. Население относится к суду с должным вниманием. В недалеком будущем революционная стремительность будет главным двигателем в деятельности органов пролетарского правосудия».

Из данного отчета мы можем выделить ряд основополагающих принципов национально-государственного строительства в ЧАО, которые М.Сеспель считал наиболее важными. Первым принципом является безукоризненное законопослушание и законоподчинение как со стороны граждан, так и со стороны представителей власти. Это способствовало бы созданию правового поля общества. Второй принцип вытекал из создания условий для свободного развития чувашского языка, в том числе и в судопроизводстве. Судоговорение на родном языке поэт связывал с революционно-ударной практикой, он верил в совершенное правосудие, перед которым равны все — и подчинённые, и их начальники, у которых больше соблазнов и возможностей воспользоваться социальными и материальными благами общества. Поэтому он презирал тунейдцев и разгильдяев, примазавшихся к власти карьеристов и нечистоплотных людей, ненавидел преступников. В этом плане особый интерес представляют дошедшие до нас отдельные выдержки из дневника М.Сеспеля.

Дневник как периодически пополняемый текст обычно тяготеет либо к официальному документу, либо к частной записи. Последние, относящиеся к бытовому тексту, отражают авторские наблюдения за изменениями в обстоятельствах частной жизни, его внутреннего мира. Пишущий дневник рассказывает по преимуществу о себе, а также он склонен к самоанализу. В дневнике часто пишут о тайном, скрытом от посторонних глаз. В этом плане данный жанр близок к исповеди. Но в нем записываемый материал не отобран, этим он близок к письму. Поэтому целесообразно разобрать дневниковые записи М.Сеспеля именно вместе с документами и письмами.

Первую запись в свой дневник М.Сеспель сделал 10 ноября 1920 г. Из «вечного» лунного календаря для определения фаз луны по Н.И.Идельсону мы можем узнать, что именно в эти дни (10—

12 ноября) было новолуние. Как известно, в новолуние мужчины более агрессивны, в эти три дня у них напряжены нервы до предела. В таком состоянии поэт внес в дневник следующие сакральные исповедальные строки:

«Какое невыразимое, скверное самочувствие! Я — весь раздраженное и бессмысленное существо. Невольно разбираю, какие условия окружают мою материальную жизнь. Десятилетняя болезнь вконец разрушает мой организм. Скоро я буду накануне смерти. Каково это чувствовать, когда хочется жить художественной жизнью, что-либо оставить от своего существования чувашской национальной культуре. Более месяца не был в бане и не менял белья. От меня несёт ужасной вонью. Во всем теле невыразимый зуд. По телу ползают вши. Эти вши, они одни могут управлять движением моего мышления, от одних вшей зависит весь душевный мир, душевный импульс. Во время работы в учреждении не имею возможности раздеться — нет рубашки, а которая на теле, вся истлела. Тесная квартира вся разбросана хламом. Спим с братом на голых досках, поедаемые клопами. Хожу в рваной одежде, а если это может являться причиной того или иного отношения ко мне окружающих людей? Ужасно! Какое избитое интеллигентное слово — слово ужасное — для выражения чувств, но это слово от всего моего организма, от каждого атома моего тела. Смотрю и вижу, что кругом такие же ответственные работники, как я, живут в хороших квартирах, одеваются в тёплые шубы, катаются на лошадях и держат себя так, словно они богом поставлены на занимаемые ими должности. Тысячи чертей! Неужели я наивно ошибался до сих пор, думая, что коммунист должен жертвовать для общества всем своим спокойным существованием, своим личным благосостоянием. Я знаю, я глубоко уверен, что в данный момент достижение личной материальной обеспеченности справедливыми путями — абсурд, потому я ненавижу, презираю всеми силами души всех своих партийных товарищей, одетых в теплые шубы, сапоги и т.д. и выглядывающих с противным буржуазно-дворянским достоинством. Когда миллионы красноармейцев терпят холод и голод, неужели я вправе пользоваться материальным довольствием? Нет! Тысячу раз нет, но не вижу я ни одного идейного работника, понимающего так эту истину. Было бы легко мне переносить тяжелые условия существования, если бы все теперь претендующие на название идейных работников жили в таких же условиях. А теперь как мне тяжело! Ужасно! Теперь я знаю силу факта — зуд. Он может управлять всем существом человека (какая смешная ребяческая философия), но изменить условия существования возможно только преступлением. Презираю, ненавижу преступников».

Далее М. Сеспель записывает следующее событие очередного дня:

«11 ноября – четверг. Сегодня я избран членом Областного Исполнительного Комитета Советов Р[абоче]-К[рестьянских] и К[расноармейских] депутатов Ч[увашской] А[втономной] О[бласти]. Теперь я буду терпеливо переносить физические страдания от тяжелых условий существования. Хочу работать с удвоенной энергией. Хочу я жить! Хочу бессмертия!»

Чем больше ответственности, тем больше страданий – вот идеалистическое представление поэта о действительности. Фразе «хочу бессмертия» следует понимать, очевидно, в том смысле, что дела, совершаемые поэтом на грани предела существования и возможностей, обретает право на достойную вечность. С этой позиции для коммунистов не должно быть невозможного, он, по представлению поэта, человек предела, сверхчеловек: «Пред новым для меня великим делом отправления пролетарского правосудия, когда мне предстоит стать во главе Ревтрибунала – меча классового правосудия, направлять по верной цели удары карающей руки пролетариата, – заползает змеей в мою душу неуверенность. Что, если я не справлюсь с возложенными на меня громадными задачами! Что, если я не оправдаю оказанного мне партией доверия?»

Коля (Барабанов) своими мудрствованиями сеет в моей душе безнадежье. «Исполком Советов поручил это дело тебе случайно, за отсутствием достойных людей, вовсе не оттого, что к тебе кто-либо питает доверие...» Может быть, он прав? Иногда мне кажется, что его слова не представляют сомнения. Они-то являются причиной, рождающей во мне беспокойство. Коля доказывает, что я бездарен, никуда не годен. Как не хочется, чтобы в эти дни, когда я пред великим делом больше всего нуждаюсь в товарищеской поддержке, – не вызывали во мне безнадежности, колебаний. Нет, я коммунист! Для коммуниста нет невозможного. А все-таки как я начну работу, как закончится она – моя деятельность – на попрание пролетарской юстиции?»

Сомнения поэта усиливаются, когда он вспоминает свою любовь, которой, по его мнению, мешает неизлечимая болезнь поэта, тянущая его к космической трагедии: «12 ноября. Как преступно в эти дни множества работы отвлекаться мальчишескими чувствами, но нет-нет и захочется отдаться мечтам, личным переживаниям. Смешны для меня сентиментальности, для советского работника и коммуниста они преступны. Между тем, как тисками истомы, иногда нежданно сжимается сердце, хочется мечтать, мечтать, а я, так неотвязчив её образ, такой нежный, привлекательный. Хочется думать и думать о ней без конца. Бес-

сознательный восторг рождает её милый образ и желание хоть в мечтах почувствовать сладость жгучести её взгляда. Но я забываю, что моё тело скоро может стать трупом, что я гнию, почему неоправдываемая дерзость с моей стороны – мечтать о счастливо-солнечном миге блаженно-жгучих мук под её взглядом, в которых бы горели огни сочувствия, желания меня...

Какая космическая трагедия – сознавать, когда хочется, чтобы сердце звучало миллионами вечно-блаженных мелодий восторженного великого счастья строительства, борьбы, счастья от любимой женщины, – сознавать, что тело твое разлагается как у трупа, и ничем его остановить...»

Через шесть дней М.Сеспель вносит новую запись. Ему тогда исполнилось 21 лет. Интересно то, что 18 ноября он пишет так: «прошлой ночью мне исполнилось 21 лет». Получается, что он родился 17 ноября. Очевидно, поэт прибавлял к старому календарю (4 ноября) не 12, а целых 13 дней (фактически 13 дней прибавлялся к датам от 1 марта 1900 г.) М.Сеспель размышлял о прожитой жизни и делил её на три периода. Здесь же имеется самооценка и определение ближайшей перспективы: «18 ноября – четверг. Пройшей ночью мне исполнилось 21 лет. Хочется без конца размышлять о пройденном пути. Двадцать один лет тому назад я появился на свет. Как много времени прошло с тех пор, как я родился в бедной маленькой избушке; чего-чего не было на свете с тех пор: даже избушки той не осталось следа; сколько пережито, как мало сделано. Ухожу мыслями в прошлое... мне двадцать один год. Двадцать один год тому назад в такую же ненастную осеннюю ночь я родился среди крестьянской нужды, горя... И мне кажется странным всё начало.

Прошлая жизнь моя разделяется на 3 периода – 1-ый до 1911 года июня м[еся]ца, протекавшее хотя и в ужасной бедности, но светлое, яркое детство. 2-ой же период – начавшийся жестким ударом, ужасной драмой в семейной жизни, потерей отца – период мрачный и самый мрачный в моей жизни, полный материального и духовного гнета буржуазного общества – закончил я 1918 год началом третьего периода, вступлением моим в компартию, когда я почувствовал себя таким вольным, сильным, свободным от всех семейных, религиозных и общественных предрассудков, вместе с пролетариатом я почувствовал себя властелином жизни. С тех пор моё сознание ясно. Мысли могучи – я коммунист!

[Ч]леном Исполкома своей области, председателем Революционного Трибунала, деятелем пролетарской юстиции вступаю в 22 год своей жизни. Карьеризма, бесчестности нет в моей натуре. Надеюсь – никогда не замарать звания коммуниста, но

пожелаю себе, вступая в 22-ой год, больше смелости в жизни! Обещаю себе встретить и 23-ий год, 4-ое ноября 1921 года, достойным коммунистом».

Итак, третий период жизни поэта начался в 1918 г., а точнее – в августе месяце, когда он стал убежденным большевиком-коммунистом по духу (вступление в партию – это лишь подтверждение идейного выбора). Он достиг своего развития примерно к концу 1920 г., когда в день ареста М.Сеспель успел занести в свой дневник следующие строки: «[...] Бесконечно возмущает меня то, что я явился жертвой самых маленьких обстоятельств. [...] Я уверен, буду втолкнут в тюрьму. Теперь уж постараются. По-видимому, я кончу очень плохо. Одного желаю, чтобы достало сил среди безмозглых, тупых баранов, среди всех гонений остаться коммунистом. Моя участь теперь решена. Мне в Чувашии, в своей области житья не будет».

«Безмозглыми, тупыми баранами» М.Сеспель назвал всех тех, кто носил партийные билеты и заботился лишь о собственном благополучии, о собственной шкуре. Остаться коммунистом для поэта означало быть до конца честным и порядочным, пожертвовать собой ради светлых идеалов (равенства, братства и любви).

В народе слово «коммунист» стало в те годы ругательным словом, особо в начале 1921 г., когда по решению облпосевкома от 5 января 1921 г. был образован областной семенной чрезвычайно-оперативный штаб под председательством Базанова и членов: обвоенкома Ефимова (о нем см. в воспоминаниях Г.К.Кузьмина) и обземодела Ятманова. Этому штабу было дано «право единоличного управления работами и отдавать распоряжения в порядке боевых приказов». Суть данного мероприятия заключалась в создании общего семенного фонда «с надбавкой, предположенной от недобора по случаю стихийных бедствий и на сортирование зерна». Это означало, что каждый крестьянин свой семенной фонд яровых хлебов должен был отнести в общественный амбар, при этом с определенной надбавкой к норме высева. Эти амбары потом должны были охраняться, а семена должны «перелопачиваться», а в случае перегрева и «пересыпаться». В инструкции сказано, что семенной материал по норме высева на имеющуюся площадь ссыпается и хранится в самом селении, а начисление (надбавка) вывозится «в волостной фонд и другие районы». Это уже скрытая и более мягкая форма известной продрозверстки предшествующих годов военного времени. Тем более, все это должно было завершиться в недельный срок.

В районных посевкомах в срочном порядке создавались чрезвычайные штабы, которые в первую очередь издавали приказы

следующего содержания: «1) С получением сего приказа объявить волость на чрезвычайном положении; 2) немедленно приступить к проведению севкомпании, согласно инструкции облпосевкома и инструкции райпосевкома; 3) малейшее промедление и вялость в работе будет рассматриваться как саботаж, и виновные немедленно будут арестовываться и предаваться суду ревтрибунала; 4) все распоряжения райчрезвычайштаба и уполномоченных райпосевкома должны приниматься как боевые приказы и исполняться быстро и безоговорочно; 5) севкомпания должна быть окончена не позднее 22 января <...>. Настоящий приказ считать военно-боевым, и таковой обсуждению не подлежит».

На сельских сходах и волостных съездах крестьяне единодушно отказывались ссыпать семена в общественные амбары. Их аргументы против такого действия властей были весьма убедительными. Во-первых, мог возникнуть пожар в этих амбарах, в том числе и из-за поджога. Во-вторых, при смешении разнородных и разносортных семян появлялась большая опасность их порчи. В-третьих, это всё (ссылка и последующая раздача) представлялось крестьянам напрасной тратой времени и большими потерями зерна при этом. Не хватало годных к применению амбаров, крестьяне опасались кражи хлеба, их беспокоили слишком высокие нормы высева семян. По утверждению Е.В.Касимова, на самом деле крестьяне боялись прежде всего потерять семенной хлеб, ибо тогда ходили слухи, что семена вывезут, а крестьян силой заставят записаться в «коммунисты» или в коммуны и обрекут на голодную смерть.

Восстание под названием «чапан вәрси» (чапанское восстание) в Чувашии началось 19 января 1921 г. в Акулевской волости, а потом оно охватило не менее 25 волостей ЧАО. Разъярённая толпа повстанцев расправлялась прежде всего с коммунистами. Например, 22 января в Яниково-Шоркистринском волостном совете собралась толпа до пяти тысяч человек из разных селений и кричала: «Долой Советы, смерть коммунистам!».

Руководство автономии спешно стало создавать местные карательные отряды, главным образом из русских рабочих. В некоторых волостях это воспринималось как национальное насилие. Например, уполномоченный областного посевкома Казаков дал телеграмму с Ядринского уезда следующего содержания: «8 февраля 1921 г. В облком. В Ядринском уезде осадное положение снято седьмого февраля. Седьмого же Атаевскую волость прибыл отряд, назвав себя карательным. Население волости вело и ведёт себя спокойно. Ссыпано до прибытия отряда восемьдесят процентов. Отряд ведёт возмутительно: накладывания контрибу-

ций мясом, хлебом, идёт порка населения. Гуляет плеть русско-го над чувашиним. Население запугано, о самоопределении малых народов не может быть речи. Национальное чувство оскорблено, необходимо принять меры к прекращению данного насилия против тёмных невинных граждан чуваш. Отряд явился по личным счётам».

Главную роль в подавлении восстания сыграли войска, прибывшие из г. Казани в количестве 1500 солдат. Было уничтожено более одной тысячи повстанцев (по другим сведениям чуть меньше). После получения телеграммы члена коллегии Наркомпрода РСФСР А.П.Смирнова с указаниями на упущения в проведении семенной кампании областной чека сразу остерсился и обвинил в допущении насилия над населением руководство ЧАО. Между тем из донесения данного органа о восстании граждан Чебоксарского уезда от 22 января 1921 г. можно заключить, что кровавой расправой в с. Акулево командовал заведующий секретно-оперативным отделом ЧК И.Марков (он допрашивал поэта), которого М.Сеспель в числе первых причислял к «безмозглым и тупым баранам». Именно он в 6 часов утра 20 января 1921 г. объявил Акулевскую волость на осадном положении и дал вооруженному отряду из ста семнадцати солдат при двух пулемётах команду стрелять в повстанцев в упор и без предупреждения. В результате этой кровавой бойни было убито 10 и ранено 25 крестьян, арестовано около 200 человек.

Вернемся к М.Сеспелю. Как известно, 22 декабря 1920 г. он в спешном порядке направляется в служебную командировку в Казань. Во время его отсутствия в ночь на 25 декабря загорелась одна комната отдела юстиции (как потом выяснил Г.Кузьмин, от халатности технички: она оставила тлеющие угли на полу). 27 декабря вместо М.Сеспеля назначили и.о. Заведующего отделом юстиции С.А.Эдельмана, который составил следующий акт: «Настоящий акт составлен о следующем: после пожара, происшедшем в ночь на 25 декабря с.г., все денежные документы, наряды, журналы, переписка и имущество Отдела юстиции Чувашской Автономной области оказались в целостности». При ревизии выявилось, что за бывшим заведующим числятся 4 замка и 2 ленты для пишущих машинок, остальное имущество было в наличии. Присвоения денег, а также подделки финансовых документов ревизией не обнаружено.

В письме А.Червяковой от 15 апреля 1921 г. (№94) М.Сеспель подробно изложил те печальные события перед новым годом: «В конце декабря, в то время, когда я был в Казани, в моё отсутствие сгорел отдел юстиции. Один донёс, якобы он слышал, что я наущал прислугу сжечь здание отдела юстиции, когда я уеду в

Казань. Словом, у меня много было недоброжелателей, готовых столкнуть меня в каждую минуту. Этот же случай им послужил на пользу. Когда мне предъявили обвинение, я сказал, что я не дорожу должностью, как они — бюрократы, и для фурора признал себя виноватым, сказал, что нанимал прислугу сжечь отдел юстиции и все Чебоксары. Меня, конечно, арестовали. Было, конечно, очевидно, что никто не подозревает меня в поджоге, но им на руку было обвинять меня, в котором я им и помог. Да к тому времени я был вконец измучен работой, устал до черта. Все окружающие чиновники «коммунизма» надоели мне до тошноты. Всё располагало меня к разным чудачествам. Хотелось, как ребенку, показать, что должностью не дорожу, что должность не личное положение. [...] Быть игрушкой в руках людей — черствых, полных лжи. Быть предметом глумления, насмешек людей... Как жизнь проста. Никакой тайны нет в жизни. Всё так плоско».

Оклеветал поэта, как известно, сын шихазанского дьячка Г. Миронов, которого в свое время приютил и принял на работу сам М. Сеспель. В своём последнем письме, очевидно, не без давления со стороны друзей поэта, клеветник наконец-то отказался от своих лживых показаний: «... Читал, но подписываться не буду, и всё, что я говорил во всех показаниях, есть ложь, и Кузьмин мне ничего не говорил. Давал ложные показания на Кузьмина только потому, что у нас с ним личные счета, и я хотел отомстить ему за всё».

К великому сожалению, судебно-следственное дело по ложно-сфабрикованному обвинению поэта из архива ревтрибунала загадочно исчезло после 1931 г. (в том году отдельные выдержки из дневника, изъятого у М. Сеспеля при его аресте, были выписаны Н. Вазянкой и опубликованы в альманахе «Трактор»). Есть повод подозревать в этом первого следователя данного дела — И. Маркова, «человека недалекого и мстительного» (Н. И. Иванов). Именно он был заинтересован в «потере» сфабрикованного им дела бывшего заведующего отдела юстиции, известного уже в начале 30-х г. как основоположника чувашской советской поэзии. На его совести лежит, как уже было сказано, смерть невинных крестьян Акулевской волости. Еще раз вспомним последнюю запись поэта в дневнике перед своим арестом: «Одного желаю, чтобы достало сил среди безмозглых, тупых баранов...» Это, конечно, прежде всего следователь. На состряпанный этим безмозглым существом протокол допроса М. Сеспель как приговор записал следующие слова (они тоже были опубликованы): «... лист допроса считаю глупой бумажкой и не подписал. Я думаю, что только дурак может меня подозревать в поджоге Отдела юстиции, думал, что задают в шутку такие вопросы с целью унижения...»

Во время ревизии от 27 декабря 1920 г., об этом уже упоминалось, не было обнаружено как присвоения денег, так и подделки документов. Но это не помешало следователю чека в тот же день состряпать предварительное заключение. В его представлении «о деяниях тов. Кузьмина» сообщалось об аресте поэта «в виду его признания в злостном поджоге отдела юстиции и неправильном израсходовании 50 тысяч рублей, подделки документов на 20 тыс. руб.».

Примечательно то, что в данной ситуации облисполком пытается как-то защитить своего опального члена. 29 декабря 1920 г. М.Сеспелю выдается следующее удостоверение: «Предъявитель сего тов. Кузьмин Михаил Кузьмич есть действительно член областного исполнительного комитета, избранного Первым Областным съездом Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской Автономной области РСФСР, что подписями и приложением печати удостоверяется. Тов. Председателя С.Коричев. Член и секретарь П.Михайлов».

Большую помощь поэту оказал его друг по тетюшской семинарии В.Дмитриев, который 31 декабря 1920 г. от имени Чувашского ОК РКСМ послал телеграмму в Тетюшский комитет РКП(б) с просьбой срочно представить точную биографию Михаила Кузьмина, дать характеристику его партийной и советской деятельности. Ответ с положительной характеристикой был получен уже 15 января 1921 г.

По предложению Чувашского обкома РКП (б) для расследования вышеназванного дела Президиум облисполкома на своем заседании от 2 января 1921 г. создает особую комиссию из трех человек: от обкома партии — А.Ласточкин, от облисполкома — И.Яштайкин и от облчека — И.Марков, т. е. тот же пресловутый следователь. Ровно через неделю доклад комиссии заслушивается на заседании облисполкома, где принимается решение об ускорении расследования дела. Уже тогда членами комиссии А.Ласточкиным и И.Яштайкиным было предложено взять обвиняемого на поруки и освободить его до суда. Только после данного заседания поэта перевели из сырого подвала в общую камеру. Доведенный издевательствами чекистов до глубокого отчаяния, поэт пытается покончить собою (он проглотил одновременно пять коробок спичек). Об этом в письме А.Червяковой от 12 апреля 1921 г. поэт вспоминал так: «В тюрьме я пробовал отравиться, но ничего не помогло, только помучился ни на грош».

Фактически поэта могли освободить до суда уже 10 января 1921 г., но мстительный следователь не торопился, он затянул следствие до 7 февраля 1921 г., т.е. еще на 27 дней. Следователем был совершен издевательский жест и при освобождении М.Сес-

пеля: взял у поэта подписку о невыезде из столицы, этим он намекнул о незаконченности «дела». «...Чека вынесла мне приговор трехгодичного тюремного заключения, — сообщает М.Сеспель своей Нусе в письме от 15 апреля 1921 г., — но приговор в силу почему-то не ввели, а дело передали в Ревтрибунал, сегодня узнал о «деле». Плохого, страшного нет, смешного много: обвиняют меня в умышленном поджоге отдела юстиции, хотя это забавно, но теперь не то раскаиваюсь, что допустил всё это, не то... но неприятно. Не знал, что дело зайдёт так далеко».

Приговор чека состряпал тот же следователь: «...Преступление считаю не доказанным... Но тов. Кузьмин допрашивающих считал дураками, давая подобные показания. Полагал бы Кузьмина необходимым заключить в концентрационный лагерь сроком на 5 лет, выслать в город Архангельск для отбывания наказания, впредь не занимать ответственной должности в советских учреждениях...»

Истинное лицо следователя из облчека увидели А.Ласточкин и И.Яштайкин во время их работы правительственной комиссии по делу М.Сеспеля. 9 февраля 1921 г. они сообщали председателю облчека И.Кадушину следующее: «Рассмотрев дело тов. Кузьмина по поручению облисполкома и облпарткома, нами от имени этой комиссии сделан был доклад на заседании облисполкома [9] января 1921 г. Причем было указано, что по мнению комиссии возможно взятие его на поруки. Вами же было сказано, что могут взять его на поруки два члена исполкома или же, вообще, два ответственных работников, члены РКП. Согласно этому т.т. Иванов — член облисполкома, Каштанов — ответственный секретарь Обкомла, Барабанов — заведующий Подотделом связи иногородним Чувотделом подали заявление о взятии его на поруки, но до сего времени тов. Кузьмина Обчека еще не выпускает. Поэтому мы еще раз письменно заявляем, что со стороны комиссии по взятию его на поруки препятствий не встречается, потому что, как выяснилось на заседании облпарткома от 8/II — 21 г., задержка была только в письменном заявлении».

Друзья М.Сеспеля понимали, что мстительный следователь и организация, в которой допускали такой произвол, не оставят поэта в спокойствии, поэтому его любой ценой необходимо было «вырвать из лап» этих пролетарских монстров. В этом большая заслуга принадлежит новому председателю ревтрибунала А.Лбову, который по докладу И. Маркова вынес следующее постановление: «Дело для широкой гласности населения передать в Ревтрибунал как члена облисполкома и члена РКП (большевиков) фигурирующего по сему делу гр. Кузьмина».

Дело перешло из рук чекистов в руки ревтрибунала. Есте-

ственно, никакой «широкой гласности населения» не было, оно являлось лишь поводом для спасения поэта от мстительных чекистов. На заседании ревтрибунала от 26 августа 1921 г. постановили: «Дело за недоказанностью прекратить. Находящиеся в деле, отобранные у Кузьмина, как-то дневник, фотографические карточки, партийную книжку РКП и другие документы в 2-х пакетах возвратить по принадлежности Кузьмину под расписку. О прекращении дела объявить Кузьмину и Михайловой и отметить меру пересечения».

Итак, М.Сеспель был справедливо оправдан, а его честное имя восстановлено. Можем ли мы сегодня представить всю глубину переживаний поэта в те дни и ночи, проведенные в тюремной камере областной чека? Чего стоило ему неопределенность результатов обвинения после освобождения из-под ареста? Как он относился к массовому расстрелу крестьян-повстанцев в дни «чапанского восстания»? На эти и другие естественно возникающие вопросы частично можно найти в письмах М.Сеспеля, прежде всего адресованных А. Червяковой.

Из писем чебоксарского периода самое первое датировано 23 марта 1921 г. В то время М.Сеспель, очевидно, лишь намеревался устраиваться на работу в Переводческо-редакционную комиссию. В отчете за январь-май месяцы указано, что в данной организации «М.К.Кузьмин работал только один месяц» (с 1 по 30 апреля). Но в письме А. Червяковой он указывает следующий обратный адрес: «Чувашский отдел Наркомнаца. Переводческо-издательская комиссия». Хотя своего опального друга В.Дмитриев еще 11 февраля, т.е. после освобождения сразу назначил заведующим отделом по социалистическому воспитанию, но работал ли поэт в данной должности и получал ли он там зарплату — мы, к сожалению, не знаем. Но понять состояние М.Сеспеля после тюремного периода мы можем, прочитав следующие строки из его письма: «Теперь уж я не тот, кем был в Тетюшах, когда меня неудержимо тянуло к деятельности, душа была полна юношеского порыва. Теперь не то: во мне убили все чувства борьбы, желания боевой жизни. В партийной и советской работе не участвую совершенно. Только немножко от нечего делаю занимаюсь родной литературой и больше ничем. Всегда один. Немудрено, что живу только воспоминаниями о том, что было у меня хорошего когда-то в глубине души. Но и те воспоминания бедны, уродливы, не как у людей. Вьюжные ночи. Зимние звезды. Белизна снегов лунных ночей. Робко расцветающее сердце...

И только... А там... Заунывные нотки из сизого тумана сквозь дымок ушедших дней. Что-то, которое печально, безмолвно напоминает о том, что что-то умерло, покинуло».

Строки из письма не требуют особых комментариев: поэт чувствует себя полностью опустошённым и безжизненным («Ужасная безжизненность»). Кстати, именно в такие минуты у поэта появляется тяга к орнаментированному слогу, образно-метафорическому языку.

Состояние поэта в одиночестве передают строки из письма от 24 марта 1921 г.: «Сижу и думаю... Так пусто на душе. В сердце нудно. Как я не умею жить полной жизнью! Не с кем поговорить по душе, поделиться скукой серых дней. Ничего не делаю. Не хочется делать. Как это пошло. Глупо. Хоть бы привязаться что ли к чему-нибудь, хотя бы к неодушевленному предмету.

Хочется привязанности.

Как невыносимо это одиночество. Почему не пойти к кому-нибудь из знакомых? Не могу. Так чужды мне души окружающих людей. Такого одиночества я еще никогда не испытывал.

От политических работников удалился, а друзей у меня, кроме них, не было. Очугился вне политической жизни, а другой жизни теперь не может быть. Какое-то тягостное безмолвие. Бесконечно докучная нудность. Кажется, что никогда не оживу для бодрой жизни. Никогда не думал, что каких-то полтора месяца заключения в тюрьме убьют во мне дух борьбы, протеста против мещанства».

После вынесения ему чека приговора о трехгодичном тюремном заключении М. Сеспель был глубоко разочарован в своих коллегах-коммунистах и горько сожалел свой приезд в столицу Чувашской автономии. «Так оплачивает Чувашская область за любовь к ней, — тяжело переживал поэт в письме № 93 А.Червяковой. — Чёрт меня дернул уехать из Тетюши».

Почему М.Сеспель полностью удалился от «политических работников»? Только ли заключение в тюрьме является причиной его такого кардинального изменения? Очевидно, нет. Прежде всего, поэт разочаровался в «политических работниках», т.е. людях, работающих в госучреждениях, прежде всего в политически ответственных органах. «Во время обыска в связи с арестом, о котором писал Вам, у меня был отнят дневник и теперь всякий негодяй может его читать. Ах, какой позор. Люди залезли мне в душу навозными сапогами», — сообщает поэт своей любимой в письме от 12 апреля 1921 г.

Убеждён, что под «негодяями» и «безмозглыми, тупыми баранами» М.Сеспель считал всё же «политических работников» из облчека. Именно они, главным образом приезжие русские, выходцы из пролетариев, ревниво следили за вдохновенными обретением автономии молодыми советско-партийными деятелями-чувашиами, к которым несомненно относился и М.Сеспель.

Даже в 30-е гг. арестованных деятелей национально-государственного строительства, как ходит молва среди интеллигенции, избивали злобно-шовинистическими выкриками: «Вот вам автономия, вот вам самоопределение!» На заседании партконференции от 27 февраля 1921 г. председатель облчека Кадушин говорил следующее: «Тут удивлялись тому, что в области не было оружия. Это объясняется тем, что *некоторые ответственные работники из чуваш* (курсив мой — В.Р.) [...] своевременно не предвидели возможности восстаний». Не камешек ли это в сторону Ревтрибунала и первого его председателя? Ведь высшим карающим органом во время «чапанской войны» был Ревтрибунал, который во время своих выездных заседаний выносил приговоры прямо на местах. Быть может, председатель облчека подразумевал А.Лбова, а скорее всего — обоих.

Теперь нам понятно озлобленность следователя И.Маркова, которого, по его мнению, какой-то «инородец» и сочинитель-поэтишка назвал «безмозглым бараном». Да, своего обидчика он мстил очень утончённо. Со своей стороны, М.Сеспель не мог не знать поведение своего мстительного следователя во время крестьянского восстания, в частности, в Акулево. Думаю, он глубоко переживал массовые расстрелы в дни расправы над повстанцами.

Вернёмся к письмам. В них автор умело пользуется приемом отстранения от своего текста: рассказчик излагает свои мысли и сразу предсказывает реакцию другого. Данная форма внутреннего диалога является излюбленным приемом авторов древних философских трактатов в стиле риторического речетворчества. Для примера возьмем письмо от 24 марта 1921 г. (№78). Своё ощущение действительности поэт передает эмоционально-художественно, используя даже такую технику текстосложения, как ритм прозы:

«Революция...

Где-то идет борьба.

Где-то бьётся могучий пульс революционной жизни...

А ты, как последний слюноточивый плакса-интеллигент, // проводишь дни без желания борьбы с нудными думами, // а часто и без всяких дум. // Что позорней, — это то, // что не хочешь приложить ни малейшего усилия, // чтобы очнуться, // напротив — скорее близок к тому, // чтобы желать, // чтобы совсем потухло сознание жизни, самого себя, // чтобы не чувствовать дыхания жизни».

Далее идёт некоторое остранение от сказанного и выяснение отношения другого лица к творцу письма: «Может быть, Вы ругаете меня, что я вздумал делиться с Вами своей тоской...»

За таким сомнением опять следуют исповедальные строки:

«Да. В порядке вещей, должно быть так жизнь – сочетание грубостей. Чтобы быть жизненным, нужно быть грубым. Видеть жизнь, какая она есть». (Данную мысль нам следует запомнить, чтобы лучше понять его стихотворение «Кёпер хывър» – Проложите мост.)

Автор-рассказчик повторно отстраняется от своих исповедальных слов, как говорят чувашаи, «хупанса ларать», т.е. закрывается: «Ну, я опять со своей пародией на наивную прямолинейность и неуместной искренностью. Ведь знаю, что нужно помнить, что на слова, подобные моим, обыкновенно можно отвечать: какое Вы имеете право и т.д.»

И вот, после завершения своего первого письма от 24 марта 1921 г. М.Сеспель вдруг получает от своей любимой сразу два конверта, в одном, маленьком, было только четыре слова: «Миша, я тебя люблю!». «Если бы я услышал от Вас эти слова год тому назад, – радостно сообщает поэт о своем состоянии души, – сколько страданий было бы снято с души. Я не знаю, что было со мной, когда я прочитал эти слова. Я устал сегодня от волнения, от счастья». (письмо №79). В том же письме он строит свое будущее: «Нет. Нуся! Я буду достойным Вашей любви ко мне. Я буду учиться. Буду стараться быть не последним среди людей. Вы поможете мне Вашей доброй душой, нежностью Вашего сердца стать художником, талантливым в миниатюре».

О его желании учиться можно узнать и из следующей просьбы поэта: «Нуся, напишите, если будет не трудно, есть ли в Симбирске художественные мастерские (школы). Как туда поступают» (письмо от 1 апреля 1921 г., №86). А 12 апреля того же года М.Сеспель пишет такие слова: «Зачем я приехал сюда? Почему прямо из Тетюш не поехал в художественную школу?» В письме от 27 апреля 1921 г. поэт сообщает следующий свой план: «После суда приеду в Симбирск. Но Вас уже там, наверное, не будет. Суд кончится в мае». А в письме из Нижнего Новгорода от 15 мая есть такие строки: «Вернусь и хочется надеяться, что ты позволишь мне побывать у тебя, может быть, всё время быть с тобой». Ещё раньше, в письме от 25 марта, Михаил писал так: «Готовился, когда еще не знал, что Вы в Симбирске, уехать в Симбирск, так хотелось пожить в том городе, куда летел я всегда мыслями».

Из писем можно узнать, что в день выхода из тюрьмы М.Сеспель получил письмо Анастасии, отправленное из Сибири. О том, что его «звездочка ясная» вернулась в Симбирск, Михаил узнал лишь 23 марта 1921 г. (письмо №77). Следовательно, он собирался в Симбирск после освобождения из тюрьмы, но его сдерживало, очевидно, подписка о невыезде. И совершенно неверно рассуждают некоторые биографы поэта, что, мол, он не

любил свою Нусю как таковую, а тянулся лишь к виртуальному образу-идеалу. Но настоящая любовь всегда была и будет на грани идеально-романтического и реально-действительного, что в состоянии любви человек не обращает внимания на те качества, которые не вдохновляют его страдать от избытка чувств. Для М.Сеспеля в А.Червяковой привлекательны не её внешность, а в первую очередь доброта души, готовность к состраданию и пониманию другого. Поэт нашел в ней «родство душ».

Как удачно заметил японский исследователь Гото Масанори, Сеспель не верил в возможность взаимного обмена (в данном случае – любви) и отказался от него. Следует заметить, что отказался он и от простых бытовых удобств. Вместо взаимного обмена поэт придерживался чистого дарения, что обычно называется самопожертвованием. В жертвенный дар в данном случае приносится вся жизнь поэта, его мысли и кровь. Всё это исповедально изложено в письме от 26 марта 1921 г.: «Вновь душа полна стремленья к жизни. Ширится грудь от жгучих желаний. Теперь вновь исчезла пустота души. Опять у меня есть то, чему могу поклоняться и утром, и вечером, и днем, и ночью с священным восторгом души и тела. Могу шептать в своем тихом душевном одиночестве жгучие молитвы, всем сердцем, всем помышлением благословляя его. То – Ваше имя, милая моя Нуся! Только ему одному, только твоему имени поклоняюсь, воссылаю молитвы, только для твоего имени сердце свое я превратил в жертвенник любви. Моя жизнь, мои мысли, моя кровь – жертвенный дар все소жжения пред тобою, для тебя желанная, милая Нуся! Жаждет исцеления в Вашем взгляде настрадавшаяся душа. Прижмите мою бедную голову к Вашему сердцу, смотрите в мои глаза, я упьюсь светом Ваших глаз, душа выкупается в лучах Вашего взгляда. Скажите мне, пусть Ваши глаза скажут мне, что вы любите меня».

Поэту ближе не простое родство двух душ, а обоюдная страдальческая любовь: «Если Ваше сердце тоже в путях страданий, если и ваши желанья жизни разбиты жизнью, и душа настрадалась, – пусть сольются наши страданья в священном пламени сердец, горящих огнём страдальческой любви. Вдвоем нам не будут страшны ужасы страданий земли, страданья для нас будут священными. Будет легко умереть, если ты во мне, я в тебе, когда твоё сердце и моё сердце будут отбивать одинаковые звуки, будут гореть одним огнём, стучать о грудные клетки одною жизнью. Хочу до безумия Вашего взгляда, Вашей ласки, безумно прижаться до боли, до мучения к Вашему сердцу и отдать Вам всю мою жизнь, весь остаток огня почти что угаснувшей жизни. Моя Нуся, моя, моя, любите меня! Любите меня. Это вскрики моего сердца, души, которая вся изныла со дня разлуки. Нуся,

Нусенька, любите меня такого, каков есть, такого бедного, больного, исстрадавшегося» (письмо от 26 марта 1921 г.)

Но бедный, больной и исстрадавшийся человек по собственной воле — это уже святой. «Я живу в какой-то конуре, одет в лохмотья, хожу в лаптях», — сообщает М.Сеспель в письме от 14 апреля 1921 г. Сохранилось его заявление в Чувашский облизполком от 23 апреля 1921 г. следующего содержания: «Совершенно не имея летней одежды ввиду того, что мои обращения в Райпродком с ходатайством об удовлетворении меня мануфактурой не имели результатов, прошу облизполком не отказать наложить на настоящее заявление резолюцию с предложением Райпродкому отпустить мне на изготовление кафтана 10 аршин мануфактуры и на подкладку к ним, а также двух катушек ниток. М.Кузьмин».

Заявление М.Сеспеля рассмотрели на заседании президиума облизполкома от 28 апреля и приняли следующее решение: «Принимая во внимание заслуги гр. Кузьмина, как даровитого переводчика, предложить Облпродкому удовлетворить его просьбу, отпустить ему необходимый материал на 2 пары белья, на верхнее платье и кожаную обувь; если означенных предметов не имеется в распоряжении Облпродкома, выписать из других райпродкомов области». Здесь же имеется следующая отметка: «Выписка вручена члену переводческо-издательской комиссии т. Кузьмину 6 мая с.г. за №2534».

М.Сеспель отбывает из Чебоксар 12 мая 1921 г. В письме от 10 мая он сообщает так: «Шью, завязываю, укладываю, чёрт знает что. Ни корзинки, ни чемодана. Да здравствует гёз!» Очевидно, в эти дни перед поездкой он обновил свою одежду и обувь, конечно, благодаря своим бывшим коллегам, сочувствующим нищенствующему, но гордому и не унижающемуся поэту. До отъезда М.Сеспель встречается с председателем Ревтрибунала А.Лбовым, который выписывает ему удостоверение следующего содержания: «Удостоверение. Дано сие тов. Кузьмину Михаилу в том, что принадлежавшие ему документы, как-то отпускной военный билет и другие действительно находятся в деле, имеющемся в производстве Обревтрибунала Чувашской Автономной области, что подписью и приложением печати удостоверяется. Председатель А.Лбов».

15 мая 1921 г. М.Сеспель сообщает А.Червяковой следующее: «Нахожусь в Нижнем Новгороде. Лежу в госпитале. Волосы остригли, были длинные-предлинные, короче 2-х аршин, вернее — сажени, ни одного волоса не было. Жалко, да что поделаешь. *Полтора года растил — и нет их*» (курсив автора. — В.Р.). Здесь поэт явно преувеличивает, ибо на фото от 17 апреля 1921 г. он выгля-

дит не обросшим: волосы спрятаны под фуражкой и не торчат. Скорее всего, М. Сеспель не стригся в тюрьме и после выхода из него (всего 5–6 месяцев). Показывая длинноволосого поэта, наши художники забывают, что он в таком виде ходил лишь после тюрьмы, т.е. в феврале–мае 1921 г., когда находился в состоянии депрессии и душевной неуравновешенности. Полагаю, что именно по причине такого внутреннего состояния в творчестве он обратился к образу пригвождённого Христа.

По чебоксарскому периоду сохранились письма М.Сеспеля к деятелям чувашской культуры, в которых он выступает как инициатор объединения литературных сил чувашского народа. Первое письмо от 22 марта 1921 г. адресовано Н.Вазянке с эпиграфом «Чăваш чĕлхи ячĕпе Пурте пĕр пулар!» (Во имя языка чувашского Да будем все едины!):

«Товарищ Вазянка!

Решил беспокоить тебя. Предупреждаю, не сердись. Мы с тобой не успели еще, пожалуй, подружиться как следует: возможно, ты и не одобришь меня за неожиданное письмо к тебе. Всё же я решил написать тебе во имя родного чувашского языка.

Я приступил к составлению «Сборника стихотворений». Одобрили это дело и Архип Лукич, Львов и другие товарищи. Если составить сборник, издать его можно будет быстро.

Я только что просмотрел «Канаш» и увидел, что хороших, воодушевляющих стихов очень мало. Сильных стихов, кроме твоих, почти нет. Дорогой товарищ Вазянка, будь добр, пришли для сборника все свои стихи. Был бы очень благодарен. Коль желаешь добра чувашскому языку, надеюсь, пришлешь. Я намерен включить в сборник разных авторов – разнообразного содержания. Если надумаешь прислать – то пришли побыстрее, или спешно.

И ещё: что ты думаешь о будущности чувашского народа? Каковы Ваши взгляды на национальный вопрос? Напиши правду. Не кажется ли тебе, что во имя будущности чувашского народа, во имя чувашского языка необходимо сплотить, собрать воедино людей с сердцами, полными любви к родному народу. Чувашский народ подошел к своему вырождению. Чувашский язык на грани исчезновения. Если не взяться всем разом, дружно за спасение родного языка, то так и жди исчезновения нашей нации с лица земли.

Дорогой товарищ Вазянка, мне хочется теснее сдружиться с тобой. Если не возражаешь – пиши чаще. Прошу именем чувашского языка! И если кто-либо в вашей школе от души любит чувашский язык и верит в славную будущность чувашей, – пришли мне их адреса.

Итак, дорогой товарищ, остаюсь с добрыми пожеланиями тебе и в надежде, что выполнишь высказанную мною просьбу.

Мих. Кузьмин (Сеспель Мишши)

г. Чебоксары, Чувашской области. Чувашский отдел Наркомнаца. В Переводческо-издательскую комиссию, Михаилу Кузьмину.

P.S. Товарищ Вазянка, возможно, ты не помнишь меня. Я познакомился с тобой на I съезде чувашских работников Российского Коммунистического Союза Молодежи. Я был членом президиума. На фотографии съезда я сижу между Филипповым и Агеносовым. Филиппов рядом с Дмитриевым. Ну, всё это так себе. Будем единокорными в дальнейшем» (Перевод Н.Данилова).

Данное письмо показывает истинное лицо нашего Сеспеля: он горячо любил свой народ и его язык. Отстранённость от политики и власти не означает, что поэт отказался от борьбы за освобождение чувашского народа от средневекового застоя и национального гнета, за свободное развитие народа и его языка. Главным оружием борьбы в этом деле является не столько официальные директивы, сколько Слово — жгучее, огненное, молниеподобное. И совершенно не случайно Сын народа чувашского, подобно сыну Бога Иисусу, страдал за него и сочинил величавую одупроповедь в честь родного Слова: «Чувашское слово» (1920). «Настанет время, — пророчествует поэт. — И чувашский язык будет разрубать железо. Станет острым, станет раскаленной сталью. Будет время — люди услышат и чувашскую песню. Ясное небо, простор белого света, красное солнце любовью восплет он, чуваш. В чувашской песне зашумят морские волны, зашелестит листвою лес, зазеленеют бескрайние луга. Донесётся до слуха стон древнего горя, счастье откроется взору. Гуслиями зазвенит природа вдоль берегов реки Волги — это будет звон чувашской песни, чувашского слова, чувашского языка. Чувашский язык станет жаром горячих углей, раскалённую сталью станет.

Бедный Чуваш! Бедный Чуваш! Разбрелись, разделились твои люди. Богатеи чужих народов старались уничтожить твой язык.

Всё же чуваш под всеми невзгодами, под горем огромным не уронил своего достоинства и донёс свою честь, свое доброе имя до наших дней. В лишениях и в муках, под чужими народами чувашский язык не пропал. Века проходили за веками. Чуваш разговаривал тихо. Чувашский язык травили со всех сторон. А он все такой же — живой, невредимый. Вопреки всем глумленьям — он жив и поныне. Жив он! Пусть здравствует и в грядущем! Это значит — чуваш своим словом заставит гром грохотать и молнии сверкать. Это нам даёт уверенность. Верим! Настанет время!

В ком нет веры, кто, гнушаясь чувашской кровью, посрамил честь народа, — таких по-чувашски пинком под зад отшвырнём мы прочь.

Кто верит — тот счастлив.

Не забудем, как издевались над нашими предками. Язык, уцелевший под гоненьем и травлей, не пропадёт в мире бесследно. Доселе неслышно было чувашского слова, — ныне услышат чувашскую песню; чувашская поэзия, чувашское слово взыграют как волны Волги, зашумят как лес, зазвенят как струны гуслей. Чувашский язык разрубит железо, станет острым лезвием.

Будет время! Настанет время!

А когда придёт пора, — вспомнят того, кто писал всё это и скажут: «Он, оказывается, правду говорил» (перевод Н.Данилова).

Здесь воедино слиты слова Прорицателя-Пророка, слова Исцелителя-Жреца и слова Страдальца-Святого. Данное триединое Слово предсказывает судьбу и призывает к единению, в то же время очищает и исцеляет людей от многовековых болезней-пороков, оно дает историческую память и веру в будущность народа и его языка.

Итак, сохранившиеся письма и дневниковые записи М.Сеспеля, а также остальные документы, в той или иной степени связанные с жизнью великого поэта, убеждают нас в том, что он своими делами и мыслями составлял цельную личность. За верой в Революцию (союз равенства, братства и любви) и Страдальческую Любовь вырисовывается более глубокая вера поэта — вера в ближайшее возрождение нашего народа и его языка. Во имя этого он жил, во славу народа он творил. Таким я вижу пламенного поэта и в периоды активной общественно-политической деятельности (человек-вождь), и в моменты разлада с обществом (человек-демиург). В одном образе он призывал и убеждал, в другом — страдал и заклинал. Все делалось ради родного народа, ради первого Слова. А слово это было «Чăваш сăмахĕ» (Слово чувашское).

РЕФОРМА ПИСЬМЕННОГО СТИХА

Проблемами чувашского народного стиха стали интересоваться ещё в 30-е гг. XIX в. Казанская поэтесса А.Фукс в своих очерках «Поездка из Казани в Чебоксары» попутно затрагивала и вопросов метрики чувашских песен: «Песня с правильным размером и стопами удивила меня. Я в одну минуту её перевела». Метрику народных песен она сводила к силлабо-тонике.

В 40-е гг. XIX в. с художественным очерком о чувашах выступил В. Сбоев, преподаватель Казанского университета. Об осо-

бенностях песенного стиха чувашей он писал следующее: «...устройство чувашского стиха — тоническое (силлабо-тоническое. — *В.Р.*). Первое условие и основание чувашской версификации составляет логическое ударение, другое — игра слов и аллитерация, занимающая у чуваш [ей] место нашей рифмы; только рифма эта бывает у них не на конце стиха, но в начале или в середине».

В начале XX в. о метрике чувашского стиха писал Г. Комиссаров в своем пространном очерке «Чуваши Казанского Заволжья» (1909). Характеризуя метрику стиха различных народов, исследователь отмечает, что в «метрике различается стихосложение силлабическое, метрическое и тоническое. В поэзии некоторых народов мы находим или просто ритм мысли или предложений (параллелизм), или повторение созвучных выражений, или ещё так называемый сатурнический размер».

Касаясь метрики чувашского стиха, исследователь замечает, что «в чувашских стихах встречаются все формы стихосложения, но ни одна в её чистом виде». Далее свои замечания Г. Комиссаров подтверждает таким образом: «Хотите ли вы назвать чувашские стихи силлабическими? Можете, ибо во многих песнях (свадебных, хороводных, посиделочных, рекрутских) главное внимание обращается не на размер, а на одинаковое количество слогов во всех строках (по 7 слогов в каждом стихе, иногда по 8). Назовёте ли вы чувашские стихи метрическими, вы будете иметь для того некоторое основание, потому что в чувашском языке есть слоги долгие и краткие, и правильность в чередовании их в песнях действительно замечается. Наконец, если бы вы назвали чувашское стихосложение тоническим (силлабо-тоническим. — *В.Р.*), то и на это вы имели бы полное право, так как вам ничего не стоит подвести чувашские стихи под формы хорей или ямба в соединении с анапестом или без него».

Итак, в народном песенном стихе Г. Комиссаров видел силлабическую и квантитативную организацию ритма, а в письменном стихе — силлабо-тоническую. К этому времени в чувашской поэзии силлабо-тоникой пользовались К. Иванов, Э. Турхан, а в русскоязычных стихах — все двуязычные поэты.

Чувашскую силлабо-тонику тогда понимали прежде всего как смешанный (разностопный) стих: X2 + An1, Я2 + An1 (X-хорей, An- анапест, Я- ямба, цифрами обозначено количество стоп) и др. Это был переходный от народного силлабического стиха к письменному силлабо-тоническому. Ударения в нём регулировались вертикальными цезурами, а частично — слоговыми группами (кирпичиками) с различным местом ударения. При этом Г. Комиссаров допускал образование ямбического размера путём напевного исполнения даже вопреки словесному ударению.

Эти и другие теоретические положения Г. Комиссаров о чувашском стихе полностью совпадают со взглядами автора анонимной статьи «Как писать чувашские стихи», впервые опубликованной в газете «Канаш» от 23 февраля 1919 г., перепечатанной затем в газете «Чухансен сасси» (Голос бедности) 9 марта 1919 г. В этой работе, посвященной чувашскому письменному стиху, анонимный автор развивает теорию «напевной» силлабо - тоники. По его мнению, строки должны иметь ритмическую структуру Я2 + А1 с ударениями в словах как в низовом диалекте чувашского языка: ла́ша, ту́тӓ, па́тӓ, сура́х, килчӗ. В таких случаях, по мнению автора, стихи легко читаются и верховными чувашами.

В 1920 г. с теоретической статьей «Сӓвӓсем» (Стихи) выступил исследователь письменного стиха А. Иванов, который впервые пытался как-то объяснить природу чувашского ударения. «Расположение слов в стихе зависит от их ударения, — утверждает автор статьи. Под ударением подразумевается повышение и усилие голоса на одном из слогов слова. Так, в слове «калас» голос повышается и усиливается во втором слоге («лас»); сам слог называют ударным или же долгим, потому что в результате падения ударения он несколько удлиняется; безударный слог называется кратким, потому что он произносится короче».

Здесь исследователь пишет о долготной природе чувашского ударения. Хотя данную особенность чувашского ударения впервые заметил еще Г. Комиссаров, но А. Иванов смог связать её с расположением в слове редуцированных гласных. «В нашем языке ударение больше всего падает на последний слог слова, но не всегда, — пишет он. — Если в многосложном слове последний слог имеет краткий гласный (ӓ, ӕ), и он расположен за слогом с долгим гласным (а, э, у, и, ӱ, ы), то ударение падает на предпоследний средний слог (каларӗс, арпалах, саланӓ). Иногда ударение может падать на первый слог и в 2-сложных словах (так в словах парӑр, тарӑр, килӗр падает на первые слоги), но в стихе оно незаметно и непринужденно переходит на второй слог».

Изменение места словесного ударения в стихе, обнаруженное Г. Комиссаровым и А. Ивановым, — явление весьма интересное, связанное с напевным стихом, его ритмической инерцией. А. Иванов выделяет два типа ячеек (стоп): 2-сложный и 3-сложный. Они в стихе могут быть в следующих комбинациях: а) 3-ячейковые стихи (2+2+3); б) 2-ячейковые стихи с выпадением одной 2- сложной ячейки (3+2); в) 1- ячейковые полустушия (3) ; г) 2-ячейковые стихи с выпадением 3-сложной ячейки + одна 3-ячейковая строка (2+2, 2+2 и 2+2+3).

Из всех пяти комбинаций самой древней и типичной для чувашской поэзии ритмической структурой стиховед считает

первую комбинацию (2+2+3), к которой обращается, по его предположению, 99 процентов поэтов.

Итак, А.Иванов выявил природу чувашского ударения, подтвердил предположение Г.Комиссарова о его изменении в стихе, разработал типы и комбинации ритмических ячеек, в результате значительно развил теорию чувашского письменного стиха. В пору увлечения М.Сеспелем чувашскими стихами, как здесь увидели, чувашское стиховедение как наука о стихе имело свои определённые теоретические разработки. Но М.Сеспель, как практик, не мог пройти мимо этих проблем, ибо он писал не только для представителей отдельного диалекта, а для всего чувашского народа. Нужна была нормированная акцентуация чувашского литературного языка. От выбора норм акцентуации зависело дальнейшее развитие поэзии в целом. Стояла дилемма: оставаться в рамках традиционной, хотя и весьма развитой силлабики или же повернуться в сторону русско-европейской силлабо-тоники? Окончательное слово оставалось за поэтами-практиками.

Все свои стихотворения на русском языке М.Сеспель писал в рамках силлабо-тонического метра. Первые его стихи на чувашском языке отражают переходное состояние от силлабики к силлабо-тонике. Хотя силлабо-тоническим метром М.Сеспель пользовался и в тетюшский период своего творчества, но как теоретик чувашского стиха он стал именно в данный подпериод. Изучая и овладевая на практике метрикой и ритмикой русской поэзии, М.Сеспель вёл наблюдения и в области чувашского стихосложения. Например, он отмечал, что в чувашских стихах мужское окончание преобладает над женским, дактилические и гипердактилические окончания встречаются очень редко, главным образом в глаголах настоящего времени и множественного числа. Осенью же 1920 г. поэт записал следующие свои наблюдения: «Чувашским поэтам прежде всего следует найти нужную стихотворную форму. Старая форма, семисложный стих, до сих пор в чувашской поэзии занимала главенствующее положение. Теперь нужны новые способы. Надо создавать новые формы. Это правильный путь, ибо для создания картины прежде всего нужны краски, а для возведения здания прежде всего требуется кирпич» (перевод Н.Данилова).

Часть данного высказывания М.Сеспеля перекликается с содержанием статьи В.Брюсова «Смысл современной поэзии» (1921). В этой известной работе теоретик литературы утверждал, что современная поэзия во что бы ни стало должна искать новых метров и новых ритмов, новой музыкальности и новых способов рифмовки, потому что только новыми приёмами она будет в

силах заговорить на новом языке. Можно допустить, что с тезисами данной работы В. Брюсова чувашский поэт ознакомился в сентябре 1920 г., будучи командированным на несколько дней в Москву. Как известно, 19 сентября 1920 г. в Политехническом институте состоялась публичная лекция В. Брюсова о современной поэзии (рукопись данной лекции мало отличается от содержания статьи «Смысл современной поэзии»). Вдохновленный докладом русского теоретика стиха, М. Сеспель усиленно стал думать об особенностях чувашской речи и национального стихосложения. Именно после поездки в Москву он задумал написать отдельную теоретическую статью, которую завершил не позже конца октября 1920 г. В газете «Канаш» за 17 ноября (через день после своего 21-летия со дня рождения) поэт опубликовал свою статью под названием «Сăвă ғырассипе ударени правилисем» (Стихосложение и правила ударения). «Революция вдохнула в нашу жизнь новый, животворный дух. Всюду и во всем — Возрождение», — так начинает поэт свой манифест, провозглашавший силлабо-тонику формой нового, революционного времени.

В данной теоретической работе М. Сеспель независимо от А. Иванова разработал нормы новой литературной акцентуации, положив в их основу систему ударений верхового, частично и средненизового диалектов. «Вследствие разной системы ударений, — доказывал поэт необходимость нормированной акцентуации, — один и тот же стих для одного — благозвучен, для другого — полная издѣвка. Чтобы не было подобного разнобоя, технику стихосложения следует подчинить единой системе ударения».

Сеспель-теоретик не признавал перемены места ударения в словах. По его мнению, ударения в стихе должны подчиняться только верховой системе акцентуации. С ним соглашались и его активно поддерживали в этом Н. Золотов и другие канашцы. В этом вопросе несколько иную позицию занял С. Хумма. Говоря о силлабо-тоническом метре, он заметил, что ему как поэту очень трудно писать в размерах данного метра. В письменной поэзии он видел и образцы свободного стиха, а также квантитативной системы стихосложения. «Быть может, мы сами не замечали, что нефиксированное ударение чувашских слов — это лишь организованное звучание долгих и кратких гласных, — размышляет С. Хумма. — Быть может, для создания силлабо-тонической техники чувашское ударение слабее, чем русское. [...] Следовательно, в вопросе заимствования силлабо-тонической техники мы должны сомневаться».

По мнению исследователя и практика, преимущество того или иного метра покажет только время: «Мы можем принять только ту технику, которая более приспособлена к чувашскому

слову (а ставить ударения в конце слова не следует, ибо у нас, хотя ударение слабее, чем у русских, не все гласные произносятся одинаково), какая победит остальных».

Итак, С.Хумма не ограничивал письменную поэзию лишь одной системой стихосложения, он призывал экспериментировать, чтобы обнаружить близость того или иного метра к природе чувашского языка. В этом отношении к его взглядам был близок Сеспель-практик, который пользовался не только силлабо-тониной, но и вольным и свободным стихами.

Многие знатоки тюркского стиха оказываются в недоумении, когда узнают, что в чувашской поэзии наравне с силлабикой существует и силлабо-тонический стих, который благодаря творчеству М.Сеспеля с 30—40-х гг. стал даже доминирующим. Попытки П.Хузангая и некоторых поэтов в 50-е гг. восстановления письменной силлабики не увенчались успехом. Силлабика соответствует утверждению фольклорного стиля, чего опасались и опасаются многие творческие личности.

Итак, в чувашской поэзии силлабо-тонический стих утвердился окончательно. Благодаря каким факторам такое утверждение произошло?

Прежде всего поговорим о диалектной системе чувашского языка. По утверждению лингвистов, в системе низового диалекта отсутствует противопоставление гласных. Здесь ударение располагается в конечном слоге слова. При соединении аффиксов место ударения может измениться, такое ударение относится к подвижному, в тоже время ударение связано с конечным слогом слова и может характеризоваться как фиксированное.

Экспериментальными методами доказана количественная природа ударных нередуцированных (полных) гласных чувашского языка. В словах с полными гласными длительность гласных ударного слога превышает длительность безударного примерно в 1,5 раза (П.Яковлев). Эти особенности относятся ко всем диалектам, в том числе и низового. Между тем такой компонент ударения, как интенсивность в низовом диалекте, экспериментальными методами не подтвержден, хотя ударение в этом диалекте исследователями отнесено к долготно-силовым.

Низовой диалект состоит из нескольких акцентных подсистем. Продолжительные наблюдения меня убеждают в том, что словесный акцент чувашей Ибресинского, Комсомольского, Канашского и Янтиковского, а частично и Батыревского районов Чувашской Республики не полностью совпадает с акцентом низовых чувашей из Башкортостана и Татарстана. Например, в речи чувашей, проживающих рядом с татарами, на слух улавливается *тутарла кълару*, т.е. речь на татарский лад.

Верховые, средненизовые и часть низовых чувашей западных районов их ареала быстро опознают татарина, разговаривающего по-чувашски. Дело в том, что природный татарин произносит чувашские слова без удлинения или укорачивания отдельных слогов, которое наблюдается во всех диалектах чувашского языка. Но самый главный признак — это повышение тона в конце синтагм (частей предложений). В чувашской речи синтагмы имеют нисходящий характер.

Акцентные системы средненизовых и верховых диалектов описаны и экспериментально исследованы лучше, чем система низового диалекта, потому что эти системы в 20–30-х гг. XX в. вошли в основу современного литературного языка.

В системе ударения верхового диалекта место словесного акцента полностью зависит от звукового состава слова. При соединении аффиксов оно может измениться, следовательно, такое ударение можно назвать подвижным. Как описал М.Сеспель в своей известной теоретической работе, при наличии в слове редуцированных гласных (ä, ё) ударение падает на последний гласный полного образования, а при отсутствии — на последний слог слова. Если же в слове оказываются одни редуцированные гласные, то ударение приходится на начальный слог. В подобной ситуации в средненизовом диалекте словесный акцент падает на последний слог.

Экспериментально подтверждено, что в верховом диалекте существует два типа ударения: долготно-силовое (у полных гласных) и силовое (у редуцированных). В средненизовом диалекте ударение является только долготно-силовым.

В своей работе «Стихосложение и правила ударения» М.Сеспель отмечал: «Произношение слов с ударением на последнем слоге слова наблюдается в речи чувашей, проживающих по соседству с татарами или совместно (Тетюшский и Буинский уезды). Ясно, что это результат влияния татарского языка». Данное предположение великого поэта и теоретика стиха подтверждается современными исследованиями. В частности, П.Яковлев доказал, что подвижное ударение, наблюдаемое в луговом диалекте марийского языка и мокша-мордовском языке, утвердилось в той же среде и примерно в тот же период, когда возникли чувашские редуцированные гласные (ä, ё). Таким периодом интенсивных контактов между названными языками мог быть только болгарский период.

Итак, акцентуация средненизовых, а также в некоторой степени верховых чувашей является исконно болгаро-чувашской, на что обратил внимание и М.Сеспель. Лишь чисто силовое уда-

рение в словах с одними редуцированными гласными в верхнем диалекте возникло, очевидно, под воздействием марийского субстрата (очувавшихихся горных марийцев).

Далее поговорим о возможных трансформациях системы стихосложения в разных культурно-исторических условиях. Стихотворная речь письменной поэзии зависимо от двух факторов в их взаимодействии — внутренних и внешних. К первым относится комплекс интонационно-синтаксических и фонетических особенностей языка. Сюда же следует отнести и системы диалектных акцентов-ударений слов.

Внешний фактор тесно связан с культурно-эстетическими традициями или, другими словами, «стилистическими и тематическими формами культуры эпохи» (М.Гаспаров). Поэтому причину утверждения в средневековой тюркской письменной поэзии аруза (квантитативного метра арабской поэзии) следует объяснить, прежде всего, престижностью в то время арабо-мусульманской культуры. Тюркских поэтов тех эпох привлекала напевность арабо-персидского стиха, которая полностью соответствовала их эстетическим идеалам и разрешалась в рамках религиозной традиции. Так рядом с иноязычным элементом уживался фактор внешний — напевность письменного стиха.

Восприятие стихотворной речи зависит от системы акцентуации литературного языка и оно со временем может изменяться. Например, редукция безударных гласных, пришедшая в русский литературный язык из разговорного в петровское и послепетровское время, когда старый литературный, находившийся под влиянием церковно-славянского, сменяется языком светским, сделала невозможным полноценное восприятие силлабических стихов (А.Шумилов).

В XIX — нач. XX вв. чувашская поэзия ориентировалась на народно-поэтические традиции, а нормой литературного произношения являлось ударение низового диалекта. Поэзия того периода опиралась только на народную силлабику. Лишь в отдельных переводах К.Иванова и других чувашских поэтов с русского языка появлялись первые попытки овладения силлабо-тоникой, но им мешала литературная акцентуация того времени.

После 1917 г. в литературном языке постепенно утверждается тип акцентуации средненизового и верхового диалектов (внутренний фактор). Внешним фактором в тот период является ориентация чувашских поэтов на русскую литературную классику и, соответственно, на метрику русского стиха. Тоническое ударение русской просодии было перенесено в чувашский стих, ударные слоги стали искусственно выделяться, в том числе и редуцированные, придавая стиху качества тонического. Данный

способ скандирования был воспринят как особый поэтический стиль, резко выделяющийся от народно-песенного и письменного-силлабического стилей. В чувашском письменном стихе утвердилась определенная напевность. Именно с такой напевностью читают современные поэты свои стихи, написанные силлабо-тоническим метром.

В отличие от сочинителей, ориентированных на русско-европейскую культуру, читатели, не знакомые с теорией силлаботоники и формами определенного стиля чтения, читают эти стихи без искусственного напева, и поэтическое произведение, написанное силлабо-тоникой, звучит как силлабическое.

Итак, изменение литературных норм акцентуации и ориентировка на русскую поэзию способствовали переходу чувашского письменного стиха от силлабики к силлабо-тонике. В этом деле огромную роль сыграли теоретическая статья и стихотворения М.Сеспеля. Именно он является реформатором и основателем современного чувашского стиха, теоретиком и практиком силлабо-тоники. В то же время, как уже было сказано, поэт обогатил родную поэзию и другими метро-ритмическими формами.

М.Сеспель понимал, что культурно-эстетическая ориентация поэтов требует разработки нового – силлабо-тонического – метра, а для этого необходимо немалое количество слов с неограниченными ударениями. Поэтому к литературной акцентуации своего диалекта (средненизового) он смело добавил ударение в словах с одними редуцированными гласными из верхового диалекта. При этом редуцированные гласные могли сокращаться как в середине, так и в конце слов (опять особенности средненизового и верхового диалектов). В результате в плане акцентуации получился весьма гибкий язык, позволяющий поэту сочинить силлабо-тонические стихи. Естественно, чувашская силлабо-тоника значительно отличается от русской, прежде всего заменой силового ударения долготностью и напевностью с изменением тона ударенных звуков. Реформа, начатая М.Сеспелем, состоялась, и весьма удачно.

«НАДЕЖДОЙ СЕРДЦЕ ЖАРКОЕ ПЫЛАЛО...»

Творчество М.Сеспеля чебоксарского периода разделяется на два подпериода: подпериод надежды (сентябрь – декабрь 1920 г.) и подпериод разочарований (январь – май 1921 г.). Формульно они выражены в двух строках стихотворения «Йывăр шухăшсем» (Тяжёлые думы), написанного, скорее всего, в тюремной камере облчека (январь – начало февраля 1921 г.):

Халиччен шанчӑпка чӑре сунчӑ...

Паян теме сиссе ёмӑт сунчӑ.

Надеждой сердце жаркое пылало...

Сегодня вдруг надежды в нём не стало.

В первый подпериод в газете «Канаш» М.Сеспель опубликовал всего три стихотворения: «Пурнӑспа вилӑм» (Жизнь и смерть, 17 ноября 1920 г.), «Чӑваш чӑлхи» (Чувашский язык, 26 ноября 1920 г.) и «Чӑваш ачине» (Сыну чувашскому, 26 ноября 1920 г.). По воспоминаниям Г.Кузьмина, первое стихотворение является одним из первых чувашских текстов, сочинённых поэтом ещё осенью 1918 г., во время службы поэта в Красной армии. В книге поэта, изданной в 1928 г. имеется следующая атрибуция стихотворения: «Казаккасы, 1920 г.». Очевидно, первоначальный, несколько сырой вариант стихотворения поэтом переработан в сентябре – первой половине октября 1920 г. и окончательный вариант выслан в Казань для публикации в газете «Канаш» (до сентября 1921 г. редакция данной газеты находилась в Казани и от даты высылки до публикации проходило не менее двух – трёх недель).

Несколько строк из стихотворения «Чувашский язык» включены в статью М.Сеспеля «Стихосложение и правила ударения» («Канаш», 17 ноября 1920 г.). Следовательно, данное стихотворение сочинено до написания статьи, т.е. до второй половины октября 1920 г. Учитывая, что и «Сыну чувашскому» опубликовано в одном номере со стихотворением «Чувашский язык», можно назвать ориентировочную дату его написания: октябрь 1920 г.

Чудом сохранилось четвёртое стихотворение данного подпериода, названное «Чӑваш арӑмне» (Чувашке), впервые напечатанное в журнале «Сунтал» (Наковальня) за 1925 г. (№30). В редакцию его прислал некий Иван Никифоров со следующим комментарием: «Это стихотворение М.Сеспель сочинил в 1920–1921 гг. во время его работы в Облсуде. Я его переписал с тетради поэта в период совместного проживания». Здесь, очевидно, подразумевается работу поэта в Ревтрибунале, который контролировал суды в области и налаживал их работу. Как известно, после приезда брата Гурия Михаил постоянно жил с ним вдвоём. Следовательно, поэт жил с И.Никифоровым в одной квартире до приезда Гурия, где-то в сентябре 1920 г. Получается, что стихотворение сочинено в сентябре, быть может, и чуть раньше.

Итак, хронология написания стихотворений подпериода надежды такова: «Чувашке» (Не позднее сентября 1920 г.), «Жизнь и смерть» сентябрь – первая половина октября), «Чувашский язык» (октябрь), «Сыну чувашскому» (октябрь).

«Чăваш арăмне» (Чувашке). Проблема раскрепощения женщины в чувашской литературе поднималась со второй половины XIX в. Героини Игн. Иванова, И. Юркина, Я. Турхана и др. писателей испытывают унижение со стороны мужей и общества. Любимый образ К. Иванова Нарспи долго терпит унижение и избиение мужа Тхтамана. Главный герой драмы «Илюк» М.Акимова-Аруа постоянно избивает свою жену. Перед её смертью муж просит прощения, а она уходит с белого света, не простив своего мужа-изверга. Идея автора драмы заложена в следующую реплику брата-учителя измученной женщины в сторону матери: «Вам следовало дать образование и сестре моей Марие. Если бы она училась в школе, не терпела бы такого унижения. Почему-то для неё нашли мужа-дурака, как будто не было парней получше».

Драма «Илюк» отдельной брошюрой была издана в 1920 г. и, очевидно, прочитана поэтом ещё в тетюшский период. Но сказать, что М.Сеспель написал стихотворение «Чувашке» под впечатлением этой книги или же других произведений чувашских писателей, в том числе и К.Иванова, мы не можем. Да и сама проблема слишком лежала на поверхности, каждый чувашский парень её ощущал в сельском обществе. Вспомним годы замужества матери поэта Угахви и её отношение с неуравновешанным мужем. Сколько унижений она терпела, сколько слёз пролила, — только бог всего этого знал. Ещё знал и помнил её старший сын Михаил:

На страданья и на муки
Рождалась чувашка,
И несла на шею с детства
Горя камень тяжкий.

Даже малая букашка
Радовалась лету,
Всё, что жило и дышало,
Всё тянулось к свету.

Только ты, с печатью в сердце,
Радости не знала;
Год за годом возле печки
Век свой коротала.

Отгорожена от мира,
Видела всегда ты
Свой куток лишь тесный, тёмный
Да свои хвататы.

Говорили: «Волос долог,
Ум у бабы короток;

Что за дело им до мира? —
Есть своя работа.

Пусть присмотрит за коровой,
Уберётся в доме.
Коль ума на это хватит,
Так на что ей кроме?»

Так старела ты, в работе
Рано обессилев;
Умирала — на кладбище
Тихо относили.

Выл лишь ветер над тобою,
Дождь лишь плакал слёзно
О твоей печальной жизни,
Что прошла без пользы...

Перевод П.Хузангая.

Идея просвещения всего народа без актуализации вопросов эмансипации самой угнетённой части общества была бы не продуктивной и не полноценной. На хрупкие плечи женщины ложились не только забота о потомстве и хлопоты по домашнему хозяйству, но и ответственность за сохранность народной культуры (вышивок, одежды, песен и сказок, чистоты речи и т.д.). Женщина всегда была хранительницей слова, языка во всех его проявлениях. Не зря же родным языком ребёнка считается тот язык, на котором он говорил с матерью-кормилицей. Именно в таком понимании представлял М.Сеспель проблему борьбы женщин за свободную жизнь (ирёклё кун-фул). Женщины должны обучать своих детей и научить их быть свободными, прививать любовь к земле предков и современных чувашей. Дети этих свободных женщин должны защищать материнский язык и народ, на нём разговаривающий. Впредь никто не должен глумиться над чувашом, как это было в старину. Идея свободы женщины у М.Сеспеля является составляющей частью идеи национальной свободы и равноправия.

Стихотворение «Чувашке» написано в размере 4- и 3-стопного хоря. Таким ритмом М.Сеспель раньше пользовался при написании стихотворений «Вăхăт ситё...» (Дни придут..., конец 1918 г.) и «Тухăр тёттёмрен...» (Выходите все..., декабрь 1918 г.). В четырёхстрочной строфе рифмуются вторая и четвёртая строки, как и в стихотворении «Чăваш ачине» (Сыну чувашскому). Данная особенность продиктована не отсутствием у поэта опыта, а своеобразием этих стихотворений. В частности, предложения в строках охватывают не менее двух строк. Фактически две строки следует считать за одну четырнадцатисложную строку.

Такая организация двустиший наблюдается в восточных баитах. В отличие от них стихотворение «Чувашке» имеет не мужские, а женские парные рифмы. Конкретный ритм разнообразнее строгой схемы хорей. Постоянные пиррихии спасают ритм от неуместных ударений слов типа хурлăхлă, чăваш сынни, вучах умёнчех и т.п. Очевидно, поэт не опубликовал данное произведение с целью его дальнейшей доработки.

«**Пурнăспа вилĕм**» (Жизнь и смерть). Первый вариант стихотворения написан поэтом в Казани, во время службы в Красной армии (август-сентябрь 1918 г.). По воспоминаниям Г.Кузьмина, М.Сеспель декламировал его перед бойцами-чувашиами, которые потом своими бурными аплодисментами выражали полное удовлетворение.

Стихотворение начинается с описания «сиротливой степи» (тăлăх хир) перед закатом солнца:

Облака проходят, облака...
Сиротлива степь и широка.
Наступает вечер. Ветер. Пыль.
До земли склоняется ковыль...

Перевод П.Хузангая.

Посреди степи виднеется поросшая крапивой одинокая насыпь-могила. Из стихотворения «Йывăр шухăшсем» (Тяжёлые думы) можно понять, что заросшая насыпь крапивой есть результат проклятия, полученного умершим. Здесь, скорее всего, подчеркнута заброшенность и безымянность могилы. Лирический георй оплакивает смерть молодого бойца, сложившего голову за новую жизнь:

Бедный брат, когда ты пал без сил,
Над тобой никто здесь слёз не лил.
Над тобой не плакала жена,
Не закрыла глаз тебе она,
А за гробом не шагала мать...
Далеко от них тебе лежать.

Перевод последней строки А.Дмитриева точнее:

Ты один лежишь от них вдали,
Там тебя другие погребли.

Любой нормальный чуваш мечтает умирать дома, в кругу своей семьи. Поэтому смерть в далеке от дома считается несчастной долей того человека. Именно таким несчастным и обделённым представлен хозяин сиротливой могилы посреди степи. Здесь не появляется ассоциация с холмами-могилами чувашских богатырей, здесь нет священности и уважительного взгляда на могилы славных предков. Здесь — горечь сожаления, сочувствие, переживание, трагедии семьи чуваша-земледельца:

Милый брат, стряхнуть бы этот сон!
Так безвременен и тяжок он.
Дома ждёт жена твоя, любя,
Спрашивает сын твой про тебя.

Эх, родимый, прошлой жизни путь
Кто бы мог обратно повернуть?
Ты же выйдешь в поле, чтоб опять
С песней землю тучную пахать;
Не увидишь, как блестит апрель,
Не услышишь жаворонка трель;
А когда все будут жать твой хлеб,
Не возьмёшь ты в руки острый серп...

Подобный плач над гробом умерших у чувашей назывался *sasă kăларни*, досл.: «издавание голоса». А в поминальных песнях имелись такие слова:

Зарево поднимается белея,
Ты так больше не придёшь;
Солнце восходит краснея,
Ты так больше не придёшь;
Кукушка летает кукуя,
Ты так больше не придёшь;
Ласточка шебечет и поёт,
Ты так больше не придёшь...

Как мы видим, форма построения предложений одинакова как в песне, так и в стихотворении «Жизнь и смерть». Использование фольклорно-песенной поэтики не ограничивается лишь схожестью структур предложений. Фактически стихотворение написано 9-сложной силлабикой с цезурой после четвёртого слога: 4 + 5. Здесь обнаруживаются ударения в словоразделах, подобно в дольнике русской народной поэзии. В чувашской поэзии такой формой впервые пользовался К.Иванов, когда он переводил «Песню про царя Ивана Васильевича и купца Калашникова...» М.Лермонтова. Такой ритм настраивает слушателя прежде всего на романтическую волну.

Итак, лирический герой с горечью сожалеет о невозвратности жизни погибшего, опереживает великое горе членов его семьи. Он оплакивает смерть, хотя и борца, но человека с несчастной судьбой и забытого всеми. Потом увидим, что подобная судьба ожидала самого поэта...

«**Чăваш чĕлхи**» (Чувашский язык). Стихотворение посвящено редактору газеты «Канаш» А.Лбову, после М.Сеспеля работавшему председателем Ревтрибунала ЧАО. Именно благодаря ему прекратили дело, заведённое облчека против заведующего отделом юстиции. А.Лбов, как и все остальные патриоты молодой

национально-территориальной области, по мере возможности помогал поэту, давал дельные советы. В письме к Н.Вазянке М.Сеспель сообщал следующее: «Я приступил к составлению «Сборника стихотворений». Одобрили это дело и Архип Лукич, Львов и другие товарищи» (письмо от 22 марта 1921 г.). Их несомненно связывала любовь к родному народу и его языку.

Стихотворение пронизано мечтой о грядущей славе родного чувашского языка. Проблему равноправного функционирования чувашского языка поднимали ещё на рубеже XIX и XX вв. Так, Я.Турхан глубоко переживал, что в церквах чувашских общин службы проходят не на родном языке прихожан. В одном из стихотворений он сравнивает родной язык с языком птиц: они щебечут и поют каждая на свой лад. Люди, по представлению Я.Турхана, как и птицы, должны разговаривать и петь на своём родном языке, развивать и оберегать его.

В поэме «Хальхи самана» (Наше время, 1908) К.Иванов описывает деятельность великого чувашского просветителя И.Я.Яковлева, который чувашских детей стал учить на чувашском языке, тем самым открыл двери нового века:

Дни испортились, и сразу
Дух упал, померк наш разум:
Толь татарами нам стать,
То ли в край чужой бежать?
Но нашёлся некто добрый,
Изменилось время: бодро
Мы пошли путём другим,
В век иной пришли мы с ним.
До сих пор, не будь он с нами,
Что бы стало чувашами?
Все б в татары подались,
С ихней верою сжились,
Или русскими бы стали,
Быть собою перестали.
Друг-чуваш за дело взялся,
Добрим делом он занялся.
Чувашам родным по-братски
Словом истинно чувашским
Сердце, душу тронул он...

Перевод П.Хузангая.

Но среди получивших образование чувашей нашлись «люди подленькой души», они зашевелились и нахально заявили:

«Нам чинов бы поважней,
Стать бы барами скорей».
Жизнь отдаст такой вот ради

Светлых пуговиц в наряде.
Свой язык не признаёт
И родных не узнаёт...

О многовековом угнетении чувашей и гонении их языка писали А.Турхан, А.Милли, Д.Юман и другие писатели досеспелевского периода. Но впервые так открыто поставил вопрос о судьбе родного языка только М.Сеспель:

Навсегда очищен пламенем свободы,
Новый день сияет над моей страной.
Скрылась тьма глухая, пронесли невзгоды,
Наконец ты волен, наш язык родной!

Сколько мук ты в прошлом и страданий вынес,
Кто тебя в столетьях не терзал, гоня...
Но остался твёрдым, сохранил донине
Ты железа силу, чистоту огня.

Если ни насильем, ни цепями время
Не смогло навеки в прах тебя стереть,
То и в новой жизни наравне со всеми
Языками мира будешь ты звенеть.

Перевод П.Хузангая.

Поэт выражает свою светлую мечту и не считает, что в настоящей для него жизни родной язык развивается наравне с другими, что в практике не бывает его унижения. Поэтому перевод «Прежних унижений нету и следа» не соответствует содержанию «Иртнĕ хурлăхушăн ситĕ ырлăху» (За прошлые муки придут благие дни). Они, эти благоприятные для родного языка дни, находятся в необозримом будущем, поэтому поэт точно (в переводе: может) не увидит расцвета языка:

Может, не увидит твоего расцвета
Тот, кто с жаркой верой пишет о тебе.
Может, только насыпь, зеленью одета,
Скажет миру где-то о его судьбе.

Поэт не ограничивается простым описанием реальности, он берёт на себя миссию предсказателя, а точнее — священного первопредка, обретающего свой вечный покой лишь при исполнении потомками его предсмертных завещаний и наставлений. Если славы чувашского языка не будет, естественно, и прах лирического героя-прорицателя лишится покоя, чего он опасается больше всего.

Метрику стиха автор определил, очевидно, как 6-стопный хорей с пропуском последних слогов во втором и четвёртом строках. Но его конкретный ритм значительно разнообразнее: здесь

просматриваются анапесты и амфибрахии, имеется и сквозная цезура (6+6, 6+5) силлабических стихов. Фактически многостопные ямбы и хорей без определённого количества пиррихия в чувашских стихах встречаются очень редко, на что, очевидно, влияет агглютинативность языка. Поэтому в переходный период от силлабики к силлабо-тонике поэты (например, С.Эльгер) очень часто прибегали к трёхсложным размерам. Данная тенденция наблюдается и в стихотворении «Чувашский язык»: из 32 начальных полустихий в 19 строках имеется сочетание дактиля и амфибрахия, а в том же количестве конечных полустихий — 17 примеров дактилеамфибрахия. Подобный ритм стиха придаёт потоку стихотворной речи говорной, молитвенно-заговорный стиль. Следует помнить, что в качестве лирического героя здесь выступает народный прорицатель, первопредок и вождь народа.

«Чăваш ачине» (Сыну чувашскому). Стихотворение развивает мотив предыдущего текста:

Поведай мне, страна родная:
Когда народу явишь ты
Того, кто твой язык прославит
И былью сделает мечты?

О сын чувашский с жарким сердцем!
Откликнись, родину любя.
Подай нам голос, мы заждались.
Не верю я, что нет тебя!

Перевод П. Хузангая.

Лирический герой искренне верит явлению народу посланца Неба с его особой миссией (вспомним известную картину А.А.Иванова «Явление Христа народу»):

Приди скорее и наполни
Звучаньем новым нашу речь,
Чтоб слово пламенем чистейшим
Могло сердца людей зажечь.

Далее герой перечисляет города Чувашии районного значения, отдельно определяет пространство от Чебоксар до Ковалей. Известная своими людьми большая деревня имеется в Урмарском районе, называемая *Кавал* (Ковали). Многие исследователи считают, что в стихотворении М.Сеспель подразумевал именно данную деревню, что вызывает определённое сомнение. Дело в том, что в строке «Шупашкартан Кавал таран» (От Чебоксар до Ковалей) автор подразумевает территориальное пространство, а оно между столицей и вышеназванной деревней не самое большое в Чувашии. Есть в ещё одно Ковали (*Кавал*), что в Яльчикском районе и представляет собой одну из самых южных границ

Чувашской Республики. Поэт в начале берёт самую северную точку ЧАО и продвигается до её южных границ. Как известно, М.Сеспель не один раз посещал с. Яльчики и его близлежащие деревни. Поэтому не удивительно, что в стихотворении он упоминает *Кавал* (д. Избахтино) в значении самой дальней территории Автономной области.

Хотя лирический герой непосредственно обращается к грядущему мастеру чувашского слова, но читатель чувствует и понимает, что этим волшебником и магом родного слова является сам автор данного стихотворения, т.е. *Ҫеҫпӗл Мишши*. Именно его призывает выдуманный поэтом лирический герой:

Грядущий мастер! Ты услышишь

Мой зов — и силу обретёшь.

Я верю. Я мечту лелею:

Придёшь ты в этот мир, придёшь!

В стихотворных строках 5-стопные ямбы чередуются 4-стопными, образуя рифмы типа АБВб (прописными буквами обозначены женские окончания, а строчными — мужские). Подобная рифмовка наблюдается и в стихотворении «Чувашке». Эти четыре стихотворения, анализированные здесь и написанные примерно в одно и то же время (сентябрь-октябрь 1920 г.), объединены своей национальной проблематикой и призывной интонацией, в них фигурирует один и тот же лирический герой, ратующий за эмансипацию женщин, развитие родного языка и с нетерпением ждущего мастеров художественного слова. Он, подобно первоначальному, завещает, строго следит за его исполнением; то как провидец и предсказатель, угадывает будущее и внушает уверенность. Эти произведения поэт сочинил в условно названный подпериод надежды чебоксарского периода жизни и творчества М.Сеспеля.

* * *

В подпериод разочарований М.Сеспель опубликовал в газете «Канаш» следующие стихотворения: «Йывӑр шухӑшсем» (Тяжёлые думы, 24 февраля 1921 г.), «Эпӗ вилсен...» (Как умру, 10 марта 1921 г.), «Чӑваш поэтне Ахаха асӑнса» (Памяти чувашского поэта Агаха, 27 апреля 1921 г.) и «Чӑн чӑрӑлнӗ!» (Воистину воскрес! 27 апреля 1921 г.). Кроме этих прижизненно опубликованных произведений данного подпериода имеется другое стихотворение, которое в 1937 г. из Ленинграда в редакцию журнала «Сунтал» прислала А.Емельянова. В письме она сообщала, что данное стихотворение ею списано у поэта по пути следования в Евпаторию. Следует сразу заметить, что М.Сеспель написал евангельское изречение на еврейском языке согласно чувашской ор-

фографии (место буквы «ф» буквы «в»), что не учтено современными составителями собрания сочинений М.Сеспеля. Кроме того, в слове «лама» переписчиком допущена ошибка (лима), что тоже не исправлена современными издателями. Поэтому первая строка данного стихотворения, а также его название должны писаться так: «Или! Или! Лама савахфани!..», что в переводе с древнееврейского языка означает: «О боже, боже! Что же ты меня оставил?»

«Йывър шухӑшсем» (Тяжёлые думы). Учитывая дальность расстояния редакции газеты «Канаш» от Чебоксар, можно предположить примерную дату написания данного стихотворения: 7 или 8 февраля 1920 г., может быть, даже чуть раньше. Хотя реалии лирического героя всё же указывает на послетюремное время:

Я вышел из родного Шубашкара
И прямо зашагал вдоль крутояра.

Земля чувашская передо мною,
За родину встревожен я душою...

Чтоб успокоиться хоть ненадолго,
Я слушал, как шумела Волга.

Перевод П.Хузангая.

Что же беспокоит лирического героя? Почему его беспокойная душа (канӑссӑр чун) волнуется, а из головы не уходят тяжёлые думы (йывър шухӑш)?

Отчизна, верил до сих пор тебе я,
Мечту о славе о твоей лелея.

Надеждой сердце жаркое пылало...
Сегодня вдруг надежды в нём не стало.

Полна предчувствий, вдруг душа остыла,
В остывшем сердце увядает сила.

В чём же конкретно заключается будущая слава отчизны (таван сёршывӑн пулас мухтавлӑхӗ)?

— Приди, приди скорей, поэт чувашский! —
Звала душа моя с тоской и лаской.

Я думал: явится талант, и вещий
Язык его иной красой заблещет;

Поэзии он осветит дороги,
И книга станет достояньем многих...

Это всё мечты лирического героя и автора стихотворения подпериода надежды. Но через каких-то двух месяцев (в устах лирического героя они превратились в годы, что считается

допустимым домыслом, усиливающим противоречивое состояние души, ситуаций и пр.) поэт успел разочароваться в своих мечтах:

Но годы за годом пролетали, —
Чувашские поэты всё молчали.

Надеждой сердце жаркое пылало,
Сегодня вдруг надежды в нём не стало.

Полна предчувствий, вдруг душа остыла,
В остывшем сердце увядает сила...

Последние две строфы уже встречались в первой части стихотворения, повторение которых нагнетает тревожное состояние читателя, или же слушателя.

Книга не стала богатством страны, талант не явился и своим поэтическим языком не удивил весь мир, чего так ждал и надеялся наш лирический герой, образ-двойник самого поэта. Он не может остаться лишь простым созерцателем, герой задумывается, размышляет, задаёт вопросы с целью поиска ответов:

Ужель, мой край, твои иссякли силы?
Ужель слова чувашские так хилы?

Ужели с ростом языков великих
Язык наш будет мёртвым и безликим?

Ужель чуваш с его деревней, песней
С земли широкой навсегда исчезнет?

Уточним содержание оригинала. Первую строку «Тăван сĕршив, е сан та вăю пĕтрĕ?» следует дословно перевести так: «Родной край (родина), неужели и у тебя иссякли силы?» Отсюда можно понять, что в первую очередь силы иссякли у лирического героя. Вторая строка в оригинале звучит тоже несколько иначе: «Е чăваш чĕлхин хăват сĕтрĕ?» (Или чувашского языка силы иссякли?) С оригиналом расходятся и перевод А.Смолина:

Ужель, мой край, твои силы иссякли?
Иль язык наш стал беден, не так ли?

Но последний переводчик удачнее передал начало второй строфы:

Ужель с ростом языков инородных
Чувашский язык уж стал непригодным?

В оригинале: «Е ют чĕлхесем ўснĕ майĕ» (Или с ростом чужих языков). Первый переводчик, очевидно, с учётом политической ситуации 50-х гг. XX в., смягчил сепелевское словосочетание «ют чĕлхесем» (чужие языки).

Итак, главной причиной сомнений лирического героя является его усталость (от борьбы?), у него иссякли силы и ему кажется, что у родины такая же участь, что чувашский язык сдаёт свои прежние позиции, что чужие языки мешают ему свободно развиваться. При таких условиях он может навсегда исчезнуть с лица земли, а с ним — чувашские деревни и весь народ.

Что остаётся лирическому герою, пламенно веровавшему в будущность чувашского народа и его языка?

Коль так... огнём пусть сердце разгорится,
И пусть сгорит оно, испепелится.

Пусть пепел сердца поразвеет ветер,
Пусть в душу мне проникнет холод смерти.

Пусть старый дед, под бури завыванье,
Меня в могиле похоронит ранней.

Пусть вечно воеет буря, в страшном гнев
Раскачивая старые деревья.

Пусть насыпь зарастёт крапивой злою,
Пусть змеи зашипят над головою...

Данное самозакливание героя-поэта, приводящее к разъярённому состоянию Природы — это состояние его души, но в то же время заклинание жреца и мага, последнего могикана чувашского мира. Это протест человека-демона, самосожжение ради народного счастья, это, наконец, раскачивание опоры мироздания!

Вспомним ситуацию и представим состояние его души к моменту сочинения данного великого творения. После скандальной стычки со следователем нечувашской национальности (до 1917 г. он работал простым металлистом в Киевских железнодорожных мастерских, никакого образования не имел) у поэта, недавно окрылённого национально-государственным строительством ЧАО, произошло полное разочарование в своих намерениях и желаниях. Вспомним характер отца М.Сеспеля, который при резких поворотах событий впадал в состояние депрессии и апатии. Думаю, подобный характер имел и наш поэт, который в тюрьме тоже пытался отравиться. Но не будь такого характера, вряд ли Михаил стал таким открытым и принципиальным человеком, идейно убеждённой личностью со склонностями к резким эмоциональным срывам. Он был легковозбуждаемым и не терпящим лжи и лести человеком. Всё сказанное умещается в трёх словах: он был поэтом. А поэты, особенно великие, никогда не похожи на остальных людей и не повторяют их шаблонных поступков и стандартных мыслей. Поэтому они становятся великими.

Поэтика стихотворения «Йывър шухӓшсем» (Тяжёлые думы) весьма органично сочетается с пафосом и содержанием текста. Здесь нет чёткого строгого ритма, т.е. выравнивания слогов и ударений в стихотворных строках. Задумчивый, минорный тон достигается разговорной интонацией и стихотворным метром дольника, очень близкого к верлибру. В конце приведения разговорная интонация заменяется формой народного заклинания и проклятия (ылхан сӓмахӓсем). Такой стиль достигается при помощи однотипных побудительных предложений и повтора, передающего магию звуков. Например, так звучат две завершающие стихотворение строки:

ВИЛ-ТӓПРИ ВӔЛ-ТӔР-ен ТӓХӓн ТӓР,
пуСӓМ СИНче СӔЛ-ен шӓхӓР-ТӓР...

Пусть насып зарастёт крапивой злою,
Пусть змеи зашипят над головою...

В дольнике, как известно, ударения размещаются в отдельных слоговых группах, которые здесь имеют главным образом структуру 6 + 4. Из 21 строфы в шести рифмуются и первые полустихия.

«Эпӓ вилсен...» (Как умру...). Стихотворение написано в стиле завещания:

Как умру – похороните
На горе крутой,
У могилы посадите
Ветлы надо мной.
Пусть с могилы буден виден
Край родимый мой,
И раскинется пред взором
Шубашкар родной.

Перевод П.Хузангая.

По древней традиции чувашей, своих известных народу знаменитостей хоронили, по их завещанию, отдельно от других, т.е. не на общих и родовых кладбищах. Так хоронили турунов и турханов, мурз и сотников, после чего подобные места становились священными рощами-киреметями. Эти предки-богатыри ещё при жизни просили лишней раз не тревожить их покоящийся прах, не шуметь и не кричать вблизи их могил. Только в трудные для народа дни разрешалось звать данных национальных героев на помощь, просить защитить родную землю от лютых врагов. Подобными священными киреметями становились места захоронения таких богатырей, как Темень, Сарри, Чура, Ахплат, Кунар и др. Но самыми почитаемыми были те насыпи-холмы, которые в народе незывались *Улӓн тӓпри* (могила Улыпа). Улып – это великан и первопредок чувашей, их самый главный защитник

от чужеземных врагов. Улып является воином-землепашцем.

Известны киремети-святыни и болгаро-чувашских духовных лидеров, это прежде всего *Вальъм хуҫа киремечё* (киремель Мелим-ходжи), святого из Биляра, домонгольской столицы Волжской Булгарии. Его могила находится, как повествует предание, на вершине горы *Вальъм хуҫа*, что вблизи современного Билярска Республики Татарстан. О той горе и роднике под ней (Вальъм хуҫа ҫалё) знали все огнепоклонники-чуваши.

Итак, на холме (горе) могли хоронить только общенародного лидера, в том числе и духовного. М.Сеспель интуитивно чувствовал, что после смерти его могила станет священным местом, что туда будут ходить на паломничество чуваши с жарким сердцем, любящие свой народ и его язык, слово, поэзию. Лирический герой в роли святого человека (сăваплă ҫын) в начале проявляет свой оптимизм:

Мне лежать в земле... А время
Быстро потечёт.
Как вся жизнь, язык чувашский
Пышно расцветёт.

И Чувашии родимой
Ласковый язык
Станет славным, души юных
Тронет, как призыв.

Будет много вечно свежих
Песен и стихов.
И мыслителей великих —
Мудрых книг творцов.

Даст поэтов знаменитых
Милая страна,
И прославится стихами
Чудными она.

Кто отважится, посмеет
Нам тогда сказать,
Что язык чувашский беден, —
Я хотел бы знать.

Лирический герой обращается к своим друзьям со следующей просьбой:

Вы, друзья мои, придите
К насыпи моей;
Надо мною песни спойте,
Песни новых дней.

Тут захочется узнать мне
О стране моей,
О поэтах — кто любимей,
Кто из них славней.

Имена родных поэтов
Славьте в песне вы,
Громко их стихи пропойте
Вы в тени листвы.

И тогда я сам узнаю
Братьев имена,
Кем поэзия гордится,
Кем она славна.

За этими строками проглядывается большое желание поэта увидеть целую плеяду талантливых чувашских поэтов, кем гордился бы весь народ. Мы знаем его эпиграф в письме к Вазянке: «Во имя языка чувашского Да будем все едины!» Мыслями объединения национальных литературных сил горел М.Сеспель, ещё будучи в Казани на I Всесоюзном съезде чувашских секций и активных работников, там он собирал вокруг себя молодых художников слова и обсуждал вопросы организационного объединения чувашских писателей. В мае 1921 г. перед творческой интеллигенцией г. Чебоксары М.Сеспель выступил с докладом, посвящённым вопросу объединения литературных сил. Тогда же он приступил к составлению сборника чувашских поэтов, с этой целью завязал переписку со многими деятелями чувашской культуры, в том числе и с чувашским художником из г. Харьков А.А.Кокелем.

По желанию поэта его могила станет чувашским Парнасом, т.е. горой для поэтов и местом громкого исполнения чувашских песен и стихов. А ранней зарёю туда должен прилететь символ чувашской красоты — сар кайяк (иволга):

Пусть она к могиле сядет
На ветле густой
И прославит песней милой
Наш язык родной.

О прескрасных, умных книгах
Края моего,
О любви сердец горячих
К языку его.

Пусть поведаст, споёт мне
Иволга с ветлы...
С неба пусть лучи сияют,
Радостны, светлы.

Пусть оденется травой
Насыпь надо мной;
Пусть кругом цветы зардеют
Красною каймой...

Издаются книги на родном языке, молодые люди стоят горой в защиту своего языка, чувашский язык расцветает. Если так, то пусть солнце яркое сияет на небе, пусть одинокая могила поэта утопает в зелени и красных цветах. Но...

Если край свой не возлюбит
Мой народ родной,
И пропасть чувашской речи
Суждено судьбой,

Не хочу я и бурьяна
На могилу, нет:
Пусть земля меня поглотит
И исчезнет след!

Это есть продолжение самоостранения поэта: забвение его идей, дел и неисполнения заветов приводит к уничтожению места вечного покоя святого, его сакральности и священности. Свящённый холм превращается в проклятое самим поэтом место, где «земля глотает» (сёр сятать) всё греховное живое.

Эти слова проклятия должны воздействовать на умы и сердца современных чувашей сильнее, чем прогноз ЮНЕСКО о ближайшем исчезновении чувашского языка. И изречение предков «Чăваш пĕтсен тĕнче пĕтет» (Если исчезнет чуваш, то исчезнет весь мир) следует понимать в том смысле, что Природа сама создала народы и их языки, и она не потерпит уничтожения своего творения. По мере исчезновения малых и мирных народов вынуждена исчезнуть и сама живая Природа. Этой истиной владеет общенародный Поэт, его духовный вождь и жрец, ещё при жизни набравший «опыта святого». Такой опыт накапливается при постоянном подвергании себя действию самого предела возможности и испытании постоянных телесных и духовных страданий.

Примечателен и тот факт, что при публикации данного стихотворения последние его восемь строк в советское время подвергались сокращению. До читателя доходили одни мечты, которые, якобы, осуществились и в годы закрытия чувашских национальных школ (середина 60-х гг. XX в.). И вот в начале нового века опасения М.Сеспеля стали явью: из года в год всё меньше и меньше издаются чувашские книги, тиражи газет и журналов сократились до недопустимого минимума. Духовная катастрофа налицо, вслед за ней наступит катастрофа экологическая. Так предсказал и М.Сеспель...

Первоначально задуманный размер стихотворения Х4 + Х3 в ходе его реализации превращается в весьма своеобразный ритм. Поэт-практик показывает, что ритмическая инерция, возникшая в первых строках стихотворения, позволяет перенести ударение слова в любое место, что никогда не меняет смысла слова (сравните: рус. замок и замо́к – две лексемы с разными значениями, а чув. **сұрăлтăр** и **сұрăлтăр** – одно слово с разным произношением). Возражая поэту-теоретику, автор стихотворения «Как умру» считает возможными следующие ударения слов: **пѣтѣм**, **тăпрам сиччен**, **чăваш чѣлхи**, **сѣршывăмăн**, **юрласа**, **сѣнѣрен**, **чăваш сырулăхĕ**, **епле**, **хѣвел**, **явра**, **тăван сѣршив**, **сар кайăк** и т.д. Все эти отдельно встречающиеся ненормированные ударения в потоке ритмической речи особо не замечаются и, ещё раз повторяю, не сказываются в содержании. В этом заключается своеобразии чувашской силлабо-тоники, очень приближённый к напевно-тональному квантитативному метру.

По интонации и стилю последние восемь строк стихотворения «Как умру...» похожи на народные магические формулы проклятия со своей оригинальной звукописью: **СѢР СУРăлтăР ТА СѢР Сă-ттăР** (Пусть треснет земля и проглотит). Данное произведение М.Сеспеля отдалённо перекликается и стихотворением Т.Шевченко «Завешание», в котором основоположник новой украинской литературы призывал к всенародному восстанию и сопротивлению колониальной политики царизма. Реформатор чувашского стиха и поэзии М.Сеспель тоже осознавал, что свободное развитие народа, его культуры и языка невозможно без обретения национальной свободы, без достижения фактического равноправия языков. И его проклятие осуществится в том случае, когда достигнутые в 20-е гг. XX в. дела национально-государственного строительства будут свёрнуты, когда чувашские деревни и сёла окажутся в агонической лихорадке, а светские книги будут издаваться меньшими тиражами, чем первая православно-христианская книга на чувашском языке (она издана в Санкт-Петербурге в 1800 г. под названием «Краткий катехизис»). Пора нам раскатать колокола своих душ и звонить на весь мир о настигающей нас великой беде. Так звонили наши предки, призывая к помощи не только однопоревенцев, но и соседей – русских, татар, весь интернационал...

«**Чăваш поэтне Ахаха асăнса**» (Памяти чувашского поэта Агаха). Стихотворение посвящено Ивану Евграфовичу Агаху, известному журналисту, поэту и драматургу, прозаику и очеркисту, Учился он в Казанской духовной семинарии, работал в редакции газеты «Канаш», где и познакомился, очевидно, с семинаристом из Тетюш М.Сеспелем, как одним из активных

корреспондентов газеты. Будучи в начале редактором, а потом ответственным секретарём красноармейской газеты «Чухансен сасси» (Голос бедноты), журналист-поэт постоянно менял своё местожительство, ему приходилось передвигаться по сотни километров в зимние дни и ночи. Всё это сказалось на здоровье И.Агаха: зимой 1919 г. он заболел туберкулёзом лёгких, покинутый и забытый бывшими коллегами-политработниками, долго голодал в холодной теплушке. В один из таких суровых дней поэт сочинил следующие строки:

Санӑн тусу аякра,	Ӑна пулӑшас тесе
Сывмарланса вӑл ыргать,	Кунӑн-сӑрӑн ёслерӑ.
Высӑ пирки куҫ хупса	Анчах, чунӑм, юлташсем
Чунне пама шухӑшлать.	Мана манчӑҫ сав вӑсем;
Хальхи совет йӑркине	Татӑк сӑкӑр памарӑҫ,
Вӑл чунӑпе юратрӑ.	Ман пурнӑҫа пӑлмерӑҫ...

(Твой друг вдалеке, Больным он лежит, От голода закрыл глаза, Душу отдать собирается. Все советские порядки От всей души он полюбил. Чтобы помочь им Днём и ночью трудился. Но, душечка, товарищи Меня полностью забыли; Кусочек хлеба не подали, Моей жизнью не интересовались...)

Расхождение светлых идеалов от реальной действительности И.Агаха чувствовал всем своим нутром. Его, больного, выбросили как ненужную, устаревшую вещь, что теребило и корбило душу поэта. В июле 1919 г. его демобилизовали, а через семь месяцев он умер в своей родной деревне (д. Вторые Ялдры Шумерлинского района ЧР) от безжалостной болезни.

О смерти И.Агаха М.Сеспель узнал, очевидно, только в первой половине апреля. Дело в том, что он, с целью издания сборника стихов чувашских поэтов, разослал к ним письма. Пока нам известны только два письма: Н.Вазянке и Г.Тал-Мрзе. В последнем он сообщает следующее: «Приступая к подготовке материала для издания сборника стихотворений всех видных поэтов Чувашии, не можем не выразить Вам нашего горячего желанья во что бы ни стало увидеть в предполагаемом сборнике Ваши произведения, без которых сборник не оправдает своего названия, почему нижайше просим прислать собрание всех Ваших поэтических произведений, не исключая и тех, которые на Ваш строгий взгляд, кажутся не имеющими ценности. В случае, если с Вашей стороны последует благосклонное согласие на нашу просьбу, – просим прислать просимое нами возможно скорее. С почтением М.Кузьмин (Сӑсӑл Мишши)».

Очевидно, письмо подобного содержания примерно в последней декаде марта было отправлено и на родину И.Агаха. Родственники, естественно, ответили отправителю письма об обстоятельствах смерти поэта, не дожившего даже до своего

22-летия. При таких обстоятельствах зародилась идея написания стихотворения памяти своего коллеги И.Агаха, содержание которого подчинено главной теме М.Сеспеля:

Когда я думаю о будущей судьбе
Родного языка, окрепшего в борьбе,
То память о тебе, собрат усопший мой,
Сжигает сердце мне щемящею тоской.

Когда родной язык уже дал пышный цвет,
И громко зазвенел твой жаркий стих, поэт,
Когда чуваш тебя узнал и полюбил, —
Все оборвав мечты, ты вдруг глаза закрыл.

То сердце, что зажгла к Чувашии любовь,
Сгорело всё до тла и не забьётся вновь...
Зарыли в землю мы надежду чуваша,
Остались лишь стихи, и в них — твоя душа...

Перевод П.Хузангая.

Остановилось горячее сердце поэта, похоронили его тело и остались многие его мечты неосуществлёнными. Но в книгах сохранились творения поэта. Жизнь мирская продолжается.

Опять пришла весна. Всё ожило кругом.
Весь мир зазеленел, и небеса чисты.
Тебе же всё равно: тебе в гробу глухом
Не нужно ни весны, ни солнца красоты.

В следующей строфе мысль последней строки повторяется ещё раз: «Вилнисене тёнче илемё кирлэ мар» (Ушедшим навсегда не до красот мирских). Но их стихотворные произведения продолжают творить красоту слова, языка родного:

Мир праху твоему! Твой голос молодой
Тебя в твоих стихах переживёт, родной:
Пока язык наш жив, горячие сердца
Не могут не любить родимого певца.

Если будет жить родной народ и его ласковый язык, то поклонники поэзии всегда будут помнить поэтов, великих мастеров чувашского слова. Эти слова относятся, конечно, и к самому М.Сеспелю. Он знал, что после смерти будет жить в своих поэтических творениях.

Стихотворение написано 6-стопным ямбом с рифмовкой аабб, в строфах имеется сквозная цезура 6 +6, что приближает стих к силлабическому метру. Здесь впервые встречается дробление некоторых строк короткими предложениями и отточиями: «Тёнче симёсленет... Хёвел йáltår... Уяр.» (Мир зазеленел... Солнце яркое... Зной). Такое кадровое видение называется и монтажным, оно широко распространено в культуре народов России в

20-е гг. XX в. Поэт пользуется и таким приёмом, как кольцевание строф, т.е. первая строфа ещё раз повторяется в конце стихотворения. Это помогает читателю лучше понять и уловить главную мысль автора.

«**Чӑн чӑрӑлнӑ!**» (Воистину воскрес!). По традиции православных чувашей в день Пасхи всякому встречному человеку следовало приветствовать следующими словами: «Христос чӑрӑлнӑ!» (Христос воскрес!), на что прозвучал ответ «Чӑн чӑрӑлнӑ!» (Воистину воскрес!) Очевидно, идея написания стихотворения в форме приветствия возникла у поэта спонтанно, в дни Пасхи 1921 г. Лирический герой сообщает радостную для всего народа весть: язык родной воскрес! Услышавшие сказанные жрецом слова должны ответить, подтверждая их истинность: воистину воскрес! Данный диалог жреца и пророка с народом происходит в открытом месте. Здесь не только старцы-мудрецы и горячие сердца-парни и девушки, но дремучие леса и цветущие луга, холмы, долины и поля земли чувашской. Герой-жрец первоначально обращается к мудрецам:

О люди старые, что жизни дни
В тяжёлых муках провели!
Вы помните ль, как был гоним
Язык чувашский искони?
Припомните, как вместе с ним
Вас на страданье облекли!
Чуваш с поникшей головой
По жизни молча пробирался,
В пути он даже пня боялся...
Язык чувашский – под пятой
Насилья – еле был живой...

О наши старцы – мудрецы!
Многострадальные отцы!
Вы расскажите молодым,
Что вынес наш народ, страдая,
И завещайте крепко им –
Любить язык родного края.
О старики! Мы всей душой
Вам благодарны в светлый час;
Страданья не сломили вас, –
И вот воскрес язык родной.

Перевод П.Хузангая.

Лирический герой-жрец отдаёт воздаяние-благодарность старшему поколению, восхваляет их за стойкость и непоколебимость, за все многовековые страдания предыдущих поколений чувашского народа.

Далее герой, подобно организатору общенародного моления, радостно сообщает о свершившемся событии:

Чувашию с развёрнутых небес
Заря сплошная осветила,
И языка родного сила
Воспрянула: язык воскрес,
Живёт отныне слово наше.
Язык воскрес, в нём солнца блеск.
Воскликнем радостно, чувашаи:
— Воистину воскрес!

Последние символические слова жреца-лидера народ должен повторить хором три раза. После такой процедуры духовный предводитель народа обращается к молодёжи:

А вы, хмельные от свободы,
Смуглянки девушки и парни!
Не позабыли ль вечерами
На игрищах и в хороводах
Родному языку отчизны
Хвалу воздать в напевах ваших?
Вам дорог ли язык чувашей
Лучистый, звонкий, полной жизни?

О юные! Душой воспрянем:
Язык чувашский сбросил крест.
Воскрес язык! Дружнее грянем:
— Воистину воскрес!

Эти слова подтверждения вся молодёжь опять повторяет три раза. Но клятвенная процедура этим ещё не завершается. Народный жрец обращается к живой Природе:

Отчизны пышные леса,
Цветы лугов, полей краса!
Вы славьте в песнях, не смолкая,
Язык воспрянувшего края.
Пусть, муки претерпевший в прошлом,
Язык чувашский станет мощным!
Шуми, дремучий тёмный бор:
Воскрес! — В ответ греми окрест
Холмов, долин, оврагов хор:
— Воистину воскрес!

Теперь за жрецом-запевалой повторяет вся разноликая, но в то же время единая и живая Природа. В конце церемоний мастер опять призывает и стар и млад:

Живёт отныне слово наше:
Язык воскрес, в нём жизни блеск.
Воскликнем радостно, чувашаи:
— Воистину воскрес!

Здесь нет эзоповского языка: поэт устами лирического героя словно управляет массовой процессией, он завораживает и, если угодно, гипнотизирует читателей и слушателей. Магической энергией заряжены слова-приветствия, требующие трёхразового повторения. Повторяются отдельные словосочетания и даже одна целая строфа, повторяются одноструктурные восклицательные предложения. За счёт усиления интонации стиль повествования приближен к языку наставлений и благопожеланий.

Поэт сам назвал жанр данного стихотворения как «ирёклё ҫырнӑ сӑвӑсем» и определил это словосочетание так: «ирёклё ҫырнӑ сӑвӑсем тесе стих тӑршшӗнче (метр) умӑ хыҫӑӑ ударенисем пур ҫӗрте те пӗр пек пыманнине каласҫӗ. Ҫавӑн пек сӑвӑсен стих тӑршшӗ те пӗр пек мар. Вӗсем ыгла кӗвӗлӗх мар вара» (Свободно написанными стихотворениями называются стихи с неравным количеством ударений в строках. В подобных строках и количество слогов не одинаково. Они не очень мелодичны).

Здесь поэт говорит, скорее всего, о разностопном вольном стихе, что действительно наблюдается в стихотворении «Воистину воскрес!» В его коротких строках чётко просматривается 4-стопный ямб, но больше всего ударения пропускаются в форме пиррихия, они образуют 4- и 5-сложные размеры (логаэд, пеон). В подобных строках имеются и слоги, паузы, без учёта которых их ритмический рисунок окажется не совсем чётким и точным.

«Или! Или! Лама савахфани!..» (О боже! Боже! Что же ты меня оставил!..) Данное свангельское изречение на древнееврейском языке М.Сеспель извлёк, конечно же, не из Евангелия, а из конкретного текста художественной литературы. Еще в 1989 г., в предисловии к собранию сочинений М.Сеспеля я указал на наличие параллелей между данным произведением и стихотворением С.Есенина «Проплясал, проплакал дождь весенний...» (1916–1917). Приведу его полностью:

Проплясал, проплакал дождь весенний,
Замерла гроза.
Скучно мне с тобой, Сергей Есенин.
Подымать глаза...

Скучно слушать под небесным дровом
Взмах незримых крыл:
Не разбудешь ты своим напевом
Дедовских могил!
Привязало, осаднило слово
Даль своих времен,
Не в ветрах, а, зная, в томах тяжёлых
Прозвенит твой сон.

Кто-то сядет, кто-то выгнет плечи,
Вытянет персты.
Близок твой кому-то красный вечер,
Да не нужен ты.

Всколыхнёт он Брюсова и Блока,
Встормошит других.
Но всё так же день взойдёт с востока,
Так же вспыхнет миг.

Не изменят лик земли напевы,
Не стяхнут листа...
Навсегда твои пригвождены ко древу
Красные уста.

Навсегда простёр глухие длани
Звёздный твой Пилат.
Или, Или, лама савахфани,
Отпусти в закат.

Данное стихотворение великого русского поэта пронизано лейтмотивом напева как синонимом поэзии, художественного слова. Проблема творца и его творений разрешается пессимистически: сотворённые поэтом «напевы» ничего не изменят на этом свете, потому что художественное слово, подобно Христу, пригвождено к дереву-кресту.

После прочтения данного стихотворения М.Сеспель несомненно обратил бы своё внимание на образ пригвождённого слова поэтического и завершающую его строку на древнееврейском языке. На мой взгляд, именно они пробудили творческое воображение и очертили контуры первоначального замысла поэта:

Или! Или! Лама савахфани!

.....

Отчий дом пригвождён палачом.

Я хочу, сострадаением ранен,

Проложить путь к спасенью стихом...

Перевод П.Хузангая.

Данная строфа переведена А.Смолиным по-другому, он несколько ближе к оригиналу:

Отчий край пригвоздили к кресту!

За него в трудный час испытаний

Я к спасению смело иду.

«Таван сёршыв» дословно переводится как «родная земля и вода», а в абстрактном значении данное словосочетание понимается как «родина». Здесь пригвождён не столько отчий край и, тем более, отчий дом, а весь чувашский край с его народом.

Одинок крест страдальца в пустыне.
Тяжелеют глаза, мутен взгляд.
На песке кровь горячая стынет,
Не водой — горьким зельем поят.

Перевод П.Хузангая второй строфы органично дополняет перевод А.Смолина:

Одинок его крест средь пустыни.
Кровь по капле сочится в песок.
И поят его зельем постылым,
Чтоб глаза открывать он не смог.

Мотив глумления над распятым Христом М.Сеспелем переносится на народ чувашский и территорию его обитания. В переводе третьей строфы оба переводчика допустили вольности:

А кругом дикий сброд супостатов,
Смех, глумленья, свист, кутерьма.
Плачет край босоногий, распятый,
Надвигается жуткая тьма.

Перевод П.Хузангая.

А вокруг — палачи, не иначе,
Судьи сытые судят, смеясь
Босоногий мой край горько плачет,
И глумится над ним эта мразь.

Перевод А.Смолина.

Для сравнения приведу примерный перевод данной строфы: «Вокруг воры, разбойники бесчинствуют (ржут), | Чиновники (в том числе и судьи) самодовольно ухмыляются. | Босоногая родина рыдает (плачет) ведь, | На нее ложится мрачная ночь».

Можно понять, что М.Сеспель изобразил здесь жизнь чувашей в царской империи, т.е. дореволюционный период национальной окраины России. Но образ партийных работников-бюрократов, «людей чёрстных, полных лжи», «безмозглых, тупых баранов» у М.Сеспеля сложился именно после его обвинения в поджоге и ареста (в конце декабря 1920 г.) Вполне вероятно, что действительность тех суровых дней поэт переносил в более ранний период по цензурным соображениям. Такой прием в творчестве впоследствии использовал В.Митта, который в поэме «Таэр» изобразил свою судьбу в годы репрессий (30–40-х гг.). Получается, что разбойники-воры и чиновники-бюрократы правили миром не только в царской, но и советской России.

Теперь о «рыдании босоногой родины». Она же плакала не столько в царское время, сколько в период продрозвёрстки и кровавого подавления «чапанского восстания». Не это ли имел в виду наш поэт? По крайней мере, подобные ассоциации возникают невольно, без каких-либо намерений исследователя. Очевидно, состояние души М.Сеспеля в те дни, сохранившееся в

его подсознании, при творческом порыве спонтанно выходило наружу, диктуя образы рыдающей родины и бесчинствующей чёрствой бюрократии Чувашской Автономной области. А они воплощались и создавались на примере конкретных людей: чуваша-барина в тёплой шубе, но труса и провокатора при стыке с повстанцами в с. Акулево; следователя-барина, бывшего мстительного металлиста-человекоруба (от мясоруба он отличался лишь более совершенным орудием преступления), жутко ненавидевшего борцов за национальную свободу, равноправие и т.д. Именно в подобных работниках поэт видел современное преломление прообраза Понтия Пилата, палача Сына Божия и Сверхчеловека – Иисуса Христа.

Вернёмся к стихотворению. Строку «Итлёр, кам пурӑнмашкӑн хавас!» П.Хузангай перевёл более свободно: «Встаньте все на борьбу, кто живой!» (досл. пер.: « Слушайте, кому жить радостно!») В данном случае весьма удачно перевёл А.Смолин:

Содрогнулась земля – и не с неба
Вдруг донесся неистовый глас:
– Эй, голодные, те, кто без хлеба!
Слушай к жизни зовущий наказ!..

Кто же он, хозяин «сёрти пёр мӑн сас» (земного громкого баса)? Очевидно, прав И.Дмитриев, сопоставляя символический голос («не с неба, а с земли») с голосом Пророка-Поэта. Именно Поэт говорит народу и просит внять его слова от сердца. Далее лирический герой описывает действия Бога-грозы и народов (здесь уже в форме символической притчи повествуется о революциях 1917 г.):

Поразила гроза крест позорный,
Сможет голову край мой поднять.
И к нему с песней звонкой, задорной
Обездоленных движется рать.
Поцелуй, объятья, рыдания,
Поздравленья на всех языках...
Навсегда оборвись, бич страданий.
Мы от рабства спаслись навека.

Перевод А.Смолина.

Лирический герой опять возвращается к образу родного края, который, будучи еле живым, подаёт свой голос как ответ проповеди Пророка:

Поднял голос мой край измождённый,
Знаю я: пока немощен он.
Не влечёт его лик истощённый,
Чтоб, любуясь им, клали поклон.

Силу духа его и страданье,
И терпенье... всё сам испытай —
И попробуй промолвить тогда мне,
Что бессилен и беден мой край.

Перевод А.Смолина.

От стихотворения веет оптимизмом, чувствуется сострадание и твердость лирического героя, который выделяет такие качества своей родины, как терпеливость, скрытую силу духа и волю к свободе. В отличие от есенинского индивидуально-личностного героя сеспелевский герой полностью слился с коллективно-общественным и национально-чувашским образом с его прошлым, настоящим и будущим.

Стихотворение написано 4-стопным анапестом, наиболее приспособленным к акцентуации чувашской речи. К данному размеру поэт обратится еще не раз, но уже в другие периоды творчества.

Далее следует остановиться на творчестве М.Сеспеля, отраженном в письмах А.Червяковой, особенно сочинённых в конце марта — апреле 1921 г. «Как хорошо на дворе, — выражает поэт состояние своей души в письме от 27 марта 1921 г. — Я чую дыхание приближающейся весны. Светит солнце. Ручья. Повеяло былой весной, чем-то знакомым повеяло на усталую душу. Я снова начинаю чувствовать светлость небес с весенними тонами, грусть Волжских далей, звонкость утренних льдинок поверх застывающих по утрам весенних ручьёв. И кажется мне, что Весна, Весна на небе, Весна на земле — потому, что снова нашёл Вас. Моя милая, ненаглядная Нуся, — моя Весна, моя светлая животворная Весна, моя — моя — моя Нуся, неужели Вы вновь пришли в мой мир души, пришли в мою жизнь, чтобы осветить её весенним дыханьем, ласково бьющимся в ответ мне сердцем. Ах, Нуся, скорей взгляните в мои глаза, в глубину моего сердца, взгляните так больно, больно и бесконечно сладко. Сожмите мою руку так больно, больно, чтобы мне казалось, что через Вашу руку, в моё сердце переливается, переливается жаркой волной Ваша жизнь, и мои жизненные силы с весенним трепетом быстро-быстро с жарким биением ударяется в Ваше сердце» (письмо №83).

Следующее письмо от 28 марта 1921 г. начинается со следующего стихотворения:

Огнём весенних искр играющая кровь
И тело, полное весеннего волнения,
И сердца огненного каждое биенье —
Всё для тебя — моя Нуся, моя любовь!
Восторгом полн, Тебе одной молюсь я.
Тебе одну зову моей Весной.
Люби меня! Люби, моя Голубка! Нуся!

Я каждой каплей крови — Твой.
О, верю я, настанет День огнистый,
Когда весь юный пыл, души огни-желанья
И юность чистую мою, цветы любви лучистой
Тебе я принесу без мук былых страданий —
И тихо головой на грудь Твою склонюсь я
И в вихрь бурь прильну к твоим губам,
Со вскриком счастья крепко обнимусь, о, Нуся,
И жизнь мою всю, всю Тебе отдам.

В конце письма М.Сеспель рассуждает о своём стихотворном творчестве так: «Нуся, не сердитесь на стихи. Ведь стихи — вещь прощительная, каковы бы они не были. Слишком они дерзки. Чёрт меня дёрнул поместить их здесь. Что я буду делать, если Вы сочтёте себя от них оскорблёнными. Нуся, Нуся, не сердитесь, так чисто, так ясно и светло на моей душе. Прощайте мне всё. Не омрачайте моей ясности души. Ваш навеки... М.»

Письмо от 1 апреля 1921 г. тоже изобилует лирическими излияниями, местами оно читается как лирические откровения-исповедь.

«Поют петухи так звонко по-весеннему, так темна ночь перед рассветом. Но сквозь эту сине-темень за окном и в пеньё петухов, и в криках просыпающихся грачей, и в свежести тёмных небес — я чувствую идущую Весну. Она принесёт тепло и свет и цветы, но для меня придёт ли свет. Будет ли в сердце моём весеннее тепло. Расцветёт ли оно цветами Весны, не страданий. Или мои цветы сердца умерли зимой, когда жизнь и Ваша любовь к другому унесли Вас далеко, в иные дали чувств и песней жизни, — умерли цветы песен души и юности и не проснутся больше для нового расцвета в согретом любовью любимой любящем сердце. Неужели это правда. Неужели я предчувствую безошибочно. Но я, может быть, узнаю об этом скоро. Первое ваше письмо после сегодняшнего дня скажет мне о моих будущих днях весны. Но только будет ли это письмо? Получу ли?..

Небеса бледнеют. Рассвет весеннего дня светит мне сквозь синие стёкла. Милая Нуся, Вы, наверное, спите — сладким предутренним сном. О, если бы я был солнечным лучом, — вместе с солнечным восходом я проник бы к Вам сквозь чистые стёкла окон золотыми нитями жгучими и во время Вашего сна я одел бы Вас своей весенней золотистостью и своей лучистой весеннее-огнистой золотистостью и жгучестью целовал бы Ваши закрытые сладким сном милые дорогие глаза. Я зажёл бы в Вашем сердце огоньки весенние и горячие, поющие весенними звуками алые трепетные цветы. О, если бы я был, о, если я был солнечным весенним золотистым лучом. Проснувшись, Вы сладко

зажмурились бы от меня. Я зажег бы Ваше сердце, и согретое то сердце через дымок далей и пространства почувствовало бы, что в это утро где-то далеко Ваш навеки бедный Ми[ша] встречает с печальными думами о Милой Нусе предрассветный свет и весенние лучи весенних зорей».

Некоторые могут сказать, что поэт в своих письмах старательно упражняется в поэтическом красноречии, затуманиванием слов и усложнением метафорических эпитетов. Для примера возьмём некоторые словообороты: «цветы песен души и юности», «для нового расцвета в согретом любовью любимой любящем сердце», «я одел бы Вас своей весенней золотистостью и своей лучистой весенне-огнистой золотистостью и жгучестью целовал бы...» и т.п. Следует помнить, что устами автора письма тогда говорил влюблённый человек, который постоянно находился в возбуждённом состоянии и время пропускал через своё горящее от чувств сердце. Такое состояние поэта резко противопоставлено его повседневному серому быту. Об этом красноречиво утверждает и тот факт, что поэт пробуждался и творил свои письма (очевидно, и стихотворения), как правило, по ночам, днём опять становился обыкновенным смертным, занятым рутинной повседневностью.

Письмо А.Червяковой от 4 апреля 1921 г. опять открывается очередным стихотворением интимно-лирического содержания. Оно написано 4-стопным амфибрахийем:

Хочу я ласки, твоих поцелуев,
Зарю твоих взглядов хочу я, Нуся!
Когда же! Когда ж, моя огневая,
Тебя, золотая, когда же дождусь я!

О, нет, не поймёшь ты, как жгуче, истомно
Жжёт сердце весною огонь весенний.
Горят по жилам огни брожения,
Огни желаний жгучих мгновений.

Ах, Нуся! Тебя, любя, задушил бы
В кольцо рук жарких от юного хмеля
В огне, умоляя дать счастье-миги
И вихри-муки, всю жгучесть Апреля.

За стихотворением поэта следует такое его объяснение: «Нужно сознаваться — стихи декадентские вроде». А потом к стихотворению он приложил следующий комментарий: «Стал делать как самый последний влюблённый дурак. Стихи стал писать. Это уж самое что ни на есть распоследнее дело. Но не судите их — эти звуки сердца — очень строго. Правда, напр[имер], прилагаемое в начале этого письма — на первый взгляд они совсем бессмыс-

ленные, только подбор слов, но если вдуматься, в них ни грамматических, ни смысловых ошибок нет, по построению они правильны, хотя и есть странные сочетания слов, напр.: «зарю твоих взглядов»...; «жжёт сердца весною огонь весенний» — будто бы подбор слов, но ей-богу, Нуся, если по падежам, по родам, по частям речи будете разбирать — ей-ей правильны. Ручаюсь. Главное — нужно понять, значит, вникнуть. Ох, грехи, грехи».

В конце письма от 7–10 апреля 1921 г. поэт опять разместил стихотворение, написанное 5-стопным ямбом:

Пусть ветер свищет за окном,
Пусть ветер свищет...
Душа огней Весны не ищет,
Замёрзло сердце скучным сном.

Мне всё равно, сияет ли лазурь
Небесных далей синевой жемчужной:
Мне одинаково не нужно
Ни жгучих дней, ни жутких бурь.

Мне всё равно: — весенний свет —
Иль ночь холодная чернеет,
Стоит ли тишина, иль ветер веет.
Одно я знаю — Нуси нет.

Пусть ветер свищет у окна,
Пусть ветер свищет.
Душа замёрзшая не ищет
Весенних дней, лишь хочет сна.

Замёрзнуть сном, холодным сном!
Забуть в забвении сонливом
Родную Нусю... Пусть тоскливо,
Пусть ветер свищет за окном...

Свое поэтическое дарование М. Сеспель показал и в письме от 8–9 апреля 1921 г., которое начинал он такими словами: «Вечер. Полусонная иссиня-прозрачная мгла весеннего вечера подёрнуло небо. Я хочу отдаться молитве: занавесил окно. Комнату запеленал молитвенный полусумрак. Я сел у окна, чуть приподнял занавес, чтоб наглядеться на небо, молясь Тебе, прежде чем писать Тебе. Там, где солнце зашло, край неба синее бледной синевой. Зажигаются звёзды-очи. Вечернее Небо! Прими мою молитву имени Нуси!

Так тихо в комнате, утонувшей в сумрачной полутьме. Ничего не мешает думать о Вас, милая Нуся. В эти часы каждый день я отдаюсь молитве Вам. Вместе с грустным полумраком я

погружаюсь в дымчатые грёзы, в туманы-мечты и вижу Вас, и нет конца, и нет конца моим грёзам о вас, моя далёкая, моя родная! Нуся, как мне хочется, чтобы в этом полумраке синего вечера Вы, моя нежная, были около меня. Вы бы в этой полумгле рассказывали шепотом мне о страданиях жизни, о Вашем сердце, о том, что Вы никогда не забывали меня, всегда думали о Вашем друге. Вы бы мне дали положить на голову на Ваше плечо, я вымолил бы у Вас, чтобы Ваша рука была на моей голове, и слушал бы, слушал бы Ваш тихий шёпот о страданиях земли, о страданиях души человеческой, ощущая всю, всю Вашу душу, чувствуя Ваше дыхание, и то, как близко-близко бьётся Ваше сердце. Нуся, как хочется передать Вам, как я думаю о Вас — о моей далёкой... Нуся, моя Нуся, понимаете ли, понимаете ли Вы меня хоть немножко?

Стало совсем темно. Зажёг лампу — и вот пишу Вам, но всё хочется смотреть на тёмно-синее небо, на далёкие звёзды, на далёкие, как и моя родная Нуся. Смотрит ли она в эту ночь на эти звёзды, на синее небо, думает ли обо мне...»

В дальнейших письмах подобные лирические пассажи постепенно вытесняются анализом реальности и самого себя, философскими размышлениями: «Умереть — так сентиментально. Да, кроме того, — имеющий силу умереть, имеет силы и на борьбу с жизнью. Что уж тут толковать. Так бедна жизнь, так неспособен я жить» (мысль поэта о наличии силы умереть или жить нам необходимо запомнить для размышления в следующей главе) (из письма от 12 апреля 1921 г.); «Нужно знать психологию человека после долгих дней обезвопросенной жизни, и вдруг, получив такую бесконечную радость, сердце зажглось весенним счастьем, захотелось жить, всё существо было полно желанием волнений...» (из письма от 16 апреля 1921 г.); «Прошло странное, необыкновенное оживление, которым загоралась душа по получении... Оно прошло. Наступило беспрерывная спячка... Чёрт с ним. Теперь даже не верится, что было то оживление, кажется сном» (из письма от 27 апреля 1921 г.).

Итак, обилие в некоторой части писем стихотворений и лирических излияний можно объяснить временным подъемом общего настроения поэта после получения письма с одним лишь предложением: «Миша, я тебя люблю».

Потом он стал получать её письма всё реже и реже. Например, 14 апреля вручили ему письмо А.Червяковой, отправленное месяц назад — 13 марта! А через две недели поэт получил сразу 6 писем, но на новый подъем настроения ему не хватило силы. «Те разом полученные 6 писем только совсем придавили всё существо бесконечной тяжестью, — признаётся М.Сеспель в

письме от 27 апреля 1921 г. — Почему я верил? Это было какое-то затмение сознания. Если бы то случилось — то было бы сверхъестественно. Оно было противно закону страданий моей жизни. Впредь не буду упускать, что страдание — закон моей жизни, система. Буду знать, что все явления будут базироваться на этой основе».

Поэт весьма точно определил основной закон своей жизни, выбранный им совершенно сознательно и окончательно. Он, подобно Христу, непомерно тяжёлой духовной ношей продвигался к Голгофе. До той горы идти осталось совсем немного...

Итак, в чебоксарский период творчества М. Сеспель усиленно работает над обновлением поэтики чувашского стиха, в полный голос воспевает раскрепощение народа, предсказывает расцвет его языка, литературы и всей культуры. Особо он переживает за настоящее и будущее чувашского языка, считая его главным определяющим признаком народа. В связи с этим хочется поделиться со следующими моими историко-этнологическими сообщениями.

Чувашский народ как определённая социально-этническая и конфессиональная общность сложилась в XIV–XVI вв. в процессе вычленения из общей болгароязычной среды кыпчакоязычно-мусульманского сословия (бесерман), позднее названных соседними народами *тутар* (чуваши), *тадар* (горные марийцы), *татар* (русские). Первоначально кыпчакоязычное привилегированное сословие выделяло себя из общей среды Улуса Джучи лишь по социальному положению. В процессе ассимиляции в первую очередь земледельцев-мусульман, а в дальнейшем и земледельцев-огнепоклонников на первое место выдвинулся конфессиональный признак этнической дифференциации. Если проще, то под термином «татар» стали подразумевать не столько привилегированное население, сколько кыпчакоязычных мусульман края. Немусульманское податное население бывшего Булгарского Улуса и Казанского ханства выделялось термином противоположного значения: *çăваç* (в татарском варианте *чуваши*). Любой огнепоклонник (чуваши), принимая исламскую религию, на другой же день стал называть себя *тутар*, т.е. татарин, имея ввиду не язык, а прежде всего конфессию. Так было вплоть до начала XX в.

Ситуация стала изменяться со времени массовой христианизации чувашей, когда смена конфессии не трансформировала этническое сознание народа. Но всё же иерархия этнодифференцирующих признаков изменилась. Теперь главным выделяющим признаком чувашей-христиан от русских стал язык и народная культура. В городской жизни основной отличительной этнической

кой чертой оставался лишь язык, что реально почувствовала интеллигенция начала XX в. М.Сеспель стал главным глашатаем новой чувашской идеи, связанной с раскрепощением и свободным развитием языка, символа всего чувашского народа. Вся творческая деятельность М.Сеспеля продиктована этой национальной идеей, ей подчинена вся художественно-творческая деятельность поэта.

В чебоксарский период М.Сеспель освоил поэтику многих жанров литературы, разработал теоретические вопросы поэзии, экспериментировал в стиле различных литературных школ, оставаясь при этом верным своему эстетическому принципу – подчинению символов, образов и стихотворной речи основной идее произведения. В создании образов он часто прибегал к христианской мифологии, при этом, отбрасывая мистицизм, использовал символику мифов. В поэзии М.Сеспеля данного периода ярко выражено личностное начало, чего не было в его чувашских стихах тетюшского периода.

ГЛАВА IV. «ВСЕ МОИ ПОМЫСЛЫ ЛИШЬ О РОДНОЙ СТРАНЕ СВОЕЙ...»

(Южные периоды жизни творчества)

После чебоксарского периода я выделяю следующие последовательные этапы жизни и творчества М.Сеспеля: крымский (июнь — август 1921 г.), киевский (сентябрь 1921 — февраль 1922 гг.) и остёрский (март — 15 июня 1922 г.) периоды. Их можно объединить под общим названием «южные периоды», подразумевая, что в эти месяцы поэт находился вдалеке от своей родины, его первоначальный отдых и интенсивное лечение в последующие месяцы превратились в скитания. Но он думал не о себе, все его помыслы были о судьбе чувашского народа и о его национально-государственной автономии со столицей Шубашкар-Чебоксары:

Псом ободранным буду искать

Чёрствый кус у плетня у чужого.

В стужу, в слякоть, без хлеба, без крова

Буду по Шубашкару вздыхать.

Перевод П.Хузангая.

Эти южные периоды жизни М.Сеспеля являются логическим продолжением подпериода разочарований (конец 1920 — май 1921 гг.). Как уже было отмечено, жизненный отрезок поэта от конца 1920 г. до середины июня 1921 г. полностью совпадает с такими частями литературного сюжета, как кульминация и развязка. Подобное сравнение кому-то может показаться несколько надуманным, да и ряд фактов вроде бы противоречат такому утверждению. Здесь имеется ввиду наличие в стихах крымского периода некоторого оптимизма. Может быть, это есть не оптимизм как таковой, а лишь горячее желание поэта остаться при своих идеалах? Скорее всего, это именно так. Лирический герой данных стихотворений опасается всевозможных сомнений, он упорно настаивает и убеждает верить в свои идеалы не столько читателей и слушателей, сколько самого себя. Ещё в сентябре у поэта сохранилась некоторая надежда (в стихотворении «Хурçă шанчăк» — Стальная вера):

Позднее то будет иль раньше:

Лик родины вспыхнет звездой.

Кто скажет: «Не верю!» — обманщик,

Кто скажет: «Всё ложь» — тот слепой.

Перевод А.Смолина.

В октябре—ноябре 1921 г. в сознании поэта-скитальца произойдёт полный перелом. Набирающий свой темп великий голод на Украине, беспрерывные потоки беженцев из голодного По-

волжья, обилие тупых политических и советских работников, «безмозглых стад солдат и людей» — всё это одновременно давило на психику поэта-мечтателя, искренне верившего в грядущее общество «равенства, братства и любви».

В СТРАНЕ СОЛНЦА И ЦВЕТОВ (Крымский период жизни и творчества)

Как известно, со своими товарищами из Чувашской Автономной области М. Сеспель отбывает из Нижнего Новгорода 18 мая 1921 г. По воспоминаниям С. Коричева, они несколько дней тащатся на поезде и прибывают в курортный город Евпаторию в начале июня. М. Сеспеля вместе с москвичом С. Ивановым размещают в санаторий под загадочным названием «Таласса», где лечились больные с костным туберкулёзом.

Несколько строк следует посвятить городу и вспомнить о первоначальном курортно-санаторном движении в советской России. С I в. до нашей эры по 1784 г. город носил название Кёзлев (Гёзлев), а потом по указу Екатерины II переименован в Евпаторию. Город с трёх сторон окружён водой. С юга находится побережье Каламитского залива. С востока к окраинам подступает крупнейшее в Крыму озеро Сасык-Сивашское, а с запада — знаменитое Мойнакское озеро. Со стороны севера открывается панорама едва всхолмленной степи, несколько напоминающая правобережную территорию Волги (там размещены родные города М.Сеспеля: Тетюши, Симбирск и Чебоксары). В Евпатории морской климат удачно сочетается со степным, здесь воздух значительно суше, чем на южном берегу Крыма. Не зря В.Маяковский посвятил городу отдельное стихотворение, в котором имеются следующие строки:

Очень жаль мне тех,
которые
не бывали в Евпатории.

27 января 1920 г. коллегия Наркомата здравоохранения рассмотрела «Проект положения о временном управлении Крымом как лечебной местностью общероссийского значения» и пришла к единому мнению, что Крымское побережье должно быть отдано всему народу. Представителем Наркомата здравоохранения по организации курортного дела на полуострове был назначен Д.И. Ульянов. Ему вменялось в обязанность организация «всероссийского курорта — Крыма, который из гнезда буржуазии и белогвардейцев должен стать местом отдыха и лечения рабочих и красноармейцев».

25 декабря 1920 г. Революционный комитет Крыма определил

курортные местности. «Весь евпаторский пляж от озера Саки и до Евпаторийского маяка, озёра Саки и Мойнаки, все сооружения лечебного характера, санаторного и лечебного типа в Евпатории и окрестностях» объявлялись «курортами общегосударственного значения». 31 декабря 1920 г. заведующим Евпаторийско-Сакского курортного района был назначен крупный знаток грязелечения врач Н.Гржибовский. Евпатория лежала в руинах. Район, где некогда располагались процветавшие санатории, лечебницы и дачи, представлял зрелище, «напоминающие местности после основательной бомбардировки», — писал известный евпаторский доктор С.Черкес. От изысканных павильонов остались остовы без окон, дверей, крыш и полов. Уже в январе 1921 г. СНК РСФСР обязал Народный комиссариат здравоохранения открыть в Крыму здравницы на 5 тысяч мест, а к весне — на 25 тысяч. На крымских курортах в 1921 г. побывало 17 тысяч рабочих. Сказались финансовые затруднения, разруха, голод.

Важным направлением в работе Евпаторийского курорта было лечение костного туберкулёза. Первым санаторием, начавшим планомерное наступление на этот недуг, был санаторий «Таласса», вступивший в сезон 1923 г. как специализированный санаторий для костнотуберкулезных больных.

В 20-е гг. в Евпатории было несколько пляжей, лучший из которых считался Центральный, оборудованный теньевыми навесами, гимнастическими снарядами, кабинами, лежаками. На пляже работал буфет. Детский клинический пляж был хорошо благоустроен и укомплектован медицинским персоналом. Рядом располагалось отделение для матерей. По соседству находился клинический пляж санатория «Таласса» для взрослых, где были мужское и женское отделения, теньевые навесы, площадки для приёма песочных ванн и душ. От корпусов санатория до пляжа было всего несколько сот метров. Здесь лечился и отдыхал наш Сеспель. Здесь он творил свои бессмертные стихотворения и ... страдал, глубоко страдал от того, что его светлые «мечты разбились о человеческую подлость» (З.Сусмет).

О жизни и творчестве М.Сеспеля крымского периода мы знаем совсем немного. Сохранились воспоминания Ф.Пакрышня, написанные, по утверждению П.Бекшанского, в 1927 г., т.е. через 5 лет после трагической смерти великого поэта. Кроме того, чудом сохранились 6 стихотворений, после смерти поэта его другом Ф.Пакрышнем отправленные в Чебоксары или же Казаккасси. До 1927 г. оригиналы-автографы этих произведений оказались в руках Н.Вазянки, который опубликовал их в газете «Самрэк хресчен» (Молодой крестьянин, 1927, 5 октября), в журнале «Сунтал» (Наковальня, 1927, №10) и в сборнике стихов

М.Сеспеля издания 1928 г. В воспоминаниях Ф.Пакрышня имеется ещё одно четверостишие, сочинённое М.Сеспелем и вручённое своему другу в последний день перед отъездом (13 августа 1921 г.). К сожалению, рукописи с автографами не сохранились. Н.Вазянка безжалостно сжег их в годы жестоких репрессий, а оригинал экспромта затерялся вместе с архивом М.Сеспеля и Ф.Пакрышня. По мнению некоторых исследователей, «чебоксарские марксисты с берегов Кайбулки» умудрились растаскивать найденные рукописи по своим квартирам. Хотя некоторые из них, не страшась потери собственного живота, сохранили их до лучших дней. Например, рукописи драмы «Упик» и окончательный вариант стихотворения «Жизнь моя, за какими холмами...» находились в личном архиве писателя и критика В. Долгова-Хударзем. Первое произведение было обнаружено в 1939 г. в родном доме М.Сеспеля В.Васькиным, который найденные рукописи (там, кроме пьесы, был ещё отрывок письма поэта матери, быть может, и последний вариант стихотворения «Жизнь моя, за какими холмами...») передал в союз писателей Чувашии, потом они чудом оказались в домашнем архиве сеспелеведа-критика.

В 1940 г. по инициативе чувашского писателя Василия Михайловича УСЛИ (он достоин такого написания!) делегация в составе украинских коллег М.Хазана, О.Ющенко, Н.Рубис посетили Евдокию Фёдоровну ПЕНСКУЮ (и она не менее достойна!), которая передала им документы (впервые очередь письма) из архива Ф.Пакрышня. За бережное хранение бумаг, связанных с жизнью и творчеством чувашского поэта М.Сеспеля, она была награждена Почётной грамотой правительства Чувашии и обкома партии, ей было подарено чувашское женское платье.

Перед добровольным уходом на фронт В.Усли через союз писателей Украины отправил 13 конвертов (на всех стоит одна дата отправления: 10.7.41, т.е. 10 июля 1941 г.) на имя народного поэта Чувашии С.Эльгера. Последний упорядочил присланные В.Усли материалы и бережно хранил их до января 1948 г. Узнав, что В.Усли погиб на фронте, он передал эти рукописи в Научный архив НИИЯЛИ при Совете Министров Чувашской АССР (ныне — Чувашский государственный институт гуманитарных наук). Среди них имеются замечательные воспоминания Ф.Пакрышня и Н.Рубис. Первое было написано в 1927 г., а второе — 3 июня 1941 г., очевидно, по просьбе В. Усли.

Воспоминания Ф.Пакрышня на 16 страницах имеет следующее название: «Биография М.Сеспеля с 1921 г. 7 июня». Очевидно, 7 июня 1921 г. состоялось первое знакомство автора воспоминаний с чувашским поэтом. Далее читаем (стиль оригинала сохранен): «Приехавши в Евпаторий на курорт, меня с товари-

шем по вагону Кирюшей Ионовичем Турганом назначили (т.е. направили. — В.Р.) в санаторий «Талласа» (правильно: Таласса. Данную ошибку повторили и составители собрания сочинений поэта. — В.Р.) Поместили нас в «Волковой даче» (до устройства ремонта в кабинетах (комнатах. — В.Р.) здания «Таласса»). Через двери нашей кабинки находились два молодых человека: один из них высокий ростом Сергей Алексеевич Иванов, а второй среднего роста, красивого телосложения, Казанской губернии селянин Михаил Кузьмич Кузьмин. Как только нам указали койки, они вдвоем пришли, поздравили нас с приездом, назвав свои имена и фамилии, и, узнав о нас, москвич Серёжи сейчас же нас окрестил хохлятами, а Миша — сынами цветущей Украины. Выразил он эти слова как-то сладко-поэтически.

Кирюша, подтрунивая надо мной, сказал: «Товарищи! Среди вас здесь нет поэта? Если есть, то ближе познакомьтесь с Пакрышнем. Я по дороге узнал, что он поэт, у него большая тетрадь стихов!..» После Кирюшиных слов Миша стал у меня просить почитать мою тетрадь. Я ему сказал: «Кирюша смеется надо мной, а ты сразу и поверил, лучше поведите нас к морю, познакомьте с санаторием и всеми крымскими сказочными фонтанами.

Миши на это согласился. Иванов и Кирюша поддержали компанию, и мы пошли к морю. По дороге к морю Миши больше всего говорил со мной об Украине, о любви к Т.Г.Шевченко, об украинском языке и литературе. Мы подошли к морю. При жарком крымском солнце море казалось волшебной сказкой, как чистенький кристалл. Оно отражалось радугами солнца, необъятная для глаз его величина тесно сходилась с голубым небом. Я сказал Миши: «Миши, какая прекрасная картина». «Да, — ответил он. — Надо быть величайшим художником, чтобы отобразить хотя бы самую малость этой красоты».

От моря мы пошли смотреть на фонтаны (в 1921 г. в санатории «Таласса» их было действительно только два, остальные были затушены). Подошли к одному из них, который находился в тени дерева. Через клюв журавля, аршина в два, небольшой струйкой била вода. Серебряной пылью падая вниз, она омывала всю фигуру журавля. Второй фонтан был без фигуры и воду вверх не выбрасывал. Никогда не видевший подобных вещей, как селянин я был околдован подобными картинами. Миши, Кирюша и Сержи не так смотрели на эти окружающие нас чудеса природы и науки, как следили за мной и посмеивались, потому что я был старше всех, а с такой деревенской жадностью во все глаза смотрел на всё меня здесь окружающее.

Москвич Сержи сказал: «Видимо, что хохля из деревни в больших городах не бывал, что так глазами новичка всё съедает».

Миши же сказал, что при диктатуре пролетариата весь пролетариат будет пользоваться всеми природными богатствами. После таковой прогулки мы возвратились в свои кабинки. Миши снова стал меня просить, чтоб я ему дал свою тетрадку стихов. Я согласился. Посмотрев мои стихотворения, Миши сказал, что всё очень хорошо... но... нужна доработка, с чем я вполне согласился. После ужина я с Миши снова сходили к морю, при заходе солнца оно оказалось ещё красивее. Пришедши от моря, Миши занимался гимнастикой, гимнастику он проделывал чудь ли не каждый вечер.

На второй день сообща сходили на берег моря, где на песке принимали солнечные ванны. В столовую мы являлись всегда вместе. Занимали отдельный стол, пятым был некто Сагалаев Сергей Павлович, из Киевской губернии.

Мишу все любили за его ум и чисто пролетарскую честную душу. Дней через пять он мне сказал, что тоже пишет стихи, больше всего на своем родном чувашском языке. Полюбил я Мишу, как родного брата, с первых дней нашего знакомства, что-то близкое и родное всегда тянуло меня к нему. Неразлучно с ним я посещал евпаторский городской театр, библиотеку и лекции. Дружил он еще с Кирюшей, который равнялся с ним по образованию и обладал весёлым характером.

Мы с Мишей часто вечерами гуляли по аллеям возле фонтанов. Он меня учил, как правильно писать стихотворения, у него имелаь книга «Наука о стихе».

Однажды, когда мы с ним принимали солнечные ванны, я заметил, что он внимательно всматривается в человека, который был без ноги и шёл купаться на костылях. Я спросил, почему он так пристально смотрит? Он мне сказал: «Посмотри на человека, который без ноги идёт купаться, и с сияющим лицом. Чему он радуется? Нет, я не перенесу, если мне придется быть таким же». При этом он смотрел на свою большую ногу.

В конце июня из газет стало известно, что всё Поволжье голодает, что засуха уничтожает всё. На Миши эти вести подействовали убийственно, он всё повторял, что это гибель его родному краю. После этих грустных вестей было собрание больных санатории. На собрании администрацией была обрисована картина голода и сказано, что хлеба больным вместо двух фунтов будут выдавать полтора, так как необходимо помочь голодающим. Все больные с этим согласились, хотя в санатории не только с хлебом, но и с другими продуктами было неважно. Миши всегда с жадностью читал газеты и волновался за гибель родного края. Всегда говорил, что голод — это громадный тормоз для закрепления революционных завоеваний.

В начале июля меня с Кирюшей и Ивановым перевели из «Волковой дачи» в дом санатории «Таласса». Миши же остался на месте. Но большее время дня он проводил с нами. Часто после захода солнца он звал меня и Кирюшу на балкон третьего этажа санатория, где мы долго просиживали, любуясь звездным небом Крыма. Когда же выходила над морем луна, тогда с этого балкона море казалось особенно чарующим чудом. Оно издавало свой нежный шёпот, и от лунных лучей светло-красная громадная дорога простиралась в глубь его необъятности. Миши пристально и задумчиво смотрел на эту картину, и повышенным тоном (эмоционально — *В.Р.*) говорил: «Всю жизнь свою отдал бы, чтобы стать художником и рисовать «подобные картины», добавлял: «искусство — всё».

Незадолго до нашего отъезда мы с своею пятеркою сфотографировались. Мне на карточке Миши написал: «Слабых прочь с стального корабля Революции. Только смелые и бодрые достойны рождённого в бурях Октября Нового Дня. М.Кузьмин». Причём сказал мне: «Федя! Не принимай эти слова на свой счёт».

Приготовились к отъезду, многие товарищи чудь не даром покупали несколько пудов соли, дабы дорогой спекулировать (по постановлением власти разрешалось не больше десяти фунтов). Я тоже взял один фунт и сказал Миши: «Почему ты не берёшь соли?» Он на это мне ответил: «Я есть гражданин республики и подчиняюсь её законам. Я презираю тех (особенно партийцев), которые нарушают эти законы и не отстают, как я вижу, от всех остальных. Если я поступлю так же, я сам себя потеряю, я сам себя буду презирать».

Последний день перед отъездом, 13 августа 1921 г. мы вместе сходили на берег моря, простились с его красотой, простились с фонтанами и со всеми нами любимыми уголками. На прощание Миши вручил мне четверостишие:

Прости, прощай, страна солнца!

Прощай уголок цветов!

[И] ты, могучая стихия,

Не знающая оков!

14 августа после обеда за нами пришёл автомобиль. Последний раз взглянули на Евпаторию, и автомобиль умчал нас на станцию. Миши тащил свой и мой багаж в вагон, и другим большим он не отказал в помощи садиться в вагоны. Перед заходом солнца мы тронулись в Симферополь. Миши мне ещё раньше рассказывал, что его дорогой в Евпаторию обворовали, взяли френч и верхнюю рубашку и оставили в одной нательной рубашке. Много трудов стоило упросить его, чтобы он взял мою полотняную тужурку, так как у меня их было две.

В Симферополе мы стояли четыре дня. Только 19 августа нам удалось выехать. Проехали всего 60 вёрст (до ст. Джанкой) и снова стояли сутки. Питание больные получали хуже скверного. Были такие дни, что ограничивались только прогнившими сухарями и скромными порциями фасоли да получали к чаю самое грязное повидло. На очень многих станциях приходилось подолгу ждать подачи паровоза. Многие больные пали духом. Миши всегда вспоминал свой родной край и воображал ужасы голода. Ровно через две недели после отъезда из Евпатории с подтянутыми животами мы добрались до Харькова. В Харькове простояли на станции два дня, и только 30 августа нас принял местный эвакуопункт «Сумская-89».

В Харькове мы были 10 дней, жили впроголодь. Духовного падения я в Миши не замечал. Из Харькова он решил поехать в Киев, чтобы учиться в художественной школе. 10 сентября нам пришлось покинуть негостеприимный эвакуопункт. Мы очутились в товарном вагоне. Миши не захотел быть с нами и уехал на крыше пассажирского вагона. Мы с большими неудобствами, ещё больше голодая, 15 сентября добрались до Киева. Прожил я там восемь дней, но Миши так и не пришлось повидать. Домой, в свою Волчью Гору, я приехал 25 сентября».

Итак, мы прочли первую часть воспоминаний Ф.Пакрышня. Уточним отдельные факты и даты событий. Первое. Из мемуарных записей можно понять, что знакомство М.Сеспеля с Ф.Пакрышнем состоялось 7 июня 1921 г., чувашский поэт с москвичём Ивановым разместились в санатории раньше, чем украинские парни.

Второе. М.Сеспель имел при себе книгу В.Брюсова «Наука о стихе», очевидно, 1919 г. издания (о подобной книге в своих мемуарах писал и брат поэта Гурий Кузьмич).

Третье. Выехал М.Сеспель со своими друзьями из Евпатории 14 августа и через две недели они добрались до Харькова. Из воспоминаний невозможно определить дату отъезда чувашского поэта из Харькова. Мог он уехать в день приезда же (28 августа) или в день принятия эвакуопункта (30 августа). Мог ли поэт в эти дни посетить своего земляка А.А.Кокеля, ректора Харьковского художественного училища, как предполагают некоторые биографы М.Сеспеля? Почему знаменитый художник рекомендовал своего земляка в Киевское художественное училище, а не принял его в свое учебное заведение? Супруга художника потом вспоминала о письме М.Сеспеля А.А.Кокелю, написанное в марте 1921 г., но ни слова не говорила об их встрече в конце августа того же года. Я лично сомневаюсь, что М.Сеспель мог к кому-то идти с просьбой помочь ему поступить в художественную школу.

Он слишком велик для подобных просьб в личных целях. Если он действительно учился в Киевской художественной школе, то туда поступил благодаря своему таланту художника, а не благодаря чьей-то рекомендации.

К данной теме мы ещё вернёмся, а сейчас снова возвратимся в Евпаторию. В воспоминаниях З.Сусмет есть строки, несколько проясняющие состояние М.Сеспеля в дни лечения в санатории. «Когда после II-го съезда коммунистов-чувашей меня перевели на работу в женотдел обкома партии, Миши уже в Чебоксарах не было, — вспоминает друг юности поэта. — Потом из Евпатории я получила письмо, где он сообщал, что здоровье становится лучше, восхищается красотой, богатством растительного мира Крыма и мощностью Черного моря. Конечно, всё письмо я не помню, но кое-что помню, так как письмо прочитано было несколько раз, были пролиты слезы над ним. В письмо было вложено стихотворение «К морю», сохранилось ли оно, я не знаю. Про море писал: «Какой простор, какая стихия, какая сила! Эти волны кого только, чего только не видали и не слышали в истории человечества, но все это ни к чему, коли они не могут нам своё могущество передать. Когда двигаются большие волны с такой силой и с шумом ударяются о берег, тогда всё дрожит». Сообщал, что после лечения в Чувашию не вернётся, скорее всего пойдёт в армию. Писал, что скучает по работе, по товарищам юности, мало пишет, читает много, в данное время читает Бальзака. Писал, что скучает по мне, по другу своему, что наши мечты разбились о человеческую подлость, просил писать о работе, об общем состоянии своем. В конце подписался: «Верный твой друг Миша». Была фраза в письме: «Чёрт возьми, как жизнь хороша!»

В ответ я написала ему большое теплое, задушевное письмо, успокаивала, что вылечится, увидимся и будем вместе отдыхать на берегу Черного моря. Я ему писала, мол, зачем убиваться, ты ведь никогда не был слабым человеком, советовала, если ему лучше в Евпатории, устроиться там на работу, писала ему о том, что с каким удовольствием я вспоминаю наши беседы, наши читки газет, книг, наши прогулки, наши мечты, совместное изучение трудов Ленина, как мы старательно изучали книгу Дикштейна «Кто чем живёт», как мы несколько раз читали книгу Ленина «Империализм и эмпириокритицизм», как Миша привёз словарь ин[остранных] языков из Москвы (с курсов) и, показывая, сказал: «Вот ключ к пониманию этой книги Ленина». Как мы группой со словарём изучали эту книгу... Потом Юлия, Вася, я и Миша вместе изучали книгу Ленина «Государство и революция» и многое другое. Я долго ждала ответа с адресом Миши, его не последовало. Письмо из Евпатории было пос-

леднее. Начался страшный голод в Чувашии, борьба за спасение народа все другие вопросы затеснила на задний план.

Мы эти письма Сеспеля (их было немного, всего 4) читали с Анной Захаровной Орленко, плакали, нам очень жаль было Сеспеля – его таланта, имеющего большую будущность, славу чувашского народа. Я его часто вспоминала, вспоминаю и теперь, как человека с неумными природными данными, забывать его было невозможно. Так прекратилась связь с Мишей. Для меня эта потеря была тяжела, слишком тяжела».

Итак, из воспоминаний З.Сусмет можно узнать, что после лечения в Крыму М.Сеспель не собирался вернуться в Чебоксары, где его мечты разбились о человеческую подлость. Но фраза в конце письма («Чёрт возьми, как жизнь хороша») подсказывает о наличии в поэте достаточного оптимизма, да и его творчество того периода вполне подтверждает такое предположение. Но всё же, как отмечает он сам в письме З. Сусмет, «спокойствие бывшее» было потеряно окончательно, особенно с конца июня, когда в центральной печати начали писать о надвигающемся на Поволжье великом голоде. Поэт глубоко переживал общенародное бедствие и дух народа он хотел поддержать своим пламенным Словом, призывал не сдаваться, подниматься на борьбу, объединяться во имя будущего родного народа и его языка.

В Крыму поэт создал шесть классических произведений, показывающих вершину творчества автора: в июне написал «Катаран каҫ килсен...» (Гаснет день...), «Шӑршӑ каҫ йӑвӑрри...» (Тяжесть ночи гнилой...), а в первой половине июля – «Чӑваш! Чӑваш!...» (Чуваш! Чуваш!...), «Ҫӗн Кун аки» (Пашня Нового Дня), «Тинӗсе» (Морю) и «Инҫе ҫинҫе уйра уяр...» (Далеко в поле жёлтый зной...) Кроме того, в день отъезда (13 августа 1927 г.) поэт сочинил экспромт-четверостишие.

Июньские стихотворения по своей ритмике и поэтическим образам стоят ближе к последнему известному произведению чебоксарского периода (фактически оно написано в переходное время, ибо его с тетради поэта спутница М.Сеспеля списала по дороге из Чебоксары в Евпаторию). Все три стихотворения написаны 4-стопным анапестом. В них создан образ отрицательной ночи: последняя, осенняя, сумрачно-кровавая, гнилая и т.д. В первых двух имеется замечательный образ пригвождённой к кресту Родины (Ҫӗршыв). Все три произведения без заглавий, в них много отточий. Июньский цикл стихов М.Сеспеля по стилю близок к магическим заклинаниям и заговорам. Здесь на первом месте стоит магия звуков, т.е. способность с помощью звуков создавать приблизительный звуко-зрительный образ и, соответственно, настроение.

Июльский цикл стихов изобилует символикой и метафорами-гиперболами. Из четырех произведений три написано 4- и 5-стопным ямбом, лишь «К морю» имеет 4-стопный хорей, что продиктовано, видимо, самим ритмом морских волн и прибоев. Но в начале августа поэт опять вернулся к ямбу. Значит, с точки зрения ритмической структуры и образов, разделение стихотворений крымского периода на июньские и июльские соответствуют развитию в те месяцы событий в стране, а также динамике душевных переживаний поэта в те дни надвигающегося бедствия.

«**Катаран каз килсен...**» (Гаснет день...) Произведение написано 16 июня 1921 г., в самый разгар курортного сезона. Но поэт не делится первыми впечатлениями и не воспевает «обитель цветов» со всеми его прелестями и красками. Думы поэта уносят его в прошлые столетия родного края:

Гаснет день. И когда сумрак ночи густой
Погружает в дремоту поля
И проносятся мысли одна за другой,
Сердце острою болью сверля, —
Тени прошлых столетий встают предо мной,
И родная видна мне земля.

Перевод П.Хузангая.

Контрастность летнего дня и ночи особо ощущается на юге, где заход и восход солнца происходят в считанные секунды, по крайней мере, значительно быстрее, чем на севере. Хотя на территории Чувашии не бывают белых ночей, но в середине июня здесь граница дня и ночи несколько стираются. В Евпатории поэт увидел другую картину: резкую контрастность отдельных частей суток. В одну из таких крымских ночей поэт погружается в историю родной страны:

Да, она. Узнаю за чертою черту,
Словно сам в тех столетьях живу:
Пригвождённый к кровавому вижу кресту
Я Чувашию, как наяву.
Там, где сердце, — в груди её рана черна.
Кровь по капле, по капле течёт.
Хмурый день подступает, как в бурю волна,
Ветер злобную песню поёт...

За эти дни пребывания в санатории М.Сеспель безусловно успел ознакомиться с достопримечательностями тысячелетней Евпатории. Здесь отдыхали приближённые люди российского монарха и всякая знать: дворяне, купцы, чиновники. В глазах чувашского народа и поэта они представлялись в облике угнетателей-палачей, утопающих в роскоши «золотых мундиров». Вся послереволюционная Евпатория способствовала сложению образа исторического прошлого, где одни страдали как Христос, а

другие издевались над ними. Всё это происходило в жуткой ночной тьме. Но

Минет ночь. И когда из росы отольёт
Утро бусы себе, и серебряный звон
Вдруг раздастся и всё запоёт, —
Это значит — край милый из мёртвых воскрес,
Оставляет тяжёлый страдальческий крест
И свободу приветствует он!

В оригинале свободу приветствует не милый край, а лирический герой: он глазами радуется, что любимая страна спаслась от смерти и освободилась от страдальческого креста.

В отличие от стихотворений чебоксарского периода, «Гаснет день...» совершеннее в плане стихотворной речи: здесь весьма разнообразны поэтические строфы и рифмы, нет ни единого нарушения правил ударений литературного языка. Обилие трёхсложных слов облегчило организации ритма и способствовало богатой звукописи. Приведу лишь первую строфу, в которой наблюдается обилие аллитерации и ассонанса:

КАтаран КАҢ Килсен, КАҢхи Кунән мёлки
УЙсене ЫЙхәпа хупласан,
ЙЁРкерен-ЙЁРкерен тЁРлө шухәш ЙЁРки
ПУҢама ПУҢтарна ПУҢласан, —
ЁЛЁКхи ЁМЁрсен ЁМЁлки-КЁЛетки
КУҢама КУРәнәт аяКРан.

Лирический герой стихотворения не дает народу веру и программу для дальнейшего действия, жизнь Родины он как бы соизмеряет с ритмом Природы, а также уподобляет её с судьбой и миссией Христа. Если страна распята, то должны прийти и времена воскресения, как тёмная ночь меняется со светлым днём. Пока лирический герой мыслью находится в линейном пространстве и не думает о том, что в Природе время циклично и за воскресением неминуемо должна прийти смерть... Пока всё это имеется только в подсознании и находится за горизонтом обзора глаз лирического героя.

«Шәршлә каҗ йәвәри...» (Тяжесть ночи гнилой) написано ровно через десять дней после первого стихотворения крымского цикла. В нём повторяется лейтмотив гнилой ночи, противопоставленный новому дню. Но здесь, в отличие от «Гаснет день...», лирический герой не просто изображает и выражает свою радость, он прежде всего заклинает и приказывает как Великий Повелитель, имеющий силу воздействовать на людей через Природу.

Тьма. Мне душно. Невмочь.
Сгинь тоскливая ночь!
Всё отжившее, с глаз моих прочь!

Данный перевод П.Хузангая первой строфы стихотворения, как верно замечает В.Станьял, весьма неудачен: «К сожалению, неудачный перевод первой строфы обедняет лозунговый характер стихотворения, преподносит его как личностно-индивидуальный стих» (Наш Сеспель. С. 45). Исследователь дает строфу в таком «буквальном переводе»:

Тяжесть ночи дурной,
Старость груди земной,
Возгорясь, пеплом пусть улетит...

«Шӑршӑ каҫ йӑвӑрри» дословно можно перевести как «Тяжесть ночи гнилой». В словосочетании «Кивӗ сӗр кӑкӑрри» *сӗр* это не «земля», как переводят переводчики, а «ночь», *кивӗ сӗр* (устаревшая ночь) противопоставляется Сӗн Кун (Новому Дню). Поэтому смысловой (не буквальный!) перевод должен быть примерно таким: «Тяжесть ночи гнилой, старой ночи грудь. Пусть сгорят и пеплом рассеятся». Следует иметь ввиду, что здесь Старая Ночь и Новый День являются метафоризированными образами и они, как и мы, имеют отдельные части человеческого тела, в том числе и груди.

Из-за омонимистического многообразия слова *сӗр* (земля, гнить, сто, ночь, кольцо) П.Хузангай неправильно перевёл первую строку второй строфы:

Обновится в огне
Вся земля — и над ней
Загорится заря новых дней.

В стихотворении, как уже было отмечено, Новый День противопоставляется не земле, а Старому Дню, поэтому «Сӗр сунса сӗнелсен» следует перевести как «Когда Ночь, старая, обновится».

Пусть желанный восход
Дождь лучистый прольёт
И в душе Слово-Пламя зажжёт.
Шубашкар, не забудь
Осветить славный путь,
Горном Нового слова нам будь.

В оригинале М.Сеспель пишет об огненном дожде, который в сердцах чувашей должен зажечь *Вут Сӑмах* (Огонь-Слово). Огонь Нового Дня сжигает Гнилую Ночь, он же зажигает в сердцах Огненное Слово, а Шубашкар становится горнилом этого Нового Слова. Но там, как испытал поэт сам на своей шкуре, имеются и примазавшиеся к власти работнички, которые в чувашском Новом Слове нуждаются, как телега в пятом колесе. Их хаты с краю, а некоторых чувашское Слово даже раздражает как быка красный цвет.

Кто на свет новых дней,
На огонь их лучей
Не сумеет направить очей —
Пусть таких луч пронзит,
Пусть их гром поразит
И, обуглив, к земле пригвоздит.

Далее поэт пишет о неспособных к борьбе за Новый День людей. Некоторые исследователи за эти строки обвиняют М.Сеспеля в его жестокости и отсутствии гуманизма.

Все, кто немощен, слаб,
Кто душой — вечный раб, —
Превратятся пускай в дряхлых жаб.

Подразумевается здесь противоположное значение словосочетания-эпитета *кавар чёре* (горячее сердце) — *халса́р, нишлэ чёре* (слабое, негорящее сердце), т.е. человек неактивный, неборющийся. Как известно, после тюремного заключения М.Сеспель сам находился в таком состоянии и боялся он прежде всего его повторения в самом себе. Вспомним, например, слова М.Сеспеля Ф.Пакрышню, когда он, оставляя на обороте фотографии свой автограф («Слабых прочь с стального корабля Революции. Только смелые и бодрые достойны рождённого в бурях Октября Нового Дня»), сказал следующие слова: «Федя! Не принимай эти слова на свой счёт». Подобным образом и в стихотворении он подразумевал себя, тем самым изгонял подвергающих коррозии духов сомнений.

После изгнания из себя и читателей духов сомнений и бессилия поэт-исцелитель выражает главную цель своего заговаривания:

Эй, зарница, играй,
Новый путь освещай,
Ярким сары¹ его устилай.
Тем путём в мир идёт
Небывалый восход,
Видю — новых он полон красот.
Кровь, бурли, закипай!
Новый День, наступай,
Солнцем новым мир старый сжигай!

Последняя строфа в оригинале звучит иначе: «Эй, кипи, огненная кровь! | Эй, Новый День, яркий день, | Старую ночь сжигая, гори! гори! гори!».

Стихотворение написано 2- и 3- стопным анапестом (Ан 223), типом рифмовок ааа, только первые две строфы объеди-

¹ *Сары* (сары) — женское поясное украшение. Но здесь поэт в слове *Сар* подразумевал, очевидно, не часть костюма, а использовал в значении глагола: *сар* (устилай).

нены по типу ааа + бба. Строки изобилуют как горизонтальной, так и вертикальной аллитерацией и ассонансом.

«**Чăваш! Чăваш!..**» (Чуваш! Чуваш!) сочинено 5 июля 1921 г. В ту пору доходящие до него вести с Родины всё сильнее и сильнее порождали сомнения. Как бы отвечая на эти слухи и сообщения, М.Сеспель в роли общенационального Жреца и Пророка обращается ко всему народу (обращение повторяется по количеству сторон света):

Чуваш! Чуваш!

Чуваш! Чуваш!..

Поля сонливые твои,
Деревни в дреме, колеи,
И весь застывший твой пейзаж
Любить не в силах я, прости:
Сегодня новое в пути!
И если в сон он погружён,
С широкою зевотой сон, —
Не нужен он, не нужен он!

Перевод П.Хузангая.

Последние четыре строки переведены с искажением оригинала. Вот их подстрочный перевод: «Чувашский мир когда приближается (т.е. пробуждается) | Чувашская душа кротка ли? | Теплота зевотного сна | Уместна ли?.. Уместна ли?..» Лирический герой говорит не вообще о «новом в пути», а конкретно заявляет о пробуждении чувашского мира. Его желания такие:

Хочу я видеть свой народ
Отважным, сильным.
Встань, чуваш!
Глаза на солнце! Рвись вперёд!
Пришёл он, день желанный наш.

После данной строфы автор целую строку наполняет точками. В традиции М.Сеспеля это означает, что в первоначальном варианте стихотворения там была строфа, не включённая в окончательную редакцию.

Слова лирического героя являются не только выражением желания, в них чувствуется напористость и твёрдая убеждённость, вера в магическое воздействие произнесённого слова на предмет и действие, на грядущие события:

Чувашский ум, сверкай как сталь,
Режь лёд и камень режь, звеня,
Чтоб вспыхнул пламень из кремня,
И сам, огнём очищен, стань
Светлей и горячей огня!

Чуваш! Чуваш!

Чуваш! Чуваш!..

В мечтах и думах вдаль и ввысь
Стрелой разящею метнись,
Пронзи веков грядущих кряж.
Стань горном, сердце чуваша,
Отваги горном стань, котлом,
Где плавают золото, бурли!

Чуваши обязательно должны стать отважными, как его предки, своим умом он поднимается до солнца, пронзит, подобно острой стреле, весь белый свет (сут тёнчене тёлле). Но дерзость и ум должны сопровождать главную ценность народа: его язык и культуру:

Родной язык, как солнца жар,
Гори и освети огнём
Нелёгкий путь родной земли.
А чтобы старое сразить, —
Раскатом яростной грозы,
Змеиным жалом стань, язык!

Данная строфа в оригинале звучит несколько по-другому. Вот её дословный перевод: «Чувашский язык, чувашский язык, | Возгори ты жаром солнца. | Скорее поднимай мой родной край. | Чувашский язык, змеиным жалом, Стрелой-молнией удара грома | Войди ты в новый век». Здесь потеряна весьма значимая мысль: змеиное жало и стрела-молния грома чувашскому языку нужны не для свержения старого, а чтобы достойно жить в новом обновлённом веке.

Когда грохочет в небе гром, —
Распарывая темень туч,
Сверкают молнии кругом.
Пусть так же, дерзок и могуч,
Бьёт новых сил напор большой
Неудержимую волной
И будоражит край родной!

Не терпится донести до читателя, не владеющего языком оригинала, подстрочный перевод последних четырёх строк: «Пусть так, на Родине моей | Отважной жизни сосуды-вены | Отважной жизни пульсом-ритмом | Безостановочно пусть бьют!» У Сеспеля образ Родины антропоморфичен, т.е. очеловечен: есть у него и вены, и сердцебиение. Данная особенность нам необходима для анализа следующего стихотворения.

Строфическая организация «Чуваши! Чуваши!..» весьма своеобразна и она оказывает влияние на их рифмовку. Первая строфа объединяет девять строк и имеет следующий тип рифмовки: абавввгг. Далее две строфы имеют схему абба. Остальные рифмы тоже уникальны: абббвгб, абваав и абвабвб. Такая скучная статистика сообщает нам о том, что М.Сеспель творил не по строгой

форме рифмовки и строфической организации. Здесь поэт прислушивается прежде всего мелодике слов, подчиняется динамике экспрессивной речи и интонационному содержанию. Например, вторая строка третьей строфы (Пӑр кас, — ак ҫирӗп чул) имеет только шесть слогов (на фоне 4-стопного ямба), но отсутствие двух слогов читателем почти не замечается. Причина подобного явления кроется в наличии после первых двух слов интонационной паузы: «Режь лёд — вот твёрдый камень».

Метрическая схема 4-стопного ямба ритмически обогащается из-за постоянных синкоп, а некоторые слова произносятся нетрадиционным ударением: йӑваш-ши, ыйӑхӑн, вырӑнлӑ-ши и т.д. Частичное изменение литературной акцентуации слов, особенно в трёхсложных словах, не влияет на качество восприятия стихотворения. Это связано, как уже было отмечено, значением ударения в чувашском языке: оно не влияет на смысл слова, а лишь привносит диалектно-индивидуальное своеобразие.

«Ҫӗн Кун аки» (Пашня Нового Дня) написано на второй день после появления стихотворения «Чуваш! Чуваш!..», т.е. 7 июля 1921 г. К этому времени, мы уже говорили об этом, поэт начинает антропоморфологизировать окружающий мир, создавать образы-метафоры. Самым излюбленным образом для поэта становится образ пригвождённой Родины-Страдалицы. А в данном произведении в подобном облике выступает Новый День (Ҫӗн Кун):

Отлила плуг из синевы зря,
В оглоблях пляшет солнце, веселясь.
То — Новый День, в златых лучах горя,
Идёт пахать чувашские поля.
И лемех, раскалённый добела,
Вонзается в столетние пласты.
Где старина чувашская была —
Легли следы глубокой борозды.

Перевод А.Смолина.

Как известно, антитезное противопоставление вообще характерно для творчества М.Сеспеля. Но здесь замечается некоторое изменение во времени. Например, в подпериод надежды чебоксарского периода творчества поэт обычно противопоставляет прошлое и будущее как старое-изжившее и новое-утверждающее. В подпериод же разочарований антитеза обретает чисто природные качества и метафоризируется: прошлое — это холодная зима, а будущее — тёплая весна. Начиная со стихотворения «Или! Или! Лама савахфани!..» появляется противопоставление светлого Дня и тёмной Ночи. В «Тяжесть Ночи гнилой...» впервые появляется образ Нового Дня.

По замечанию народного поэта Чувашии П.Хузангая, образ Пашни М.Сеспеля напоминает стихотворение украинского поэта П.Тычины (1891–1967) «Плуг» (1919). Для выяснения степени связи следует привести данное произведение украинского поэта полностью:

Ветер,
Не ветер — буря!
Дробит, ломает, с землёй вырывает...
За чёрными тучами
(громом! над кручами!)
за чёрными тучами мильон мильонов мускулистых рук...
Катит. В землю врезает
(будто город, дорога, луг),
в землю плуг,
А на земле люди, звери, сады
а на земле алтари и боги:
о, пройди над нами, строгий,
рассуди!
И были такие, что прочь убегали
в пещеры, озёры, леса.
«Что нам несут небеса?» —
вызывали.
И никто не ударил в кимвал.
(Огневого коня ветер гнал —
огневого коня —
в ночи).
И только их мёртвые, стылые очи
повстречали красу нового дня!
Очи.

Перевод Б.Турганова.

В стихотворении П.Тычины Плуг сметает всё, что есть на земле, но здесь пахарь не становится сеятелем. Да и пахарь у Тычины — это «миллион миллионов мускулистых рук». Перевод А.Смолина читаем дальше:

День Новый видит: светлый его плуг
Всё распахал в сиянии лучей,
А из ключа через зелёный луг
На рыхлые поля течёт ручей.
День Новый дланью раскалённой и стальной
Из жёлтого лукошка на поля
Горящей горстью бросил тыщи звёзд,
За ним — зарница золотою бороной,
Сверкающими звёздами пыля,
Прошлась землёй чувашской в полный рост.

Здесь уже показано не просто пашню: распаханную землю поливает «бездонный родник» (тёпсёр çăл куç), сам Новый День

с жёлтого лукошка сеет тыщи звёзд, а Утренняя Зарница (Ирхи Шевле), как будто вышивая гладью холст, боронует посеянное звёздами землю. На поле трудится целая космическая семья. Сюда же следует отнести и Коня-солнца и отлитого из синевы рассвета Плуга. Если в стихотворении П.Тычины главной темой является идея сметания с лица земли старого, то чувашский поэт показал процесс возрождения новой жизни.

В чувашской народной поэзии мотив пашни и сева встречается в самых сакральных жанрах. Например, во время жертвоприношения Богу (Турă) новым урожаем хлеба (чўклеме) исполнялась ритуальная песня-гимн под названием «Ака-суха юрри» (Песня пашни и посева) или же «Тёрен юрри» (Песня лемеха). По данным биографа поэта и его земляка Л.Иванова, юный Мигала любил исполнять данную сакральную песню, оставаясь наедине с собой: то в поле во время пастьбы свиней, то в лесу во время сбора сныти и ягод.

В молитвословиях чўклеме выражаются желания хороших всходов нового посева: «Акнă тыррисем аван шăтчăр, тёпё хăмăш пек, тăрри чакан пек, пёрчи пăрса пек пултăр» (Посеянные зерна пусть хорошо взойдут, низы как камыш, верхи как рогоза, зерна как горох пусть будут). Местами в день поминовения предков (симёк) семьями располагались в овраге напротив кладбища. Седые старики восседали за временно устроенным столом и исполняли следующую ритуальную песню (она является локальным вариантом песни, исполняемой на родине М.Сеспеля:

Ѕўлте пёр шевле вай вылять,

Турă пёр курса савăнать;

Хирте пёр тырă хумханать,

Хура халăхсем савăнать.

(На небе зарница играет, | Турă это видит и радуется; | В поле хлеба на корню [ветром] колышатся, | Черный люд [на это смотрит и] радуется).

Приведу продолжение перевода А. Смолина:

Когда настанет время, час пробьёт

И семя на поверхность прорастёт, —

Ростками солнца становясь и раскрываясь смело,

Судьба чувашская предстанет

Отливы их золотые ошалело

Повсюду зазвонят, как гусли, неустанно.

В оригинале прорастают не густые нивы, как перевёл П.Хузангай, а «Чăваш ғыннин кун-сулё» (Судьба чуваша), что точнее выразил А.Смолин. Далее вырисовывается образ чуваша-великана, плечами подпирающего неба свод, который несомненно взят из устных легенд и преданий об Улыпе:

Чуваш с иной душой и житель новой эры,
Плечами доставая неба свод,
На поле жизни он в одежде желто-алой,
Его обнимет Новый День, и с лаской, верой
Цветастый мост интернационала.

В чувашском языке радуга называется *Асамат кёперё* (мост Азамата). В преданиях встречается имя богатыря Азамата. Создавая новый образ — мост интернационала, — поэт непременно учитывал значение чувашского словосочетания, и получился совершенно свежий образ многоцветной радуги-моста, ведущего к братству всех народов.

Данное стихотворение переведено на многие языки народов СНГ и мира. При выборе произведений М.Сеспеля для перевода на другие языки в советский период учитывались, как известно, не столько художественно-поэтическое совершенство и мастерство поэта, а прежде всего политические моменты. Здесь привлекло внимание политических комиссаров от союза писателей содержание самой последней строки, где фигурирует магическое слово «интернационал». С точки зрения эмоциональной выразительности, ритмического многообразия и индивидуального воплощения для творчества поэта показательнее стихотворения «Тяжесть ночи гнилой...», «Чуваш! Чуваш!..», «Далеко в поле жёлтый зной...» и «Морю». Именно в них ярко проявляется магическая сила произнесённых поэтом наэлектризованных слов Повелевателя и Жреца. А в «Пашне Нового Дня» нет «магического стиха шаманского заклинания», там на первое место выходит метафорическо-символическое повествование, которое заставляет читателя загадывать и расшифровывать истинные значения метафор и символов. Лирический герой в том произведении выступает в роли изощрённого Поэта, но не Заклинателя-Жреца, повелевающего своих слушателей, всему народу.

Разнообъёмные строфы «Пашни Нового Дня» способствуют разнообразию рифм: первые три строфы рифмуются одинаково (абаб), а далее тип рифмовки меняется от строфы к строфе: аб-ВабВ + ааБВБВ + АБВАбВ. В последней части стихотворения увеличивается количество женских рифм, что продиктовано содержанием лирического повествования (подобные рифмы раздвигаются из-за увеличения объема строк-высказываний). Нередко 5-стопный ямб превращается в 6- и 7-стопные строки, что приближает данный метр к вольному стиху.

Стихотворение «Пашня Нового Дня» полностью построено на символах. Здесь имеется сеспелевская цветосимволика как раннего (*ка́вак сүт, сар хёвел, хура уй, сип-симёс улăх, ка́вак пёлёт*),

так и зрелого (*Сён Кун аки пуcён хён-хёрлё тимёрри, ытён ака пуc, сар-хёрлё кунтэк, каварла ываc, ытён cуре* и т.д.) периодов. Обновлённая образно-метафорическая система поэта способна создавать образы путём сближения самых далёких друг от друга понятий или круга явлений (типа прорастания судьбы чуваша из семян-звёзд).

«Тинёсе» (Морю) сочинено 12 июля 1921 г. В этот день православный мир отмечает Петров день (чув. *питрав*). Данный христианский праздник у чувашей слился с летними жертвоприношениями *уй чукё* (полевое жертвоприношение). В старину, ещё до насильственной христианизации, на летние моления собирались жители десятков деревень, в жертву приносили лошадь или быка (для божеств первого разряда), барана (для божеств более нижних разрядов) и т.д. Молитвами входили в контакт с небожителями и выпрашивали у них хорошего урожая. В данном обряде молитвословия выполняют коммуникативную функцию, так как центральной идеей жертвоприношения, как показывают исследования, было не умилоствление-выпрашивание, а равноправное экономическое отношение по принципу «мы вам, а вы нам».

В стихотворении «Морю» лирический герой в образе «Нового Поэта обновленного чувашского народа» (*Сён чавашён сён поэчё*) очищается перед великой стихией Природы, входит с ним в контакт с целью осуществления своих программных планов и желаний. Прочтём первую строфу данного произведения:

Ой, ты море бурное,
Чёрное, лазурное!
Наволакивая волны,
Пеной ярости наполни
И гони на берег вольно,
Глыбы кипенью круша.
Открывается невольно
Сердце жаркое моё
Силой битвы. Лишь её
Признает моя душа.

Перевод А.Дмитрисва.

В данном переводе не улавливается нагнетание и наплыв непрерывных волн, шестая строка даже разрывается на две части. На мой взгляд, звуко-интонационное движение оригинала несколько смог сохранить другой переводчик (П.Хузангай):

Море, море чёрное,
Вечно непокорное!
Ты волнами, пеной белой
Об утёсы бейся смело,
Рвись, мечись остервенело.
Я душою огнекрылой,

Сердцем жарким, что зовёт
В обновлённую страну,
Лишь борьбу могучей силы
Ставлю выше всех красот.

Ради справедливости следует отметить, что последние две строки первого перевода по содержанию (но не по интонационной экспрессии, подражающей движению громадных волн) весьма близко к оригиналу.

Далее лирический герой пытается будить в море его ярость:

Море, море, рвись вперёд,
За волною мчи волну,
Бездной тёмной, грозным адом —
То свинцом, до дна налитым,
То огня сплошным каскадом
На валы бросай валы ты.
Вечным голосом борьбы
Оглушай и потрясай
Небосвод былой судьбы.
Бей волнами, разбивай
Каменистый берег свой,
Вызывай его на бой.

Перевод П.Хузангая.

Здесь, наоборот, последние строки данной строфы точнее в переводе А.Дмитриева:

Пусть утёсы, раздробясь,
В свой посмертный выйдут пляс.

После данной строфы уместно вспомнить стихотворение Ф.Тютчева «Море и утёс» (1848) и путём сопоставительного сравнения поразмышлять о своеобразии творчества М.Сеспеля. Русский поэт не менее талантливо изображает волны бушующего моря, но лирический герой здесь удивляется непокорной стойкости берегового утёса:

Волн неистовых прибоем
Беспрерывно вал морской
С рёвом, свистом, визгом, воем
Бьёт в утёс береговой, —
Но, спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,
Неподвижный, неизменный,
Мирозданью современный,
Ты стоишь, наш великан!

Почему два поэта в природной стихии увидели совершенно разные вещи: чувашский поэт восхваляет непокорность волн, каменные утёсы для него лишь застывшее и мёртвое; Ф.Тютчев же поражается стойкостью могучих утёсов, он вдохновляет их такими словами:

Стой же ты, утёс могучий!
Обожди лишь час, другой —
Надоест волне гремучей
Восвать с твоей пятой...
Утомясь потехой злою,
Примирсет вновь она —
И без вою и без бою
Под гигантскою пятою
Вновь уляжется волна...

Для Ф.Тютчева важнее стойкость в обороне, а М.Сеспелю ближе непокорность волн, их вечное движение. Разницу в видении можно объяснить не только творческой индивидуальностью, но и менталитетом русского и чувашского народов (утёсы символизируют оседлость народа, а кочующие волны — постоянное кочевание народа с места на место). Чувашский поэт восхищается невиданной им морской стихией и видит в ней образец борьбы за самоочищение и Новый День:

Море, море, вот поэт
Новых дней земли чувашской,
Старина пятою тяжкой
Наложила горький след
В глубине его души —
След унылого напева.
Море, море, добрым гневом
Кровь поэта освежи;
Трубным гимном разбуди
Песню гордую в груди,
Смыв болезненный налёт.
Пусть волна твоя вольёт
Силу мужества в него,
Чтоб поэт в союзе с морем—
Смелый, стойкий, боевой —
Побеждал любое горе.
Чтоб поэт о новой жизни
Песни новые слагал,
Чтобы с думой об Отчизне
Сердце солнцем зажигал.
Чтоб поэт пахал и сеял,
Лес рубил,
Траву косил.
Труд до песни возносил,
А на свадьбе — грусть развеял...

Перевод А.Дмитриева.

Пятая строка оригинала звучит так: «Нишлёлёхсенчен тасат». Слово *нишлёлё* встречается и в стихотворении «Тяжесть ночи гнилой...». Там лирический герой желает, чтобы немощные и слабые к борьбе превратились в дряблых жаб. Следовательно,

вышеприведённую строку следует перевести следующим образом: «от всех немощей-слабостей очисти». Данная конкретизация оригинала даёт понять истинную суть его желания – полное самоочищение. Здесь же М. Сеспель излагает свой идеал творца и певца Нового Дня: он всегда должен быть вместе с народом и жить его проблемами, бороться за его настоящее и будущее.

Море, море, время мчится.
Он расстанется с тобой,
И когда он возвратится
В край любимый, в край родной,
Пусть он скажет там чувашам,
Цепь тяжёлую порвавшим:
– Позабудьте день вчерашний,
Ночь великая идёт,
Солнца нового восход
Привечай, родной народ!
Тихим был – так будь героем,
Смирен был – долой смиреньё!
Огnekрылою душою
Отправляйся дерзновенней
В неизведанный полёт.

Перевод П.Хузангая.

Наполняя свое сердце энергией борьбы бушующего моря, поэт мечтает на Родине своей вдохновить народ к созиданию новой героической жизни.

Море, море, бей сильнее,
Разбивай, кроши каменья.
И напористой, быстрее
Мчи волну ты за волной.
Смело, яростно бросайся,
Беспощаднее вгрызайся
В каменистый берег свой.
И рычи, реви и вой.
Торжествуй, труби победно,
Сбрось бывшее прямо в бездну:
Лишь борьбы передний край
Славлю я душой героя...

.....
Здравствуй, новая заря!
Новый мир, не отступай!

И здесь перевод П.Хузангая ближе к оригиналу, в данной строфе лишь строка «Сбрось бывшее прямо в бездну» не соответствует действительности: море борется не со старым и былым, оно наступает на глыбы неподвижных камней. У М. Сеспеля данная строка звучит так: «Хыссян-хыссян хум п'арах» (За волной бросай волну). Последние две строки стихотворения в подстроч-

ном переводе выглядит так: «Сён тёнче! Эй сёнё куням, | Каялла ан кай, ан чак!» (Новый мир! Эй новый день, | Не уходи, не отступай!)

Итак, в общении с Морем лирический герой находит форму самоочищения (освобождение от сомнений, изгнание духов разных слабостей), т.е. поэт изобразил своего героя в состоянии катарзиса. Но здесь он подобен царю моря Посейдону: герой обуздал великую стихию Природы, повелевает и управляет ею. Стиховая и образно-метафорическая система произведения позволяет ощутить слияние внутреннего состояния героя с соответствующим явлением природы – штормом. В передаче звуков и картин бушующего моря здесь М.Сеспель особое место уделил ритмике и цветосимволике стиха. Своеобразной ритмикой он способен передать набегание волн, а красками показать изменение цвета воды. Например, всего-навсего две строки (Хуп-хуран, сип-симёсён, | Кәпәк тумлән, хумлән-хумлән...) ассоциирует следующую динамичную картину: издалека приближаются чёрные волны. Приближаясь, они обретают зелёный оттенок и совсем рядом, превращаясь в белопенные волны, ударяются о берег. Действительно динамичная картина, как и меняющиеся свои цвета лепестки цветка *сәснәл* (вспомним начало первой главы данной книги).

Кроме цветного изображения в стихотворении имеется и звуковое сопровождение, которое создаётся своеобразной ритмикой и звуковыми повторами. Для примера возьмём часть последней строфы:

1. ЭсХАЙ-УЛ-ЛӘН, вАЙ-ЛӘ ХУМ-ЛӘН,
2. ЙЫВӘР саслә, ЙЫВӘР ЧУЛ-ЛӘН,
3. ЧУЛ-ЛӘ сырана ТУЛ-ЛА.
4. мЁКЁР, АХАР, КАР-КАР-ла,
5. вайЛӘ сУЛӘМ-ЛӘН, Хай-УЛ-ЛӘН,
6. ХЫҢ-ҢАН-ХЫҢ-ҢАН хум пәрах.

В строках слышатся звуки, подражающие шум воды (*кёр, хәр, кар, пәр*) и изображающие движение волн в ритмах хореев, ямба, амфибрахия и дактиля. При этом все звуковые повторы на фоне волнообразного движения строк создают эффект звуко-картинного изображения морского прибоя. Например, читая третью строку, мы ритмически ощущаем, что волна, ударившись о скалы, в начале поднимается (—~~~~) и резко падает вниз (—): *Чуллә сырана тумла*. Уже в четвёртой строке до нас доходят звуки бурлящей воды: *кёрр! карр!* В пятой и шестой строках снова набегают волны, и мы вновь слышим звуки удара волн: *хум-пәр-п!*

В стихотворении «Морю» мы видим полностью раскрытый талант М.Сеспеля как великого поэта и художника. Данное произ-

ведение вошло в золотой фонд сокровищницы мировой поэзии и ждёт своего достойного перевода на другие языки.

«**Иңсе сӳнче уйра уяр...**» (Далеко в поле жёлтый зной...) сочинено в тот же день, что и предыдущее стихотворение. 12 июля в чувашском обрядовом календаре ещё знаменательно тем, что в этот день провожают уяр (молодёжные сборища с песнями и хороводами) до следующего года. От семика до Петрова дня кукует кукушка, поют соловьи и другие птицы, по вечерам веселится молодёжь. Это действительно пора звучания тысяч-тысяч песен и духовного единения народа, это время обновления (в семик следовало надевать только новые рубашки, парились новыми венниками из новособранных трав и т.д.) тела и души всех чувашей. С вышеизложенной традицией полностью сливаются пафос и интонация, образы и символы стихотворения «Далеко в поле жёлтый зной...»

Следует особо объяснить значение слова уяр. В литературном языке оно имеет следующие значения: «ясная погода, ведро»: уяр аса «гром без тучи», уяр сисём «зарница» и т.д. Но на родине поэта, как и у всех средненизовых чувашей, этим словом обозначают «зной и марево во время поспевания ржи» (ӓрша): уяр вылять «марево играет». Это значение помогает нам понять глубину зрительной памяти поэта, который и вдалеке от родных полей — у берегов Чёрного моря — представил игру воздушных волн над золотой нивой северной Чувашии (в Крыму, как известно, рожь не сеят).

Чтобы анализировать произведение по строфам, необходимо чётко представить строфическую организацию данного стихотворения. Оригинал М.Сеспеля (думаю, при его публикации Н.Вазянка не внёс своеобразных поправок) «Далеко в поле жёлтый зной...» имеет три разнострочные строфы: 10+9+12. Некоторые полагают, что в оригинале поэта была такая строфика: 3+4+3; 4+3+4 и 4+4+4, в которых математически точно чередуются образы, антитезы и рефрены. Получается два уровня композиционной организации: строфа и группа строф. Можно объяснить и традиционно: строфа с тремя её составными частями. Мне кажется, не следует здесь ничего домысливать, так как даже из школьных словарей известно, что строфы объединяются по типу рифмовок. В данном случае первая строфа имеет следующую общую структуру рифмической целостности: аббавгДвгД, вторая — аббаавггг, а третья — ааббббвгвгвг.

Антитезы сами по себе не объединяют строфу, в славянском фольклоре обычно они составляют одну композиционную единицу. В чувашском фольклоре подобный композиционно-стили-

стический приём не развит, чем, например, в русском. Поэтому фольклористы его называют славянской антитезой. И вообще, М.Сеспель никогда не стремился к «математической точной конструкции», у него на первом месте стояла не просто форма, а форма содержательная. В зависимости от содержания поэт мог и увеличить, и уменьшить количество строк и стоп в стихе.

Итак, все факты говорят в пользу того, что строфическую разбивку стихотворения «Далеко в поле жёлтый зной...» автор делал сам, объединяя строки общей для строфы рифмовкой.

Лирический герой изображает движение воздушных волн от стороны в сторону и сразу отрицает свою картину: оказывается не в поле, а в молодом сердце героя струны звенят. Здесь же следует вопрос: почему звенит душа, не красавицу ли увидел герой, или же его радует небо?

Вдали стеной над нивой зной,
Чуть отливая желтизной,
Шальною мечется волной...
Нет, то не зной на ниве той, —
В душе горячей молодой
Отлита солнечной струной —
Звучит симфония стозвонно...
Что стало вдруг моей душой?
Красавица ли предо мной
Иль смотрят небеса влюблённо?

Перевод А.Смолина.

После последнего вопроса требуется некоторая пауза, ответ в форме антитезы включён во вторую строфу, которую можно назвать утвердительно-изобразительной (первая — вопросительно-изобразительная):

Нет, нет... Воскрес мой край родной!
В глухих, забытых деревнях
В просторах наших, на полях...
Везде повеяло весной.
День новый с ясною судьбой!
В груди луч солнца золотой,
Мотивом дивным завитой.
В душе звенящею струной,
Как жаворонок над страной,
На гусях сердца песню спой!

О оригинале нет повелительного слова «спой». Вот перевод П.Хузангая:

Как не звенеть душе моей? —
В ней гусли, жаворонки в ней.
Как сердцу скажешь; «Не гори?»
В нём солнца жар, в нём свет зари.

Последнюю строфу можно назвать чисто повелительной. Лишь в конце имеются строки утвердительно-изобразительного стиля:

Вей, Свежий ветер! И взыграй!
Наполни силой Отчий край!
Вей, свежий ветер! Вей сильней!
Скорей согрей сердца людей
И песней стань для чувашей!
Вдали стеной над нивой зной,
Ты жилам жара не жалеи!
Кровь солнцем яростным разлей!
Во мне же множество сердец.
Сто тысяч чувашей я сам.
Внемлите тысяч голосам:
Я — тысяч чувашей певец!

Для сравнения приведу последние четыре строки перевода П.Хузангая:

Во мне стучит мильон сердец.
Я не один. Я сам — мильон,
Мильона чувашей певец.
Мильонам стих мой повторён!

Последние два стихотворения, написанные в день великих праздников чувашей — *уй чукё* и *уяв ёсатни* — объединены между собой совершенно новым образом лирического героя: он является Новым Поэтом обновлённых чувашей. В произведениях звуковая, композиционная и ритмическая организация полностью подчинена интонационно-стилистическому и звуко-световому подражанию-изображению природных действий (шторма, игры воздушных волн над золотыми хлебами и т.д.).

Напомню, что в чувашском языке очень много подражательных слов, значения которых могут меняться от изменения отдельных гласных звуков. Например, при помощи гласных можно передать шесть оттенков звука, издаваемого от падения (удара) предмета: леп, лёп, лап, лӑп, луп, лӱп. При этом последний согласный можно заменить звуками *к*, *ш*, *с* и т.д. Все эти оттенки отзвука от соприкосновения одного предмета с другим остаются в стороне от иноязычного слуха, полностью теряется в переводах, в первую очередь поэзии.

В качестве примера можно взять начало стихотворения «Далеко в поле жёлтый зной...»:

1. ИНҖЕ ҖИНҖЕ УЙРА УЯР
2. каРТАланса чӑлТӐРТА-ТАТЬ,
3. ЙЕНЧЕН ЙЕН-НЕ ҖУПса ЧУПать...
4. ҖУк, УЙАР МАР — ҖУт УЙРА МАР —
5. МАН җАМрӑк Чунлӑ ЧӐРЕ-РЕ

6. ХЁвЕЛ ХЁЛ-ХемЛЁ ХЁЛ-ЁХсем

7. СИТмЁЛ СИЧ ЧЁЛ-ЁХ-ЛЁН янрасёё...

В первой строке идёт ровный и полный повтор палатальных и велярных звуков, что даёт ощущения пространства на фоне картины содержания (далёкое, узкое поле). Во второй строке звуко сочетание РТА, затухающее к концу строки, позволяет чувашскому слуху уловить волнообразное движение, что тоже совпадает с содержанием строки «жёлтый зной играет с нивой золотой». В третьей строке лексема ЙЕН (сторона) повторяется четыре раза, при этом в последний раз в обратном порядке звуков (НЕ), т. е. происходит ощущение смены противоположных сторон. Соответственно, *енчен ение* означает движение колебательное, со стороны в сторону...

Подобным образом можно анализировать многие стихотворения поэта, и мы каждый раз убеждаемся, что звукопись стиха способствует непосредственному ощущению, а через него и наиболее полному пониманию идейного содержания стихотворения.

В крымский период М.Сеспель переходит на вольный ямб и вольный анапест, к хорю он прибегает лишь в одном случае — в стихотворении «Тинёсе» (Морю). Причину такого исключения я уже назвал: ритм продиктовали сами волны и их соприкосновение с каменным утёсом (подобное звуковое явление ритмически могли передать лишь хорей и женские рифмы в умелом сочетании с мужскими). В данных вольных стихах поэт часто использует такой приём, как замена слога паузой, а в «Чуваш! Чуваш!..» встречается даже двойная пауза: Пёр кас вв ак сирёп чул (Реж лёд вв вот крепкий камень).

Дальнейшее развитие вольного стиха привело М.Сеспеля к свободному стиху, близкому к интонационно-речевым текстам народных молитвословий, благопожеланий и др. жанров чувашского фольклора. Из таких его произведений, написанных в данный период, сохранилось лишь одно «Расшумелось, взыграло море...», которое дошло до нас, к сожалению, без авторской разбивки на строки. Быть может, автор сам мог написать его в форме стихотворения в прозе. Вот его перевод, сделанный Н.Даниловым без сохранения ритма слов и слогов: «Расшумелось, взыграло море. Стеною, стеною встают волны и с размаху громко ударяются о берег, разбиваясь вдребезги. Море, ты могуче, Мощной, смелой песней твоих волн вдохни в моё сердце силу. Пусть загорится сердце, Пусть на язык придут пламенные слова. Когда я вернусь в свою Чувашию, — свою силу, силу сердца отдам чувашской земле. Я разбуду горячими словами молодые души. Пусть все «увидят мир». Пусть узнают красоту вселенной».

На основе методики, разработанной на материале народно-

го стиха, можно реконструировать, вернее, воссоздать ритмический рисунок текста «Тинёс ахърса карё...» (Расшумелось, взыграло море...):

Тинёс ахърса карё.
Хўме пек хумёсем шавласа,
сыран хёрне вайлән пырса,
сапәна-сапәна саланаççё.
Тинёс, эс вайлә,
ху хумусен вайлә,
хәюллә юрри-сассипе
ман чёрене вай кёрт.
Чёре сунтәр,
Чёлхе вёсне
кәварлә сәмахсем килччёр.
Вара эпё хам чәваш сёрне кайсан
хам вая,
чёре вайне чәваш сёрне парәп.
Кәварлә сәмахәмпа
самрәк чунсене вәратәп.
Пурте «тёнче курччёр».
Сут тёнче илемне пёлччёр.

Здесь ритм возникает на уровне интонации и синтаксиса. Дело в том, что в народном свободном стихе (в текстах заговоров, молитвословий, приговора дружки на свадьбе) в образовании ритма главную роль выполняет интонационно-синтаксический повтор, делящий строфу-фразу на отдельные синтагмы-строки. Пара подобных синтагм, законченных интонационно и по смыслу, берёт на себя организующую роль стихотворного ритма. В таком тексте возникает интонационная инерция, которая повторяется на фоне постоянного изменения количества и длины синтагм, входящих в интонационную целостность (подробно см.: *Родионов В.Г. Чувашский стих: Проблемы становления и развития. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992*).

Итак, мы анализировали основные известные произведения М.Сеспеля, написанные в период его лечения в санатории «Таласса». В данный период творчества поэта его эстетические принципы остаются такими же, какими они были в чебоксарский период. В крымском цикле стихов поэт добился полной гармонии индивидуального и коллективного сознания. Возвышение личностного начала не помешало ему писать от имени всего народа. Именно в Крыму, в многонациональной среде и вдалеке от родного края, он полностью осознал себя как представитель, а скорее всего, как лидер и жрец-повелитель, многих тысяч чувашей с берегов Атл-Волги. Предводитель народа при обращении к нему, подобно родовому жрецу, прибегал к магии слова, ибо

он знал, что вчерашним сородичам-огнепоклонникам данная повелительная форма наиболее понятна, подобные гипнотические слова лучше воздействуют на психику своих земляков. И не только потому. К тому времени М.Сеспель сумел разгадать тайну магического волшебства слов, которая таилась в законах чувашского языка и специфике жанров и обрядовых текстов устной словесности.

«ЗАЛЕДЕНЕЛ ЦВЕТОК НАДЕЖДЫ СВЕТЛОЙ...»

Биографы М.Сеспеля до настоящего времени не знают точную дату прибытия чувашского поэта в Киев. Из воспоминаний Ф.Пакрышня известно, что их поезд прибыл в Харьков «ровно через две недели после отъезда из Евпатории», т.е. 28 августа 1921 г. О том, что М.Сеспель в тот же день выехал в Киев, в воспоминаниях не говорится. Наоборот, можно понять, что чувашский поэт жил со своими друзьями в эвакуационном пункте вплоть до 10 сентября: «В Харькове мы были 10 дней, жили впроголодь. Духовного падения я в Миши не замечал. Из Харькова он решил поехать в Киев, чтобы учиться в художественной школе. 10 сентября нам пришлось покинуть негостеприимный эвакуационный пункт».

Миша поехал отдельно от других – на крыше пассажирского вагона. Остальные очутились в товарном вагоне и с большими неудобствами, ещё больше голодая, добрались до Киева 15 сентября 1921 г. Когда мог добраться Михаил на пассажирском поезде, если он выехал 10 сентября? Наверное, через два-три дня. Если бы он выехал 28 августа, то к 1 сентября добрался бы в Киев, так и считают биографы поэта.

Обратимся к другим косвенным фактам. Авторы хроники жизни и творчества М.Сеспеля в его «Собрании сочинений» пишут, что 19 сентября 1921 г., «в связи с истечением отсрочки от призыва на военную службу Киевский уездный военный комиссариат призывает Михаила Сеспеля в Красную Армию и направляет в 3 запасный телеграфно-телефонный учебный полк Киевского военного округа». А в письме Ф.Пакрышню М.Сеспель сообщает следующее: «По приезду в Киев я поступил в художественную школу. Но только неделю пришлось поучиться, взяли в Красную Армию». Получается, что поэт поступил в школу где-то 12 сентября, т.е. сразу после приезда в Киев.

Первым стихотворением М.Сеспеля, написанным в киевский период, является «Хурçă шанчăк» (Стальная вера), которое имеет следующую атрибуцию: «Киев. 20 сентября 1921 г.» Только из-за оптимистического пафоса в нём некоторые биографы

поэта считают, что под стихами М.Сеспель поставил дату его отправления из Киева в Чебоксары, а публикатор Н.Вазянка, мол, принял её за дату написания стихотворения.

Ещё в 1989 г. мною было высказано мнение о схожести пафоса и духа данного произведения со стихами поэта крымского периода. Но схожесть пафоса не является убедительной причиной для усомнения в подлинности датировки. Вот какая логика убеждения у недоверчивого биографа: «Мобилизация в армию, вынужденность прервать удачно начатую учёбу в художественной школе вовсе не располагали поэта 20 сентября 1921 г. к мажорному мотиву. Наоборот, письма из армии тех дней полны негодования и упрёков» (Наш Сеспель. Чебоксары, 1999. С. 55-56).

Следует уточнить, что первое письмо М.Сеспеля Ф.Пакрышню написано лишь 30 октября 1921 г., т.е. через 40 дней после сочинения стихотворения «Стальная вера». Время для перелома и полного разочарования достаточная. Оптимизм стал покидать поэта в октябре, на что указывает письмо К.Турган Ф.Пакрышню от 28 октября 1921 г. Там он сообщает, что Миша пошёл в Красную армию, что государство не в состоянии всем помочь, поэтому он, К.Турган, дал чувашскому другу 1 фунт сала и более 15 тыс. карбованцев. «Я больше ничего для него не смог сделать, хотя бы в Армии пусть обмундируется», — завершает своё письмо К.Турган. А москвич С.Иванов, узнав новости из письма К.Тургана, передает их Ф.Пакрышню такими словами: «Турган сидит дома, а Миша поступил в Красную Армию, потому что нигде не мог определиться» (письмо от 18 ноября 1921 г.).

Итак, ко времени написания стихотворения «Стальная вера» М.Сеспель прослужил в армии всего 1-2 дня и за такой короткий срок он никак не мог ознакомиться как с порядками в армии, так и со своими сослуживцами. Нужно полагать, что в первые дни пребывания в армии М.Сеспель ещё оставался оптимистом, но с усиливающимися в душе сомнениями. Именно на таком фоне следует изучить данное произведение.

Далее обсудим проблему атрибуции стихотворения. В письме, отправленном в редакцию газеты «Канаш» не ранее ноября-декабря 1921 г., М.Сеспель выражает такое своё желание: «Если «Канаш» здравствует, и я бы сумел что-нибудь написать для него». Отсюда можно заключить, что и в октябре, тем более в сентябре, М.Сеспель не мог отправить письмо в «Канаш». Он не знал о возобновлении её издания после мая 1921 г. (газета до мая выходила в Казани и лишь с 24 сентября стала печататься в Чебоксарах). Нужно полагать, что стихотворение и официальное обращение-письмо М.Сеспеля были отправлены в «Канаш» примерно в одно и то же время с письмом А.Ласточкину (середина декабря 1921 г.).

И ещё. Н.Вазянка вспоминает, что стихотворение «Стальная вера» было получено редакцией «Канаш» в бытность её редактором П.Львовым (он выпускал газету с конца января по февраль 1922 г.). Если письмо из Киева до Чебоксар шло даже два месяца, то дата его отправления было бы конец ноября — начало декабря, а не 20 сентября, как полагают некоторые сомневающиеся.

Следует ещё раз заметить, что все свои законченные стихотворения в рукописях М.Сеспель датировал, а также указывал место написания. И нет причины сомневаться в атрибуции стихотворения «Стальная вера», допуская сомнительные упущения самого поэта (без даты) и невнимательности Н.Вазянки (вместо даты написания стихотворения поставил дату отправки письма).

Итак, стихотворение сочинено действительно в первый месяц пребывания поэта в Киеве, когда он всё ещё верил, что его Родина жар-птицей воспрянет, «свободой и солнцем дыша».

В свою Волчью Гору Ф.Пакрышень доехал 25 сентября, а К.Турган в с. Лозоватку — 26 сентября 1921 г. 28 октября Кирюша пишет письмо своему другу Хведоре и сообщает ему о том, что он дал (послал) Мише 50 тысяч карбованцев и 1 фунт сала. По данным П.Чичканова, К.Турган посетил поэта до мобилизации в армию. А 30 октября он снова разыскал его и оставил гостинцы. В письме Ф.Пакрышню, написанном в тот же день, Кирюша сообщает ему адрес Михаила: 3-й телеграфно-телефонный полк, 1-я полевая телеграфная рота. Михаил Сеспель (не Кузьмин).

В этот же день чувашский поэт написал Ф.Пакрышню своё первое письмо. Вот его полный текст: «Дорогой друг Федя! Сердечный привет тебе. Стосковался по тебе я. Если бы ты знал, как я нуждаюсь в твоём письме. Не знаю, о чём писать тебе. Пишу только для того, чтобы сообщить тебе свой адрес, чтоб ты скорей написал мне письмецо. Подробно о своей жизни напишу, как получу от тебя весточку. По приезду в Киев я поступил в художественную школу. Но только неделю пришлось поучиться, взяли в Красную Армию. Как трудно жить теперь. Целые дни шум и гам, кругом грубые бесчеловечные солдаты. Чувствую себя ужасно одиноким. Вши. Холод. Голод изо дня в день. Федя, упал я духом. Не выдержал испытания. Ничего не осталось от прежней жизнерадостности и энергии. Грязь и голод сломили меня окончательно. Федя, Федя! Как вспомню крымскую жизнь, как вспомню тебя... Только теперь я понял окончательно, что ты редкий человек. Такого доброго, любвеобильного, человеколюбивого и любящего жизнь я не встречал на этом свете. Только теперь среди безмозглого стада солдат и людей, готовых каждую минуту надуть, растоптать ближнего — только теперь я понял, около какого достойного и бесценного человека я провёл лето в Крыму.

Дорогой Федя! Ты поймёшь, я уверен, ты поймёшь, как я нуждаюсь в слове приветя. Не задержи, напиши тотчас же по получении этих строк. Найди слово, которое водворило бы во мне надежду на светлое будущее. Конца моему ужасному существованию не видно. Семья сегодня-завтра перемерёт с голоду. Коммунизм скрылся с горизонта будущего. На десятилетия воцарился в стране советский капитализм. Опять нищета одних и богатство других. Где луч света, который бы осветил мои мрачные кошмарные дни. Как тяжело, как трудно. Как хорошо было бы умереть, но жить почему-то хочется. Знаешь, что впереди не будет ни одного светлого дня, а живёшь, живёшь изо дня в день, как животное, которое дрожит перед смертью. Федя, Федя! Не забывай меня. Я один на свете. На чужой стороне не забывай меня. Будь братом. Тогда мне будет легче переносить мои страдания. Раньше я не подозревал о существовании такой жизни.

Федя, желаю тебе всего хорошего.

Твой М и ш а.

Кстати, моя фамилия теперь настоящая — Сеспель. Так и пиши: г. Киев, Учебный т[елефонно]-т[елеграфный] полк К[иевского] в[оенного] о[круга], 1-я полевая телефонная рота».

✓ За четыре дня до написания своего первого письма Ф. Пакрышню М.Сеспель сочинил стихотворение «Выс псалом» (Голодный псалом), которое после смерти поэта было выслано в Чувашию в 1922 г., а в 1928 г. опубликовано Н.Вазянкой в сборнике стихов поэта. 30 октября 1921 г. М.Сеспель сочинил сразу два стихотворения: «Юлашки чёл алра, юлашки чёл...» (Последний ломоть, последний...) и «Кёпер хывър» (Проложите мост). Вот и всё творческое наследие поэта киевского периода, которое дошло до нас. Безусловно, были у него и другие произведения. По воспоминаниям Ф. Пакрышню, у Миши была целая тетрадь стихотворений на чувашском языке, которую после его смерти забрала милиция и не возвратила.

В «Собрании сочинений» М.Сеспеля 1999 года издания опубликованы три письма К.Тургана чувашскому поэту. Начнём с письма, датированного публикатором 8 январём 1922 г. (№2). Вот его содержание: «Ау, Миша! Где ты?.. Откликнись. Жив ли ты ещё или отошёл в вечность бытия? Пишу уже, кажется, пятое письмо, до сих пор твоё существование для меня покрыто мраком неизвестности. Что же это в самом деле такое? Неужели ты с Федей объявили мне блокаду? Как соединенная компаха? У меня иногда закрадывается тёмная мысль, что ты помер. Или вы, бестии, какими-нибудь нелегальными путями уехали в Крым и там у шумящих волн? Вспышка и возмущение моё постепенно успокоились, и я постепенно примиряюсь со своим положением до

следующей весны. Положение же, к величайшему моему при-
скорбию, больно не завидное. «Кумерция» прекратилась совер-
шенно. Уже три недели, как я живу дома, хотя пищи и в изоби-
лии, но покуриваю только махорку и так с ней свыкся, что в
любое безденежье заменяет мне папиросы. Денег сейчас абсуле-
ма, потому что до сих пор новый урожай мне ничего не дает.
Хлеб не молочен, что меня сугубо беспокоит, ибо нет на чем
основать «кумерцию», но все ж таки в перспективе предвидится
основной капитал в количестве 60 миллионов, которые получу
от продажи свеклы в сахзавод. Да! Приятное для меня явление,
не знаю, писал ли я тебе об этом в предыдущем письме, ибо в
настоящее время чрезвычайно рассеян, дело в том, что знаме-
нитый мой Кооперативный Техникум ан[н]улирован, по всем
деталям ликвидации и в кас[с]ационном порядке обжалованию
не подлежит, так что я в данный момент ни более ни менее как
чернь, — без всякого студенческого титула, но это меня тем бо-
лее радует, что я всецело отдавался делу лечения, но тем более
рад, что порвал всякие связи с ненавистной для меня гадкой
площадкой и подлой кооперацией (по крайней мере, я её иначе
себя не представляю и в данный момент). В настоящее время
исправляю свои коммунистические заблуждения чтением анар-
хической литературы, и если тебя интересует, то в следующем
письме могу тебе написать те названия, которые дала мне фило-
софия анархии, а сейчас укажу лиш[ь] тебе на хорошую книгу в
этой области, которую советую прочесть, это будет Макс Штир-
нер, «Единственный и его достояние». Из жизни своей сообщаю
тебе ещё тот факт, что в связи с прошлогодним неурожаем семья
наша весьма разорилась, и все члены семьи, в том числе и я,
перешли на полную самоокупацію, т.е. прибегли к Нов[ой] эко-
номической политике, так что добывание средств к лечению у
меня проходит тем более туго. В ожидании нового урожая я сде-
лался «яко благ, яко наг, яко нет ничего», — а по новому уро-
жаю получил всего 20 пудов хлеба, который меня далеко не удов-
летворяет. 20 октября буду в Киеве, получу недельное лечение
рентгеновских лучей, которые принимаю скорее по своей наив-
ности, потому что ничего они мне не помогают. После этого
начну расширять свою «кумерцию», — боевое задание — приоб-
рести к 15 мая 23 г. 150 — 100 пудов пшеницы. «Кумерция» прой-
дет оседлая и довольно благородная, — золотой и серебряной
валютой. Дома буду жить безвылазно от 1 ноября до 15 мая. 15 мая
думаю уехать либо в Германию в Баден-Баден, где меня обещает
устроить двоюродный брат, который служит сейчас в Болгарии,
либо уеду на Кавказ, а покамест только фантазирую, как алхи-
мик, как бы из ничего да сделать капитал, который бы помог

мне отстоять победу в борьбе за существование. В связи с неудавшейся поездкой на курорт образовательное мое стремление прекратилось на года два-три.

Дорогой друг Миша! Мы должны обязательно, как и прежде, так и теперь оставаться такими же друзьями, какими были раньше, ибо судьба связала нас как два характера, твой глубокомыслящий, а мой практичный с оттенком стремления к искусству, чтобы мы восполняли друг друга. Не, удивляйся, Миша, что письмо мое слишком прозаично, ибо и я в настоящее время слишком прозаичен. Когда получиш[ь] это письмо, то немедленно же отвечай мне на Шполу, ст[анция] Шпола Киев[ской] губ[ернии], с. Лозоватка, мне, потому что я если и буду в Киеве, то всего дней пять-шесть. Если нет денег, пиши доплатами. Да! Пишет ли вам кацап, я хотел бы с ним возобновить переписку, но не знаю, где он находится. Каково же твое положение, Миша? Устроился ли где, где живеш[ь] чем занимаеш[ь]ся, — опиши все подробно. Будь здоров, Миша! Желая тебе того, что ты сам себе желаеш[ь]! С товарищеской солидарностью друг твой К.Турган».

В конце письма чётко проглядывается дата: 18/VIII, что сразу вызывает настороженность: 18 августа, как об этом сообщает Ф.Пакрышень, они были еще вместе и их поезд стоял в Симферополе. Очевидно, оно написано К.Турганом 18 августа 1922 г., когда уже М.Сеспеля не было на белом свете. О его смерти он узнал только в сентябре месяце (это видно из писем). В своем письме Ф.Пакрышню от 10 декабря Кириуша сообщает, что от Михаила он получил всего три письма. Последнее, как известно, отправлено 4 декабря. Получается, что первые два письма написаны в октябре-ноябре. В своих письмах Михаил очевидно, жаловался на голод и трудное своё положение в армии. Но он не сидел, как говорится, сложа руки, а настоятельно искал выход. Так, в письме в Чувашский обком РКП(б) от 31 октября 1921 г. он заявил следующее: «С сентября месяца 1920 года я состоял членом чебоксарской организации РКП, причём был членом облисполкома, но с арестом моим 27 декабря 1920г. мой партийный билет №702314 был изъят и приобщён к делу по моему обвинению, и после этого я лишился возможности посещения партийных собраний и участвовать в партийной работе. Не дождавись окончания дела, по которому я обвинялся, я был командирован здравотделом на лечение в Крым, причём выезд мне трибуналом был разрешен на 1 месяц, но в Крыму срок, по которому я освобождался от военной службы, истёк, и я был принят на военную службу и теперь нахожусь в Красной Армии. Вероятно, я уже от партии чебоксарской организации устранён.

Прошу комитет партии сообщить мне, выбыл ли из партии

механически или же об исключении меня из партии было известное постановление, и могу ли вновь стать членом РКП».

Как предполагает исследователь Н.Иванов, поэт в тот же день обратился с письмом в Ревтрибунал, ибо исход дела полностью зависел от его решения. Из другого заявления М.Сеспеля известно, что в декабре (очевидно, во второй половине) он получил от трибунала Чувашобласти извещение о прекращении дела бывшего завоблюста «за отсутствием состава преступления». Заявление М.Сеспеля Чувашский обком партии передал Чебоксарской городской партийной организации, а оттуда в Ревтрибунал поступил запрос — «дать справку на тов. Кузьмина, билет №702314, обвинявшегося 27 декабря 1920 года, состоялся ли суд над тов. Кузьминым или нет, если состоялся, то каков вынесен приговор». И вот только 27 января 1922 г. ответственный секретарь городской партийной организации Ф. Лукин отправил поэту сообщение следующего содержания: «Тов. Кузьмину-Сеспелю (1-я полевая телеграфная рота). Чебоксарский горсекретариат на Ваше заявление сообщает: суд по обвинению от 26 августа [1921 г.] прекращён, потому Вы находитесь в правах члена РКП(б), а отчистку не проходили ввиду Вашего отъезда».

Письмо было отправлено по месту бывшей службы поэта, а в январе-феврале он уже находился в другом месте, поэтому, естественно, ответа с радостной вестью поэт в руки не получил. Но в начале января М.Сеспель повторяет попытку реабилитации своего имени: он вторично обращается в Чувашский обком РКП(б) о восстановлении членства. «Я состоял в партии с 1918 г. до сентября 1920 г. работал в Тетюшской организации РКП, после чего был переведён в Чебоксары и состоял членом Чебоксарской организации при партбилете № 702314. С 27-го декабря 1920 г., будучи арестованным по возбуждённому против меня курьёзному делу (по обвинению в поджоге), я совершенно оторвался от партии, т.к. с приобщением партбилета к делу обвинения утратил право участия в партийной работе. Когда же ещё до окончания дела 12-го мая 1921 г. был командирован на лечение в Крым, меня приняли в Красную Армию, что ещё более отдалило меня от партии, т.к. не имея партбилета, я не мог зарегистрироваться в военных организациях партии. В декабре месяце 1921 г., две недели тому назад я получил от Трибунала Чувашобласти извещение, что мое дело за отсутствием состава преступления прекращено в августе месяце 1921 г.

Имея всё также глубокую преданность партии и горячее желание участия в партийной работе, и ввиду того, что я от работы был удалён исключительно по возбуждённому против меня делу, бессмысленность обвинения по коему теперь уже Трибу-

налом доказана, теперь, когда честь моя восстановлена и невиновность доказана прекращением дела, чем доказана и несправедливость моего удаления от партии, — прошу Областной комитет партии восстановить мои права члена Российской коммунистической партии, вновь зачислить меня членом партии. Прошу по прилагаемому адресу выслать мне партийный билет. На общем собрании прошу огласить, кто из знающих меня партийных работников может поручиться за меня, что необходимо, наверно, для отметки на партбилете о прохождении чистки партии.

Вместе с сим отправлено отношение Трибуналу Чувобласти о передаче в Компартию имеющегося о прекращённом деле партийного билета № 702314.

(С сентября месяца 1921 г. ношу чувашскую фамилию *Сеспель* вместо *Кузьмин*).

С Коммунистическим приветом М.Сеспель.

г. Киев, Окружной склад телеграфно-телефонных материалов Киевского военного округа, Лабораторная ул., № 7».

Сохранился рапорт М.Сеспеля начальнику Окружного склада телеграфно-телефонных материалов управления связи Красной армии Киевского военного округа, составленный 5 декабря 1921 г.: «Неподготовленность моя к занятию должности завпрода в аккуратном несении обязанностей на таковой должности, — где приходится вращаться исключительно в сфере хищничества, надувательства со стороны разных продскладов, к чему я более чем не подготовлен, — вынуждает меня отказаться от принятия должности завпрода, и то обстоятельство, что в части, откуда я прибыл, могу быть более полезным своей работой в области культурно-просветительной деятельности, ставит меня в необходимость просить Вас не отказать возможно скорее откомандировать меня в свою часть. Михаил Сеспель».

Вроде все карты ему в руки: довольствуйся божьим даром и больше не голодай, живи как все. Нет, Сеспель так не мог поступить, он человек принципа и чести: скорее умрет с голода, но не украдёт и не обманет. Из заявления можно угадывать род занятий поэта в бытность в своей части: он работал там «в области культурно-просветительной деятельности». Причину перевода его в Окружной склад мы не знаем. Как пишет П.Чичканов, по истечении двух дней после дня рождения М.Сеспеля, выходит приказ о переводе его в Окружной склад, где в основном служили потенциальные инвалиды.

П.Чичканов нашёл в архивах список солдат 1899 г.р., которые подлежали демобилизации. Среди 12 фамилий там последней была фамилия и М.Сеспеля. В документе, представленном

в строевой отдел управления связи Киевского военного округа от 9 декабря 1921 г. имеется такая запись: « 12. Сеспель, разряд — 4, занимаемая должность — кладовщик, специальности по связи — нет, в какую губернию отправляется после демобилизации — Черниговскую, каким путём — железнодорожным».

Итак, во-первых, поэт тогда все же работал кладовщиком, т.е. завпродом во-вторых, он по приказу освобождался от службы в армии и, в-третьих, собирался ехать не в Чувашию или Симбирск, а только к своему Ф.Пакрышню. Интересен еще такой факт: в рапорте от 5 декабря М.Сеспель определяет себя как красноармеец, а в заявлении в Чувашский обком (начало января) он пишет от имени рабочего склада.

Следующее письмо чувашского поэта Ф.Пакрышню написано 7 декабря 1921 г. и имеет такое содержание: «Дорогой Федя, сегодня получил присланные тобой деньги. Ты, конечно, хотел, чтобы я эти 10000 руб. употребил на что-либо путное. Но, брат мой, прости, я был слишком голоден и, как только получил деньги, побежал на базар. Если бы ты видел, Федя, как я летал. Сейчас же купил два фунта хлеба и с такой жадностью, с таким неопишуемым аппетитом съел. Как благодарить тебя. Ах, знаю, что благодарность лишь смешна. Когда, когда я отплачу тебе, — когда? Теперь я готов рвать волосы на себе: ведь я тебя эксплуатирую, я злоупотребляю твоей бесконечной добротой; тебе, наверное, и самому не очень хорошо живётся. Федя, пусть я страдаю, — не помогай мне больше. Так больно пользоваться поддержкой друга, для которого сам ничего не сделал. Сегодня сыт я. Хочется помечтать о литературе, об искусстве. Но не с кем поговорить. Как я истосковался по книгам. Как давно я не читал их. Когда голоден, мысли работают болезненно, сам становишься животным. Лишь теперь, когда я, благодаря тебе, мой Федя, я наелся, — слабый огонек надежды на будущее загорелся в сердце, и кажется, что не совсем я погиб еще, что еще человек я, может быть, когда-нибудь опять буду близок к миру искусства.

Федя, Федя, молюсь тебе, молюсь твоему имени, благоговяю тот час, когда я встретился с тобой. Пиши мне чаще (пиши без марок). Твое слово участия — живая вода для моей измученной души. Пиши, дай мне луч надежды на сносное будущее. Пиши о том, можно ли будет устроиться на Остре, может быть, в Волчьей горе можно будет где-нибудь наняться в работники. Я работал бы не покладая рук, не разгибая спины, лишь бы вдоволь иметь хлеба. Пиши больше, больше о том, как можно устроиться. Тогда я буду украшать свои черные, полные страдания дни грёзами, светлыми мечтами о жизни вблизи тебя, мой дорогой, неизменный брат.

Ах, как хочется мечтать, утешать себя самообманом. Вот чудятся дни скорой демобилизации. Вот-вот вижу себя с тобой. Опять книги, опять разговоры об искусстве, о Шевченко, об Украине, о Гоголе. Вот я устроился у какого-то кулака. Пройдут холодные дни зимы. Весна сияющая, благодатная, животворящая с шумом лесов, с зеленью лугов и полей, с лазурными бездонными небесами раздольной Украины. После тяжелых трудов мы с тобой идём в поле, в лес в благодатный мирный вечер. Так хорошо, так хорошо нам обоим. На что нам люди с пошлостью, с их базарными расчётами. Мы вместе, мы братья, мы нашли друг друга в хаосе жизни. Хорошо, хорошо, чёрт возьми!

Тысячу проклятий! Пока... сегодняшней, завтрашний день смотрят голодными глазами, оскалённой челюстью, смотрят в душу, и так жутко, и кажется, что не выдержишь. Вот-вот падёшь, и ничего от тебя не останется, и не будет весны, ни солнца, ни весеннего раздолья зеленеющих долин, ни брата Феда. Ах, как же тяжело! Как трудно. Федя, умоляю тебя, не думай, что пишу о своем трудном положении с целью и дальше эксплуатировать тебя. Федя, Федя, неужели твой брат настолько подл! Миша».

Письмо подтверждает предположение о намерении М.Сеспеля отправиться в Остёр, к своему другу Фёдору. Но по непонятным причинам демобилизация поэта затянулось до конца февраля следующего года.

Первые два письма Ф.Пакрышню (копии) были присланы В. Усли в июле 1941 г. С.Эльгеру. Отрывки из писем М.Сеспеля украинскому другу опубликовал Н.Вазянка. В сборник 1928 г. им включён следующий текст: « Федя, не презирай меня за то, что душа моя надломлена ужасом окружающей картины. Вижу на станции голодных с страшными исхудалыми лицами, в ломотьях — беженцев с Волги. В прошлые сильные морозы то тут, то там они умирали кучами — больные, замёрзшие, и их сотнями, как дрова, накладывали на дровни и увозили, ни чем не прикрытых; торчали голые руки и голые ноги; ноги мотались, повиснув с саней. Другие... совсем босые неприкрытые... едут и стонут. Как не надломиться душе от этих стонов! Федя, как страшно! Больно мне!

На базаре, где торгуют на миллионы, где и булки и хлеб, и сало — и всё ... босые, покрытые язвами, в отрепьях беженцы с Волги лежат и просят бессловесно хлеба... удручающие картины.

«... Я усталый, разбитый и голодный. С голоду теряешь сознание и рассудок, так что по получении хлеба съедаешь его в раз, не размышляя о завтрашнем дне. Сейчас я сыт: съел за три дня вперёд. Пока хорошо, но как подумаешь о завтрашнем дне... так беспомощным чувствую себя...»

Все эти письма отражают декабрьскую жизнь Киева, когда М. Сеспель, работая в складе, добровольно и презрительно отказался от должности кладовщика и стал работать простым рассыльным. Всё это ударило по его карманам, он голодал не меньше, чем его земляки-беженцы. В этом плане весьма содержательна письмо поэта А. Ласточкину, написанное 15 декабря 1921 г.: «Тов. Ласточкин, так хочется узнать как ты живёшь, где работаешь. Несколько писем написал в Чебоксары, но никто не ответил. Ничего не знаю о Чебоксарах, каково истинное положение вещей, напиши т. Ласточкин, не поленись. Хочется надеяться, что ты не будешь сердиться, что я не так просто обращаюсь к тебе. Ведь когда-то мы были так близки. Никто мне не был так близок как ты, никто не принимал во мне столько участия. Думаю, что ты и теперь такой же. Прости ещё меня — я забыл твоё имя и отчество, Антон Семёнович или наоборот, т. Ласточкин, умоляю тебя, напиши мне обо всём. Не к кому, кроме тебя, обратиться с этой просьбой.

Какие и кто такие теперь члены Облисполкома? Где находится Григорий Иванович [Иванов], Сергей Андреевич [Коричев] и т. Шевле [Михаил Васильевич]. Как живёт Данил Семёнович [Эльмень]? Если можешь, сообщи, где Токсин [Василий Иванович] и Александр Иванович [Иванов]. Хочется узнать, издается ли газета «Канаш» и как его адрес. Какие чувашские журналы издаются, или по случаю этого бедствия замерла вся культурная жизнь. Существует ли теперь редакционно-переводческая комиссия (как её адрес и кто председателем). Если «Канаш» существует, кто редактор. Так много вопросов задаю тебе, тов. Ласточкин, но умоляю тебя не оставить эти строки без ответа.

Я с августа месяца нахожусь в Красной Армии. Раздет, разут я и голодаю так же, как и вы, служу рассыльным при канцелярии одного военного учреждения. Подметаю и мою пол, рублю дрова, топлю печи, бегаю целый день с пакетами, как собака. Так изо дня в день, и не с кем поговорить. Стосковался по книгам. Так далёк теперь от меня мир искусства, кажется, воспитание сказалось: я вышел в жизнь совершенно не способным к ней. Здесь кругом воровство, живут только воровством. Никогда я не предполагал, что так обстоят дела в военных ведомствах.

Вот уже четыре месяца, как я поступил в Красную армию, и за это время я ни с кем не говорил, разве только о самом необходимом. Больше молчу. Кажется, что говорить разучусь скоро.

Тов. Ласточкин, буду надеется, что ты напишешь мне. Как был бы я тебе благодарен. Твой Миша.

Ношу фамилию Сеспель, а не Кузьмин, как прежде. Пусть хоть фамилия мне напоминает мне родину, думаю себе.

г. Киев. Окружной склад телефонно-телеграфных материалов Управления связи Красной Армии, Киевского военного Округа.

Лабораторная улица, №7. Красноармейцу команды склада Михаилу Кузьмичу Сеспель».

Если сообщение М.Сеспеля о своей работе соответствует действительности, то следует полагать, что его со склада (с должности кладовщика) отстранили и, как заслуживающему наказания (он, хотя и опосредованно, но всё же доносил начальству об истинном положении в складах управления связи), отправили в канцелярию рассылным.

М.Сеспель упорно стоял на своём и не сдавался, он всё выдерживал, ибо давно привык жить на пределе возможностей. Поэт прежде всего переживал о жизни и культуре чувашского народа, писал письма и просил сообщить ему о культурной жизни в Чебоксарах. Одновременно с письмом А.Ласточкину поэт отправил письмо и в редакцию газеты «Канаш» (оригинал написан по-чувашски, здесь приведу его текст в переводе Н.Данилова): «Дорогой товарищ редактор! Когда родина моя погибает, я, затерянный, скитаюсь вдалеке по степям Украины. Все мои помыслы о родной стороне; и днем и ночью я думаю: не стерли ли начисто с лица земли, не погубили ли мою родину эти тягчайшие муки голодного года, и мы — разбредшиеся выходцы из родного края — неужели навеки останемся без родины, без породившего нас народа и вечно будем скитаться по свету сиротами.

Всё же хочется иной раз убаюкать свой разум солнечно-светлой надеждой. И тогда я думаю про себя: авось не погибнем, авось выдержим эти муки, родина снова оживёт, и мы, разбредшиеся сироты, вновь соберёмся в родном краю и увидим расцвет чувашской литературы. /Дорогой мой товарищ, жив ты или нет тебя? Быть может, лишь в своей обманчивой мечте представил твой образ? О, как бы узнать: здравствует «Канаш» иль погиб в тисках голода. Узнать бы, узнать бы! Поэтому и пишу я это письмо. Товарищ мой, дорогой редактор, жив ты или нет тебя — жив ли «Канаш»? Дорогой товарищ, если ты жив, будь добр: ответь мне.

Товарищ мой дорогой, если ты жив, я буду уверен, что родина моя ещё не погибла, что она возродится. Возможно и в самом деле «Канаш» живёт. Если так, то прошу сообщить: кто в редакции? Где работают Золотов Н[иколай], Архип Лукич [Лукин]? Я слышал, что редактором «Канаш» работает Милли [Алексей Прокопьевич]. Товарищ мой, сообщите ли Вы мне обо всем этом? Если нет, то хотя бы ответьте: как с моей родиной? Не совсем ли она погибла? Кто читает «Канаш», кто в нём печатается? Каково состояние чувашской поэзии? Дорогой товарищ, сообщите.

Если «Канаш» здоровствует, и я бы сумел что-нибудь написать для него.

Дорогой товарищ, остаюсь с приветом к Вам и от души любя родину... стоящую на краю гибели. Миша Сеспель».

Вот и всё наследие, написанное М.Сеспелем в киевский период его жизни. Не сохранились многие его письма Ф.Пакрышню (всего около 11 писем) и К.Тургану (к 1 февраля их было 12 единиц). Исчезла тетрадь со стихами, присланная Ф.Пакрышнем матери чувашского поэта (по одним источникам, в 1922 г., а по другим – в 1923 г.). Поэтому значение писем М.Сеспелю увеличивается в разы, так как в них имеются некоторые ссылки и ответы на письма поэта. К таким дорогим документам следует отнести и второе сохранившееся письмо К.Тургана М.Сеспелю от 21 декабря 1921 г. «Дорогой друг Миша, – начинает Кирюша своё письмо из родного села Лозоватка. – Недавно отправил тебе письмо, – ответ на твои два письма, но мне тогда не было времени, и я подробно не написал тебе всего того, что я хотел написать, да и тепер[ь] спешу так, что особенно распространяться не буду. Из твоих писем вижу, что ты начинаеш[ь] нервничать и хмуро глядиш[ь] на жизнь и на людей, тебя окружающих. Ты хочеш[ь], чтобы вокруг тебя все идеализировали жизнь, так как её идеализируеш[ь] и предполагаеш[ь], что не видя лучших проявлений жизни и лучших стремлений у людей и жизнь, и люди плохи, ничтожны и презрительны.

Ты, отчасти говориш[ь] правду, но отчасти и ошибаеш[ь]ся. Так было во все времена человеческой истории. Не забывай того, что на человечество набегали часто бушующие волны и уничтожали всё на своём пути, но маяк светил по-старому и звал к лучшей новой жизни. Мало, Миша, маяков, но они есть и несокрушимо стоят и освещают ту гниль, от которой задыхается человечество. Пройдёт эта гнилая полоса, и засветит солнце ярче, но когда?!. Ждать надоело, хочется, чтобы это было скорей, сегодня... Жизнь есть борьба, но не с оружием в руках, а с знанием! Трудись, терпи... познавай тебя окружающее и раскрывай глаза праздным, падшим морально. Кругом тебя раболепие, ханжество, низкопоклонство, лесть, провокация... Ну что ж?.. И пусть, и мирись пока с этим, если бороться нельзя, а свое дело делай и иди по намеченному пути. Все эти явления происходят от того, что каждый по-своему понимает борьбу за существование, но часто приходится слышать: «Разве я таким бы был, если бы жрать не хотел?» Оно-то правда, но что поделаеш[ь], нужно сносить. Конечно, берёт досада, зло; осматриваеш[ь]ся кругом и так хочется уйти от этой грязи, грошевой жизни... Но как подумаеш[ь], что целина ещё спит, ещё не вставало над ней солнце

яркое, ещё не видела она тех великих пирамид знания и могучей силы, которые построены гением человека, то невольно задержиш[ь]ся в опошлённой человеком-рабом жизни... Много работы, много труда, сил, энергии, воли должно положить на создание новых форм жизни, — но я уверен, что новая лучшая жизнь придёт, ибо энергия не пропадает, а только перевоплощается.

Извини, что хаотически пишу, — нет времени собрать мысли. Главное, Миша, не падай духом!.. Не уклоняйся от жизни, бери её такой, как она есть, но не будь рабом твоих желаний и страстей, потому что это не приносит радости. Строго следи за окружающей тебя средой и жестоко расправляйся с рушителями порядка и разорителями при помощи «ревтри». То, что ты не можеш[ь] льстить, доказывает, что твёрдость в тебе ещё есть, не топчи же своего самолюбия ногами советских паразитов. Я буду тебе помогать поскольку смогу!.. Высылаю тебе 50000 р[уб], со временем вышлю муки.

Будь здоров, твой друг Т[урган].

P.S. по поводу твоего письма от 4/XII напишу в другой раз. Пишет ли тебе Иванов? Пиши очень часто, буду дуже дякувать».

Какое умное и логически аргументированное письмо-размышление получил М. Сеспель от своего друга. Письмо степенного реалиста-философа нетерпеливому романтику-идеалисту, желающему изменить мир по своему усмотрению-убеждению, голодающему и страдающему только из-за своих принципов, идущему по пути предела возможностей и самоотрицания. В данном поведении М.Сеспеля наблюдается целенаправленное мыслеполагание и движение поэта к жизни святого, отрицающего своего «Я» ради высших идей и идеалов. С детства он жил и вырос среди чувашей-общинников, идеалом которых были общинное братство и любовь, а также равенство себеподобных. Неуживших в общине людей в прошлом выгоняли из своего села, равному сему не было больше позора. Стыд (намӑс) был самым главным инструментом стабилизации социального организма. Нарушителей (воров и др.) жестоко наказывали прилюдно и тот стыд, оставленный родителями, переходил вплоть до седьмого колена. Это был действительно народным «ревтрибуналом».

Да, поэт не был рабом своих желаний и страстей, в душе он оставался всё тем же председателем «ревтри». Но сколько можно было терпеть этих «советских паразитов» различной формы и величины? Может ли смертный человек выдержать нападение подобных бытовых термитов и после многотысячных их укусов оставаться живым?

Наш поэт оказался именно в таком положении. Ему помогали идейные товарищи. Как истинный боец, он расслаблялся толь-

ко среди самых близких, которое отразилось в его письмах Ф.Пакрышню и К.Тургану, а также в стихотворениях...

«Хурсă шанчăк» (Стальная вера) написано, как мы убедились, на второй день после мобилизации М.Сеспеля в армию. Голод в то время уже наступал и наступал. Как известно, ещё 2 августа 1921 г. в газете «Правда» вышло обращение В.И.Ленина международному пролетариату и крестьянам Украины, в которой в тот трудный год был собран рекордный урожай — 550—650 миллионов пудов и которая могла отправить в помощь голодающим аж 159 миллионов пудов. Вождь пролетариата знал это и призывал украинский народ помочь в беде умирающим Поволжья. Вот его доходящие до сердец простых людей слова: «Правобережная Украина в этом году собрала превосходный урожай. Рабочие и крестьяне голодного Поволжья, которые переживают теперь бедствие, немногим более слабое, чем ужасное бедствие 1891 г., ждут помощи от украинских земледельцев. Помощь нужна быстрая. Помощь нужна обильная. Пусть не останется ни одного земледельца, который бы не поделился своим избытком с поволжскими голодающими крестьянами, которым нечем засеять полей».

После публикации обращения В.И.Ленина на Украине сразу приступили к мобилизации сил на борьбу с голодом. О них широко освещала пресса, поэтому М.Сеспель не мог не знать ситуацию в Поволжье и на Украине, сложившуюся к осени 1921 г. На фоне ширококомасштабной борьбы с голодом М.Сеспель написал стихотворение «Стальная вера», которое, по мнению поэта, могло бы голодающему народу не падать духом и собраться всеми силами:

Отчизна отважно воспрянет,
Жар-птицей она воспарит.
Кто скажет: «Не верю!» — обманет:
Он жалкий душой инвалид.

Пока неприглядна отчизна,
Чуваш погружён ещё в сон.
Не подал мой край признак жизни
И сил набирается он.

Перевод А.Смолина.

Лирический герой резко обращается с пессимистами, не верующими в будущность Чувашии. Он считает, что положение Родины не оставляет времени для сомнений и дискуссий. Аргументы героя убедительны, ибо он связывает события дня с явлениями самой Природы:

А в пору цветенья природы,
Когда с неба свет солнца льёт,

Не видят такого исхода,
Чтоб землю покрыл жгучий лёд.

Пусть сердце сжимается туже, —
Тепло оно жаждет и ждёт.
Не сможет сдержать уже стужа
Дня Нового яркой приход.

Образ Нового Дня для поэта стал особым знаковым символом в поэзии. Здесь снова он противопоставляется холодным зимним дням. Лирический герой подбадривает и внушает прежде всего себя:

О сердце, с усердием бейся
И радостно песнью слагай.
Воскреснет чуваш, ты надейся,
Ещё возгордится мой край.

Я чувствую в речи чувашской —
Раскованный глас громовой.
Великою силой и лаской
Наполнится край мой родной...

Самовнушение и обретение бодрого духа в себе позволяет герою обратиться к всему народу, в том числе и к сомневающимся:

Шагайте уверенней, твёрже,
Отважные дети страны,
Стремиться вперёд каждый должен,
Жар-птицей взлетать вы должны.

Позднее то будет ли раньше:
Лик родины вспыхнет звездой.
Кто скажет: «Не верю!» — обманщик,
Кто скажет: «Всё ложь!» — тот слепой.

Поэт не боится повторения мысли, он настоятельно убеждает читателя в будущем Чувашии и призывает не падать духом. Горячее сердце поэта заставит сердце страны биться с ним в унисон, в одном бодром ритме. В то же время лирический герой уже третий раз обращается к пессимистам, скрытым врагам возрождения чувашского народа:

Не нынче, так завтра... забьётся
Горячее сердце страны.
И песнею солнца прольётся
Огнями цветов с вышины.

Отчизна лучами заблещет,
Жар-птицей она воцарит.

Кто скажет: «Не верю!» — клеветет,
Тот жалок душой инвалид.

Данное произведение по своему пафосу не столько мажорно-бодрое, сколько тревожно-убеждающее. Поэт чувствует и видит, что простой народ находится на пределе возможности: вся голодная действительность и целые толпы разуверовавшихся в будущность страны съедают последние надежды людей в приход Нового Дня. И вот, в такие дни М. Сеспель сочиняет своё пламенное стихотворение, которое для усталых и немощных явилось бы потоком свежего воздуха, ярким солнечным светом во мраке реальной жизни. В случае, если произведение было написано в Крыму, его значение вразы уменьшилось бы. Ведь известно: чем труднее, тем больше нуждается человек в поддержке, в тёплых словах в свой адрес. Этого не мог не знать наш Сеспель. Поэтому именно данное стихотворение, а не последующее за ним, отправил он в Чебоксары для скорейшей публикации в общенародной газете «Канаш». Тем самым поэт хотел выйти на трибуну пламенным обращением к народу, чтобы поддержать его дух и бодрое настроение. Но в стихотворении за его внешней убеждённой просачивается большая тревога и опасение, вызванные, очевидно, расхождением идеала с действительностью, агрессивным наступлением холода и голода. В такие минуты поэт всячески боролся с пессимистическими настроениями.

Общий настрой автора, ориентированного на контроль импульсивно-спонтанного и потаённо-подсознательного, продиктовал строго нормированную форму и ритм (АБАБ; АмЗ). Здесь нет игривости звуков и богатой цветосимволики, подобно в стихах крымского цикла, вся мысль концентрирована на уверовании и убеждении читателя. Без контекста исторической реальности периода создания стихотворения многие особенности его поэтики и стиховой структуры остались бы не объяснёнными, так как при поверхностной его схожести с произведениями крымского периода, «Стальная вера» имеет особую поэтику и стиховую организацию.

«**Выц псалом**» (Голодный псалом) сочинено 26 октября 1921 г., когда его «грязь и голод сломали окончательно» и он глубоко убедил себя, что впереди не будет ни одного светлого дня. «Цены на продукты растут не по дням, а по часам: утром одна, а вечером другая», — жалуется москвич С. Иванов Ф. Пакрышню в письме от 18 ноября 1921 г. Уже к декабрю цены на продукты достигли следующего уровня: 1 фунт чёрного хлеба — 15 тыс., белого 25 тыс., растительного масла — 45–50 тыс. руб.

Псалом — древнейший жанр религиозной лирики, имеющий множество разновидностей: псалом-хваления, прошения,

жалобы, плачи, упрёки и вопли отчаяния и др. Стихотворение «Голодный псалом» следует отнести, скорее всего, к последней разновидности. Здесь поэтом создается метафорический образ Старого Дня с костлявой рукой, который пригвоздил Родину (Şёршыв) к кресту и, подобно голодному шакалу, грызёт её безостановочно:

Костлявая рука дней старых, злых
К кресту мой край родимый пригвоздила.
Сухими, мёртвыми зубами голод
Страну мою грызёт, грызёт, грызёт...

Перевод П.Хузангая.

Первоначально лирический герой изображает ставшим для поэта традиционным образ распятой Родины. Далее «объектив камеры» с птичьего полёта фиксирует деревенские дома и поля, а потом Волгу, рыдающую за отчизну беззвучно:

Как нищие стоят дома; в стенах
Бревенчатых, пропавших потом, душно.
Сожженные, голодные, больные
Посевы умирают на полях.

Лежит, вздыхает Волга тяжело, —
А волны жёлтые в отрепях, рвани, —
С наивным всхлипом сдержанных рыданий
Оплакивают мой народ без слов.

Проекция камеры плавно возвращается к первоначальной точке — горе Голгофе. Процесс трупоуничтожения доходит до сердца Родины:

За сердце голод родину схватил.
Заледенел цветок надежды светлой.
И песня возрожденья недопетой
Оборвалась в сердцах, заглох мотив.

В оригинале создан образ не цветка, а «ясно-цветистой надежды» (уяр чечеклё шанчяк) именно она заледенела от руки костлявого голода. По густоте метафоры стихотворение не отстает от «Пашни Нового Дня» и отличается оно лишь сменой противоположных полей-образов. В обоих произведениях преобладает эпическо-метафорическое повествование, только в последней строфе «Голодного псалома» внешне воображаемое изображение переходит в исповедальную самооценку-вопрос:

О солнце! Когда ты прогнало тьму, —
Звенела песня, душу мне лаская.
Теперь я нем... Коль край мой умирает,
Кому нужна ты, песнь моя?

Кому?

Здесь лирический герой — новый Поэт, сочиняющий песни

Нового Дня. Вместо абстрактного словосочетания в оригинале стоит: «... Чёлхе сұхалчэ...» (... Исчез язык...) Нем поэт из-за того, что с лица земли вот-вот исчезнет его родной язык – таков конкретный смысл этих двух слов.

Оригинальна композиция стихотворения, повторение глаголов действия (кышлать, кышлать, кышлать: выртаççё, выртаççё, выртаççё; сұхалчэ, пытанчэ) создаёт эффект их непрерывности и нескончаемости; стопы ямба иногда чётко скандируются, а чаще всего синкопируются, имеются пропуски слов, переход ямба в другие размеры. Можно сказать, что стихотворение написано вольным стихом, наиболее приближённым к свободному стиху. Отдельные строфы-образы композиционно объединены излюбленным лейтмотивом М.Сеспеля – распятой Родины и противоречием борьбы Нового Дня со старым.

«Юлашки чёл алра, юлашки чёл...» (Последний ломоть, последний...) написано через четыре дня: 30 октября 1921 г. В этот день поэт сочинил другое стихотворение («Кёпер хывёр» – Проложите мост) и отправил свое первое письмо Ф.Пакрышню. В нём он жалуется на голод, из-за чего «сегодня-завтра перемерёт» его родная семья в далёкой чувашской деревне. Идейное содержание стихотворения-пятистишия созвучно со строками из письма:

Последний ломоть, последний.

С последним обедом казан.

Скаля белые зубы, смерть мне

Жадно смотрит из завтра в глаза.

Последний ломоть... Последний.

Перевод П.Хузангая.

Чуваши-христиане, не забывая традиций своих предков-огнепоклонников, перед семейной трапезой обращались к Туря (Бог) со следующими молитвами:

Эй, сўлти Туря, сўлти Аттемёр,

Паян пурянамаләх сәкәр пар пире.

«Эй, верховный Туря, верховный Отец наш,

На сегодня пожить хлеба дай нам».

Поэт данную коммуникационную ситуацию трансформировал в изобразительно-метафорическое повествование. Очевидно, данное пятистишие представляет из себя отрывок незаконченного стихотворного произведения эпического характера.

Весьма своеобразен ритмический рисунок стихотворения. В первых двух строках чётко прослеживается 3-стопный анапест (во второй начало первой и третьей стоп имеются слоги-паузы); третья строка – чистейший 3-стопный амфибрахий, четвертая от амфибрахия (1 стопа) переходит в ЯЗ и в пятой опять возвращается к АнЗ. Все эти переходы вызывают ощущение нестабильно-

сти и, соответственно, чувство неуверенности (от ритмической до эмоционально-содержательной).

«Кёпер хывӑр» (Проложите мост). Сочинено 30 октября 1921 г., впервые опубликовано Н.Вазянской в 1928 г. Критиками оценивается неоднозначно. Например, в сборнике «Основоположник чувашской советской поэзии» (Чебоксары, 1971) утверждается, что в данном произведении поэта «звучат бодрым аккордом утверждения пафоса революции», что нет никаких противоречий между этим объективным пафосом и субъективным его восприятием», что стихотворение «воспевает не только победное шествие исторического прогресса, но и бессмертие человеческого подвига, совершаемого во имя его» (С.161).

В начале 90-х. гг. оценки отдельных критиков стихотворения изменились резко в противоположную сторону. Приводя в качестве примера известные строки из «Тяжесть ночи гнилой...» («Камӑн нишлӗ чӗри, | Пур нишли, халсӑрри – | Лӗнчӗрти шапасем пулчӑр-и»), известный критик, как специалист, сразу определяет, что здесь гуманизм не общечеловеческий, а лишь социалистический. На основе строк из «Проложите мост» он утверждает, что немощные, по мнению поэта, «могут быть использованы и в качестве стройматериала» (Артемьев Ю.М. Страсть к полемике. Чебоксары 2003. С. 101–102).

В обеих, полярных друг от друга оценках, есть объединяющие их моменты. Во-первых, анализ проводится путём выдёргивания отдельных строк из общего текста, тем самым игнорируется общая идея произведения. Во-вторых, лирический герой никогда не является копией автора; что видит и знает поэт, не всегда знает его герой (например, истинного значения отдельных слов-междометий и т.д.). В-третьих, о гуманизме М.Сеспеля необходимо делать не на объяснении смысла отдельных строк, а на основе тщательного изучения всего творческого наследия поэта.

Вернёмся к стихотворению:

Дороги... На дорогах трупы.

У околиц – мёртвые кости.

Ах, тяжело, тяжко, душно...

Эй!

Вы,

Живые

Через трупы, по грудам костей

К солнечному завтра

Мост резной перскиньте.

Ах,

Мост перекиньте.

Перевод П.Хузангая.

О трупах на дорогах М.Сеспель писал Ф.Пакрышню следующее: «В прошлые сильные морозы то тут, то там они (беженцы с Волги — В.Р.) умирали кучами — больные, замёршие, и их сотнями, как дрова, накладывали на дровни и увозили, ничем не прикрытых; торчали голые руки и голые ноги... Как не надломиться душе от этих стонов! Федя, как страшно! больно мне!»

Теперь представим, что, увидев душераздирающие картины действительности, надломленный герой бодро призывает живых смастерить резной мост «во имя бессмертия человеческого подвига». Так в жизни разве может быть?

В приведённых строках два раза встречается междометие *ах*, имеющее ряд тончайших оттенков, в зависимости от сочетания с другими словами. В строке «Ах, йывър, йывър, пӓчӓ...» (Ах, тяжело, тяжело, душно...) междометие выражает надломленное состояние героя в условиях нескончаемой беды. В строке «Ах! Кёпер чѣнтѣрлѣр» (Ах, мост узорчатый мастерите) междометие выражает не совсем одобрительное отношение героя к строительству роскошного моста (трупы на дорогах, мёртвые кости у околиц лежат, а живые в это время должны узорчатый мост строить!)

И что такое *кёпер* (мост) в ряде известных концептов чувашской традиционной культуры? Это прежде всего граница между настоящим и прошлым (живыми и неживыми, т.е. мёртвыми). Во время похорон и поминок строили специальный мостик для перехода в мир мёртвых. У Сеспеля же мост является местом для перехода в «солнечное будущее». Но кто доберётся до этого завтрашнего рая?

Если я

Упаду, обессилев, —

Вы дальше по мне шагайте,

Железными ногами смело

На сердце мое ступайте.

Ах,

Ступайте,

Мне шею сломайте.

Здесь междометием *ах* выражено негативное отношение героя к своему призыву: и кто они такие железноногие герои, которые без капли жалости могут наступать на сердце живого человека? «Кругом грубые бесчеловечные солдаты», — жаловался поэт Ф.Пакрышню в письме, написанном в тот же день, что и стихотворение «Проложите мост». Вот кто окажется в «солнечном завтра». Они на фоне трупов и костей строят «узорчатый мост» и через трупы, наступая на сердца обессиленных, толпой двигаются на другой берег.

Лирический герой на словах выражает общие идеи и цели этой толпы. Но, как человек, он интуитивно противится строительству этого узорчатого моста ценою трупов. М. Сеспель умышленно усиливает трагичность ситуации:

Если умру
При постройке моста, —
Вы меня под мост —
Подальше!

Сбросьте!

Ах,
Сбросьте, сбросьте!
Время не для нежностей.
Пора тёплых песен позади.
Впереди — солнце.
Сегодня ж — время смерти.
Чьи глаза не знают слёз,
Чья душа — камень, —
Через мост!

Итак, через мост пойдут не только железноногие (т.е. люди в подкованных сапогах), но и те, которые не умеют жалеть, у которых окаменелая душа. Лирический герой всего этого знает, из-за чего глубоко страдает и желает своего уничтожения, но не «во имя будущего», а из-за глубокого разочарования своих идеалов (вместо общества взаимной любви и равенства в будущем окажутся толпы железноногих и душой окаменелых безмозглых существ). Это и есть великая трагедия народа, отражённая в судьбе лирического героя.

Две силы:
Мощные — мост перейдут.
Слабых
Сбросят вниз.

Эта истина принадлежит всему обществу, и она не прихотливое желание одного героя стихотворения. Поэт создает контрастную картину между светлой идеей и душераздирающей действительностью:

На путях, на дорогах трупы.
На полях —
Груды мёртвых костей.
Эй, живые! Через павших
К светлому завтра
Мост перекиньте.

Подобные лирическому герою люди с добрыми и неокаменелыми душами, не имеющие сапог с подковами, не доберутся до светлого завтра, их судьба предрешена:

Ах,
Я хнычу,

Нет сил, плечи слабы...

Эй,

Сбросьте меня,

Киньте подальше,

Под мост бросайте меня.

Ах,

Шею сломайте.

Здесь герой не тот оптимист, который, ради солнечного будущего, умолял бы выбросить себя, как ненужную вещь. Но в то же время его не назовёшь и антигуманистом, разделяющим людей по классовому подходу. В стихотворении показана противоречивая ситуация: разрушение светлых идеалов общества. Ради чего всё это (строительство узорчатого моста) затеяно? Какая цена этого красивого сооружения? Могут ли цели оправдать средства? Лирический герой подвергается большому сомнению. Он видит, что до другого берега добираются не те люди, что они никогда не смогут построить общество взаимной любви, братства и равенства. Зачем ему, прямому, честному и порядочному, быть среди этих «безмозглых баранов» и «советских паразитов» (именно эти существа, наступая на сердца упавших, «Шагают бодро и твёрдо»)? Конечно, лирическому герою хочется жить, но какой ценой заслужит её — превращая поэтическую душу в чёрствый камень и бодро маршируя по трупам и телам обессиленных? Баранья жизнь или же *камалсър вилѐм* (смерть безродных и никчемных людей, которых чуваша всегда поминали отдельно)? Другой альтернативы просто не существует. И вот, герой стихотворения выбирает последний вариант: он умоляет выбросить его с моста в бездну... Жестокость по отношению к себе в разы порядочнее жестокости по отношению к другим и, конечно же, куда нравственнее. Это вынужденный выбор человека, предпочитающего лучше собачью смерть, чем становиться бессердечным и жестоким по отношению к себяподобным. Здесь появляется идеальная форма гуманизма, но не социалистического, а именно общечеловеческого характера.

Поэтика и стихотворная речь произведения полностью соответствуют его идейно-эмоциональному настрою. Ломающиеся строки, противоречие между соседствующим междометием, выражающим духовную неуравновешенность и беспокойство героя и глаголами повелительного наклонения, которые всегда приказывают — всё это выражает ненормальную обстановку с ненормальными людьми. Строится роскошное сооружение на костях мёртвых трупов, бывших добросердечных людей. Но до «солнечного будущего» доберутся совсем другие (мстительные политики, советские паразиты, толпы безмозглых людей, воры, нэпманы и т.п.). Разве ради этого призывал поэт к Новому Дню?

Ради светлой идеи братства и равенства испытал он все свои страдания и лишения, а к концу очутился у разбитого корыта.

Время бодрой маршировки, триумфальных шествий отошло, оно сменилось опасениями за будущее революционных завоеваний (национальная автономия, равноправие людей и народов). Время диктовало новую форму выражения настроений, отличную от чеканной силлабо-тонической ритмики ранних стихов. Ломалась мелодичная речь, усилилось значение молчаний-пауз в строках. Всё это привело к ощущению аритмичности на фоне чёткого ритма силлабо-тоники. М.Сеспель интуитивно ощутил такую потребность и временно отошёл от той метрической системы, за которую недавно ратовал и теоретически обосновал. Выход он нашёл в верлибре. Ещё раньше, после тюремного заключения, когда особо остро реагировал на негативные факты действительности, он обратился к свободному стиху. В киевский период поэт вновь возвратился к верлибру («Проложите мост»).

Чувашский свободный стих, исходящей из народной речевой поэзии (тексты заговоров, молитвословия, приговор дружки на свадьбе), развивался именно в такие периоды истории народа, когда действительность далеко отходила от идеалов общества. Так было в начале 20-х гг., так было и в застойное время (творчество Г.Айги, П.Эйзина, А.Аттила). Поэтому ещё раз констатирую, что сеспелевский стих не сводится лишь к силлабо-тонической системе стихосложения. М.Сеспель не отрицал ни одну из существующих систем, он был страстным сторонником соответствия формы пафосу и общему настрою, а через них — идейному содержанию произведения.

«ПОД СУГРОБОМ ИВОЛГА МОЯ...»

Ещё 9 декабря 1921 г., когда был составлен список подлежащих демобилизации солдат 1899 г.р., на вопрос: «В какую губернию отправляется после демобилизации?» два человека (Михаил Сеспель и Михаил Колотенко) ответили так: «В Черниговскую». Они пожелали поехать на поезде.

27 февраля 1922 г. М.Сеспелю выдали аттестат № 13 на основании приказа № 607, текст которого поэт написал своей рукой: «Дан сей от начальника окружного склада телеграфных и телефонных материалов и почтового имущества г. Сеспель Михаилу Кузьмичу в том, что он при указанном складе действительно удовлетворён следующими видами довольства:

- 1) провиантскими по 28 февраля с/г включительно,
- 2) приварочным по 28 февраля с/г включительно,

- 3) чайным по 28 февраля с/г включительно,
- 4) табачным по 28 февраля с/г включительно,
- 5) мыльным по 28 февраля с/г включительно.

Тысяча девятьсот двадцать второго года, что подписали и приложением печати удостоверяется. Киев, февраля 27 дня 1922 года. Начальник склада — Чернов. Военком — Лосиков. Делопроизводитель — Малышев» (Чичканов П. Юлашки вищё уйӓх. — Ялав. — 1987. — 6№).

По утверждению П.Чичканова, 28 февраля 1922 г. два Михаила — чуваш Сеспель и украинец Колотенко — выехали на поезде в сторону г. Чернигово. К сожалению, на поезде М.Сеспель проехал только половину пути, другую оставшуюся половину пути ему пришлось осилить пешком. Начало марта на Украине — период активного таяния снега, который днём пропитывается талой водой. Представим себе поэта, идущего по такой дороге в своих, как выражается Ф.Пакрышень в бесценных воспоминаниях, «полурванных ботинках и красноармейских обмотках». Но М.Сеспель постоянно думал о другом — о своем родном крае.

Быть может, в эти самые моменты он вспомнил встречу поезда М.Калинина в Киеве (12 февраля 1922 г.), приехавшего для организации помощи голодающим. В газете «Червона Украина» всесоюзный староста сообщил, что в Поволжье голодает до 25 миллионов человек. Здесь же было сообщение, что в Чувашской области голодает 224 тысячи детей.

Быть может, по весенней дороге чувашский поэт вспоминал митинг в театре, где со своими друзьями слушал выступление М.Калинина о страшном голоде. Тогда представитель Москвы подчеркнуто произнёс, что голодовка дошла до последней части человеческого существования, до той страшной черты, когда съедали трупы взрослых и детей.

Быть может, идя под палящим солнцем Украины, чувашский поэт повторял текст прочитанной в Киеве листовки (она выпущена 16 февраля 1922 г. и развешана на всех улицах города). Там были такие строки: «Ужасы голодной смерти гуляют не только на Поволжье, но и на юге Украины. *Миллионы крестьян и рабочих пухнут, сходят с ума и умирают с голоду. Люди в сумасшествии едят людей.* Мать убивает младшего ребёнка, чтобы накормить старших детей. Сотни тысяч высохших детских ручек и материнских наполненных слезами глаз тянутся к тебе с единой просьбой: «спаси, не дай погибнуть!»

Не вкусных блюд мы хотим, а маленький кусочек хлеба. *Ни у одного честного рабочего и крестьянина, у которого в груди бьётся сердце, а не камень, зная ужасы голода, не полезет в рот кусочек хлеба.*

Миллионы голодных умоляют тебя сократить свои потребности и помочь им не для сытого существования, а лишь бы не погибнуть с голоду.

Организуйте же постоянную помощь! Скорее вырывайте голодных из рук смерти! Это будет братская помощь, и, если тебя, не голодному сейчас, постигла бы та же участь, тебе сторицей придут на помощь те, кого ты сейчас спасёшь».

О чём думал поэт, твёрдо шагая в сторону родной деревни своего украинского друга Ф.Пакрышня? Конечно, о своей Родине, о Шубашкаре и Казаккасах, о матери и сестре, братьях своих. Самая первая запись в дневнике М.Сеспеля внесена 3 марта 1922 г. в Кирихеево. Очевидно, это очередное селение по пути в сторону Волчьей Горы. Усталость и пустой желудок поэта диктовали следующие слова (перевод Н.Данилова): «Украина! Сколько думал я о тебе с малых лет, как мне хотелось тебя увидеть, поговорить с твоими людьми! Вот и встретились. Эх, Украина, когда я был голодным, - никто не дал мне куска хлеба, не молвил доброго слова... Край родимый! Я понял: не умеем мы любить тебя. Знать, потому нам пришлось лишиться твоего тёплого крова и разбрестись по земле».

Предложение в оригинале «Халь пёлтём, сана юратма пёлмен эпир» я дословно переводил бы так: «Только теперь я понял: тебя любить не умели мы». Юношеско-романтическое представление об Украине (сложившее, очевидно, по произведениям Н.Гоголя и Т.Шевченко) у поэта рассеялось в дни его скитания по сёлам придеснянского края. Из записей можно понять, что поэт действительно плелся, как голодная собака, от села до села и, наконец, задумался: куда же он идёт? Поэт в своём одиночестве и в далеке от Родины окончательно стосковался по ней и, естественно, мыслями постоянно находился в родной Чувашии.

Такое предположение полностью подтверждается и исследованиями П.Чичканова, который писал, что в Волчьей Горе чувашский поэт собирался погостить у своего друга лишь временно и уехать в Чувашию, но Ф.Пакрышень изо всех сил уговорил его остаться у себя. Это была сама судьба поэта, которую никто не имел права переписать заново. Как говорят чувашки в таких случаях, «сын шăпине şамки şине şырса хунă» (Судьба человека написана на его лбу). И не будем гадать, что было бы с поэтом, если бы он поехал в Чебоксары или же в Симбирск. Как известно, история весьма не любит сослагательного наклонения. Тот факт, что М.Сеспель остался жить у своего друга, для исследователя его жизни и творчества остёрского периода является исходным. Ему было суждено оставаться там, в невидимой дали от родной земли и воды (таван şершив).

В деревню Волчья Гора М.Сеспель добрался не позднее 7 марта 1922 г. Об этом можно узнать из следующего письма К. Тургана поэту, написанного из Киева 9 мая 1922 г.: «Здравствуй, дорогой товарищ Миша! Письмо твое от 7/III получил, — очень благодарю! Письмо получил дома, потому что все мои мечты о курортах лопнули, как мыльный пузырь на воде! Значит, ты теперь на воле? У Феди? Как я рад, что тебе в конце концов удалось вырваться из такой грязи: но что же с твоей пяткой? Неужели у тебя возобновился процес[s]? Насколько мне помнится, ты был совершенно здоров. Почему ты мне об этом ничего не писал? Я за последнее время пережил много-много душевных волнений, — можеш[ь] судить по почерку, какой он стал нервный. У меня теперь нервы, как хилая паутинка, которая может во всякое время оборваться. И нервы хилые не по-мещански! В последнее время страдал рожистым воспалением паховых лимфатических желез и свинкой, — чувствую себя после этого очень и очень скверно. Сейчас нахожусь в Киеве, сижу один в комнате и расписываю письма к своим друзьям. Настроение, что называется, свинское! За две недели пребывания в Киеве не пришлось побывать даже в театре. На хирургов истратил последние свои 8 лимонов (!). Был [в] Кур[ортной] Комиссии — сказал, что через десять дней скажет результат. Существует маленькая надежда, что отправят на Одесский лиман. (!) Болезнь моя значительно ухудшилась. В прошлом году рентгеновский снимок говорил, что изменений в костях никаких нет, а в этом году поражены пять косточек, предплюснуты туберкулёзом. Сижу и тоскую. Тоска и меланхолия лениво ворочают мою исстрадавшуюся душу. Я целую зиму разрешал вопрос о цианистом калии и сейчас его разрешаю — но! Жизнь такая манящая, такая трагически-красивая, что я этот вопрос передвигаю все дальше и дальше. Хочу окончательно увериться, приносят ли отраду страдания. Я так люблю трагедию жизни, — трагедию собственной жизни, что никак не могу порвать нитей, которыми опутывает меня любовь к этой трагедии. Думаю сделать операцию, но таковая невозможна, потому что в связи с поражением костей поражены и суставы. На Кавказ не удалось поехать, потому что для Киевской губ[ернии] предоставлено только десять мест, а туда, конечно, едут Шик сов. галиф. (?!) (помниш[ь] подправлят[ь] брюхо.

Как же ты думаеш[ь] с курортом? Во всяком случае, если здоровье твое не хуже осеннего, то я бы не советовал тебе уезжать, а советовал бы получше устроиться, чтобы с приездом с курорта не очутиться за бортом. А, впрочем, ты сам можеш[ь] лучше устроить свои дела! Как же теперь твои дела? Устроился? Как поживает «Федір»? Пишет ли что-нибудь тебе кацап? Я с

ним еще с января прервал переписку из-за уважительных причин, — после напишу. Через полторы-две недели сообщу тебе свой постоянный адрес. Будь здоров. Твой друг К.Турган».

Письмо было отправлено 9 мая и успел ли прочесть его М.Сеспель — мы не знаем. Зная, что в мае погода стала летней и весенние слякотные дни прошли, можно допустить, что письмо К.Тургана дошло до своего адресата где-то в начале июня.

Следующее письмо М.Сеспелю К.Турган написал 13 июня 1922 г., т.е. за два дня до трагической смерти чувашского поэта. Сообщает ему о том, что всё стало дорого: на 4 сеанса лечения истратил 8 миллионов, продал свой последний костюм, пальто, сапоги, билет от его станции до Киева стоит 6 миллионов 500 тыс. рублей.

Всё это необходимо знать для того, чтобы хоть на одно мгновение представить удручающую картину тех последних месяцев жизни поэта на Украине. В те дни М.Сеспель постоянно выезжал то в Чернигов, то в волостные центры уезда и, конечно же, был в курсе всех событий и баснословных цен. К.Тургану и остальным рядовым гражданам бесполезно было мечтать о лечении в курортах-санаториях. Туда ездили, как точно подметил К.Турган, «поправлять своё брюхо» «шик[арное] сов[етское] галиф[е]», т.е. «советские паразиты».

Об остёрском периоде жизни М.Сеспеля добротные воспоминания оставил его другой друг — Ф.Пакрышень. О первых днях пребывания чувашского поэта в Волчьей Горе он пишет следующее: «Демобилизовавшись по болезни из Красной Армии, он в начале марта 1922 года пришел ко мне в Волчью Гору. Дорога в то время была очень плохая, таявший снег образовал везде лужи, обувь же у Миши была очень плохая, т.е. полурванные ботинки и красноармейские обмотки. Встретил я его как родного брата. В это время был председателем Комитета незаможных селян, жил у людей в совершенно изолированной комнате, за которую платил пуд ржи в месяц. Готовить пищу приходилось в этой же тесной комнате.

Отдохнув от киевской жары и дороги, 14 марта Миши пошёл в Остерский земотдел и устроился делопроизводителем подотдела снабжения. Во время весеннего разлива дорога до Остра была версты на 3 длиннее, чем летом, т.е. около 7 вёрст. Чаще всего приходилось добираться на лодке с селянами».

Дату устройства М.Сеспеля на работу его украинский друг запомнил точно. В Черниговском облпартархиве сохранилось заявление поэта о приёме на работу, которое следующего содержания:

«Заведующему Остёрским уездным земельным отделом.

Гражданина Чувашской области,
г. Чебоксар, проживающего в
д. Волчьей Горе Остёрского уезда
КУЗЬМИНА МИХАИЛА
Заявление.

Не имея определённого занятия и средств для существования, как беженец голодающего Поволжья, прошу Вас, тов. заведующий, зачислить меня на свободную должность деловода какого-либо подотдела.

К функциям земотделов до сих пор соприкосновения не имел, но с системой делопроизводства различных канцелярий знаком, так как с 1918 г. состоял в должности судебного следователя (председателя судебно-следственной комиссии) и в последнее время — заведующего губотдела юстиции.

14 марта 1922 г.

М.Кузьмин»

На заявлении поставлена такая резолюция: «Зачислить делопроизводителем подотдела снабжения. 14 марта 1922 г. В.Гриценко».

Интересен другой документ, присланный В.Усли в Чебоксары в 1941 г. На обороте письма К.Тургана Ф.Пакрышню от 15 февраля 1922 г. имеется черновой вариант удостоверения М.Сеспеля, написанного им самим же. Вот текст этого документа, отражающий первые опыты чувашского поэта в украинском языке:

«Посвідчення.

Пред'явник цього дійсно громадянин Чувашск(ої) області м. Чебоксар Кузьмін Михайло Кузьмович, маючий проживання у селі Вовчій Горі, Остерського повіту, як беженец з голодних губерній Поволжжя, що підписом и прітиском печатки посвідчиється».

Нужно полагать, что удостоверение было получено М.Сеспелем сразу после его приезда в Волчью Гору. В нём поэт представляется как гражданин г. Чебоксары ЧАО и беженец с голодных губерний Поволжья.

Благодаря неутомимым поискам П.Чичканова, мы сегодня можем составить хронику жизни М.Сеспеля в последние её месяцы.

15-18 марта 1922 г. новый делопроизводитель подотдела снабжения М. Кузьмин (поэт по какой-то причине восстановил свою чебоксарскую фамилию, оставив «Сєспєл Мишши» лишь как псевдоним) с первых же дней работы активно включается в месячник по подготовке сельскохозяйственной техники к весеннему севу: составляет деловые бумаги, поддерживает связь с губер-

нскими, уездными и волостными организациями. Основную часть документации М.Сеспель подписывал сам.

17 марта по просьбе М.Сеспеля Остёрский уездный комитет РКП(б) в Чувашский обком партии телеграфировал текст следующего содержания: «Остёрский Укомпарт вашей организации Кузьмин Михаил, номер его партийного билета, время поступления, прислать характеристику». Телеграмму получили 20 марта, но ответа не дали, дело до конца доведено не было (по сведениям Н.Иванова).

19 марта новый делопроизводитель едет в губернский город Чернигов для окончательного утверждения в должности. Здесь он получает связанные с работой инструкции и советы, ему сообщают о создании в уездах переселенческих комиссий для оказания помощи беженцам с разных губерний России и Южной Украины.

20 марта поэт сочиняет стихотворение «Хёрлэ-хёрлэ, хёрлэ мӓкӓньсем...» (Маки красные, что там, вдали...) и отбывает в Остёр.

21 марта М.Сеспель прибывает в Остёр и с удвоенной энергией приступает к работе. Рассказывает Ф.Пакрышню о черниговских встречах, о знакомых украинского писателя М.Коцюбинского, с которыми ему посчастливилось побеседовать. Активно включается в компанию по сбору церковных имуществ для оказания помощи голодающим с Поволжья.

25 марта Обпролеткульт отправляет письмо (№389) М.Сеспелю с приглашением его вернуться в Чебоксары, там же сообщается, что стихотворения поэта будут опубликованы.

29 марта в Остре собирается коллегия уездного земотдела совместно с Переселенческой комиссией Остёрского уезда. В протокол заседания вносится следующее решение: в уезде (в Остре и Броварах) открыть два дома ожидания для беженцев; инструктором переселенческой комиссии уезда назначить тов. Кузьмина М.К.; его командировать в Бровары с целью разыскания помещений для дома ожидания прибывающих беженцев. На заседании присутствовал и М.Кузьмин, который получил приказ немедленно выехать в Бровары. Из-за испортившейся погоды инструктор не смог своевременно отправиться в командировку. Кроме того, у него были неотложные дела по оперативному решению проблем беженцев с голодающих губерний.

1-6 апреля М.Сеспель выезжает из Старогородки и прибывает в Бровары. По дороге он дорабатывает стихотворение «Па-янтан» (Отныне), начатое ещё в Волчьей Горе. Поэтому, по предположению П.Чичканова, появляется такая подпись: «6 апреля 1922. Волчья Гора».

Действительно, в стихотворении имеется целая строка отточий, что указывает на наличие там (в первоначальном варианте) ещё одной строфы. Потом, уже в Броварах, поэт выбросил данную непонравившуюся строфу, а отточия оставил.

В Броварах М.Сеспель хлопочет об открытии дома ожидания для беженцев, разыскивает подходящие для него помещения. С помощью волостной парторганизации, а больше всего из-за своей упорной настойчивости, инструктор достойно выполняет порученное ему задание.

8 апреля в Броварах «ликовала целый день весна», радовался и М.Сеспель, который для дома ожидания нашёл заведующего со специальным медицинским образованием и сторожа. Он надеялся, что беженцы с Поволжья скоро могут найти здесь хотя бы временный приют.

9 апреля неожиданно выпал снег, что побудило поэта к творческому озарению: он сочинил стихотворение «Ёнер йăвăс пахчи кăмăльне...» (Лишь вчера в саду, светла, ясна...). В тот же день по телефону он узнает, что ему Остёрский земотдел направляет в Гоголевскую и Семиполянскую волости для решения каких-то оперативных вопросов. Тогда же ему передают свежую новость: вместо В.Гриценко назначили в должность заведующего уземотделом какого-то Савченко Нестора (по сведениям П.Чичканова, новый начальник поэта имел лишь начальное образование, был весьма глупым и нелюбимым сотрудником своего отдела).

19 апреля. После возвращения из вышеназванных уездов инструктор знакомится с новым заведующим и подробно рассказывает ему о проделанной работе по открытию в Броварах дома ожидания. По воспоминаниям бывшего коллеги чувашского поэта А.Свистельника, тогда Н.Савченко грубо отчитал своего подчинённого, но М.Сеспель сумел дать ему достойный отпор. Разъярённый начальник в тот же день написал письмо в уездный исполком с просьбой о назначении на должность инструктора переселенческой комиссии другого человека, но получил справедливый отказ. В этот же день М.Сеспель представил в Остёрский уисполком справку о создании домов ожидания для беженцев: «Остёрскому уисполкому. На отношении Ваше от 11 апреля за № 2369 переселенческая комиссия сообщает, что дома ожидания организуются в м. Броварах и гор. Остре. Первый начинает функционировать к 20-му, а второй – 16-му сего апреля. За секретаря М.Кузьмин».

Тогда же М.Сеспель представляет отчёт о движении и состоянии беженцев со 2-го по 16 апреля: принято за отчётный период 2 человека из Поволжья, всего с ранее прибывшими из губерний Поволжья и Украины – 342 человека, среди них 4 больных, умерших 1 человек (по данным Н.Иванова).

20 апреля, уже в качестве секретаря комиссии, инспектор отправляет в уездный исполком письмо следующего содержания: «Последняя комиссия, организовав в м. Броварах дома ожидания для беженцев, для устройства при нём столовой подыскала помещение, в котором ранее была общественная столовая и кухня. Более подходящего помещения для столовой беженцев в м. Броварах не имеется, но таковое ныне занимает канцелярия кооператива, которому волисполком сделано предписание переехать в другое предоставляемое исполкомом помещение.

Для предупреждения возможного отказа кооператива очистить помещение комиссия просит вас сделать кооперативу распоряжение с предложением очистить помещение под столовую для беженцев.

Председатель

Осьмак.

Секретарь

М. Кузьмин».

В тот же день в Остре прошла уездная комсомольская конференция, в работе которой участвовал и М. Сеспель. Сохранился документ, подписанный заместителем секретаря укомола С. Гуревичем, следующего содержания: «Узмотдел. Секретарю. Ввиду участия т. Кузьмина в уездной конференции, тов. Кузьмин сего числа на службу явиться не может, о чём сообщаю для сведения».

Имея ввиду, что Н. Савченко был человеком беспартийным и озлобленным на непокорного подчинённого, можно только представить степень его негодования по поводу этой бумаги «для сведения» (любой начальник предпочитает разрешать или не разрешать, чем принимать отсутствие сотрудника на работе к сведению).

День этот знаменателен для поэта ещё и тем, что именно 20 марта в узмотдел устраивается Н. Рубис. Вот текст её заявления: «Заведующему Остёрским узмотделом Наталии Николаевны Рубис, сотрудницы III класса [...] отд[еления] высш[его] нар[одного] обр[азования] им. Драгожонова Прощение. Прошу зачислить меня на должность в канцелярии доверенного Вам учреждения, по Вашему усмотрению. Я окончила 8-ми классное коммерческое училище с золотой медалью, работала 11 месяцев в канцелярии Главноуполномоченного по ликвидации имущества военного времени в должности счётчика и делопроизвод[ителя] II разряда. Н. Рубис. 20.IV.22. Дручанская ул, д[ом] Заболотной». К прошению добавлена следующая информация: «Уроженка м[естечка] Ичня. Жила в Киеве. Два брата: Александр 13 лет и Константин 19 лет, учатся в Киеве. Окончила курсы стенографии, владею немецким яз[ыком]».

21 апреля Н. Рубис принимают на работу в узмотдел в каче-

стве регистратора. Здесь она впервые знакомится с чувашским поэтом. А заведующий административно-организаторским подотделом Богомолец пишет на имя Н.Савченко докладную записку, в которой просит «в интересах дела» провести такое перемещение сотрудников: «Инструктора переселенческой комиссии тов. Кузьмина направить секретарём уземотдела, а на его место — деловода управсовхозами тов. Свидерского. Тов. Кузьмин, как работник опытный и серьёзный, занимал должность особого народного следователя, как секретарь будет весьма подходящим. В должности же инструктора Кузьмин используется нерационально, так как по своему опыту, практике и знаниям должен занимать место более важное — ответственное» (сведения разыскал Н.Иванов).

5 мая М.Сеспель завершает план проведения месячника помощи голодающим по Остёрскому уезду и в тот же день доводит его в уездный комитет партии со следующим сопроводительным письмом: «УССР, Остёрский уездный исполком, Земельный отдел, 5 мая 1922г. № 2300 г. Остёр, Черниг[овской] губ[ернии]. В Остёрский комитет партии. На основании отношения Губ[ернской] переселенческой комиссии по устройству судьбы беженцев за №2826, приступая к организации месячника помощи голодающим, Остёрская переселенческая комиссия при сем представляет на предмет Вашего рассмотрения и одобрения план проведения месячника. За председателя М.Кузьмин, за секретаря Нагорская».

На верхней левой стороне сопроводительного письма имеется следующая резолюция: «К заседанию Упарткома на утверждение. Стрелец. 6.V.»

6 мая по просьбе М. Сеспеля Остёрский упартком вновь отправляет запрос в Чувашский обком РКП(б): «Остёрский уком просит сообщить в срочном порядке: состоял ли членом РКП(б) Кузьмин Михаил, время вступления в партию, прислать характеристику». В Чебоксарах телеграмму получили 9 мая. На телеграмме есть резолюция: «Дать справку. 10 /V — 22 г.» (по сведениям Н.Иванова).

16 мая М.Сеспелю вернули одобренный и несколько скорректированный план проведения месячника помощи голодающим по Остёрскому уезду с резолюцией: «Канцелярия. Выдать председателю переселенческой комиссии. Стрелец. 16 IV.»

Хочется довести до читателя первоначальный, сеспелевский вариант вышеназванного плана:

«1. Месячник начинается 15-го мая продолжается до 15 июня.

2. В целях проведения месячника объединить на период месячника деятельность заинтересованных учреждений: переселен-

ческой комиссии, комиссии помощи голодающим, комитета партии, комсомола, представителями коих пополнить тройку помгола, организуемую при уземотделе.

3. Проведением месячника в волостях руководят командируемые в качестве уполномоченных по одному на каждую волость члены городской организации партии и комсомола. Вся инициатива на местах будет исходить от уполномоченных, и от них зависит привлечение работников на местах для участия в проведении месячника. Для пресечения всяческой халатности, преступного бездействия в деле проведения месячника ввиду повсеместной неподвижности волисполкомов в деле устройства судьбы беженцев, командируемые в качестве руководителей по волости должны быть облечены широкими административными полномочиями».

К особенностям проведения месячника в деревнях следует отнести такие пункты:

«4. Волземотделы командируют по волостям своих уполномоченных для ознакомления с условиями существования каждого семейства беженцев; определение всех возможностей улучшения быта каждой семьи в отдельности, регистрации всех беженцев с исчерпывающими сведениями о материальном положении беженцев. Волземотделы должны открыть широкий приём просьб, ходатайств и жалоб на нужды беженцев и рассматривать таковые без промедления.

Материалы исследования, регистрации и удовлетворения просьб немедленно предоставить в переселенческую комиссию.

5. Школьных работников на местах, сотрудников волземотделов, членов сельземкомиссий привлечь для сбора пожертвований по сёлам. Сбор пожертвований должен быть проведён в каждом селе и в течение месячника повторен 4 раза.

6. В селах установить следующий порядок повседневной помощи беженцам: каждое селение имеет кормить такое количество голодающих беженцев, сколько в селении домохозяев, причём распределение беженцев по дворам зависит от местных органов.

7. Организовать в с. Боровары в порядке месячника детский дом для голодающих детей, провести субботник по улучшению состояния дома ожидания».

Месячник в городе планировали провести следующим образом:

«8. Четыре спектакля силами политпросвета в пользу голодающих.

9. Сбор пожертвований по городу, по базарам, в залах зрелищ силами комсомола и уземотдела.

10. Обратиться к учреждениям: упродкому, райотделению, исполкому и т.д. сделать пожертвование одеждой, обувью, продуктами и т.д. из государственного имущественного учреждения.

11. На периоды месячника установить налог в пользу голодающих при регистрации граждан в загсах, юридотделе, в учреждениях, ведающих заключением договоров, сделок и т.д.

12. Все мероприятия, возможные на местах, помимо настоящей инструкции, вполне зависят от инициативы уполномоченных по поручению месячника.

Президиум переселенческой комиссии по устройству судьбы беженцев».

В последнем варианте нет пунктов 8-9, которые в окончательный план не вошли. Дата проведения месячника по рекомендации уездного комитета партии отодвинута на 5 дней назад: с 20 мая по 20 июня. [Напомню: первоначальная (сеспелевская) дата была с 15 мая по 15 июня, т.е. до дня трагической смерти поэта. Случайно ли всё это?]

16-17 мая М.Сеспель отправляет письма в Остёрский уисполком и укоопсоюз с просьбой помочь беженцам гужевым транспортом и провиантами.

17 мая М.Сеспель составляет следующее отношение Остёрской уездной переселенческой комиссии: «Остёрскому райотделению губсоюза. Получив от Броварского волкомпомгола сведения, что в фонд помощи голодающим в распоряжение Броварского райотделения ожидаемое из Гоголева жито в количестве 125 пудов поступило, переселенческая комиссия с возвращением ордера на пять пудов ржи, каковое количество должно было быть переведенным Броварскому волпомголу, но ввиду отсутствия ржи в Броварском райотделении ордер был выдан на руки Остёрской переселенческой комиссии, переселенческая комиссия просит дать распоряжение Броварскому райотделению выдать его же, значащееся в ордере количества жита, Броварскому волпомголу».

18 мая М.Сеспель отправляет телеграмму следующего содержания: «Телеграмма №2411. Бровары, волисполкому, волкомпромгоду. Сообщите, сколько беженцев в Доме ожидания. Предс. переселенческой комиссии Кузьмин. Передано на тел. Станцию Бровары. 18. V. 22. Н.Рубис».

В этот день М.Сеспель составил другой документ: «Черниговскому губземотделу (перес. отдел). На Ваше имя от 29.V. №546 (3447) Переселенческая комиссия сообщает, что ежемесячные ответы на 2-ое и 16-ое каждого месяца сообщается регулярно, копия регистрационных списков препровождена Вам при №№ 2221, 2222 от 30 апреля с.г. Беженцы прибывают исключительно по Моск[овско]-Вор[онежско]-Киевск[ой] жел. дор. на станцию

Бровары. Большинство проходящие; большинство хлебопашцы и ввиду отсутствия заработков в деревнях, беженцы в Остёрском уезде не остаются».

Из первого документа видно, что, во-первых, М.Сеспель впервые подписался как председатель переселенческой комиссии; во-вторых, ему в этом деле помогала Н.Рубис. Данные факты очень информативны и для нас представляют усиленный интерес.

Благодаря подвижничеству П.Чичканова, биографам М.Сеспеля известны многие документы, связанные именно с остёрским периодом его жизни и творчества. Целый круг документов нашёл Петр Николаевич по вопросам проведения месячника помощи голодающим. О плане месячника мы уже говорили. В день открытия данного мероприятия (20 мая) М.Сеспель разослал в подведомственные органы юстиции телефонограммы следующего содержания: «Весьма срочно. Телефонограмма. Остёрский уездной тройки по проведению месячника помощи голодающим. Остёрскому уездному отделу юстиции. С 20 мая по 20 июня проводится месячник помощи голодающим. Уездная тройка по проведению месячника предлагает Вам на период месячника в подведомственных Вам органах юстиции установить налог в пользу голодающих: народные суды возбуждение гражданских дел и дел бракоразводных облагают налогом в 300000 руб. Также установить налог за пользование юридической помощью гражданами в размере 200000 руб., выдачу судебных справок канцелярского характера обложить налогом в 50000 руб. Размер штрафов, налагаемых за пьянку по повесткам нарсудов и нарследователей, увеличить на 100000 руб. Таковая надбавка поступает в пользу голодающих. За выдаваемые копии решений суда нарсуды должны взимать по 100000 руб. в пользу голодающих. Уездная тройка организована при укомпомголе уисполкома. Председатель тройки».

Из плана проведения месячника, составленного М.Сеспелем, укомом партии были вычеркнуты работы в городе. Но поэт настоял на своём и некоторые пункты (постановка четырёх спектаклей) реализовались.

22 мая М.Сеспель составляет и отправляет следующий документ: «Остёрскому отнаробразу (политпросвет). На основании утвержденного укомпартии и уисполкомом от 16 сего мая плана месячника помощи голодающим Остёрская уездная тройка по проведению месячника предлагает Вам за время с 20 мая по 20 июня с.г. (периода месячника) поставить четыре спектакля, сбор с которых поступит в пользу голодающих. О времени постановки каждого спектакля заблаговременно извещать тройку, так как последняя имеет проводить на вечерах перед спектаклями агита-

ционные выступления представителей партии. Председатель тройки Савченко. За секретаря М.Кузьмин».

В этот же день М.Сеспель отправил телефонограммы всем волостным организаторам месячника: «Срочно сообщите о принятых мерах по проведению месячника помощи голодающим. Еженедельно представляйте отчёт о ходе работ. При неподвижности и бездеятельности по проведению месячника местных органов пользуйтесь всеми возможными мерами для давления и воздействия на волкомотделы, волкомпомголы, сельземкомиссии, камнеземы ит.д., привлекайте членов партии и комсомола. Не ограничивайтесь планом тройки. О лицах, проявляющих преступную бездеятельность в проведении месячника, сообщайте тройке. Подлинный подписал: Председатель тройки Савченко. С подлинным верно: Инструктор по устройству судьбы беженцев М. Кузьмин».

Тогда же во все учреждения были отправлены письма такого содержания: «Уездная тройка по проведению месячника помощи голодающим просит Вас сообщить, какое пожертвование (обувью, одеждой, заготовочным материалом и съестными продуктами) можете сделать в пользу голодающих из средств учреждения. Председатель тройки Савченко. За секретаря М.Кузьмин».

Кроме того, в тот же день М.Сеспель отправил в уездотдел следующее рекомендательное предложение: «Уездная тройка предлагает сделать всем подведомственным Вам подотделам, органам снабжения, управлениям совхозов распоряжение об обложении на один месяц, с 20-го мая по 20-е июня, заключение всякого рода договоров, с отчислением 5% в виде налога со всех видов сделок в пользу голодающих. Предтройки Савченко. За секретаря М. Кузьмин».

В круг вышеприведённых документов входит и текст следующего письма, отправленного, видимо, в учреждения записи гражданских актов (дата не поставлена): «Уездная тройка по проведению месячника помощи голодающим на основании плана месячника, утверждённого уисполкомом, укомнарком от 16 сего мая, предлагает Вам учреждениям, чтобы все виды записей актов гражданского состояния, как-то регистрация рождения, смерти, браков и т.д. были обложены налогом в пользу голодающих в размере 200000 рублей на период месячника, который проводится с 20 мая по 20 июня сего года. За секретаря М.Кузьмин».

Основной документ этого дня – справка, выданная М.Сеспелю после его посещения врача (поэт потом его назвал, как вспоминал Ф.Пакрышень, идиотом): «М.Кузьмин страдает туберкулёзом костей левой стороны и для лечения нуждается в

освобождении от занятий на один день в неделю. 1922 года мая 22 дня. Врач М.Пташевский».

По воспоминаниям А.Свистельника, М.Сеспель с утра до позднего времени находился на работе и никогда не пользовался правами вышеприведённой справки. Ему нужна была лишь соответствующая оценка его упорного и бескорыстного труда. Но этого исполнительный инструктор уземотдела не дожждётся до своей последней минуты...

23 мая М.Сеспель готовит бумаги для ведомостей по сбору помощи голодающим и раздаёт их вместе с мандатами (в архиве имеются фамилии лиц, получивших эти бланки ведомостей и мандаты).

25 мая поэт сочиняет стихотворение «На дне дня». На обороте автографа данного произведения, хранящегося в НА ЧГИГН (фонд V, ед. хр. 808, инв. № 4935), имеется незаконченное стихотворение «[...] путь сумеречных скитаний...» Оно написано, очевидно, в те же ближайшие дни.

27 мая М.Сеспель сочиняет стихотворение «Жизнь моя, за какими холмами...» Примерно в эти же дни у поэта появляются стихотворения «Весна», «В солнечную Мань синевы», «Родной аул давно уж мне отлаял...» и многие другие, которые, к сожалению, со временем затерялись в круговороте обыденного серого быта обладателей этих бесценных рукописей...

25-30 мая М.Сеспель продолжает работать над составлением списка беженцев, в свободное от работы время посещает городскую библиотеку, особенно читает номера журнала «Красная новь».

29 мая М.Сеспель получает ответ на своё письмо в уезный исполком с просьбой оказания беженцам помощи провиантами и одеждой с короткой резолюцией: «Ничего дать не можем, всё роздано». За это поэт глубоко переживает.

30 мая М.Сеспель создает стихотворение «Выдуманном гла-зам» и посвящает его поэзии имажинизма. В тот же день он завершает отчёт о деятельности Остёрской переселенческой комиссии для отдела управления Остёрского уисполкома: «Во исполнение вашего отношения за №1399 от 13 мая сего года переселенческая комиссия по устройству судьбы беженцев сообщает.

За 1922 г. было только одно заседание комиссии от 22 марта. Ввиду обширного протокола за неимением переписчиков снять копию с какового не представляется возможным, комиссия сообщает только краткое содержание протокола.

1. Постановлено организовать дома ожидания в гор. Остре и Броварах; назначить на должность инструктора по переселению т. Кузьмина, поручив ему срочно выехать в Бровары для подыскания помещения под дом ожидания.

2. План размещения беженцев по волостям. Таковой заключается в том, что точно определится сколько на каждое селение по волостям всего уезда и на попечение каких хозяев какого селения прикрепить беженцев.

3. Обеспечение беженцев в домах ожидания медицинской помощью возлагается на уездного врача, который выделяет по одному врачу на каждый дом ожидания, а обеспечение же довольствием возложить на местные райотделения.

4. По вопросу оказания помощи беженцам в селах в отношении довольствия, подыскания труда постановили: обязать более зажиточные хозяйства кормить по одному из нетрудоспособных беженцев. Предоставить населению право пользоваться наемным трудом беженцев. Сельсоветам предлагается вести регистрацию беженцев.

5. В отношении снабжения семейств беженцев землей постановлено: желающим предоставлять на семью в 5 душ — огорода $1/4 - 1/2$ десятины и пахоти по 1 десятине на всех. По некоторым волостям по $1/4$ десятины огорода, 1 десятине сенокоса и по $1/2$ десятины пахоти. Сельсоветы должны оказывать всемерное содействие по вспашке. Если же беженцы не могут сами обрабатывать землю, предоставляется право сдавать с части крестьянам.

6. Укомтруду предлагается предоставлять при передвижении беженцев подводы.

В текущем месяце беженцев с Поволжья — 174 и Украины — 30 человек, из них 118 — вновь прибывшие и 86 обратников, желающих поселиться на месте прежней Родины. Меньшая часть беженцев наделена землей. Беженцы распределены по деревням и заняты на частных работах. Беженцы в Остре находятся в доме ожидания. С 20 мая по 20 июня проводится месячник в пользу голодающих, о результатах каково будет сообщено. За секретаря М. Кузьмин».

8 июня М. Сеспель ходатайствует перед Остёрским укомпроголода при исполнении о выдачи переселенческой комиссии муки для снабжения Броварского дома ожидания беженцев: «Сообщая, что находящиеся в г. Остре 14 человек беженцев по нетрудоспособности, не имеющие возможности оставить дом ожидания и поселиться в деревне, не получившие ни разу причитающегося им на 30 дней пайка, ходатайствует о выдаче им такого, переселенческая комиссия просит вас по разрешению вопроса о возможности удовлетворения упомянутого ходатайства беженцев сделать сем резолюцию с предложением райотделению выдать перескомиссии 7 пудов 35 фунтов муки, на израсходование каковой укомпроголода будет представлен от-

чёт. За председателя М.Кузьмин». В эти дни он глубоко переживает болезнь В.И.Ленина. По воспоминаниям А.Свистельника, он говорил такие слова: «Если всё это правда, то что случится в дальнейшем».

9 июня М.Сеспель пишет докладную записку народному следователю 2-го участка Остёрского уезда следующего содержания: «Препровождая при сем отношения Требуховского, Нестеровского, Перегудовского сельисполкомов Гоголевской волости с отказом принять направленных на их попечение беженцев из голодающих губерний, переселенческая комиссия по устройству судьбы беженцев, усматривая на основании указанного сообщения в деятельности упомянутых сельисполкомов возможность преступного бездействия, пренебрежения к делу помощи голодающим, просит Вас расследовать настоящее дело и при установлении следствием преступного отношения к делу помощи голодающим, виновных предать суду, руководствуясь прилагаемым при сем постановлением ВУЦИК от 1 марта 1922 г. об ответственности за преступления в деле оказания помощи голодающим».

На обороте данного документа имеется недонарисованный портрет вождя мирового пролетариата. По воспоминаниям А.Свистельника, чувашский поэт и художник мог рисовать портрет В.И.Ленина быстро и красиво.

В тот же день М.Сеспель пишет отчёт о деятельности Остёрской переселенческой комиссии по устройству судьбы беженцев из голодающих губерний за май 1922 г.: «В истекшем месяце ввиду того, что поступления беженцев не было, организационная работа комиссии ни в чем особенном не выразилась, если не считать повседневной работы, проявляющейся в объединении и направлении деятельности организации помгола на местах.

С 20-го мая приступили к проведению месячника помощи голодающим, и деятельность комиссии направлена всецело в эту область, но результаты хода работы на местах ещё неизвестны.

За май месяц в Остерском доме ожидания состоялось только 12 человек нетрудоспособных беженцев, не имеющих возможности поселиться в деревне. Помощи от государства таковые не получают, а живут частным сбором пожертвований с граждан, устраиваемым самими беженцами. За истекший месяц прибыло 5 человек (одна семья). Состоит с ранее прибывшими 204 человека, из коих с Поволжья 174 человека, из губернии Украины — 30 человек; вновь прибывших 118 человек; обратников 86 чел.; на государственной работе нет, если не считать того, что единичные беженцы заняты в советских учреждениях.

Общее желание обратников поселиться навсегда на месте прежней родины, каковой вопрос должен быть разрешен цент-

ром. Временно же поселившиеся беженцы выражают желание скорее вернуться на родину...

За председателя комиссии М.Кузьмин».

11 июня М.Сеспель обращается Остёрскому укомпомголоду с просьбой о выделении муки для столовой Броварского дома ожидания беженцев: «Переселенческая комиссия просит Вас предложить Остёрскому райотделению распорядиться выдавать Броварскому волкомпромголоду через Броварское райотделение 15 пудов муки для столовой Броварского дома ожидания беженцев, сообщить переселенческой комиссии, каким путём и из каких ресурсов снабжать упомянутую столовую крупой, мылом и жирами. За председателя М.Кузьмин».

12 июня М.Сеспель самовольно (без разрешения председателя) просит отпустить из фонда помощи голодающим более 8 пудов ржи. По предположению П. Чичканова, именно данный факт послужил ссоре между начальником и подчинённым, привлекая к большой трагедии. Текст данного злополучного документа таков: «Остёрскому Укомпромголоду. Предъявители сего Михаил Мощный и Андрей Мощный, вновь зарегистрированные беженцы из Херсонской губ., имея две семьи в 15 человек, как вновь прибывшие, не имеют никаких средств существования. Переселенческая комиссия не может выдать им пайка ввиду неправильного толкования райотделением известной телеграммы за №1142.

Переселенческая комиссия просит Вас отпустить из фонда промгола взаимобразно 8 пудов 17,5 фунтов для удовлетворения 15 человек. За секретаря М.Кузьмин».

К сожалению, мы не знаем содержание телеграммы №1142 и судьбе её «неправильного толкования райотделением» (переселенческой комиссии?). Ситуация, на мой взгляд, была такова: в узмотдел обратились беженцы из Херсонской губернии и попросили им выдать пайки для голодающих. Председатель переселенческой комиссии, несправедливо толкуя недавно полученную телеграмму, в весьма грубой форме отказал им в выдаче положенного пайка. М.Сеспель, проявляя свою честность и принципиальность, заступился за беззащитных и голодающих из Херсонской губернии. Безрезультатность его разговора с начальством подтолкнул М.Сеспеля к несанкционированному поступку: он самовольно написал им разрешение на получение более 8 пудов ржи. Данный факт его начальник (Н.Савченко) узнал только 15 июня. Вот и состоялся тогда серьёзный разговор начальника с превысившим свои полномочия подчинённым.

Такой ход событий подтверждается и воспоминаниями А. Свистельника в записи Н.Рубис. При этом следует учесть, что с тех пор прошло около 40 лет и, конечно же, некоторые детали (на-

пример, откуда были беженцы) стёрлись с памяти, контаминировались и превратились в соплеменников поэта. Вот что пишет Н.Рубис П.Бекшанскому в своём письме от 31 декабря 1961 г.: «Только в прошлом году я узнала от Свистельника, что стало последней каплей. Свистельник А.Г. был в кабинете завузелотделом Савченко Нестора, когда туда зашёл Михаил Кузьмич и стал рассказывать, что он видел на дороге чувашку с двумя детьми, гибнущую от голода, только что приехавшую, и ещё нигде не устроенную. — Стал просить помочь ей хлебом. Савченко отказал, тогда Михаил Кузьмич говорит: «Отдайте мой паёк, я распишусь в получении». Савченко на него ещё и накричал и тогда Михаил Кузьмич бросился из кабинета и больше в узелотдел не заходил, а на следующее его нашли уже неживым...»

В письме П.Бекшанскому от 22 февраля 1962 г. Н.Рубис уточняет некоторые детали из воспоминаний: «О случае с чувашкой сказал, что был при нём, когда её встретили на дороге, но в кабинете Савченко он не был, когда Михаил Кузьмич требовал отдать его хлеб, а раньше сам же рассказывал, что присутствовал и в кабинете...»

Эти детали не меняют вырисовывающуюся общую картину. Разговор о выдаче пайка голодающим между М.Сеспелем и Н.Савченко состоялся. Чувашский поэт защищал интересы вновь прибывших беженцев, из-за чего и крепко поссорился с начальником. По законам фольклорной логики, М.Сеспель должен был защитить родных и близких, в меньшей степени соплеменников и земляков своих. Вот и произошла трансформация объекта вышеназванного конфликта (херсонских беженцев заменила чувашская женщина с детьми) и сложился устный вариант истинного происшествия.

14 июня М.Сеспель письменно обращается Остёрскому укомпомголоду со следующей просьбой: «Перескомиссия просит Вас предложить Остёрскому райотделению распорядиться выдать Броварскому волкомпомголоду через Броварское райотделение 15 пудов муки для столовой Броварского дома ожидания беженцев. Сообщите перескомиссии, каким путём и из каких средств снабжать упомянутую столовую крупой, маслом или жирами. За председателя М.Кузьмин».

Этот документ был оформлен Михаилом Кузьмичом за день до его безвременного ухода из жизни. В то время поэт и не думал о смерти, наоборот — он пытался помочь беженцам из Броварского дома ожидания, не имеющим никаких средств для существования.

В этот день М.Сеспель ходил в больницу на проверку глаз, где ему выписали рецепт на лекарство. Попутно заходил в библиотеку, где взял книгу «Людвиг Фейербах».

15 июня рано утром он занял у Фёдора Пакрышня 300 тыс. рублей для покупки одной бутылки жидкого лекарства для глаз, на работе находился где-то до 15 часов. С утра он звонил к волосным организаторам, получал данные о размещении беженцев, анализировал итоги месячника помощи голодающим. Наконец, для Губземодела и Укомпомголода он подготовил отчёт о проделанной работе по переселенцам за 2-16 июня 1922 г.

Во время обеда М.Сеспель сходил в аптеку за лекарством для глаз (уплатил 295 тыс. руб.). А после обеда у него состоялся серьёзный разговор со своим начальником. Из кабинета Н.Савченко он вышел в весьма неуравновешенном состоянии, что-то печатал на машинке (Ф.Пакрышень, Н.Рубис), по другим данным, — «написал записку собственноручно» и «заметку» (из уголовного дела об обнаружении трупа, повесившегося сотрудника Уземодела в с. Старогородке, в усадьбе Константиновича Кузьмина), ушёл и больше не возвращался.

О содержании конфиденциального разговора начальника с провинившимся (с точки зрения прав и обязанностей сотрудника) подчинённым мы уже примерно знаем. Кульминацией этого суда по принципу «я начальник — ты дурак...» было, по верному замечанию П.Чичканова, увольнение М.Сеспеля в те же минуты его нахождения в кабинете заведующего. При этом П.Чичканов приводит следующие выписки из книги приказов: «Кузьмин Михаил Кузьмич делопроиз[водитель] — 15 марта 1922 г., уволен с 15 июня 22 г., пр № 374».

Во-первых, в книге приказов нет записи о назначении М.Кузьмина инструктором переселенческой комиссии. Во-вторых, почему сотрудник, работавший с утра до 15 часов, вдруг оказался уволенным именно в этот день (о его смерти, как известно, стало известно только 16 июня под вечер)? Очевидно, при этом Н.Савченко пригрозил своего подчинённого тюрьмой по статье «расхищение народного имущества». Именно так полагает П.Чичканов: «Тен, Савченко яна, курайманнипе, ёсрен каларса яна, тёрмене хупассипе хэратна, сакá вара сáвáс вилёмён чан-чан сáлтáвё пулса тáна?...» (Быть может, Савченко, из-за ненависти к нему, уволил его с работы, пригрозил тюрьмой, что послужило истинной причиной смерти поэта?..).

Перед смертью поэт заходил в дом Н.Рубис, но её там не оказалось. Бабушке девушки он оставил тетрадь со стихами, при этом грустно сказал: «Это для Наталии...»

Повесился он с молодой липы шнурком от сумки... Похоронили тело самоубийцы на месте происшествия трагедии в тот же день...

Итак, составлена примерная хроника жизни М.Сеспеля в

период его пребывания в Остёрском уезде. Основной архивный материал извлечён неутомимым тружеником, горячим поклонником творчества М.Сеспеля, автором романа-хроники о чувашском поэте Петром Николаевичем ЧИЧКАНОВЫМ. Ныне его прах покоится, как и у М.Сеспеля, в цветущей Украине, которая навсегда стала для всего чувашского народа родной и близкой. Мы породнились по примеру наших поэтов Фёдора Пакрышня и Миши Сеспеля.

Душа поэта и личные его отношения хорошо запечатлеваются в несколько субъективных воспоминаниях его приближённых и друзей. Сейчас пора вернуться к записям Ф.Пакрышня. О киевском периоде жизни чувашского поэта он писал в общих чертах: «До ноября я от Миши не получал вестей. В первых числах ноября пришло от него письмо, написанное 30 октября. Письмо было удручающего содержания. Всего писем от Миши я получил 11, в которых видна вся его нежная душа, тяжёлые условия его жизни. Всё то, что имел я, с ним делил, помогал ему ещё и Кирыша Турган».

Но вот наступил март 1922 г. Миша устроился на работу в Остёрский уезмотдел делопроизводителем. Читаем дальше: «Сразу же после пасхи мне удалось при обмене землями с одним селянином достать 15 пудов риса [ржи]. Миши за службу авансом получил 2 пуда риса [ржи]. На эти средства мы питались, а также купили две фуражки, одну кожаную, а другую обыкновенную суконную. Сшили две нижние рубашки, и я без ведома Миши купил ему за 3 пуда новые ботинки. В свободное время он больше всего читал. Книги брал в Остёрской библиотеке. Читал он журнал «Красная новь» и особенно уважал литературу имажинистов.

В один из майских дней, после завтрака, на лице Миши я заметил следы мучительных переживаний. Я сказал: «Миши, вижу, что в тебе идет какая-то душевная борьба» Он мне ответил: «Да, Федя, ты угадал. Знаешь что, Федя, у меня плохо с ногой, и вчера был в больнице, и меня осматривал какой-то идиот. Ты знаешь, что он мне сказал: «Очень плохо, — говорит, — гражданин, ваша болезнь неизлечима, у вас туберкулез костей». Вот человек, как будто я не знаю... НЭП... Курортов для таких бедняков, как мы с тобой, нет... Я боюсь тебе сказать, что я надумал... Я надумал на своей жизни поставить точку. Я покончу с собой... Помнишь берег моря в Евпатории».

От слов Миши меня обдало жаром и холодом. Я начал его уговаривать, просить его, чтобы он выбросил всё это из головы, и доказывать ему, что у меня намного хуже со здоровьем, а ведь живу. «Миши, ведь мы назвались братьями, давай до конца поборемся с этой жизнью. Ты еще молод, Миши, вся жизнь у тебя

вперед. Умоляю тебя, Миши, не оставляй меня одного». Увидев мои слезы, он сказал: «Даю тебе честное слово, Федя, что я тебя не оставлю. Я подумаю еще три дня и потом тебе скажу чистую правду: да или нет... Эти три дня не напоминай мне об этом».

В первый день после этого разговора Миши пришел с занятиями и сказал мне, что уезмотдел из Остра переехал в село Старогородки. «Вообрази, Федя, новое место мне очень понравилось: громадный сад, засохшие кустарники сирени и других растений, а возле самой усадьбы протекает реченька Остёр». Я сказал ему, что тоже люблю это место, что в нашем уезде красивее места не найдёшь, а главное, что очень скоро спадёт вода и ему будет версты на две ближе ходить.

На другой день Миши явился сияющим лицом, схватил мою руку и сказал: «Федя, мое слово, я хочу жить, к черту смерть. Ты знаешь, Федя, я познакомился с Наталией Николаевной Рубис, вот, брат, герой-женщина. Образованная, дочь врача. Мы с нею сегодня обошли всю усадьбу и много говорили о литературе. Она говорит, что нам надо издавать свой журнал! От моих стихотворений в восторге. На днях сделаем книгу, и дело пустим в ход».

Этому обороту дела я несказанно обрадовался, тяжёлый камень свалился с моего сердца. Я осмелился спросить Миши о ноге. Он мне ответил, что боль очень слабая, и добавил, что когда вода совершенно спадёт, будем ходить к Десне на песок загорать. После этого я не видел на лице Миши угрюмости. Когда он уходил из дома во время моего отсутствия, то оставлял записку и сообщал, куда идёт. Как-то похвалился, что был на квартире у Н.Н.Рубис, угощался скромным обедом, «Вот, — говорит, — время, даже в таких домах и у таких людей скромный обед».

В конце мая Миши мог уже ходить ближайшим путем. В уезмотделе был новый заведующий — Савченко. Миши мне сказал: «Савченко — парень плутоватый, по физиономии видно, и все служащие недовольны им. Мне он особенно не нравится». Дома по вечерам Миши делал гимнастику и даже при слабом освещении читал книги. Утром мы ставили самовар, пили фруктовый чай с красным сахаром, с салом. Уходя, Миши брал с собой хлеб и сало.

Однажды Миши пришел вечером очень поздно. Сообщил мне, что был в суде. Ревтрибунал судил известного контрреволюционера Бута. Потом сказал мне, чтобы я не беспокоился, когда он не придёт. «Мы готовим к выпуску журнал. Потом я бываю на собраниях комсомола, так что могу и заночевать».

При уезмотделе служил в качестве плотника некто Павел из Поволжья с семейством. Миши был с ним в хороших отношениях. Они часто беседовали о бедствиях родного края.

На селе в это время производились работы по закреплению земли на девятилетнее пользование. Я предложил Миши, чтобы он зачислился со мною в один двор при закреплении земли. С моим предложением он согласился. Я целые дни просиживал за работой в комиссии по распределению и закреплению земли.

Проходили дни. Ничего беспокойного у Миши я не замечал. Каждый месяц мы с ним брили головы. Парикмахером бесплатным у нас был брат хозяйки дома, добрый малый Брачун Гавюша.

14 июня Миши, придя домой, сказал, что ходил в больницу — его беспокоили глаза. Я его пожурил за то, что он при плохом освещении читает книги, это и отразилось на зрении.

Утром следующего дня, по обыкновению попив чай, Миши сказал, что ему надо 300000 рублей на лекарство для глаз. Я занял такие деньги у хозяйки и дал ему. Взял он деньги и говорит: «Знаешь что, Федя, я сегодня пойду без ботинок, их нужно починить. Смотри, какая дрянная работа. Только починил, а уже разваливаются». Я ему сказал: «У тебя больные ноги, иди в ботинках, а как только придёт наш сосед-сапожник, он их починит». Но Миши ответил, что для него ничего не составляет пойти босиком, ибо чуть ли не все служащие ходят босиком, даже Н.Н.Рубис. С этими словами он взял хлеба: я его спросил, почему он не берёт сала. Он ответил, что, возможно, сегодня скоро придёт и будет варить обед. Надев кожаную фуражку, которую больше всего любил (она ему была к лицу), он ушёл. Не знаю, что меня толкнуло, но я вышел за калитку и проводил его взглядом, пока не скрылся за поворотом...

К обеду Миши не пришёл. Я подумал, что он находится у Н.Н.Рубис или пошёл в суд, так как 15 июня ожидалось решение суда. Уже совсем стемнело, а Миши нет. Пришел тов[арищ] Брачун и спросил: «Ещё нет Миши?» Я сказал ему, что он, возможно, у товарища или слушает суд. И на второй день, 16 июня, к обеденному времени Миши снова не пришёл.

Я стал страшно беспокоиться. Придя в школу на работу по закреплению земли, я сказал учителю Г.А.Литошенко, что отсутствие Миши меня сильно беспокоит, боюсь, как бы чего не случилось с ним. Литошенко ответил, что верит, что Миши пошел в суд, решение будет только 16-го, там много народа ожидает.

Позанимавшись часов до 4, я с Литошенко пошел в поле, и всё время мы говорили про Миши, про то, что второй день его нет. Около трех часов мы бродили. Солнце вдруг стали закрывать с юго-запада страшные темные тучи. Я заторопил Литошенко: «Идём домой, а то не успеем до дождя». Пока мы шли до села,

стало темно от нависших туч. Большие капли дождя стали падать на землю, раздавались раскаты грома.

Не найдя дома Миши, мое сердце сжалось от страшной боли. Я предчувствовал ужасное. Не успел опомниться, как прибежал ко мне секретарь сельисполкома Петькун Сергей и сказал: «Твоего Миши уже нет, только что его нашли в саду...» Я ему ничего не ответил, заперся в комнате и начал плакать. По отцу своему, который меня оставил двенадцати лет, я никогда так не рыдал. Сбежались многие мои товарищи, стучали ко мне в дверь. Я не отворил им. Тогда Гаврюша Брачун забрался в комнату через окно, боясь оставить меня дома в таком настроении.

Всю ночь сверкали ослепительные молнии, от ударов грома дрожала земля, дождь с градом выбивал стёкла в домах. Гаврюша ночевал со мной, спал в Мишиной кровати. Я ночь провёл без сна. Чуть загорелся восток, пошёл в земотдел.

Бушевавший всю ночь дождь везде страшно размыл дороги, низины были затоплены водой, большую половину урожая побил град. Это природа рыдала над одинокой, безвременной могилкой дорогого мне брата Миши.

В земотделе я встретил плотника ? казанца Павла и жену кучера-австрийца Варвару. Увидев меня и мои слезы, они плакали со мной. Выяснилось, что Миши покончил с собой еще 15 июня часов в 4 пополудни. Нашли его 16 июня перед дождем.

Меня повели на могилу. На свежем холмике уже кем-то был оставлен букет полевых цветов.

Крутом большие липы и кусты сирени и жасмина, место возвышенное. Со слов служащих я узнал, что 15 июня после занятий было собрание всех служащих по поводу зарплаты. На какой-то вопрос Миши заведующий земотделом Савченко ответил страшной грубостью. Это очень обидело Миши. Говорят, он стал заметно задумчив.

После собрания Миши что-то печатал на машинке. Видевшие это думали, что он готовит для журнала свои стихи и статьи. После его смерти были найдены книги из библиотеки, «Красная новь», лекарство для глаз, письмо ко мне и ко всем служащим. Приехала милиция, был врач. Все вещи Миши передали народному следователю.

На следующий день ко мне приехала милиция во главе с начальником милиции Федоровым и забрала у меня остальные вещи Миши, его письма и большую тетрадь, исписанную на родном языке. Ещё до приезда милиции я Мишин пиджак на вате, поношенный, отдал его земляку Павлу. Ещё была верхняя рубаха защитного цвета, тоже поношенная, её я отдал беженцу из Поволжья, который ходил по селу, искал себе работу.

Через неделю я был в уземотделе, выпросил у того же плута Савченко дуб для памятника. Памятник этот я поставил в 1924 году. С Волчьей Горы везли его двумя парами волов. При установке присутствовали 10 членов Комитета крестьянской бедноты Волчьей Горы. Помогали члены коммуны «Юный коммунар».

На памятнике написано имя Миши, нарисованы звезда, серп и молот, вырезаны слова:

Оця єдина могила
Великого поета сховала.
З ім багато пісень нових
Буденна земля утеряла».

Определённый интерес представляют воспоминания родной сестры Ф.Пакрышня – Анастасии Николаевны Петькун, жительницы села Волчья Гора. Воспоминания записаны 27 июля 1968 г. Натальей Рубис. «Нас было десять человек – шесть сестер и четыре брата. Отец умер, когда мне было всего полтора месяца. Жили мы очень бедно. Хата была маленькая, тесная, скудная.

Старшие братья и сестры поженились, стали жить отдельно. И мой брат Федор Николаевич к 1922 году также стал жить в другой хате, в маленькой комнате. Нас у матери осталось четыре сестры. Я была самая младшая (родилась в 1902 году).

Брат Федор в то время был председателем ком[итета] бед[ноты] в селе Волчья Гора. Он тяжело болел туберкулезом позвоночника. Его послали в Крым, в санаторий. Там он подружился с Михаилом Кузьмичом.

...Фёдор звал Мишши к себе в Волчью Гору, и когда Мишши освободился из Красной Армии, он приехал к нам. Был совершенно бедным, ничего у него не было. Фёдор справил Мишши одежду. Они стали жить вдвоём в одной комнате Фёдора. Жили они так дружно, как и родные братья не живут.

Я носила им каждый день завтрак и обед. Носила через огороды, потому что соседи на улице посмеивались над нами, что у нашей матери теперь два сына, а не один Фёдор, а у меня – сразу два брата.

Когда получали они паёк – муку, то приносили мне, и Фёдор говорил:

– Ну, Настенька, вот тебе работа!

Я им пекла хлеб. Когда ни придёшь к ним, они всегда читали или писали. У брата книг было очень много. Он читал и писал постоянно. Один раз, когда я принесла им обед, брат сказал:

– Настенька, вот Мишши будет с тобой дружить. А я ответила:

– Мы все друзья! – и убежала.

Когда случилось такое горе с Мишей, то брат Фёдор страшно горевал, он совсем обеспамятовал и всё кричал:

— Дайте мне револьвер, я застрелюсь!»

Такова была верная дружба между украинским парнем и чувашским поэтом. Их связывала, на мой взгляд, большая любовь к родному слову, поэзии. Они породнились как братья и из-за их социального происхождения и идейных взглядов. Даже неизлечимая их болезнь способствовала взаимному пониманию друзей, ставших действительно неразлучными братьями по духу, мировидению и плоти.

К.Турган был жизнерадостным, любил шутить, увлекался философией анархизма. «Жизнь есть борьба, но не с оружием в руках, а с знанием, — размышляет Кирюша в письме Михаилу от 21 декабря 1921 г. — Трудись, терпи... познавай тебя окружающее и раскрывай глаза праздным, падшим моралью. Кругом тебя раболепие, ханжество, низкопоклонство, лесть, провокация... Ну что ж?.. И пусть, и мирись пока с этим, если бороться нельзя, а своё дело делай и иди по намеченному пути».

Это всё отвлечённая теория. А на практике, если у тебя болит душа за дело, когда не сможешь так просто созерцать, оставаться безразличным к окружающим людям и их поступкам. Христианская терпеливость очень часто позволяет расцветать ханжеству и нахальству, отчуждённости и безразличию к судьбам несчастных, лояльности ко всякой мрази. М.Сеспель был совершенно иной личностью: волевой, принципиальный, прямой и открытый, честный и справедливый, человеколюбивый. Все качества поэта, считающимися отрицательными (категоричность и резкость, излишняя требовательность, неуравновешенность, нетактичность т.п.), на самом деле являются продолжением его положительных сторон, ибо одни качества не существуют без других.

Ф.Пакрышень по характеру и духу был близок к М.Сеспелю: заботливый, молчаливый, принципиальный, с поэтической натурой, деловой, преданный и т.д. Не обращая на серьёзную болезнь, он вёл активную организационно-политическую работу, в качестве председателя комитета бедноты перераспределял земли, решал повседневные вопросы крестьян... Они с М.Сеспелем были так похожи, что со стороны казались родными братьями...

В уземотделе М.Сеспель сблизился с похожими на себя соотрудниками: Натальей Николаевной Рубис и Александром Григорьевичем Свистельником. Они оба проживали в Остре, оба увлекались поэзией и сочиняли любительские стихи. М.Сеспель с ним дружил, общался в частной обстановке. Оставаясь по неотложным делам в Остре, он всегда ночевал в доме Александра Григорьевича, беседовал с хозяином на различные темы, в том числе и лично-интимные.

О друге своей юности Наталья Николаевна составила ряд воспоминаний и сочинила около десятка оригинальных стихотворений. Наиболее важным и объективным является, на мой взгляд, первый вариант её воспоминаний. Он завершён 3 июня 1941 г. и через В. Усли попал в руки С.Эльгера. В настоящее время автограф воспоминаний хранится в НА ЧГИГН (ф. V, ед. хр. 30). Вот его содержание: «Миши Сеспель — подснежник, первый цветок весны. Он, как подснежник, первый ожил и расцвел под лучами живительного солнца — свободы чувашского народа, и как подснежник был недолговечен. Теперь, когда я узнала значение его поэзии, его самого, как человека-борца, революционера, организатора и товарища-друга — облик его, полустертый в памяти за эти 19 лет, встаёт передо мной в новом свете: как будто пронизали его лучи, и весь он засветился неугасимым огнём передового человечества.

За сегодняшний день, когда любящие руки друзей прикасались к его письмам, его стихам, когда в душе у нас звенели непролитые слёзы, а руки заботливо и нежно перебирали его стихи-листочки и прилежно работали, переписывая ценные материалы — всё ближе и роднее становился мне его образ, и не раз хотелось пожалеть — почему не узнала его таким при жизни, почему он так ревниво (или застенчиво?) прятал от нас сокровища своей души.

У него были глаза изумительной красоты, трудно подобрать слова, чтобы выразить их бездонную глубину, сосредоточенность, внутренний огонь. В те короткие мгновенья, когда в дружеском разговоре наши глаза встречались — я помню, как они притягивали меня — казалось, что какая-то тайна в них спрятана, казалось, что в их темной, почти черной глубине меркнут искры.

Пришел он к нам, в Остерский Уземотдел, такой скромный, тихий, углубленный в себя — и с головой погрузился в свою работу — оказания помощи голодающим. Его стол стоял в углу в той же комнате, где я работала, и я видела, как много и прилежно он писал, работал один, без помощников, сам вёл все дела по своему отделу, изредка (за всё время — раза два-три) поделился своими затруднениями, говорил, что ему нужен помощник — т.к. надо вести «целую канцелярию».

В усадьбе Уземотдела служащие получали небольшие огороды. Мой участок находился внизу, у самого края ложбины. Когда я работала там, Михаил Кузьмич несколько раз подходил ко мне, и мы вели серьёзные душевные разговоры о литературе, обществе, разбирали разные теоретические вопросы; своей серьезностью я, очевидно, завоевала его доверие, т.к. Михаил Кузьмич прочитал мне свои стихи. Одно начиналось — «О священное — расстрелять», но там были имажинистские выражения вроде

такого: «На, жри, жизнь свою подношу тебе на блюде» (по отношению к ставившим его «к стене»; всего содержания не помню) и я немного поспорила с ним по этому поводу, а из второго стихотворения первые 4 строки:

Жизнь моя, за какими холмами
Твой с уютною кровлею дом,
Тихой тенью, побитой камнями,
На распутьи стоишь босиком...—

запомнила на всю жизнь. Потому что здесь мне чувствовалось его глубокое жгучее страдание.

Я не помню его весёлым — всегда сосредоточенный, думающий о чем-то, Михаил Кузьмич заслужил у нас, сотрудниц УЗО, славу — никогда не улыбающегося. Я помню, как всегда мне хотелось как-нибудь пригреть его, ободрить. Мне казалось, что он тоскует о своей далекой родине. Я задалась целью заставить его улыбнуться. И вот один раз, когда после работы мы бродили по огородам и аллеям усадьбы УЗО — это мне удалось. К сожалению, память не сохранила мне тему нашего разговора, но как я была рада, когда увидела, что Михаил Кузьмич повеселел и — улыбнулся. Я ушла домой с особенным чувством, — какая радость дать тоскующему человеку хоть минуту отдыха от его тяжёлых дум и передать ему хоть один миллимикрон своей улыбки.

Я всегда с большим удовольствием беседовала с Михаилом Кузьмичём. Он говорил по-русски прекрасно, я высказывал ему своё удивление и восхищение по этому поводу.

Раз как-то я попросила его заговорить на его родном языке, и он прочёл мне своё стихотворение по-чувашски. Помню, что язык этот показался мне звучным и каким-то свежим, хотя я, конечно, ни одного словечка не поняла.

Помню, когда мы как-то особенно по-дружески разговорились, он сказал: «Я хочу сказать Вам одну великую вещь». Я вся насторожилась: что-то стихийно-могучее и глубокое мне послышалось в его мягком голосе — я притихла, и несколько минут мы шли молча.

«Я видел Ленина», — тихо, проникновенно сказал Михаил Кузьмич и взглянул на меня так, как будто из его глаз целый сноп лучей вырвался.

Таким он и остался в моей памяти, тихий и скромный по внешности, с неугасимым огнём в глазах, с образом Ленина в душе. И сейчас, над его преждевременной могилой, невольно хочется сказать:

— Спи спокойно, милый подснежник, своё дело ты сделал, как мог, твои братья его продолжают. Буйным цветком оно расцветает, колосится и к жатве зовёт».

В замечаниях Н.Рубис признаётся заказчику воспоминаний

Василию Михайловичу Усли, что при уходе в прошлое «всё выплывает новое и новое, что казалось совсем выветрившимся».

Начиная с 5 декабря 1956 г. Н.Рубис активно переписывалась с П.Бекшанским (сохранилось более двухсот её писем и записок). Вот текст самого первого письма: «Уважаемый Павел... (сообщите, пожалуйста, ваше отчество). С большим удовольствием отвечаю на Ваше письмо. Конечно, Вам необходимо приехать в Остёр, поговорить лично с людьми, знавшими Михаила Кузьмича во время его жизни здесь и в селе, и в самом Остре есть эти люди. Что касается меня, то всё что я о нём знала, я написала в своём стихотворении «Сеспель», оно было послано в Чебоксары, но дальше о его судьбе я не знаю. Посылаю и Вам. Написано оно в январе 1950 года, когда тов. Коломийцев, собиравший сведения о Сеспеле, попросил написать мои воспоминания.

Я работала в Остёрском уземотделе одновременно с Михаилом Кузьмичём, наше знакомство было очень кратким. Очень бы хотелось знать дословно, если конечно, помните, что он обо мне писал. С большим приветом Н.Рубис. 5.12.1956 г.» (НА ЧГИГН, отд. V, ед. хр. 991. Л.8).

В стихотворении «Сеспель» полностью повторяется содержание воспоминаний 1941 г. Есть там такие строки:

Знаю я — если б с нами остался ты жить,
Я была бы твоею подругой.

В ходе работы над составлением «Собрания сочинений» М.Сеспеля (Чебоксары, 1959) составитель текста Н.Данилов обратился к Н.Рубис за помощью, в результате чего завязалась их переписка. Вскоре Наталья Николаевна возобновила переписку с П.Бекшанским, заочно познакомилась со многими чувашскими поэтами. В результате усиленного напряжения своей памяти Н.Рубис с творческим энтузиазмом начала вспоминать эпизоды встречи с чувашским поэтом почти сорокалетней давности. Ко многим фактам, приведённым Н.Рубис, впоследствии П.Бекшанский отнёсся весьма критически, иногда с такими категоричными замечаниями на её письмах: «Не верю!».

В одном из писем Н.Рубис признавалась, что П.Бекшанский понимает М.Сеспеля умом, а она — сердцем. Чувственное ощущение для неё было важнее любого факта и логического умозаключения. Павел Иосифович, как опытный журналист, умел, сопоставляя факты, докопаться до истины, анализировать, делать рациональные выводы. Наталья Николаевна же, будучи человеком с поэтической душой, опиралась прежде всего на чувства, интуицию и воображение. К познанию поэта она приходила, прежде всего, через его творения и эмоционально-психологическую характеристику его поступков. Она весьма удачно

пользовалась некоторыми приёмами экзистенциального анализа (мы ещё не один раз убедимся в этом, когда будем анализировать стихотворения М.Сеспеля остёрского периода).

Второй вариант воспоминаний Н.Рубис более художественен, в нём встречаются новые факты, полученные автором, очевидно, после знакомства с «Собранием сочинений» (например, сведения об учёбе в художественной школе). С целью предоставления полной возможности для сравнения обоих вариантов, предлагаю ознакомиться с последним текстом воспоминаний Н.Рубис: «В Остерский Уземотдел я поступила на работу 21 апреля 1922 года. Получилось это так: оставшись без работы после сокращения штатов Остерского Уоткомхоза, где я работала по приезду в Остер, в марте 1922 г. я безрезультатно заходила во все остерские учреждения, пока мне не посоветовали пройти в Старогородку, в Уземотдел. Обратившись к секретарю Уземотдела Богомольцу и подав ему свое заявление, я получила обычный ответ: свободных должностей нет.

Опечаленная, я пошла к выходу, и вдруг Богомolec окликнул меня и сказал, чтобы я пришла завтра — он что-нибудь придумает. То ли моя обескураженная фигурка его тронула или понравился почерк в заявлении, — одним словом, на другой день я уже приступила к своим обязанностям регистратора, к Богомольцу же я на всю жизнь сохранила благодарность.

Все «входящие» и «исходящие» документы проходили через журнал, который я должна была вести, записывая кратко содержание и ставя номер, отправка почты, задача по отделам служебных бумаг — все это входило в мои обязанности.

Общая канцелярия находилась в большой центральной комнате бывшего помещичьего дома, с одной стороны была комната секретаря и кабинет заведующего Уземотделом, с другой, напротив, небольшая комнатка с двумя столами, от которой вел коридор к выходу. С другой стороны канцелярии помещалась бухгалтерия, напротив нее — комната агронома.

Вскоре после поступления на службу я проходила в канцелярию — смотрю — навстречу мне идет смуглый юноша с темными волосами, брови — как два черных крыла.

Наверное, он был разгорячён предыдущим разговором с кем-то и взволнован, потому что, когда он взглянул на меня, — как будто горячая волна меня обдала, захлестнула с головы до ног. Бывает же такое! Потрясенная таким неожиданным раскрытием чужой, кипящей жизни, я вернулась к своему столу и низко наклонилась над бумагами, чтобы никто из сотрудников не увидел по моему лицу, что со мной делается...

Кто этот юноша — я никого не спрашивала.

Прошло еще некоторое время. После работы я шла в сад, где сотрудникам были выделены грядки для посадки овощей, — работала там, сажала и поливала капусту. Так и в этот раз — я поливала рассаду и разрыхляла землю вокруг растений, вдруг слышу негромкое «здравствуйте». Я выпрямилась — передо мной стоял он.

Перекинулись парой слов, потом он помог мне принести воду — недалеко от грядки протекал не то ручей, не то осталась вода от половодья — мы кончили поливку и пошли в глубь сада по аллеям.

Неудобно было разговаривать, не зная имени, и я назвала себя и спросила, как зовут моего спутника. Он ответил, что его зовут Михаил, а отчество сказал только после вторичной просьбы — Кузьмич и назвал свою фамилию — Кузьмин. Так мы познакомились.

Я спросила, кем он работает, и Михаил Кузьмич ответил, что у него работа — особенная — Ком. Пом. Гол. и пояснил, что это значит — Комитет помощи голодающим Поволжья. Сказал, что ему приходится трудно — плохо идут навстречу местные руководители. Надо много усилий, чтобы чего-то добиться, но чего бы-то ему не стоило, а он добьётся, чтобы отгрузить не то баржу, не то вагон зерна.

Так мы шли, разговаривая, по саду, подошли к дому, где помещался Уземотдел и попрощались. С тех пор, если было время, Михаил Кузьмич приходил в сад после работы и мы бродили по аллеям и лужайкам, затрагивая самые различные темы.

Больше говорил Михаил Кузьмич, а я слушала, изредка о чем-нибудь спрашивая, что было мне не ясно. Рассказывал и о себе — сказал, что учился в художественной школе, но очень недолго, что он хотел стать художником, но, видно, этому не сбыться.

Чем больше мы знакомились друг с другом, тем глубже становились наши беседы.

Михаил Кузьмич спросил меня однажды:

— Хотите, я прочту Вам свое стихотворение?

Я вся превратилась в слух, и он прочел:

Жизнь моя, за какими холмами

Твой с уютною кровлею дом?

Тихой тенью, побитой камнями,

На распутье стоишь босиком...

Такую грусть он на меня навёл этим стихом, что я и слова не могла сказать... Думала только, что же ему пришлось перенести в жизни, сколько перестрадать, чтобы написать такое...

Один раз, после работы, мы с Михаилом Кузьмичём шли

вместе в город, дошли до нашего дома, я показала, где живу и пригласила зайти, но он отказался».

Кстати, перевод псевдонима М.Сеспеля как «подснежник», по-моему, впервые дала Н.Рубис (см. первый вариант воспоминаний). Откуда она узнала его значение? Хотя Наталья Николаевна ссылается на перевод самого поэта («Сам-то Михаил Кузьмич перевёл мне — первый цветок, подснежник, но какой цветок он имел в виду?»), но, мне кажется, ей в те годы (в 1941 г. Н.Рубис посетил чувашский писатель В.Усли,) перевод цветка *çeçñĕl* сообщил В. Усли. По интуиции.

Н.Рубис почувствовала, что псевдоним чувашского поэта означает не подснежник. В письме П.Бекшанскому от 23 июня 1963 г. она выражает своё сомнение: «И вот ещё какое у меня сомнение появилось: в словаре *çeçñĕl* [...] переводится фиалка, медуница (????) Спрашивала точный перевод у Кокоревых — не ответили. Спросить бы какого бы ботаника чувашского — как они фиалку на чувашский переводят?»

Сеспель — фиалка. Фиалка, а не подснежник. Что Вы скажете? И как бы узнать, что сам Миша себе представлял? Какой именно из цветов. Я почему-то склонна к ФИАЛКЕ».

Когда Н.Рубис увидела на конверте письма П.Бекшанского фиалку, она, как сама пишет, прямо ахнула от увиденного, «как наитие какое-то...»

А наитие Н.Рубис заключается в том, что поэт такой величины и глубины, как М.Сеспель, не мог взять псевдоним не очень глубокого содержания (подснежник — первый, самый ранний, противостоящий холодному снегу). В письме П.Бекшанскому от 2 августа 1963 г. Н.Рубис объясняет своё «наитие» словами: «... Фиалка. Вы представляете — что это значит? Ведь это — уже ЦВЕТ ПОЛНОЦЕННЫЙ, полны своего неповторимого аромата, своей неизъяснимой прелести». По глубокому убеждению Натальи Николаевны, М.Сеспель «чувствовал жизнь в цветах».

В письме П.Бекшанскому от 2 августа 1963 г. Н.Рубис окончательно убеждается в своём мнении: «Это так много значит, что Михаил т о л ь к о фиалки брал к себе на стол, чтобы вдыхать их аромат, смотреть на них весь день, нельзя забывать, что был он ХУДОЖНИКОМ, не только поэтом... ФИАЛКА... И так, это — закреплёно».

Наитие Н.Рубиса повело её по верному пути, жаль, что она не изучила следующее значение слова *Çeçñĕl* в словаре — медуница. Быть может потому, что она не знала флору чувашских лесов, что в них весной расцветают не фиалки, а в большей степени медуницы (первоначально они, как и фиалки, бывают красно-фиолетового цвета).

Итак, мы убедились, что в изучении творчества пригодны не только логические пассажи по частям анализа и синтеза, но и опыт индивидуально-«наитивный», который опирается на озарение, цветовидение, обоняние и т.п. Думаю, таким даром обладала и Наталия Николаевна Рубис.

В одном из ранних писем П.Бекшанскому (от 24 сентября 1962 г.) Наталья Николаевна как бы случайно заметила: «... до чего же мы с Вами одинаковы — вы понимаете, а я вижу — внутренние движения океана-души Михаила». В другом письме она пишет о том же такими словами: «Ведь я многое просто ощущаю, чувствую, без всяких логических объяснений. И если мы расходимся, доказать ничего не могу....» (письмо от 11 октября 1963 г.).

В письме от 31 октября 1962 г. Н.Рубис значительно развивает тему «внутреннего видения»: «О нечёткости выражения мысли». Тут я — невозможный пуританец. Так что будьте терпимы. Я по-другому понимаю. А именно: если выражено не чётко, значит сама МЫСЛЬ нечёткая. Пусть обретёт полную ясность сперва «внутри», а потом одевается в слова. Иначе при всяком «переписывании» можно и саму мысль потерять. Это не значит — не записывать. Но в ПРОЦЕССЕ записывания — не мысли обгоняют перо, а КАРТИНЫ, встающие перед внутренним взором, разворот событий. Вот за ними угнаться — это да! Здесь что угодно может получиться при «одевании словами». И пусть!».

По пониманию украинской поэтессы, в художественном творчестве образность важнее чёткости мысли. А последняя непосредственно зависима от чёткости выражения.

У Н.Рубис чистейшая поэтическая натура, она жила и творила не столько мыслями, а прежде всего чувствами (об этом частично уже говорилось). Поэтому творчество художественное для неё равнозначно любви, быть может, и выше её. «Когда познала счастье творчества (пусть в капле — но в ней вкус океана...), — призналась она П.Бекшанскому в письме от 8 февраля 1964 г., — и спросила себя — если бы пришлось выбрать — любить и быть любимой или — писать (в смысле творить), не колеблясь, ответила себе — ПИСАТЬ! И это тогда, когда уже любила «до потери сознания», бесповоротно, на всю жизнь! Настолько счастье творчества оказалось сильнее. Но это было ещё в 18–20-е гг.» В другом письме Н.Рубис пишет: «Стихами я с детства вливаю свою душу, всё, что накапливается внутри — само собой и выливается. В них — моя кровь, моё всё» (письмо от 5 февраля 1962 г.).

Последнее признание поэтессы не следует сводить к простому излиянию чувств. Нет. Для поэта важнее ощущение настоящей, живой жизни, которое диктуется не повседневностью, а

самим подсознанием: «Именно в таком «под диктовку подсознания» в письме (т.е. творчестве — В.Р.) и рождаются те «единственно верные» слова, в которых слышишь живой трепет сердца. Припомнилось — Веры Ибнер — о том, как «утром встаёшь с уже готовыми строфами, неизвестно откуда, помимо сознания, возникшими...» (не дословно, только смысл).

И вот это то свободное, не стеснённое никакими мудрствованиями, изливание накопленного — оно и создаёт ощущение жизненности, **ЖИЗНИ НАСТОЯЩЕЙ, ЖИВОЙ**, которая живёт независимо от автора, и поэтому воспринимается как достоверность» (письмо от 13 декабря 1962 г.).

Свобода творчества подразумевает и полную свободу создаваемого писателем образа. «Вы уже ПИСАТЕЛЬ, раз Михаил уводит Вас за собой, — обращается Н.Рубис П.Бекшанскому. — И пусть уводит. Чтоб не было для Вас ни стола, ни пера, ни комнаты, пусть всё исчезает — вы видите только ЕГО, и пусть Он ВЕДЁТ... Это и будет наивысшее напряжение творческого сознания, которое сопровождается всегда невыразимым восторгом и счастьем. И Вы уже пьёте из этого неиссякаемого источника. Пишите, как пишется, без малейшего напряжения, без всякого наикрохотушечного стремления выдержать какую-то схему, какой-то план. Это всё (план, схема) — только, как первые вехи по пути к просторам творческого созидания — а дальше — во **ВСЮ МОЩЬ ДАЙТЕ ЕМУ СВОБОДУ**. Пусть он захватит Вас всего, с потрохами, тогда и написанное **ТАКЖЕ** будет захватывать читателя» (письмо от 10 октября 1962 г.).

«У Вас уже даже «мелкие» персонажи (в смысле места, отведённого для них) и то желают **СВОЕЙ** жизнью жить, а не по воле автора, — разбирает Н.Рубис творческий опыт П.Бекшанского в создании самостоятельного от писательской воли героя. — ...Вы не встопорщились своим авторским всемогучим жезлом, а тоже согласны, сто любое «**АВТОРСКОЕ НАСИЛИЕ**» прозвучит как фальшивая нота».

В своём письме П.Бекшанский как-то признался Наталии Николаевне, что он не будет *сочинять* Михаила, а хочет, «чтобы он ожил в ней таким, каким был, пусть даже порой вопреки тому, что» ему хотелось бы. «Павел, неужели не чувствуете, что мне хочется руки Вам целовать за эти слова, — искренне проявляет свою радость Н.Рубис. — Каким был! А разве мы Его другим любим? Нет. Он стоит перед нами, в нас — ждёт, ждёт — он живёт, он, а не образ его. Не понятно говорю? Мне видится — он уже завладел Нами и, как Вы пишете, — «по хозяйски» водит Нашей рукой». Он сам, вот вижу и глаза и брови его мои любимые» (письмо от 2 октября 1962 г.).

Возражая против мысленно представленного выражения П.Бекшанского («Сложили в себе... образ»), Наталья Николаевна размышляет: «То есть, как это «сложила в себе...»? Что же я «сочинила для себя образ»? Ну, как бы Вам это пояснее сказать — для того, чтобы узнать, что в море вода солёная, не надо ведь его всё выпить — довольно капли. Так и с Михаилом. Вот скажу Вам таким примером — вспоминаю, вижу его взгляд — и не надо мне никаких слов — я знаю, что он честен до конца, если предан — до смерти, до дна, если доверился — то на всю глубину, и всё это вижу, и могу заранее сказать, в каком случае как он поступит. Не понятно? Как это я «сложила в себе образ» — если Михаил весь, целиком — Сам вошёл в меня и живёт там, живёт самостоятельно, помимо моей воли. Вот Вам и диалектика — ведь мужчины и женщины — это противоположности. Вы постигли Михаила прежде всего умом, а я — чувством, а выводы по вашим словам, во многом совпадают» (там же).

Здесь гендерного объяснения не требуется, так как Наталья Николаевна всю жизнь жила в мире поэзии и чувств, а Павел Иосифович, как журналист-аналитик, склонен к логическим упражнениям. Для наглядности можно привести его размышления о переломных событиях в жизни его друга Михаила: «О Миронове. Зачем нужно кому-то доказывать, что Миронов сыграл в деле Сеспеля очень маленькую и ничем не решающую роль? Миронов не мог по своему служебному положению ни арестовывать Михаила, ни допрашивать его. Михаил был арестован другим, Миронова, как «свидетеля», привлекли потом. Наболтал с перепугу и потом отказался от своих «показаний», а Михаила то держали в тюрьме, дело его прекратили только через 8 месяцев, даже предлагали, хотя вины не доказали, сослать в Архангельск в лагеря на 3 года. Причём тут Миронов? Я не буду копаться в этом деле. Вопросов много, а ответ на них ничто не изменяет в судьбе Михаила и ничего не прибавит к его характеристике. Для меня достаточен того, что Михаил был арестован за 2–3 недели до начала кулако-эсерского восстания в Чувашии. Выведен из строя. Всё остальное пусть устанавливают. Разыскивают исторически. Да и они без помощи опытных следователей этот клубок не распутают. Когда-нибудь я напишу для вас всю хронику по дням, как был арестован М.Кузьмин. Как допрашивали, кто и когда переводил его из подвала в одиночную камеру, потом по просьбе Михаила — в общую. Как письмо Михаилу от Червяковой, пришедшее 30 января, пролежало у Маркова (нач. след. отдела ЧК) и Кадушкина (пред. ЧК), лишь 7 февраля, при освобождении письмо было передано Михаилу. Но... так записано в документах, а письмо то Михаил, видимо, не получил совсем... В книге я не привожу данных, но мне

они были нужны для более полного представления об условиях, в которых содержали Михаила почти 1,5 месяца, чтобы домысливать его самоосуждения и думы. Кто такой Марков? [...] А может и он — не главное лицо в аресте Сеспеля, а лишь исполнитель чьей-то злой воли? Вероятно. Теперь уже невозможно полностью восстановить все скрытые пружины дела с арестом Михаила, подлинных виновников и, повторяю, не моё это дело» (письмо от 12 мая 1980 г.).

Бывший журналист и историк-краевед «в мысли и чувства» Сеспеля проникал, прежде всего, через анализ отдельных фактов, т.е. двигался от внешнего к внутреннему. А поэтесса «с рождения» обладала даром внутреннего видения. Например, ситуацию «исполнения чьей-то злой воли» Н.Рубис увидела, скорее всего ощутила, изнутри самого поэта: «Михаил так ясно видел, насквозь видел этих негодяев, запутавших его в тенёта злобной клеветы. Ведь настоящие-то убийцы его — как раз те, что взвалили на него такую чудовищную ложь, оторвали от партии и товарищей, бросили в ТЮРЬМУ! Светлый сокол, мчавшийся навстречу свободе, солнцу, светлому счастью Будущего — предательски подбит камнем на лету и упал, упал, но себя Он не потерял ни на секунду... Такой талант, такой необъятный мир погублен, погублен злобно, умышленно, преднамеренно «волчьей стаей», ужасами, пресмыкающимися ...» (письмо от 5 июня 1962 г.).

Всю цельность человека Н.Рубис могла составлять через его единственный взгляд, через сопровождающие его запахи, по божественному наитию, откровению подсознательного... Иногда подобное общение с Михаилом у Н.Рубис происходило в состоянии сна, т.е. на грани жизни и смерти: «Вчера весь день звучал во мне голос Миши Кузьмина, обращённый к Вам, до того звучал, что даже ночью вскакивала, открывала книгу на 80 странице и перечитывала, а потом твердила себе на память. Такое чувство, как будто в Вас не осталось ни одного уголка, ни одного закоулочка, незаполненного МИШЕЙ, не Михаилом, не Сеспелем, а Мишей, Мишей Кузьминым... Как будто Ваше сердце — это Его сердце, Его живое биение, Его чувства — Ваши чувства, Его боль — Ваша боль и Его радость — Ваша радость. И всё время вижу Михаила — почему-то с коротко остриженными чёрными-пречёрными волосами, бодрого, горячего, горячей огня... У меня сейчас очень интересное и в то же время совершенно определившееся ощущение...» (письмо от 12 ноября 1962 г.).

«Всегда живой будет для нас Михаил Кузьмич, не примем мы Его смерти — это невозможно, — восклицает Н.Рубис в письме от 5 февраля 1962 г. — Иногда ощущаю, буквально ощущаю Его близость — ведь, наверное, и в этой комнате что-то осталось

от Него, и бывают минуты, когда так остро я это что-то чувствую. Это реальное ощущение, не подумайте, что здесь какая-то галлюцинация».

В другом письме она выражает аналогичное же чувство: «А я ... столько бы раз не подходила к памятнику – нет Его там – я чувствую Его живым, а могилы просто не воспринимаю, смотрю на портрет, а вижу таким, как в жизни, слышу, как читает по-чувашски «Морю», говорит мне на прощанье «Салам»...» Сидим рядом, смущённые, в нашей «большой» комнате и не знаем, о чём начать говорить...»(письмо от 6 июня 1962 г.).

Даже к факту трагической смерти М.Сеселя эти два близких его друга отнеслись по-разному. «Самоубийство или убийство? – вопрошает опытный журналист, привыкший всегда докапываться до истины. – Никаких данных у меня нет: просто я никак не могу до сих пор поверить, что Михаил МОГ покончить жизнь самоубийством (из письма П.Бекшанского П.Слесареву от 31 января 1970 г. (НА ЧГИГН, отд. V, ед. хр. 1033. Л. 49).). А к Н.Рубис в письме от 22 апреля 1980 г. он пишет следующее: «И ещё: не надо искать виновников ухода Сеспеля из жизни в партийных органах Чувашии. Причины его гибели не в Чебоксарах., а в Острере. Чебоксарские события надломили, конечно, но не убили Сеспеля-коммуниста...»

Разбирая книгу Ю.Збанацкого «Сеспель», Наталья Николаевна приходит к весьма оригинальному (по сравнению с мнением других её современников) выводу: «Мне кажется, главное во всех недоделках книги именно то, что самому автору не был понятен и ясен до конца СЕСПЕЛЬ, как таковой, Сеспель, как живой человек, тем более его кончина. Поэтому он умолчал об истинной смерти Сеспеля, поэтому столько внимания отдал описанию бури в природе, которой вовсе тогда не было, наоборот, по словам Свистельника, ночь была на редкость тихой, поэтому столько всевозможных отступлений и исторических справок, очень интересных и хороших как сами по себе, а в романе грожающих развитие основного действия и вызывающих нетерпение читателя, поэтому он стал перед дилеммой: Сеспель-коммунист и Сеспель-самоубийца, какой в действительности не было. Сеспель и ушёл САМ из жизни, потому что был ДО КОНЦА предан революции, но был СМЕРТЕЛЬНО РАНЕН жизнью, которую ТАК жгуче любил – вот где его основная трагедия, которой нет в книге, поэтому получилось, что образ Антоненко невольно ПРОТИВОПОСТАВЛЯЕТСЯ и ПЕРЕВАЛИВАЕТ над образом Сеспеля... А где же его жгучее пламя, где его кристальная чистота, где его насквозь пронизывающая ВОЛЯ, где он – ПОЭТ, прежде всего – ПОЭТ НОВОГО ДНЯ? Они расплылись,

растерялись в романе за неприсущими Сеспелю «мелочами», какие именно «мелочи» так чётко, так выпукло вычеканили образ Анотоненко-комиссара» (письмо от 19 апреля 1962 г.).

Некоторые биографы М.Сеспеля и сегодня пытаются искать ответы на заданный П.Бекшанским около сорока лет назад совсем неоднозначный вопрос. Они с многолетним опытом работы в периодике пытаются приблизиться к тайне М.Сеспеля от внешних фактов событий к духовно-личностной. Но без цельного видения и разностороннего изучения творчества нашего поэта, к чему постоянно стремилась Наталья Рубис, невозможно дать правильную оценку любого отдельного его поступка, даже такого, как добровольного (или вынужденного) ухода его из мира сего. Поэтому свою позицию по данному вопросу я выскажу в ходе анализа стихотворений поэта. Здесь нам помогут отдельные высказывания Н.Рубис в адрес того или другого произведения М.Сеспеля. Наталье Николаевне хотелось, как она сама пишет П.Бекшанскому, «совсем нового искусства — чтобы вместе с цветами и звуками и запахами в великолепных сочетаниях возникали...» (письмо от 17 мая 1963 г.).

Стихотворения остёрского периода дошли до нас разными путями. Из высланных Ф.Пакрышнем в Чувашию в сборник стихов М.Сеспеля 1928 г. издания вошли: «Хёрлэ-хёрлэ, хёрлэ мӓкӓнсем...» (Маки красные, что там, вдали...), «Паянтан» (Отныне), «Ёнер йӓвӓс пахчи кӓмӓлне...» (Лишь вчера в саду, светла, ясна...) К ним же следует отнести стихотворение «Жизнь моя, за какими холмами...», которое Н.Вазянской опубликовано в журнале «Сунтал» за 1927 г. (№8–9). Последнее стихотворение (автограф) выслано В.Усли из Киева в 1941 г., взятое вместе с Н.Рубис у Е.Пенской, хранительницы архивов Ф.Пакрышняя и М.Сеспеля.

В своем письме П.Бекшанскому от 24 ноября 1981 г. Н.Рубис сообщила следующее: «Первой ласточкой» прилетели ко мне в 1941 г. Ю.О.Збанацкий с чувашским писателем Василием Михайловичем [Усли] (хочется сказать В.М. спасибо, что они уцелели и оказались в НИИ); в 1941 г. — И.Григоренко взял тетрадь М[иши], и она ещё не найдена» (НА ЧГИГН, отд. V, ед. хр. 990. Л. 33).

Как известно, в 1947 г. украинский журналист Иван Григоренко опубликовал статью о М.Сеспеле «Сирёп туслӓх» (Крепкая дружба // Родная Волга. — 1947. — кн. 30), из которой можно понять, что рукописи нескольких русскоязычных стихотворений автор получил от Н.Рубис. Перед своим арестом эти произведения И.Григоренко отправил в Чувашию (первоначально он сообщал, что рукописи передал через какого-то чувашского писателя, а потом вспомнил, что отправил в Союз писателей Чувашии). До 1970 г. об этих стихотворениях научная общественность

ничего не знала, молчала и Н.Рубис. И вот, в 1970 г. в Учёных записках НИИ при Совете Министров ЧАССР (вып. 51) была опубликована статья В.А. Долгова «Неизвестные произведения М.Сеспеля», в которой впервые печатались следующие стихотворения: «Весна», «На дне дня», «В солнечную Мань синевы...», «[Дальний] путь сумеречных скитаний...» и окончательная редакция «Жизнь моя, за какими холмами...».

Возникает закономерный вопрос: где нашёл В.Долгов автографы данных стихотворений М.Сеспеля? Они без движения пролежали в архиве критика-сеспелеведа аж более 20 лет! Почему не публиковал он их раньше, не помог составителям включить в «Собрание сочинений» поэта 1959 г. издания? В его архиве хранилась рукопись и рассказа М.Сеспеля (В.Долгов его назвал «Истомой»). Спасибо Долговым, что они в конце жизни сдали оригиналы произведений М.Сеспеля в НА ЧГИГН. Но нет оригинала стихотворения «Выдуманном глазом», копию которого Н.Иванов в своё время выслал Н.Рубис. По мнению П.Бекшанского, сохранились даже некоторые документы, найденные в своё время Н.Вазянка, но они, по мнению друга поэта, находятся в личном архиве известного чебоксарского литературоведа (Письмо П.Бекшанского Н.Рубис от 28 ноября 1979 г. (НА ЧГИГН, ф. V, ед.хр. 988).

После В.Усли много документов о М.Сеспеле разыскал П.Н.Чичканов, талантливый чувашский художник и прозаик, автор биографического романа-хроники «Кавар чёре» (Огненное сердце, 1965), романа-хроники «Сён Кун ачи» (Сын Нового дня, 1989) и «Сенкер Десна» (Голубая Десна, 1992). Все они посвящены жизни и творчеству М.Сеспеля. В Черниговском государственном архиве П.Чичканов нашёл рукописи следующих не законченных произведений поэта: «Родной аул давно уж мне отлаял...» и «Мой любимый Нуль...».

Итак, из сохранившихся стихотворений остёрского периода жизни М.Сеспеля известно всего 11 произведений, некоторые из них имеют по несколько редакций.

«Хёрлэ-хёрлэ, хёрлэ маканьсем» (Маки красные, что там, вдали) впервые опубликовано в сборнике стихотворений 1928 г. издания. Датировано так: «20 марта 1922. Чернигов». Автограф не сохранился. Следует заметить, что мак для чуваша всегда являлся окультуренным цветком, быть может, даже городско-парковым. Поэтому в условиях города естественно возник образ «красно-прекрасных» (хёрлэ-хёрлэ, хёрлэ) маков. В стихотворении не отражена разница революционного прилива и отлива, как поверхностно полагает ряд интерпретаторов, а выражено глубокое чувство переживания героя за судьбу Чувашской автономии:

Маки красные, что там, вдали,
Позапрошлым годом расцвели,
Вас сорвал, развеял ветер злой,
Ваши корни сжёг горячий зной.

Перевод П.Хузангая.

Последние две строки дословно переводятся так: «Ветер разгневался, ветер развеял же вас, | Жжёт песок разрыхленную почву». Чувствуется, что здесь слова поэтом подобраны с целью создания внутрисклочной аллитерации:

ХЁРЛЁ-ХЁРЛЁ, ХЁРЛЁ ма́кяньсем,
ВиСём Сул ЧЕЧЕклён Чёрлнисем,
ЅИЛ ЅИленчё, ЅИЛ вёЅтерчё-Ѕке сире,
ХяйяР ХёРтРё ЅЕп-ЅемЅЕ Ѕёре.

Стихотворно-поэтический язык текста со своей звуковой организацией напоминает классические стихотворения крымского цикла. Лирический герой хорошо помнит о расцвете красных маков в «позапрошлом году» (так выразил поэт образование Чувашской Автономной области в июне 1920 г.), но их сорвал «рассерженный ветер», разрыхленную и плодородную землю жжёт горячий песок пустыни. Далее положение цветков по фольклорному принципу сравнивается с трагической судьбой лирического героя:

Маки нежные, что там, вдали,
Позапрошлым летом расцвели,
Я, хозяин ваш, оставил вас
И брожу голодным в этот час;
Красные я помню лепестки,
Не избыть сердечной мне тоски...

У лирического героя в глубине души ещё теплится надежда, не смотря на отсутствие «теплоты ярко-солнечного дня» (сут хёвеллё кянтя́рла йшши) хозяина фруктово-цветочного сада:

Маки милые, что там в дали,
Позапрошлым летом расцвели!
Может быть, настанет светлый день
И вернусь я под родную сень?
Там, в саду, где пышны зелены,
Может быть, дождётесь вы меня?

В оригинале речь идёт о возвращении тёплых солнечных дней, а не лирического героя. Из последней строки оригинала можно понять, что герой глубоко переживает за судьбу своего сада: «Сможете ли дожидаться вы своего хозяина?» (Кётсе илейёрши хуёра?). Герой сомневается, что он когда-нибудь вернётся в свой любимый сад (т.е. в свой родной край).

Завершающее стихотворение строфа кольцуется с его начальным четырёхстишием (данный приём весьма типичен для творчества М.Сеспеля):

Маки красные, что там, вдали,
Позапрошлым годом расцвели,
Ветер вас сорвал в недобрый срок,
А хозяин ваш далёк, далёк...

Из оригинала видно, что вдалеке находится не просто хозяин, а «голодный хозяин». Следовательно, злой ветер со жгучим песком сопоставимо с голодом, из-за чего есть большая опасность невозвращения хозяина в свой плодоносящий сад, где раньше царило тепло ярко-солнечного дня (в стихотворении благодатная теплота дня противопоставляется ветренно-знойному дню).

По глубине аллегорически-символических образов «Маки красные, что там, вдали...» сближаются со стихотворениями «Пашня Нового Дня» и «Морю». Как и в последнем стихотворении, здесь главное место определено герою с индивидуально-личностными (но не индивидуалистически-эгоистичными) качествами. К слову, М.Сеспель никогда не был «ярким художником-индивидуалистом со своим безусловным «я», как пытаются некоторые интерпретаторы объяснять стихотворения киевского и остёрского циклов. В любой, хотя бы в мизерной трагедии отдельного человека всегда зеркально отражается частица трагедии того общества, в котором он живёт. С этой точки зрения, не бывает поэзии «индивидуалистической», термин этот сегодня выглядит, на мой взгляд, анахронизмом, своего рода идеологическим ярлыком марксистского литературоведения. В пору массовой коллективизации слово «индивидуалист» было равнозначно словосочетанию «враг народа», оно означало человека, оторвавшегося от своего народа. Но бывали такие случаи, когда один лишь человек жил интересами своего народа, а вся толпа в нимфе существовала ради очередного наполнения желудка и, конечно же, широких карманов. Лирический герой стихотворения переживает за судьбу Чувашской автономии, официальным гарантом соблюдения равноправия народов в «государстве Нового Дня».

Первая строка стихотворения настраивает читателя на ритмическую волну 5-стопного хорея, но уже во второй строфе становится трудно скандировать в данном размере:

Выс́ахса сётёрёнсе с́уреп,

Хёрлё-хёрлё ма́каньсене а́санса...

Четвёртая строка третьей строфы пытается разрушить структуру установившейся ритмической инерции на свой лад (с учётом норм ударений литературного языка): Каллех савра́нса килё-ши?

Через одну строку опять появляется вирус-ритм со структурой Я1 + П₄1 (Пеон четвёртый) + Ая1: Кётсе илейёр-ши ху́сра?

В конце кольцующая строфа восстанавливает опять первоначальный ритмический рисунок, хотя последняя строка упор-

но сопротивляется: ху́сър вы́сă сўрет инсетре (Я1 + П₄1 + Ан1).

Итак, на уровне ритмической организации идёт упорная борьба двух структур: 5-стопного хорей и строки со смешанным размером (логаэдической строки). Первая структура утвердительно-оптимистическая, а вторая — разрушительно-неуравновешанная (на фоне противоположного большинства). Всё это накладывается на интонационно-эмоциональную структуру стихотворения: волнения и беспокойства лирического героя оправдываются и на уровне ритмической организации стихотворения.

«Паянтан. Юлашки кун тумламёсем» (Отныне. Последние капли крови) воспроизводится по тексту сборника стихов М. Сеспеля издания 1928 г. По утверждению П. Чичканова, первоначальный вариант стихотворения начато в конце марта, когда из-за непогоды М. Сеспель, уже утверждённый инструктор уездной переселенческой комиссии, не смог выехать для срочного открытия в Броварах дома ожидания для беженцев. Он должен был любой ценой разыскать помещения и найти людей для успешной работы с беженцами.

Перед новым инспектором была поставлена архисложнейшая задача. Торопил председатель уездной переселенческой комиссии, члены исполкома. Как назло, на новолуние (29—30 марта 1922 г.) испортилась погода, выехать в дорогу в эти дни было невозможно. Учитывая, что мужской организм плохо переносит новолуние, мы можем лишь в общих чертах представить степень нервно-психического состояния нашего поэта в дождливые дни конца марта. И проблемы скорейшей организации дома ожидания в чужом для него поселении и дождливая погода, и царица ночи луна — все давили на душу поэта, словно огромный жернов ветряной мельницы. Ему казалось, что вся земля облачена туманом смерти:

Слово тёплое камнем и льдом
В моём горле отныне застряло.
Над лесами зарницы не стало.
На земле — ужас смерти кругом.

Перевод П. Хузангая.

И вот снова появляется излюбленный поэтом образ пригвождённой Родины:

Край родной повели босиком
На Голгофу для тяжкой расправы.
Шупашкарской стены пот кровавый
В сердце скорбном, разбитом моём.

Но здесь Родина идёт босиком, а это очень многое значит. Босые ноги — знакомый образ Великого Страдальца-Сверхчеловека. Тут невольно вспоминается утренний разговор М. Сеспеля с Ф. Пакрышнем 15 июня 1922 г.:

— Знаешь что, Федя, я сегодня пойду без ботинок, их нужно починить. Смотри, какая дрянная работа. Только починил, а уже разваливаются.

— У тебя больные ноги, иди в ботинках, как только придёт наш сосед-сапожник, он их починит.

Заметьте, Михаил находит разные причины, но добьётся своего: он идёт на работу (считай: на Голгофу) босиком и без еды. Я не думаю, что всё это он совершал осознанно (ведь человек занял деньги для покупки лекарства). Совершенно очевидно, что данные поступки были подспудно подсказаны подсознанием поэта. В то утро, как наитие, вдруг ему захотелось пойти на работу босиком. А сад и здание уземотдела были расположены на горке и, быть может, интуитивно напоминали идущего босиком поэта на Голгофу (Асап тавё — Гору страданий). Повторяю: всё это происходило на уровне подсознания.

Последние две строки приведённой строфы с оригинала дословно можно перевести так: «Чебоксарских стен пот кровавый | В разбитом сердце моём с этих пор». Что означают здесь «чебоксарские стены», «пот кровавый»? Следует учесть, что сердце М.Сеспеля было разбито в стенах тюремного заключения (чебоксарские стены), а кровавый пот на стенах — это аллегорический пересказ всех мук и терпений, испытанных поэтом в следственных камерах здания чека того времени (их стены были почти метровой толщины).

Итак, лирический герой вспоминает дни своих величайших мук в Чебоксарах.

Что держу я, ладонь кровеня,
Рву, кромсаю вот этой строфою?
Это — Сеспеля сердце живое
Ещё бьётся в руках у меня.

Здесь лирический герой полностью сливается с автором — поэтом *Şeşñĕl Мишши*. Он, подобно Данко, вырывает свое сердце, но не для освещения дороги. Сердце вырывается из-за удовлетворения кровавых appetитов хозяев Голгофы. В другом стихотворении поэт открыто пишет:

Жизнь моя вся тебе отдана,
Вот и сердце принёс на блюде
С кровью свежей, [жри поклонясь],
[Это дар мой последний будет].

Лирический герой следует логике его противника: хочешь моего сердца — пожалуйста, жри его, но опомнись, к чему приведёт твой ненасытный аппетит.

Не герой лирический, а сам поэт *Şeşñĕl Мишши* принимает позу обиженного, считая, что в один из ненастных дней он смо-

жет «вытянуть ноги» (кәнса выртӑп). Перевод П.Хузангая значительно смягчён:

Псом ободранным буду искать
Чёрствый кус у плетня у чужого.
В стужу, в слякоть, без хлеба, без крова,
Буду по Шубашкару вздыхать.

Последние две строки дословно переводятся так: «В один из ненастных дней вытяну ноги | Из-за Чебоксар голодая и стоная». Здесь явно проглядывается мотив многострадальной Родины. Его сын, вдали от неё, страдает и хочет чем-то помочь ей; но, раздавленный голодом, может ответить лишь «стоном могильным» (сив масар йӑнӑшни):

Я голодный, и мира покой
Только стоном могильным нарушу.
Грузный жернов раздавит мне душу.
Да, такой я отныне, такой...

Как-то один биограф М.Сеспеля заметил, что активность поэта на работе сопровождался его надломленной поэзией, что в своём творчестве поэт перестал бороться за светлое начало. Конечно, это совсем не так. Поэт абсолютно не владел тактикой противостояния Добра со Злом. Он не критиковал зло, а, развивая его же логику, показывал тупиковость и противоестественность этого пути. В данном поступке преобладает логика прецедента, а не аргумента. Поэт не доказывает и не убеждает, а показывает и изображает. Для него важнее показ результатов состояния, но не бесплодные поиски их причин.

Поэт удачно использует в тексте нагнетающую градацию (суркалап, мамӑклап, какайлатӑп) и точные лексические повторы в строке (паянтан, паянтан, паянтан). Чёткий ритм (Ан3443) способствует эмоционально-интонационному нагнетанию анапестической стопы в строфе. Как уже было замечено, 3-сложные стопы наиболее естественны для чувашской стихотворной речи, ибо в них наименьшее количество пиррихия (пропуска метрического ударения в стопах).

Итак, в стихотворении ощущается усиливающаяся ритмическая волна, переходящая в нарастающую интонационно-эмоциональную напряжённость. Весомые стопы говорят о серьёзности эмоционально-психологического наплыва. Действительно, здесь нет борьбы разных ритмических фигур, здесь преобладает настрой убеждения, очень серьёзного и бесповоротного (на это указывает трёхкратное повторение ключевого слова «отныне» в конце стихотворения).

«Ёнер йӑвӑс пахчи кӑмӑлне...» (Лишь вчера в саду светла, ясна...) опубликовано в первом сборнике стихов М.Сеспеля (1928), оно написано на станции Бровары 9 апреля 1922 г. По

утверждению П.Чичканова, в тот день там выпал снег и вся зелень была укрыта им. Данная картина напомнила поэта свою судьбу, которая по воле Неба пошла по пути трагедии, беды всеобщей.

В поэтике М.Сеспеля киевского и остёрского периодов произошли кардинальные изменения, в том числе сменились и полюса противоположностей. Если раньше у поэта положительным полюсом было настоящее и будущее, то теперь им определялось вчерашнее, прошлое:

Лишь вчера в саду, светла, ясна,
Ликовала целый день весна.

Рано-рано, — вспыхнул лишь восток, —
Распустился алый мой цветок.

Под берёзою, укрывшись в тень,
Иволга звенела целый день.

Перевод П.Хузангая.

Следует уточнить перевод с оригиналом: у М.Сеспеля цветок не алого, а жёлтого цвета (*сар чечек*), что удачно сочетается с чувашским названием иволги (*сар кайӑк*). Вообще слово *сарӑ* в чувашском языке имеет много значений с разными именами существительными: *сарӑ хёр* (красная девица), *сарӑ каччӑ* (красавец-молодец), *сарӑ хёвел* (красно солнышко), *сар ывӑл* (так зовёт невестка младшего брата своего мужа) и. т.д. в подобных случаях чувашское *сарӑ* равнозначно русскому «красна(о)». В названиях цветка и птички *сарӑ* переводится как «жёлтый(ая)»: *сарӑ чечек* (жёлтый цветок), *сарӑ кайӑк* (досл.: жёлтая птичка, т.е. иволга). Здесь уместно еще раз напомнить, что любимой птичкой-певуньей в чувашском фольклоре является не соловей, как у русских и, очевидно, у соседей-татар, а лесная птичка *сарӑ кайӑк* (иволга). В стихотворении она сидит на ветке молодой берёзы, а не в тени, как показана в переводе П.Хузангая. Вспомним следующую строфу из стихотворения «Эп вилсен» (Как умру):

Пусть с рождением поэта
Каждого в стране
Прилетит с зарёю ранней
Иволга ко мне.

В языке символов поэта *сарӑ кайӑк* (иволга) — символ поэта, воспевающего жизнь. В таком значении он использован и в «Лишь вчера в саду, светла, ясна...». Поэт в аллегорической форме повествует о своей прошлой полнокровной весенне-светлой жизни. А сегодня?

А сегодня снег на клумбы лёг,
Под сугробом алый мой цветок.

Под берёзой иволги уж нет,
Замели метели даже след.

Строка в оригинале «Юр айёиче хёрлэ-сар чечек» дословно переводится: «Под снегом красно-жёлтый цветок». Почему цвет цветка изменился, не из-за того ли, что он, будучи тоже живым, окровавился? Мне представляется именно так.

Из перевода читатель вряд ли догадается, что в оригинале иволга не улетела, она вместе с цветком оказалась под холодным снегом. Последнюю строфу для заголовка я перевёл так: «Под сугробом иволга моя». Думаю, так понятнее. Подобно пташке-певунье, поэт сам оказался под тяжестью общенародной беды-голода. Он страдал не из-за себя, а из-за того, что помогать другим и избавить их от великих страданий не мог и не был в состоянии. Увеличиваясь как снежный ком, сострадание М.Сеспеля переходило иногда в безжалостное саморазрывание и уничтожение (вспомним предыдущее стихотворение).

Ритмическую структуру стихотворения следует разделить на две группы. В группе «вчера» (всего 6 строк) вырисовывается метр АнЗ, а в группе «сегодня» — ЯЗ+Ан1. Ритмически выраженная контрастность частей вполне сливаются с их интанационно-эмоциональным и содержательным смыслами.

Этим произведением завершается остёрский цикл стихотворений, сочинённых по-чувашки. Русскоязычные стихотворения ориентированы, всё же, на другого читателя. В них нет излюбленных образов поэта и привычных для него противопоставлений. Все они подписаны псевдонимом «М.Забытый». Очевидно, тем самым поэт подчёркивал свою ненужность обществу, прежде всего в деле национально-государственного строительства чувашского народа. Считал он себя забытым человеком не только в обществе, но и в дружбе и любви.

«На дне дня» впервые опубликовано В.Долговым в сборнике «Основоположник чувашской советской поэзии» (Чебоксары, 1971), автограф был прислан И.Григоренко перед своим арестом. Стихотворение первоначально было названо «Вечер». Но данное название автор зачеркнул и написал «День прочь», а потом выбрал окончательный вариант «На дне дня».

В рукописи имеется ряд исправлений автора. Третья строка первой строфы первоначально имела следующую редакцию: «Шепчет грусть в тишине: прости...» Потом снова «грусть в тишине» заменены выражением «кто-то во мне»:

Соловьиная синь и тишь.
В синей выси божия свечи.
Шепчет кто-то во мне: прости,
Мой зелёный, весенний вечер.

Шлю своё прости синеве,
Поутру мне проснуться рано.
Вот захлопнута жутью дверь —
И ещё день мой в вечность канул.

Лирический герой навеян грустью, он глубоко переживает уход очередного дня и озабочен очередным приходящим днём. Материалом создания образов и тропов здесь послужил русский поэтический мир с богатым опытом школ символизма и имажинизма. К примеру, чего только стоят образ ночной луны на небе («В синей выси божия свечи») и словосочетание «захлопнута жутью». Примеров таких резких и неожиданных столкновений, далёких друг от друга словосмыслов в чувашских стихах М.Сеспеля почти не имеется. Это является особенностью русскоязычной поэзии М.Сеспеля.

Лирическому герою нет особой причины радоваться приходящему дню, ибо его жизнь стала бесцельной, а работа — не имеющей смысла:

И зачем перед сном гадать...
Жизнь бесцельна штыком пронзёна.
Поутру побрести опять
В земотдел мне походкою сонной.

И в чернильнице сушью душа
Будет киснуть весь день, — и только
Мне в ответ целый день в ушах
Ремингтон будет скукой щёлкать.

Душа героя целый день будет киснуть в чернильнице без чернил (т.е. они закончились от большой писанины). Всё это (и оформление различных документов, и непрерывное щёлканье пишущей машинки «Ремингтон») стало для героя бесполезным, даже ненавистным занятием.

Загадкой для современного читателя является изображённая мостовая у окна кабинета героя:

Будут всё мостовой стучать
Нагруженных телег вереницы,
Лошади головой качать,
Понукаемые возницей.

Куда отправляется вереница нагруженных телег? Сев прошёл, нового урожая ещё нет. Думаю, здесь показаны обозы с собранным провиантом для беженцев с голодных губерний. Но это герою не приносит особой радости, потому что в газетах сообщают даже о фактах трупоедства среди голодных.

Трупоедством прожгут насквозь
Моё сердце строки в газете,
И застонет душа: «где гвоздь».
Жизнь свою затаянуть бы петлей.

Но дни будут идти, плестись,
На конце не поставишь точки.
Лишь в ушах вся истыкана жизнь
Ремингтона щелканьем чётким.

Душа героя, «прокисшая сущью в чернильнице», стонет от ужасов действительности и рвётся подальше от телесного существования. Здесь идея суицида продиктована порывом свободолюбивой души от раба-тела. Но душа привязана к телу, а последнее — к повседневной серости жизни.

Далее лирический герой называет другую причину прокисания своей души: чьё-то властное вмешательство грубо нарушило его юную жизнь.

Всё равно: не грустишь, грустишь —
Юность чьей-то пятой попрана.
Соловьиная ночь, прости:
Поутру мне подняться рано.

Главная идея стихотворения изложена в первых двух строках: жизнь юноши погублена безжалостно и грубо, из-за чего лирический герой потерял смысл жизни. Далее повторяется уже известные строки и мысли, в конце стихотворения кольцуется и возвращает читателя к его началу. (Данный приём сказки «про белого бычка» придаёт чувство бесконечности и нескончаемости).

Поплестись поутру в отдел,
Чтоб чернилами жизнь узорить.
Жизнь ты, жизнь моя, где же, где
Мёд твой стал нетерпимо горек.

Соловьиная синь и тишь,
В синей выси звёзд чётких свечи.
Сердце тихо звенит: прости,
Мой зелёный, весенний вечер.

Лирический герой обращается к своей кем-то «попранной» жизни: оно незаметно для него от сладости превратилось в нестерпимую горечь. Где же ещё, если не там, где юность героя «чьей-то пятой попрали»?

Ритмическая структура стихотворения поэтом построена таким образом, что 3-стопный анапест постоянно спотыкается (из-за слога-паузы) в конце строки, или даже в её середине. Образовывается неравномерный ритм, несущий себе неровный эмоциональный настрой. В последнем варианте названия стихотворения имеется мысль-медитация, овеянная трагедией молодого героя. Дно — это не только конец серых будней человека, но и завершение бессмысленной жизни. Конечно, начитанный читатель непременно вспомнит здесь и известную пьесу М. Горького («На дне»). Светлый ДеНь по разным причинам может обратиться в тёмное ДНО. Они взаимосвязаны не только аллитерацией...

«Жизнь моя, за каким холмами...» сохранилась в трёх редакциях. Самый первый вариант с некоторыми разночтениями опубликован Н. Вазянкой в журнале «Сунтал» (1927. № 8–9). В 1941 г. В.Усли в Чебоксары был выслан вариант-автограф с авторскими исправлениями. Там целиком зачёркнута четвертая строфа, не поставлены дата и место написания стихотворения, нет подписи автора. Из этого следует, что это лишь черновой вариант. Беловой вариант со всеми атрибутами прислал в Чебоксары И.Григоренко, а опубликовал данный текст В.Долгов.

В «Собрании сочинений» М.Сеспеля издания 1959 г. стихотворение опубликовано как неотосланное письмо А.Червяковой, при этом публикация сопровождалась им следующим комментарием: «По мнению Бекшанского, стихотворение посвящено А.А.Червяковой, которую поэт именуется «жизнью моей», и датируется временем, когда поэт жил в Чебоксарах или на Украине, т.е. в 1921–1922 гг., но стихотворение адресату отослано не было» (С. 319).

Против такого объяснения стихотворения выступила Н.Рубис, которая в письме П.Бекшанскому от 16 сентября 1962 г. писала следующее: «Можно только поражаться, какая сила была в Михаиле, чтобы преодолеть такую первую любовь! Никогда Михаил не возвращался уже к пройденному, теперь мне ещё яснее и глубже понятно «Жизнь моя, за какими холмами...» Года два назад, прочтя в книге НИИ, что это стихотворение истолковано, по Вашему предложению, как неотосланное письмо, я писала Стихану Антоновичу [...]: «Нет, это не письмо. Это глубина глубин его сердца прорвалась таким бездонно-тоскующим зовом. Здесь всё — Его личная жизнь, и в этом Его глубочайшая человечность. Вспомнить только, что пришлось пережить Михаилу Кузьмичу за последние годы, и мурашки бегут от этой мощи таланта — в одной строке закончить такой мир, такую бездну пережитого.

«Люди залезли мне в душу навозными ногами»... «Быть игрушкой в руках людей чёрствых, полных лжи. Быть предметом глумления, насмешек людей»... «Чувствую себя вконец бессильным пред людской ложью»... Всё разможжено, извлечено, искалечено в Его до нельзя впечатлительной душе, осталось одно дыхание, нет сил ни для крика, ни для слова...

ТИХИЙ ТЕНЬЮ, ПОБИТОЙ КАМНЯМИ...
НА РАСПУТЬИ СТОИШЬ БОСИКОМ.

Вот оно, это страшное распутье — к жизни или смерти. Куда двинутся истерзанные, обнажённые, босые, — значит опозоренные ноги?.. Юность, пылая кипучая юность встала обликом юной девы, безжизненной пургой клеветы и подлости... А жизнь сердца?

... «Рвал Ваши письма, сжигал, и, казалось, что рву и бросаю в огонь куски своего сердца»...

Что значит — приказать уничтожить письма? Это — разрыв, и сердце изорвано в куски, оно всё истекло кровью, всё обессилено:

**И УСТАМ ОБЕСКРОВЛЕННЫМ НЕЧЕМ
ПОЦЕЛУЕВ ОГНИ ВОЗЖИГАТЬ...**

Наталья Николаевна точно уловила настрой стихотворения: оно посвящено не любимой девушке, а своей личной, «побитой камнями» Жизни. «Мог ли Михаил Кузьмич, обращаясь к любимой, говорить об «упругих грудях» в физическом смысле?» — вопрошает поэтесса и сразу же отвечает: «Никогда. Он был слишком чист и целомудрен, чтобы так сказать. Это — образ Его юности, Его молодой, изувеченной, рассечённой ветром злобы, жизни, но никак не «письмо». И наперекор всему — Он жаждет ЖИТЬ, СТРАСТНО ХОЧЕТ ЖИТЬ, БЫТЬ ПЛАМЕННЫМ И КИПУЧИМ, КАК ПРЕЖДЕ».

Данный анализ Н.Рубис относила к внутреннему содержанию. Далее она писала о стихотворении следующее: «Одной из форм незапятнанной чистоты душевной Михаила Кузьмича было то, что он сберегал для каждого, с кем общался, только для этого человека предназначенный уголок своего сердца, только этому человеку отдавал и говорил то единственное, что роднило его с этим человеком и никогда не мог бы смешать эти уголки, никогда не сказал бы одному человеку то же, что сказал другому. И свято берег от посторонних вторжений эти, предназначенные только для одного грани своей необъятной души. Мог бы Михаил Кузьмич мне, совсем ещё мало знакомой девушке, читать письмо к своей НУСЕ? Никогда. Если это было бы письмом — оно было бы только для неё, и ни для кого другого. А это стихотворение Михаил Кузьмич прочёл мне первое, в самом начале нашего знакомства, он как бы вводил меня свой внутренний мир, знакомил меня с собой. Как я поняла этот стих — я писала в «Воспоминаниях»; и Михаил Кузьмич увидел, что ПОНЯЛА, мы чувствовали друг друга без слов, поэтому, после этого стихотворения, он читал мне другие, созданные им, читал без всякой настороженности или опаски, что будет не понят. Да, помнится, и Вам Михаил писал, что «эта «она» тонко чувствует поэзию», а на самом деле — я не так поэзию понимала, как Его самого. Этим стихотворением Михаил как бы подвёл итог своей личной жизни доостёрского периода» (НА ЧГИГН, отд. V, ед.хр. 991. Лл. 201 об. — 204).

В письме П.Бекшанскому от 23 сентября 1962 г. Н.Рубис конкретнее объясняет причину и время возникновения стихотворе-

ния: «А о «Жизнь моя» — спорить не будем никогда. Вы правы — сам Михаил Вам скажет но, что я ЗНАЮ — то ЗНАЮ. Даже больше — благодаря Вам, иногда и я отвлекаюсь САМА от СЕБЯ и начинаю на себя, Тогдашнюю СМОТРЕТЬ ЕГО ГЛАЗАМИ — и вот: вижу — как ясно очерчены разные периоды по времени внутреннего мира Михаила. И каждый — с подведением итога предыдущего и всё вперёд, снова — итог и вперёд. Может быть, когда-нибудь и узнается настоящая дата написания «Жизнь моя», но я чувю, что толчок к ней — была встреча со мной. И даже «распутье» — возможно, и пожалуй, это будет более верным — не к жизни и смерти, а к прошлому или будущему: к Нусе — назад, ко мне — вперёд... Пусть Михаил Вам скажет об этом сам» (Там же. Л. 217-217 об.).

Невозможно не удивляться глубокому предчувствию (чую!) и предвидению Наталии Рубис. Через несколько лет, уже после известной публикации В.Долгова, научная общественность узнала точную дату написания стихотворения: «27 мая 1922 г.» Это есть ещё одно доказательство в пользу ясновидческого дара подруги М.Сеспеля остёрского периода.

Приведу последний, датированный вариант стихотворения:

Жизнь моя, за каким холмами
Твой с уютною кровлею дом?
Тихой Тенью, побитой камнями,
На распутьи стоишь босиком.

Стан твой юный, медвяные плечи
Выпила непогода пурга,
И устам обескровленным нечем
Поцелуев огни возжигать.

И когда-то упругие груди
Рассекла ветра хлесткая плеть, —
Всё же... кто же меня, кто же нудит
Жгучей жаждой к тебе пламенеть.

.....
Жизнь моя! За какими холмами
Твой с уютною кровлею дом.
Тихой тенью, побитой камнями
На распутьи стоишь босиком.

Жизнь как особый образ у М.Сеспеля впервые возник, как уже было отмечено, в стихотворении, написанном два дня раньше: «Жизнь ты, жизнь моя, где же, где | Мёд твой стал нестерпимо горек». В данном стихотворении повторяется и мотив ароматно-сладкого мёда: плечи с запахом мёда выпила нежданная снежная буря. Здесь чётко вырисовывается картина динамики двух

состояний: раньше и теперь. В юной Жизни-девушки ничего привлекательного и заманчивого вроде и не осталось, но лирический герой к Ней всё же тянется «жгучей жадной». Здесь читатель находит ответ и на ситуацию в стихотворении «На дне дня»: жизнь человека, какой бы она не была, всё же великий дар неба, и достойна она большой и пламенной любви к ней.

Главная идея стихотворения вытекает из неразрешимого противоречия между Жизнью, достигший своего предела возможностей, и пламенного влюблённого в Ней Героя. Четвёртая строфа данного произведения автором не включена в последнюю редакцию из-за того, что её содержание выходит за рамки главной идеи. Вот она:

Жизнь моя! Синевой васильковой
Глаз твоих я к тебе пригвождён.
Взгляд их тянет всегда жгучим звоном,
Но когда, но куда кличет он.

Мотив глаз – отдельная деталь для создания совершенно нового образа, поэтому поэт убрал как будто несколько «выпячивающуюся» строфу. Через три дня он сочинил отдельное стихотворение, где его лейтмотивом стали глаза.

«**Выдуманным глазам**» впервые опубликовано в «Собрании сочинений» 1959 г. издания с копии автографа (оригинал, высланной В.Васькиным перед началом Отечественной войны, исчез бесследно). В комментарии издания 1999 г. ошибочно указано, что копию стихотворения разыскал В.Усли и прислал в Чебоксары из Киева. Там же неверно утверждается, что данное стихотворение впервые опубликовано в 1971 г. (в статье В.Долгова).

Анализируя роман Ю.Збанацкого «Сеспель», Н.Рубис высказала свой взгляд на стихотворение «Выдуманным глазам»: «У Збанацкого бывают такие неточности, какие неверно передают логический смысл. В данном случае – это вывод, завершение предыдущего: «Обещанное стихотворение о выдуманных глазах он написал. Написал шутя, как опыт (попытку), как пародию, но обещания своего подарить, так и не осуществил. На другой день выехал в сёла, а когда вернулся, раздумал. Наверное Десноу настроение...»

Вот и поставьте то, что вытекает. «Неповторимое» настроение не могло помешать подарить – разве не так? А если «раздумал», ещё после того, что сказал «постараюсь» и «покорно улыбнулся» – [...] то уж яснее ясного, что всё «очарование неземных глаз» улетучилось, как должно было быть по замыслу автора, чтобы осталось в неприкосновенности его «верное чувство» к А[настасии] П[етровне] (это тоже взято, несомненно, из книги НИИ, где «Жизнь моя, за какими холмами...» приведено как пример «верности» чувству к А.П.).

[...] Дальше — ПИШЕТ САМ СЕСПЕЛЬ — «Не в насмешку ли над собой Вас я песней терзанья создал» — разве автор вдумывается, разве автор прочувствовал, что кроется за этим «терзаньем», что значит — НАСМЕШКА над собой? Нет — он поверхностно хватает — ага, насмешка — готово, значит весь стих — это шутка, пародия, проба пера в имажинизме. Автор не знает, что до этой «пробы» были уже многие другие, и это далеко не «проба», а вполне зрелое произведение, очень высокое по мастерству поэтическому и глубине образов.

И, наконец, в первых воспоминаниях я упоминала о том, что мне удалось как-то вызвать у Михаила Кузьмича улыбку — вот автор и притащил сюда — как «покорную усмешку» — ну разве это не самая настоящая «ПАРОДИЯ»? (письмо Н.Рубис П.Бекшанскому от 4 апреля 1962 г.).

В другом, более раннем письме Наталия Николаевна выразила ту же мысль, но сжато и объёмнее, с точки зрения феномена творчества: «Сеспель творил не потому, что хотел писать стихи, а потому, что не мог молчать; его чувства, мысли независимо от его воли выкристаллизовывались и выливались в чеканной форме стиха — он был поэт. Поэт-новатор. Увлечение имажинизмом, соединённое с его невиданным талантом — в двух-трёх словах заключать целый мир, посредством образа — перерастало в такое творчество, какое иначе, как «РЕАЛЬНОЙ СИМВОЛИКОЙ» я не могу назвать.

Прошу Вас, Павел Иосифович, прочитайте ещё раз не спеша, вдумываясь в каждое слово, стихотворение «Выдуманным глазам», и скажите, что это — ПАРОДИЯ (при чём неизвестно даже, на что пародия), или это — страшная исповедь о ТРАГЕДИИ личной жизни? (Ведь сам он решил — ОНА НИКОГДА НЕ УЗНАЕТ...)» (письмо от 19 марта 1962 г.).

Итак, из приведённых писем у нас сложились определённые представления о взглядах Н.Рубис на стихотворение «Выдуманным глазам». Я полностью солидарен с поэтессой о трагедийно-исповедальном стиле произведения. Она права и в том, что данное стихотворение не есть «проба пера в имажинизме», оно не результат временного увлечения поэта. М.Сеспель шёл к созданию нетрадиционных «густых» образов начиная с чебоксарского периода.

Эпиграфом данного стихотворения служат следующие слова автора: «... *моей несравненной — Поэзии имажинизма...*» Эти слова являются неопровержимым доказательством того, что М.Сеспель особо интересовался этим литературным течением, возникшим в России в послереволюционные годы на основе исканий русского авангарда, в частности — футуризма. Поэтическая груп-

па имажинистов (от фр. и англ. image — образ) была создана в 1918 г. В.Шершеневичем, С.Есениным, А.Мариенгофом. В «Декларации» (1919) они провозглашали «единственным законом искусства, единственным *несравненным* (выделяя данное слово, я обращаю внимание читателя на сеспелевский эпиграф с аналогичной лексемой — *В.Р.*) методом... выявления жизни через *образ* и ритмику образов». На первый план имажинисты выдвигали не образ «как таковой», не слово-символ в его многозначности (символизм), не слово-название вещи (акмеизм), не слово-звук (кубо-футуризм), а СЛОВО-МЕТАФОРА, шокирующее новизной восприятия соединение отдалённых по звучанию предметов или явлений (пашня Нового Дня, жгучая жажда, поцелуев огни, соловьиная синь и тишь, божия свеча, зелёный вечер и т.п.).

Особое место в имажинизме занимал С.Есенин. Его «Ключи Марии» (1920) многие читатели воспринимали как очередной манифест имажинистов. Но именно в данном произведении великий русский поэт утверждал, что не победа над смыслом, а теснейшая связь образа с содержанием делает его органичным и полноценным. Истоком своей поэзии С.Есенин назвал народную словесность и обряд, а целью поэта — одухотворение вещного мира. В 1921 г. он, как умеренный имажинист, критиковал крайности коллег. В своей автобиографии «О себе» (1925) С.Есенин дал такую оценку имажинизму: «В 1919 году я с рядом товарищей опубликовал манифест имажинизма. Имажинизм был формальной школой, которую мы хотели утвердить. Но эта школа не имела под собой почвы и умерла сама собой, оставив правду за органическим образом».

Незадолго до этих слов С.Есенина имажинисты вынуждены были признать, что «малый образ» (слово-метафора, сравнение) должен быть подчинён образам высшего разряда — стихотворению как лирическому целому, «образу человека», сумме лирических переживаний, а характер — «образу эпохи», «композиции характеров» (А.Ревякина).

Близость творчества М.Сеспеля к есенинскому имажинизму можно уловить во многих его стихотворениях чебоксарского и южного циклов. Параллели обнаруживаются и в их самооценке (поэт есть пророк), поступках (сжигать себя для того, «чтобы ярче гореть»), творческом вдохновении (петь не голосом, а «кровью сердца», т.е. выливать в стихах свое непосредственное душевное состояние) и т.д. Они независимо друг от друга в поэзии создали совершенно новую (как продолжение христианства) религию любви и согласия (равенства), писали о Новом Дне и сеятеле, постоянно прибегали к мотиву распятия или к другой библейско-космической образности. Оба они своеобразно про-

тестовали против новой реальности России (С.Есенин: «На дорогах голодным ртом | Сосут край зари собаки», «Люди с голоду бросились в бегство... | И оскалилось людоедство»). К имажинизму, к их эстетике «увядания» М.Сеспеля привела сама реальность России 1921–1922 гг. В отличие от русского поэта, чувашская «иволга» развивала тему гибели чувашского края с его социально-политическими, национально-государственными и культурными правами. Все образы «я» в поэзии М.Сеспеля, хотя бы невидимыми нитями, но всё равно связаны с жизнью его родного народа. Во многих стихах «М.Забытого» незримо присутствуют забывшие своего кровного брата люди, вместе составляющие народ чувашский.

Вернёмся к стихотворению и прочтём его начальную строфу:

О глаза, любимые мной –
Тёмной сини две чёрные звёзды,
Не в насмешку ли над собой
Вас я песней терзанья создал?

Здесь лирический герой-поэт пишет не о глазах любимой женщины или девушки, как считают некоторые интерпретаторы (вспомним вычеркнутую строфу из стихотворения «Жизнь моя, за какими холмами...»). Поражает метафорический образ-сравнение глаз с двумя чёрными (!) звездами. Почему «чёрными»? Что хотел сказать этим нам поэт? Быть может, они – глаза самого М.Сеспеля? И насмешкой над собой действительно может явиться создание «песни терзания» о собственных глазах. В этих глазах автора стиха (читай: М.Сеспеля) Синяя Новь (непаханая земля) – глубь. Это образное изображение его романтической мечты о будущем:

В вашей глуби – как загляну –
Синей Нови цветут сирени,
И устами к цветам прильнув,
Пью из чаши я откровений.

Поэт открывает в неизвестных землях-далях вечные истины и пытается их донести до людей.

Но, любимые мною глаза,
Лишь я ваши синие дали
Вынес людям моим показать,
Тайны синь они осмеяли.

«Тайны синих далей» – это, на мой взгляд, более глубокий и аллегорический образ Новой жизни (более поверхностный – Новый День). Далее истинное значение «осмеяния» проясняется и их можно связать с конкретными биографическими фактами из жизни М. Сеспеля:

Оплевали глаза они,
Кладезь глаз, мною так любимых,

И ушёл, спотыкаясь от них
Я, ветрами полей гонимый.

«Оплевали» поэта, как известно, чебоксарские «безмозглые бараны» и «чиновники коммунизма». Гонимый ветрами полей, герой ушёл от этих мерзких людей (здесь следует подразумевать отъезд М.Сеспеля из Чебоксар в мае 1921 г.). За родиной (деревней), на чужбине-пустыре герой тоскует по родной земле, а разруха и голод (Ветер-разрушитель) крушат устоявшиеся жизненные порядки (небесную сень):

За деревней сел за плетень
И тоской пустырей заплакал.
... Ветер рвал небесную сень.
Выла в дальних полях собака.

У М.Сеспеля «плетень» символизирует чужбину, а «собака» — голод («Псом ободранным буду искать | Чёрствый кус у плетня у чужого»). Поэт в аллегорической форме изобразил своё положение и состояние в те остёрские дни.

В душе героя, несмотря на его публичное осмеяние и оплевывание, всё ещё теплится уголёк надежды. Поэтому он надеется, что на этот раз тайну синих далей люди увидят и полюбят:

Но любимые мной глаза
С той же тайной в меня глядели,
И хотелось опять показать
Людям их откровенья зелень.

Зелень откровения — это цветущий сиреневый сад в будущей Новой жизни. Поэт в своих глазах наяву видит воплощённые мысли-представления о будущей жизни людей.

Итак, анализ показывает, что в данном стихотворении М.Сеспель создал образ Пророка, призывающего людей к новой жизни, которую он предвещает и зрительно представляет. Но оплёванный людьми в глаза Пророк удаляется из Родины, тоскует и плачет по ней, но всё же надеется убедить народ о светлом будущем.

Стихотворение сочинено 3-стопным анапестом со многими слога-паузами, даже в ударенных местах. Всё это придает ритмической структуре стиха интонационно-эмоциональную неровность и прерывистость, что полностью сливается с идейным содержанием произведения.

«В солнечную Мань синева...» опубликовано В.Долговым без даты и места его написания. Вот его полный текст:

В солнечную Мань синева
Ветер Дерзанья меня вознёс,
Но сиянием жгучим высь
Растопила крылья воск.

И упал я в топкую глушь,
Где журчали все реки вспять.
Где мне в ухо дней плоских уж
Прошептал, что больше не встать.

И когда захотел я в даль
К синеве пешком идти,
Друг любимый меня послал
Торговать в кооператив.

О публикациях В.Долгова Н.Рубис отозвалась в письме П.Бекшанскому от 19 февраля 1979 г. так: «Теперь с полной уверенностью могу сказать, что это не «моя» тетрадка! Почему? Пишу по пунктам: [...] 4. В стихотворении «В солнечную Мань синевы...»: а) вместо *вознёс* было *унёс*; б) *Но сияньем жгучим высь Растопила крыльев воск* — не было: *Но шипеньем злобных уж Мне сказал, что туда не дойти* — было. Помню даже, что меня «царапало» то, что не было рифмы: *унёс — дойти*; в) *Ветер* — не было. Было *Ветр Дерзання* [...] 9. Ну, а *Друг любимый меня послал Торговать в кооператив* — это, конечно, после нашего разговора, где в меня «вселился бесёнок» — и я сказала в ответ на то, что ещё много нуждающихся — «как что делать — картошку, капусту сажать,... кооперативы организовывать» и т.д. (см. «Воспоминания»).

Как объясняет Наталья Николаевна, в «её» тетрадке никаких исправлений и поправок не было, «было всё написано очень аккуратно и чисто». Опубликованный В.Долговым текст является лишь первой редакцией стихотворения. В автографе есть исправление: в последней строке третьей строфы вместо слова «торговать» вначале было «излечиться». Отсюда следует полагать, что автор намеревался текст доработать и по этой причине не поставил дату и место написания.

В письме П.Бекшанскому от 12 января 1961 г. Н.Рубис пишет следующее: «Теперь мне особенно понятно и стихотворение «В солнечную Мань синевы...» — он его тоже в горячке написал — разве ж я посылала его «торговать» в кооператив? У меня слово «кооператив» было связано со словом «объединение» — я читалась в юности всяких утопистов ещё до института, и слово «кооперация» у меня было символом объединения и процветания, а Михаил Кузьмич считал, что в «кооперации» только торгуют, т.е. считал только, как потребительскую, вот и получилось, что «Друг любимый меня послал Торговать в кооператив». Но зато, зато я узнала, с замиранием сердца, о том, что я — любимый друг... Иначе никогда бы Михаил Кузьмич меня так не назвал бы» (НА ЧГИГН, отд. V, ед. хр. 991. Л. 65 об.).

По идейному содержанию стихотворение близко стоит к «Выдуманному глазам». Здесь герой, вдохновлённый ветром Дерзання (от слова *дерзать* — смело стремиться к чему-нибудь благородному, высокому, новому) возносится ввысь, в Мань (существительное образовано от глагола *манить* — звать, призывать, делая знаки рукой, взглядом и т.п.) синевы небесной. Подобно мотыльку (бабочке), бросающемуся в огонь, крылья героя (следует понять как крылья-дерзания), подобно воску свечи, растаптываются жаром солнца. Герой падает в топкую глушь, где «шипением злобным» (Н.Рубис) змея предсказала, что ему больше не подняться и не встать.

Всё пересказанное здесь относится к первой части стихотворения. Во второй части герой пытается «в даль к синеве (т.е. к Новому Дню) идти пешком, но любимый друг посылает в кооператив (в первой редакции *излечиться*, а во второй — *торговать*). Таким образом, кооператив уподобляется болоту, а «любимый друг» — злобно шипящему ужу. Получается, что зря радовалась Н.Рубис за слова «любимый друг». В стихотворении они имеют отрицательное значение.

Итак, в стихотворении «В солнечную Мань синевы...» М.Сеспель в аллегорической форме рассказал о своём первоначальном возвышении «ветром Дерзания» и резком падении в самое дно-болото. Змеи в болоте — это те, кто чувствует себя во всеобщей разрухе и голоде весьма уютно (торгаши, воры и т.п.). Но в первую очередь они напоминают людей, подобных на начало поэты (Н.Савченко), который всячески унижал своих подчинённых, попирав обыкновенные человеческие отношения. Но и любимый друг героя тоже оказался в их ряду, посылая его, стремящегося в новую романтическую жизнь (в даль к синеве), в прозаически-бытовой кооператив (в которых одни обманщики и наживающиеся на горе других торговцы).

Весьма оригинальна ритмическая организация данного стихотворения. В его первой части (первые две строфы) явно вырисовываются в строках две слоговые группы 4+4 со стопами X2+X1Я1. третья строфа (вторая часть) имеет несколько иную структуру: Аn1+Аn1Я1. Следовательно, разделение стихотворения на две части оправдывается не только на уровне образно-смысловой, но и ритмической организации. Сочетание разнообразных стоп делает ритм стиха неровным, не позволяющим их скандировать и бодро чеканить.

«Весна» впервые опубликовано В.Долговым в 1971 г., оно, судя по бумаге и чернилам, сочинено в одно время со стихотворением «Выдуманному глазам». Но по стилю повествования первое значительно приближено к эпическому: здесь нет яркого

субъекта-героя, повествование ведётся от третьего лица. Тут невольно вспоминается тип повествования «Пашни Нового Дня».

По воспоминаниям Н.Рубис, в «её» тетрадке стихотворение «Весна» было, но только в его первой части:

Под весенним солнцем, под лазурью синей,
Над зелёным миром песня вешних дней.
Светлая дорожка ясною долиной
Вьётся, исчезает в зелени полей.

Вдоль дорожки светлой, меж кустов зелёных
Рдеют, пламенеют цветники-огни.
Серебристой змейкой ручеек студёный
В зелень убегая радостью звенит.

Поэт здесь изобразил светлую картину солнечно-зелёной весны, но далее рисуется резко контрастирующая в природе картина:

Светлая дорожка, ясная долина...
По дороге тихо странники бредут:
Пахари Поволжья горе и кручины
В даль полей чужбины на сердце несут.
Лица почернели, губы посинели,
А в глазах потухших тёмной ночи жуть.
Рваные, босые, идут еле-еле,
Свесья безнадежно головы на грудь.

Без родного края, без родного крова
Голодом томимым идут и идут,
А весна пред ними шёлковым покровом
Жгучими цветами устилает путь.

Здесь красота Природы не входит в противоречие с изображением голодных беженцев с Поволжья. Красота весны сама по себе не зависит от состояния людей, она (весна) радостно встречает тихих странников, устилая их путь «жгучими цветами». Но последним, по беде оказавшимся в чужом краю, голодным и ободраным, не надо этой весенней красоты. Голодный человек, как поэт и сам писал в письмах к друзьям из Киева, не может наслаждаться красотой, ему не до искусства. Такую главную идею вложил М.Сеспель в своё стихотворение «Весна».

Ритм стихотворения наложен на метрическую структуру Х6, имеется сквозная цезура после шестого слога: 6+6. в результате получается плавно-мелодичный ритм с чёткими слоговыми группами, что полностью совпадает со стилем размеренного повествования автора.

«[...] путь сумеречных скитаний...» опубликовано В.Долговым в 1971 г. Автограф хранится в НА ЧГИГН (отд. V, ед.хр. 808), написано на обороте листа со стихотворением «На дне дня». Без

даты и места написания, что указывает на незавершённость произведения. Можно предполагать, что оно начато после 25 мая 1922 г. Начала первых двух строк отсутствуют (бумага разорвана), чьей-то рукой к началу первой строки внесено слово «Долгий». Г.Ф.Юмарт считает, что там было слово «Далёкий». Фактически выпало не менее двух слов по структуре ударений U-U-U, а во второй строке — одно слово со структурой U-U (сохранился безударный второй слог: *dem*). Вот предполагаемый данный вариант строфы:

[U-U долгий] путь сумеречных скитаний
[U-]дет пустырём тоскующих полей,
Тоскую о тебе, щеках твоих румяных
И голубях твоих девических грудей.

К сожалению, в первых строках отсутствуют глаголы, поэтому нелегко понять смысл данной строфы. Попробуем создать ассоциативный ряд образов: путь сумеречных скитаний + пустырь + тоскующие поля + тоска: о тебе + румяных щёках + голубях-грудей. Первые образы связаны с лирическим героем, далее он высказывает свою тоску по девушке «в кумачовом платке».

У серого плетня на солнце твоя песня
Мелькнёт, и пропадёт кумачовый платок.
Но не заглянешь ты зарёй в мой угол тесный,
И в сердце тихий плач о розовости щёк.

И шепчет вечер мне, что рук твоих сплетенья
Мне шею не ожгут, лелея на плече,
И на пути мои[x] степных и скорбных теней
Не плеснешь никогда зарницею очей.

Герой-скиталец (на его пути остались лишь степные тени) тоскует по девушке своей мечты, он горько жалеет о том, что та певунья в кумачовом платке не заглянет к нему в спальню, не сплетут её руки плечи героя и не ожгут ему шею. Вполне может быть, что стихотворение посвящено конкретной девушке, с которой поэт мечтал быть в близких отношениях. Той девушкой «у серого плетня» могла оказаться любая молодая девушка, промелькнувшая перед поэтом, она могла быть и обобщённым образом украинской красавицы.

Стихотворение показывает, что М.Сеспель мог писать и безусловно писал интимно-лирические стихотворения (вспомним его письма А.Червяковой, в которых немало таких произведений). Но в них показан не праздный и ликующий герой, он постоянно страдает, изливает свои чувства, а в последнем — грустит и тоскует, представляет предел своих возможностей. Тот скиталец оставляет за собой лишь скорбные тени и знает о том, что та промелькнувшая певунья никогда не посмотрит на него

влюблёнными глазами. Это — тоска по любви, грусть о любви и, безусловно, воспоминания бывшего «тихого плача» сердца.

Уместно здесь вспомнить другое стихотворение М.Сеспеля, написанное о любви, боли и бесконечных страданиях (его опубликовал Н.Вазянка в 1927 г. в газете «Канаш»):

Пусть гляжу глазами мытаря,
Пусть на душе гадов грязь, —
Нет, никогда мне не вытравить
Из сердца глаз твоих власть.

Пусть ты даль непостижимая,
Пусть надломлен мой шаг, —
Хочу, чтоб была выжжена
Болью о тебе душа.

Некоторые биографы поэта полагают, что стихотворение посвящено А.Червяковой и оно сочинено предположительно в 1920–1921 гг. Учитывая некоторые образы («на душе гадов грязь», «надломлен мой шаг»), следует передвинуть границы возможного сочинения с 1920 г. на февраль–декабрь 1921 г., допустимо и более позднее написание. Здесь главное не дата, а сама позиция поэта на настоящую любовь, которую он не менял до самой смерти.

«Родной аул давно уж мне отлял...» впервые опубликовано в книге П.Чичканова «Кавар чёре» (Огненное сердце, 1965. С. 276). Четверостишие разыскано Петром Николаевичем среди деловых бумаг на обороте листа:

Родной аул давно мне уж отлял;
Прощальной и пронзительной тоской
Бреду один, бреду из края в край я,
Кому, кому теперь я не чужой?

Здесь повторяется мотив чужого края, который является антитезой Родины, родного края. Чувствуется обиженность героя на свой «родной аул» (этим словом поэт подчёркивает своё нерусское происхождение, которого в селе некоторые знали как «татарчука»). Написано ровным 5-стопным хореем, навеивающим грустную лиричность и задумчивость.

«Мой любимый, любимый Нуль...» разыскано П.Чичкановым в Черниговском госархиве и опубликовано в 1987 г. («Молодой коммунист», 19 ноября). Произведение не закончено, оно, очевидно, относится к самым последним творениям М.Сеспеля. По воспоминаниям Н.Рубис, в одном стихотворении Михаила Кузьмича были такие строки: «На, жри, — жизнь свою подношу тебе на блюде...» Как пишет Наталья Николаевна, то стихотворение начиналось словами: «О священное — р-р-растрелять».

Мой любимый, любимый Нуль,
Ненавистный ты мой, проклятый.

Не твою я Тщету люблю ль,
Не тобой ли жизнь распята?

В словаре С.Ожегова слово *нуль* объяснено так: «3. перен. О ничтожном, незначительном человеке». Словосочетание *сводиться к нулю* имеет следующее переносное значение: «превращаться в ничто». Сеспелевский Нуль — это образ самого поэта, «бывшая десятка (10), потерявшая палку (0)». Здесь подразумеваются этапы его подъема в начале и падения в конце жизни. Для поэта свой образ одновременно является любимым и ненавистным, проклятым. Тщета Нуля — это бесполезность, суетность Ничто, т.е. самого поэта. Именно он распял свою жизнь.

Жизнь моя вся Тебе отдана,
Вот и сердце принёс на блюде
С кровью свежей, [жри наклоняясь], —
[Этот дар мой последним будет].

Последняя строка в оригинале зачёркнута, но её новой строкой поэт не успел заменить. Конец третьей строки восстановлен приблизительно, частично по воспоминаниям Н.Рубис.

Здесь явно прослеживается раздвоение поэта на телесно-материальную и духовно-идеальную субстанции. В этом видении Нуль — это видимая и легкоуязвимая часть человеческой целостности (только она может «жрать» и удовлетворять свои животные потребности). Самого себя лирическое «Я» относит, скорее всего, к началу духовной, чем телесной:

Бросил сколько в твою я пасть
Смертных ран, проклятых болей.
Жались уста желаньем проклясть,
Сердце билось в призывном боле.

Мне же, распявшемуся к Ничто
Неизбывной и извечной Тщетой,
Ты плевал мокротой [прочной]
Мне в ответ на искания [срочно].

Ты ж моё, ты ж моё Ничто,
Лишь язык мне всегда показыв[ал]
И прочей пустой Тщетой,
Нуль мой, Нуль...

Лирический герой как духовное начало распялся к Ничто (Нуль), т.е. телесно-низменному бытию. Главная идея произведения мне видится в противоречивости человеческой души и его тела. Поэт сам принадлежит к бессмертной духовной субстанции, подобно бесплотному духу Отца, а тело его тленно-звериное, пожирающее самого себя.

Итак, мы подошли к вопросу психологическо-поведенческой мотивации последнего поступка М.Сеспеля, называемого суицидом. Здесь же должны определить причины и истоки его трагедии.

Н.Рубис, которая была рядом с поэтом в последние дни его жизни, назвала Сеспеля *Великим Страдальцем*: «Великий Страдалец — не боюсь я этого слова потому, что он верно отражает Его жизнь. Ведь личная жизнь Михаила Кузьмича — непрерывная цепь страданий — от болезни, от голодовок, от клеветы злостной, чудовищной, от трагедии его любви... и от многого ещё». Да и поэт сам сознавал, что вся его жизнь будет развиваться на основе Страдания «Страдание — закон моей жизни», — признавался он А.Червяковой в письме от 27 апреля 1921 г.

В жизни М.Сеспеля Страдание было таким цементирующим началом, которое привело его одновременно к трагическому концу и поэтическому бессмертию. Именно умение страдать сделало его поэтом. Переживая и страдая, он не замыкался в себе, наоборот — «чем больше сам мучился, тем больше любил людей. И готов был свое последнее отдать, лишь бы другим помочь» (Н.Рубис).

Идя по пути Великих Страданий, он шел к Большой Трагедии — к разрыву идеалов от действительности. Проследим это на короткой, но полной противоречивости жизни М.Сеспеля.

Самым дорогим и любимым человеком для М.Сеспеля был его отец. Но эта любовь обратилась в трагедию: отец стал невольным убийцей своего же брата. Сыновнее чувство двенадцатилетнего мальчика тогда вошло в противоречие с нравственностью и гуманизмом.

Второй удар ему был нанесен со стороны матери: она разрушила идеалы верной жены...

Третьей трагедией для М.Сеспеля была неудачная первая любовь. «Он так мало видел женщин, — вспоминала А.Червякова в письме к Пакрышню от 12 марта 1923 г., — что моё появление в глухом городке не прошло незаметно. Нам часто пришлось встречаться, он был очень впечатлителен, а я, я хорошо и чутко относилась к нему. Он не встречал в своей жизни того, чтобы к нему относились хорошо, и я первая, кому он был благодарен за хорошее отношение; потом благодарность его ко мне перешла в благоговение, и он стал меня боготворить».

Четвертой трагедией поэта была его болезнь. Вот что записал он в свой дневник 12 ноября 1921 г.: «Какая космическая трагедия — сознавать, когда хочется, чтобы сердце звучало миллионами вечно-блаженных мелодий великого, восторженного счастья строительства, борьбы, счастья от любимой женщины, —

сознавать, что тело твое разлагается, как у трупа, и нечем его остановить...».

Следующей трагедией М.Сеспеля являлось расхождение его идеала коммунистической нравственности с нравственностью окружающих его людей. Впервые вплотную с этим он столкнулся в Чебоксарах, когда увидел элитарную жизнь некоторых советских чиновников и бюрократов. Именно они возненавидели и оклеветали поэта за честность и бескомпромиссность. Вот что писал сам поэт по этому поводу в письмах к А.Червяковой от 15 апреля 1921 г.: «Быть игрушкой в руках людей — черствых, полных лжи. Быть предметом глумления, насмешек людей!.. Как жизнь проста. Никакой тайны нет в жизни. Все так плоско». Читаем дальше: «Бюрократия нарушителей своей морали метит очень утонченно. Но я горд тем, что бюрократом никогда не был. Такая тоска. Ни одного ведь человека — близкого, родного. Выезд из города мне воспрещён... Все окружающие меня чиновники «коммунизма» надоели мне до тошноты».

Противоречие идеала М.Сеспеля с действительностью углубилось в киевский период его жизни. «Из твоих писем вижу, — писал поэту его украинский друг К.Турган 21 декабря 1921 г., — что ты начинаешь нервничать и хмуро глядишь на жизнь и на людей, тебя окружающих. Ты хочешь, чтобы вокруг тебя все идеализировали жизнь, так как ты идеализируешь и предполагаешь...».

А действительность тогда была страшной.

В то время у поэта ничего не осталось от романтического, которое наблюдалось еще в Крыму. Он смотрел на жизнь уже глазами вышеописанных умирающих голодных. Он потерял надежду на Равноправие, Свободу. У него рушились идеалы Революции. «Опять нищета одних и богатство других, — разочарованно писал он Ф.Пакрышню. — Где луч света, который бы осветил мои мрачные кошмарные дни. Как тяжело, как трудно».

Он считал себя в этой суровой действительности совершенно одиноким: «Федя! Не забывай меня. Я один на свете. На чужой стороне — не забывай меня. Будь мне братом. Тогда мне легче будет переносить мои страдания. Раньше я не подозревал о существовании такой жизни».

Он считал себя всеми забытым, подписав этим словом свои новые стихи — «М.Забытый». Но поэт наложил на свою жизнь руку не за это. М.Сеспель осознал, что не в силах он изменить ход, событий голодной весны 1922 г. По воспоминаниям Н.Рубис, поэт говорил ей, что он «всегда найдет в себе силы самому уйти из жизни», если «станет грузом». Будучи инструктором переселенческой комиссии, таким грузом он почувствовал себя в

последний раз 15 июня 1922 г. Происшествие, которое потом описал очевидец, стало самой последней каплей этой тяжести: «Свистельник А.Г. был в кабинете завуземотделом Савченко Нестора, когда туда зашел Михаил Кузьмич и стал рассказывать, что он видел на дороге чувашку с двумя детьми, гибнущую от голода, только что приехавшую и ещё нигде не устроенную — стал просить помочь ей хлебом. Савченко отказал, тогда Михаил Кузьмич говорит: «Отдайте им мой паёк, я распишусь в получении», а Савченко на него ещё и накричал, и тогда Михаил Кузьмич бросился из кабинета, а на следующее утро его нашли уже мертвым».

Это фольклорный вариант гибели чувашского поэта. Фактически Савченко набросился на своего подчинённого из-за помощи украинским же беженцам, при этом ещё угрожал тюрьмой, тут же освободил его с работы.

М.Сеспель просил хоронить себя без гроба, «как собаку». Этой жестокостью по отношению к себе он утверждал революционную справедливость. Самоубийство для поэта — это не выражение его слабости, а форма протеста против несправедливости, последний способ борьбы. Вспомним общеизвестную страшную традицию чувашей — *туншар*, когда несправедливо обиженный, не найдя другой формы самозащиты, вешался на воротах своего врага. Подобные люди ради торжества справедливости лишались жизни.

Сеспель протянул руку умирающим голодным, но оказался бессильным помочь им. И вот он ради торжества Справедливости дает последнее, что было у него самым дорогим — свою жизнь. Мы должны осознать, что в смерти своей М.Сеспель также велик, как велик был в жизни.

Сеспель был убеждён, что, уходя из жизни самовольно, он тем самым бросает себя с «моста», завещая остающимся спасти Новую жизнь. По словам Н.Рубис, М.Сеспель оставил посмертную записку такого содержания: «Товарищи, рабочие, железная пята нэпа наступила на горло рабочего класса. Революция в опасности. Спасайте Революцию».

Поэт не считал себя последним могиканом и верил в победу Справедливости и своих идеалов. Его трагедия была оптимистической.

Теперь о суициде. Как показывают наблюдения специалистов, общими для рациональных самоубийств является встроенность их мотивировок в характерные идеалистические реальности, в которых обычно живут сознания подобных людей. Для совершения такого поступка, как суицид, необходимо серьёзное волевое усилие. Это не проявление слабости, а demonstra-

ция того, что подобный человек находится в жутком разладе с собой, ненавидит себя, окружающий мир. Такое состояние было, как известно, и у М.Сеспеля (вспомним его последнее стихотворение).

Своим разумом, умом поэт тянулся к жизни, но подсознание в форме импульсивных экспрессий и настроений диктовало совершенно другое – безвыходность ситуации. Очевидно, данное качество ему передано по отцовской генетической линии. Разум у М.Сеспеля жутко ненавидел удовольствие любой плоти, в особенности своей. Разлад разума с собственной плотью в экстремально-взрывных условиях может разрешиться путем насильственного «освобождения» (по мнению самоубийцы) святой души от тленно-грешной плоти. Своим трагическим поступком М.Сеспель ответил жесткому вызову суровой действительности в годы всеобщей разрухи и страшнейшего голода. Всю боль голодных, обескровленных страдальцев он взял на себя, пропустил через своё сердце и душу. Своим последним поступком он ни перед кем не провинился и не перестаёт быть для нас великим СТРАДАЛЬЦЕМ и ПОЭТОМ. Без страдания не было бы сеспелевской поэзии, а без его бессмертных творений забыли бы и самого поэта. Всё взаимосвязано и одно вытекает из другого. Мы обязаны любить М. Сеспеля в его цельности, без отдельных оговорок и исключений. Пророки не только предсказывают, учат и ведут, они в нужное время и уходят... чтобы возвратиться в обновлённом облики. Сын Земли и Неба вновь среди нас – своих соплеменников и всех сторонников будущего общества РАВЕНСТВА, БРАТСТВА И СВОБОДЫ людей и народов мира.

ВЗГЛЯД НА ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ

(Вместо заключения)

В истории любого народа есть переломные эпохи или периоды, когда он вырабатывает новые парадигмы для своего дальнейшего достойного существования. Иногда такие переходы из одного состояния в другое занимают целые века, а чаще на подобные вызовы истории приходилось находить ответы на ходу. В таких экстремальных ситуациях выдвигались из гущи народа отдельные личности и вели они свой народ к Новому Дню. Их обычно называют Пророками-предводителями, которые, ради спасения народа, терпят всеобщее унижение и презрение безумной толпы, истязание на «Горе Страданий», но, наконец, становятся святыми и учителями народа.

В истории болгаро-чувашей на Волге первым таким лидером из черной массы был Вырых, который повёл народ против насильственной исламизации социальных верхушек (922 г. н.э.). Именно с тех времен идёт общенародная клятва чувашской молодежи перед своими родителями и предками: «Ваттисен йӓлисене пӓрахмастпӓр, сӓнӓ йӓла-йӓрке кӓлармастпӓр» (Обычаи своих предков не забудем, новых обрядов не принимаем). В те века главным определителем этноса была религия с её разнообразными обрядами и мифологией.

Наступило Новое время с его эпохой Просвещения. Свои средневековые парадигмы сменили многие европейские народы, очередь подходила и к малым народам колониальной Российской империи. К тому времени основная их часть находилась в состоянии двоеверия, в том числе и чувашский народ. Уже девиз Вырыха и его верных последователей последующих веков перестал быть объединяющей силой для народа, которого насильственно разделили на огнепоклонников (истинных чувашей — *чӓн чӓваш*) и православных (чувашей крещённых — *крешӓн чӓваш*).

На новый вызов истории первым отозвался молодой чуваш «с могучим сердцем» Иван Яковлев, который выдвинул соответствующий эпохе девиз: «Чӓваш та сынах» (И чуваш такой же человек). Из девиза формировались вопросы первоначально чисто просветительского содержания (почему у русских и татар есть школы с родным языком обучения, а у нас нет? Почему у нас нет своей литературы, своего театра и т.д.), а в дальнейшем и социально-политического (почему в чувашских сёлах работают незнающие языка мирян и учеников священники и учителя? Почему у чувашей нет кораблей, банков, своего правительства и т.д.).

В начале XX в. обнаружили некоторые изъяны яковлевс-

кой парадигмы. В частности, великого просветителя стали обвинять за его лояльность к ассимиляционным процессам и предпочтение религиозного начала в школьном образовании. Обвиняли его и в политической консервативности. Требования эти диктовались самой действительностью. Появилась острая необходимость в новом Пророке. И он пришел. Это был СЕСПЕЛЬ.

В начале 1918 г. никому еще неизвестный Сеспель от своего имени опубликовал программу действия наиболее продвинутой части чувашского общества. Уже тогда он провозгласил идею «Чăваша чăваш чĕлхи кирлĕ» (Чувавам необходим чувашский язык). Данную мысль М.Сеспель в 1920 г. изложил более чётко и объёмно: «Чăваш чĕлхи ячĕпе пур(ĕ) те пĕр пулар» (Во имя языка чувашского да будем все едины). Он понимал данный девиз как единение народа в своём государственном образовании со своим государственным языком.

В советское время из Сеспеля создали бронзовый образ революционера-коммуниста, призывающего «по своим костям» идти в светлое будущее коммунизма. Но прогрессивная часть чувашской интеллигенции не забывала сеспелевский девиз XX в. Народный поэт П.Хузангай обновил его аббревиатурой «ЧЧ», которая означала «Чăваш чĕлхишĕн» (За язык чувашский). Она звучала во многих застольях чувашской интеллигенции во времена застоя, а в 80-е гг. вылилась наружу. Молодое поколение в печати стало открыто критиковать власть за её античувашскую политику, оно под именем М.Сеспеля проводило многочисленные акции в защиту родного языка и культуры. Именно в те годы перестройки многие чуваша поняли, что новым их Пророком является *Çĕçнĕл Мишиши*, который во имя народа и его языка добровольно шёл на Гору Страданий. Народ пошёл за новыми лидерами в начале 90-х гг. XX в., невзирая на всяческие препоны «коммунистических бюрократов», избрал своего первого президента.

Совсем недавно мы вошли в новое тысячелетие. Наступает эпоха глобализации и унификации уникальных культур народов мира. Чувашский язык включён ЮНЕСКО в число исчезающих языков... На фоне этих изменений вразы актуализируется девиз М.Сеспеля с призывом единения народа во имя сохранения его неповторимой культуры и уникального языка.

Этносоциальные, этико-эстетические и художественно-поэтические принципы, выработанные Пророком-Сеспелем, составляют современную парадигму развития чувашского общества. Для того, чтобы наш народ выжил в условиях XXI в., мы обязаны, должны идти по тому пути, который привел бы наш народ к Новому Дню, в царство равенства, братства и свободы.

Вперед, к СЕСПЕЛЮ!

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА СЕСПЕЛЯ

1. Книги

- Збанацкий Ю.О.* Сеспёл. Роман. — Шупашкар: Чăвашиздат, 1963. — 488 с.
- Иванов Н.* Поэт хавалё: Документлă очерк. — Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1984. — 60 с.
- Сеспёл Миши.* Вулкансене пĕлсе тăма/Н.П.Прокопьев пухса хатĕрленĕ. — Шупашкар, 1962. — 23 с.
- Чичканов П.Н.* Кăвар чĕре: Сеспёл Миши Украинăра: библиографилле роман-хроника. — Шупашкар: Чăвашиздат, 1965. — 284 с.
- Сироткин М.Я.* М.К.Сеспель: (Очерк жизни и творчества). К 50-летию со дня рождения. — Чебоксары: Чувашгосиздат, 1949. — 42 с.
- Сироткин М.Я.* Михаил Сеспель: (Очерк жизни и творчества). — Чебоксары, 1969. — 43 с.
- Основоположник чувашской советской поэзии / Сборник статей. К 70-летию со дня рождения М.Сеспеля. — Чебоксары, 1971. — 264 с.
- Иванов Л.* Тăм ўкнĕ ир: новеллăсем. — Шупашкар: Чăваш. кĕн. изд-ви, 2008. — 111 с.

2. Статьи (на рус. яз.)

- Васянка Н.* Мои встречи с поэтом // Красная Чувашия. — 1939. — 24 ноября.
- Данилов Д.* Сеспель — новатор: К 40-летию со дня рождения // Красная Чувашия. — 1939. — 24 ноября.
- Григоренко Н.* Волнующая дружба: Очерки о последних днях жизни классика чувашской советской поэзии М.Сеспеля // Красная Чувашия. — 1947. — 18 мая.
- Мизин Г.* Новые материалы о Сеспеле Миши // Красная Чувашия. — 1947. — 13 июня.
- Ухсай Я.* Сеспель Миши и чувашское стихосложение // Красная Чувашия. — 1947. — 15 июня.
- Эсхель А.* Певец возрожденного народа: К 25-летию со дня смерти поэта // Красная Чувашия. — 1947. — 15 июня.
- Дмитриев В.* Новые материалы о Сеспеле Миши // Красная Чувашия. — 1949. — 10 ноября.
- Кузнецов И.* Певец чувашского народа // Лит. газета. — 1949. — 19 ноября.
- Певец чувашского народа: К 50-летию со дня рождения Михаила Сеспеля (Кузьмина) // Лит. газета. — 1949. — 19 ноября.
- Сироткин М.Я.* Жизнь и творчество Сеспеля Миши // Красная Чувашия. — 1949. — 16 ноября.
- Сироткин М.Я.* Творчество Михаила Сеспеля // Сироткин М.Я. Очерки истории чувашской советской литературы / Под. Ред. М.И. Фетисова. — Чебоксары, 1956. — С. 111-135.
- Григорьев А.* Детские годы поэта Михаила Сеспеля // Дружба. — 1956. — Кн. 6 — С. 120-123.
- Горский С.П.* Некоторые особенности языка и стиля Михаила Сеспеля // Уч. зап. ЧНИИ. — Вып. 18. — 1958. — С. 86-105.
- Сироткин М.Я.* Михаил Сеспель: Критико-биографический очерк // Сеспель М. Собрание сочинений. Т.1. / Сост. Н.Ф. Данилов. — Чебоксары, 1959. — С. 9-32.
- Титов Г.* Новые материалы о М.Сеспеле // Сов. Чувашия. — 1961. — 8 июля.
- Иванов Н.И.* Новое о Михаиле Сеспеле: Напечатаны извлечения из 20 документов, которые рассказ. о деят-ти М. Сеспеля в различные периоды жизни // Уч. зап. ЧНИИ. — Вып. 21. — 1962. — С. 328-347.
- Бекшаниский П.* Слава и гордость чувашского комсомола: О первом комсомольце, поэте М.Сеспеле // Сов. Чувашия. — 1968. — 27 авг.

- Великому Чувашину: С юбилейных торжеств в Чебоксарах // Лит. Россия. — 1969. — 21 ноября.
- Рубис Н.Н.* Юность моя неповторимая: О М.Сеспеле // Сов. Чувашия. — 1969. — 14 ноября.
- Хузангай П.* Миллона чувашей певец: К 70-летию М.Сеспеля // Лит. Россия. — 1969. — 14 ноября.
- Александров А.М.* Революция и идейный мир писателя: М. Сеспель и С.Чавайн // Уч. зап. ЧНИИИ. — 1971. — Вып. 51. — С. 257-264.
- Артемьев Ю.М.* Некоторые элементы революционного романтизма в поэзии М.Сеспеля // Уч. зап. ЧНИИ. — 1971. — Вып. 51. — С. 163-170.
- Владимиров Е.В.* О некоторых типологических связях творчества М.Сеспеля и поэтов «Кузницы» // Уч. зап. ЧНИИ. — 1971. — Вып. 51. — С. 145-150.
- Волков Г.Н.* Педагогические идеи в творческом наследии Сеспеля // Уч. зап. ЧНИИ. — 1971. — Вып. 51. — С. 137-145.
- Горский С.П.* Язык и стиль Михаила Сеспеля // Уч. зап. ЧНИИ. — 1971ю. — Вып. 51. — С. 86-97.
- Григорьев А.Г.* Сеспель Миши — художник // Уч. зап. ЧНИИ. — 1971. Вып. 51. — С. 245-256.
- Долгов В.А.* Неизвестные прижизненные произведения Михаила Сеспеля // Уч. зап. ЧНИИ, 1971. — Вып. 51. С. 206-213.
- Иванов Н.* Сеспель на Украине: О новых документах о М.Сеспеле, найденных в Черниговском обл. гос. архиве // Молодой коммунист. — 1971. — 21 сент.
- Иванов Н.И.* О стиховой системе М.Сеспеля // Уч. зап. ЧНИИ. — 1971. — Вып. 51. — С. 73-85.
- Одюков И.И.* Фольклорные традиции в творчестве М.Сеспеля // Уч. зап. ЧНИИ. — 1971. — Вып. 51. — С. 52-72.
- Петров Н.П.* Языковое новаторство М.Сеспеля // Уч. зап. ЧНИИ. — 1971. — Вып. 51. — С. 97-116.
- Чернов М.Ф.* Фразеологизмы в произведениях Сеспеля // Уч. Зап. ЧНИИ. — 1971. — Вып. 51. — С. 214-233.
- Збанацкий Ю.* Мы — не из легенды: Размышления о М.Сеспеле / Пер. с укр. А.Тонкель // Звезда. — 1972. — № 11. — С. 150-186; — № 12. — С. 146-192.
- Артемьев Ю.М.* На подступах к новому творческому методу: Творческие искания Сеспеля и формирование принципов соц. реализма и чув. сов. лит-ре 20-х годов. // Уч. зап. ЧНИИ. — 1975. — Вып. 59. — С. 163-174.
- Тимофеев В.* Председатель ревтрибунала: О Сеспеле Миши // Дружба. — 1978. — № 30. — С. 120-128.
- Волков Г.* Просветитель-трибун: К 80-летию со дня рождения М.Сеспеля // Сов. Чувашия. — 1979. — 14 ноября.
- Дмитриев А.* Сеспелевские дни // Сов. Чувашия. — 1979. — 16 ноября.
- Долгов В.* Нареченная мать: О нареченной матери М.Сеспеля — Ефдокии Федоровне Пенской, сумевшей сохранить рукописи М.Сеспеля // Молодой коммунист. — 1979. — 15 ноября.
- Емельянов А.* Поэт с пламенным сердцем: К 80-летию М.Сеспеля. // Лит. газета. — 1979. — 16 ноября.
- Емельянов А.* Призванный революцией: К 80-летию М.Сеспеля // Сов. Россия. — 1979. — 16 ноября.
- Збанацкий Ю.* На земле украинской // Сов. Чувашия. — 1979. — 16 ноября.
- Иванов Ип.* Поэт дерзновенной мечты: К 80-летию М.Сеспеля // Молодой коммунист. — 1979. — 2 окт.
- Калещук Ю.* Восемь слов: К 80-летию со дня рождения М.Сеспеля // Дружба народов. — 1979. — № 9. — С. 285.
- Канюков В.* Поэт-новатор: К 80-летию со дня рождения М. Сеспеля // Сов. Чувашия. — 1979. — 30 окт.

Латыпов Г. Сеспелевские дни в республике // Сов. Чувашия. — 1979. — 14 ноября.

Пакрышень Ф. Н. «Я есть гражданин Республики...»: К 80-летию М. Сеспеля // Сов. Чувашия. — 1979. — 16-18 сентября.

Петров К. Таэр и Сеспель: К 80-летию со дня рождения М. Сеспеля // Молодой коммунист. — 1979. — 25 окт.

Станьял В. Остерские встречи // Сов. Чувашия. — 1979. — 29 июля.

Чичканов П. Сеспель в моей жизни // Молодой коммунист. — 1979. — 15 ноября.

Петров Н. П. Роль М. Сеспеля в становлении литературных норм ударения // Актуальные проблемы чувашской литературы. — Чебоксары, 1983. — С. 94-103.

Волков Г. «Что-то от Сеспеля есть в каждом из нас...»: О просвет.-пед. идеях М. Сеспеля // Дружба. — 1984. — № 1. — С. 227 — 233.

Вражкин А. А. Сеспель в моей судьбе // Молодой коммунист. — 1984. — 15 ноября.

Хузангай А. Огненное сердце // Молодой коммунист. — 1984. — 15 ноября.

Давыдов-Анатри В. Михаил Сеспель в воспоминаниях родных // Дружба. — 1986. — № 1. — С. 182-205.

Чичканов П. Черниговские находки: Новые документы о жизни и творчестве М. Сеспеля. Публикуются впервые // Молодой коммунист. — 1987. — 19 ноября.

Сеспелевский форум творческой молодёжи Урала и Поволжья: Слово участников форума // Молодой коммунист. — 1988. — 17 ноября.

Родионов В. Г. Любовь и разлука: Письма Анастасии Червяковой Михаилу Сеспелю // Молодой коммунист. — 1989. — 27 пар.

Родионов, Виталий. Энергия, воплощённая в слово // Сеспель М. Собр. соч. — Чебоксары, 1989. — С. 8-45.

Хузангай, Атнер. Поэт как demiurge // Сеспелевский форум творческой молодёжи Урала и Поволжья.

Поэтика Сеспеля: Материалы регион. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения М. Сеспеля (22-23 нояб. 1989г.) / НИИ ЯЛИЭ при СМ ЧАССР. — Чебоксары, 1991.

Родионов В. Г. Реформа Сеспеля // Чуваший стих: Проблемы становления и развития. — Чебоксары, 1992.

Юхма М. Миллиона чувашей певец // Песнь о Чувашии. — Чебоксары, 1995.

Бекшанский П. Рассказы о Сеспеле: Новеллы, воспоминания, письма, размышления. — Чебоксары: ЧГИГН, 1999.

Кузьмин Г. Брат мой огнекрылый: Воспоминания. — Чебоксары: ЧГИГН, 1999.

Рубис Н. Н. Встречи с Сеспелем: Воспоминания, стихи, письма. — Чебоксары: ЧГИГН, 1999.

Наш Сеспель: стихи, проза, статьи и письма М. К. Сеспеля. Воспоминания о поэте. Посвящения: сб. — Чебоксары: ЧГИГН, 1999.

Метин П. Сатирическая струя в творчестве Сеспеля // Народная школа. — 2000. — № 1.

Фёдоров Н. Подвиг и трагедия поэта и гражданина // Народная школа. — 2000. — № 1.

«Мильоном стих мой повторён» // Выдающиеся люди Чувашии. — Чебоксары, 2002. — Т. 1.

Афанасьев П. Сеспель, в сердца стучащий // Земля любви. — Чебоксары, 2002.

Артемов Ю. М. Михаил Сеспель // Чуваший литература. — Чебоксары, 2003.

Родионов В. Г. Михаил Сеспель // Чуваший литература (1917-1930-е гг.). — Чебоксары, 2008.

ОГЛАВЛЕНИЕ

О книге	3
Глава I. Предки поэта. Шихазанский период	
жизни и творчества	5
Дети полей и лесов	7
Род Угиля из Казаккасов	11
Язычник Варлан, исцелитель Мигулай и его дочь Угахви	26
Первые трагедии Миши	56
О Шихазанском периоде творчества поэта	75
Глава II. «Как хорошо вспомнить Тетюшскую жизнь...»	79
Тетюшская семинария — детище чувашской идеи	79
«Промчавшаяся в вечность лазурность юных лет...»	86
О друге юности Сеспеле	108
В огне борьбы и безответной любви	129
Глава III. Чебоксарский период жизни и творчества	162
О феномене М.Сеспеля	162
Поэт в памяти шубашкарцев	172
О чем говорят документы и письма?	192
Реформа письменного стиха	218
«Надеждой сердце жаркое пылало...»	226
Глава IV. «Все мои промыслы лишь о родной стране своей...»	259
В стране солнца и цветов	260
«Заледенел цветок надежды светлой...»	289
«Под сугробом иволга моя...»	312
Взгляд на тысячелетие	378
Литература о жизни и творчестве Михаила Сеспеля	380

Виталий Григорьевич Родионов

СЕСПЕЛЬ – ЦВЕТОК ЗЕМЛИ И НЕБА

(О жизни и творчестве великого
чувашского поэта Михаила Сеспеля)

Подписано в печать 05.10.2009. Формат 60x84/16.
Гарнитура Times. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Физ. печ. л.24. Тираж 200. Заказ №177.

Отпечатано в типографии ИП Сорокина А.В.
“Новое Время”.
428034, г. Чебоксары, ул. Мичмана Павлова, 50/1.
Тел.: (8352) 41-27-98, 46-43-46.

200. 2

